

К 63
С 25

СЕДЫЕ ДЕТИ ВОИНЫ

СЕДЫЕ ДЕТИ ВОЙНЫ

**Воспоминания
бывших узников
фашистских концлагерей**

*Издание второе,
исправленное и дополненное*

Калуга
2003 г.

ББК 63.3(2)622

С28

Составитель *Л.И.Ермолюк*

Редактор *Н.В.Зиновкина*

Дизайн и верстка *Е.И.Фридгельм*

Выражаем сердечную благодарность всем, кто не остался равнодушным к нашему желанию издать книгу воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей, проживающих сейчас на калужской земле. В этой книге будет храниться память о погибших в годы страшной войны. Она посвящается нашим детям и внукам.

Благодарим Калужскую областную администрацию; Калужскую городскую администрацию; Обнинскую городскую администрацию; администрацию Жуковского района; администрацию Тарусского района; администрацию Сухиничского района; сотрудников Госархива Калужской области: Л.И.Сапожникову, Н.В.Зиновкину, О.М.Петрову; директора Калужского музея Красного Креста Л.И.Харченко; сотрудника Калужского отделения Российского детского фонда В.Н.Фридгельм, а так же предприятия и частные лица, оказавших материальную помощь в издании нашей книги: ЗАО «Калужский Мясокомбинат, членов Людинового отделения БМУ, членов Калужского областного совета БМУ: Л.И.Ермолюк, В.Н.Филатову, Г.И.Кузнецову, Л.А.Ищенко, З.П.Кузнецову, В.И.Тихонова, П.Т.Воронцову, Е.Н.Михайлова, Е.П.Четверикову, А.Р.Рябых, В.С.Портнова.

Совет областной организации БМУ.

С28 Седые дети войны: Воспоминания бывших узников фашистских концлагерей. — Калуга: Издательство «Фридгельм», 2003. — 408 с.

Эта книга — дань памяти погибшим в фашистских концлагерях в годы Великой Отечественной войны.

Страницы воспоминаний бывших узников переносят нас в те страшные годы и дают возможность пережить их вместе с ветеранами.

Издание второе, исправленное и дополненное.

ББК 63.3(2)622

ISBN 5-902387-04-3

© Л.И.Ермолюк, составление. 2003 г.

© Издательство «Фридгельм»,
оформление, верстка. 2003 г.

ДЕТЯМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ,
ИХ ВНУКАМ И ПРАВНУКАМ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Знаю, помните вы, не забыли
Хату детства и небо над ней,
Как в войну нас фашисты губили
За оградами концлагерей.
Все мы видели, все испытали —
Голод, холод, побои и страх,
К голым нарам порой примерзали
Малыши с сединой на висках.
В синяках все избитое тело,
Ужас боли в потухших глазах.
За грехи, что начальство имело,
Нас фашисты сжигали в печах.
Вместе все, мол, намного смелее,
Нас так мало осталось в живых,
Самых дружных должны быть дружнее
И родней даже самых родных.
Песен правды о нас не сложили,
Не слагали правдивых стихов,
И дороги к вершинам закрыли
Малышам, не имевшим грехов.

*А.В.Родина,
узница
концлагеря Алитус.*

К читателям

Эту книгу писали дети 40-х годов. Тяжелым катком прошла Великая Отечественная по маленьким, незащищенным душам. И они — последние свидетели той страшной войны, что унесла 27 миллионов человеческих жизней.

В каждой строке этой книги — частица конкретной судьбы, детство, опаленное большой бедой и непомерными страданиями. Тысячи наших маленьких соотечественников были заточены в концентрационные лагеря, угнаны в рабство, кто с родителями, а кто и поодиночке. Они несли свой тяжелый крест — ни в чем не повинные, лишены самой радостной поры — детства. Непосильный труд и болезни, голод и холод были спутниками детей. Над ними глумились, проводили медицинские эксперименты, брали кровь. У них отнимали самое святое — родных, Родину, будущее. Это невозможно забыть и невозможно простить.

После освобождения, вернувшись на Родину, они прибавили себе по два-три года и пошли восстанавливать разрушенное войной хозяйство, поднимать из руин города и поселки, сельское хозяйство. Поэтому у наших узников самый большой трудовой стаж и самое низкое образование.

Наше Калужское областное отделение Российского Союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей было создано Калужским областным отделением Советского детского фонда им. В.И.Ленина в 1989 году в г. Людиново на первой учредительной конференции. Был избран областной совет и председатель.

Начали создаваться городские и районные отделения Союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Возглавили отделения:

Калужское городское — Окружной Л.И.,
Жиздринское — Ерохина Л.И.,
Обнинское — Ермолюк Л.И.,
Людиновское — Пастушенко В.А.,
Кировское — Морозюк П.Я.,
Дзержинское — Ерохин М.В.,
Хвастовичское — Салажонкин В.К.,
Думиничское — Рябова А.А.,
Жуковское — Никитичева А.Е.,
Балабановское — Писарев П.И.,
Малоярославецкое — Тихонов В.И.,
Медынское — Ермакова В.Е.,
Козельское — Павлова К.С.,
Юхновское — Мельников В.И.,
Сухиничское — Рудакова О.С.
Ульяновское — Харчевникова Т.И.

Это чуткие, внимательные, бескорыстные люди, которые чужую боль пропускают через свое сердце. Не считаясь со временем и здоровьем, они приходят на помощь другим: ведут организаторскую работу в отделениях, прием узников в организациях, помогают департаментам социальной защиты населения, участвуют в разных комиссиях, проводят мероприятия с бывшими узниками. Инвалиды и одинокие находятся у них под особым наблюдением.

Накануне нового 2001 года в издательстве «Фридрих» вышла книга воспоминаний узников фашистских концлагерей «Седые дети войны». Авторами книги стали 81 бывший узник фашизма. Книга написана так, как виделась и запомнилась Великая Отечественная война бывшим детям войны. Никакой правки корреспондентами не допускалось. Этим она и дорога.

— 22 июня 2001 года в День памяти и скорби в Калуге на площади Победы был установлен первый памятник узникам фашизма в Калужской области, и осенью на Международной конференции в Минске председатель Международного движения Владимир Васильевич Литвинов в своем выступлении сказал: «В нынешнем году на центральной площади в Калуге вырос замечательный памятник узникам фашистских концлагерей. Рождение его — дело ума и сердца энтузиастов, участников нашего движения из старинного российского города на берегах Оки, возглавляемых Людмилой Ивановной Руденковой-Ермолюк. Она буквально бредила, жила идеей памятника, преодолевая сложившиеся препятствия на его пути к людям. И в таком состоянии находилась не один год. Мы хотим сказать Людмиле Ивановне огромное спасибо за горение, за настойчивость, за одержанную победу, за прекрасный след на земле».

— Средства на памятник собирали по всей области. Появился камень, к которому можно прийти и поклониться нашему прошлому.

— В том же 2001 году энтузиастами — членами Жиздринского отделения бывших малолетних узников фашистских концлагерей у Вечного огня был установлен памятник узникам фашизма и высажена 31 голубая ель.

— В 2002 году в торжественной обстановке на День Победы кировчане установили памятник жертвам нацизма.

И, наконец, в моем родном городе Обнинске осенью 2002 года, как из пепла, поднялся памятник узникам фашистских концлагерей, как символ памяти, увековечив память 11 миллионов погибших в концлагерях, в которых было уничтожено 800 тысяч детей. Вечная им память!

От души мы благодарны нашим спонсорам — мэру г. Обнинска Миронову Игорю Михайловичу, депутату Законодательного Собрания Дроздову Виктору Федоровичу, генеральному директору СМУ-2 Адомсону

Александрю Августовичу, техническому директору Грошеву Владимиру Валентиновичу и их коллективу. Благодарны главам администрации городов и районов, членам нашей организации и народному художнику России Белову Валентину Михайловичу, его сыну, члену Союза художников Белову Дмитрию Валентиновичу, за их золотые руки. Это они воплотили нашу мечту в камне, изготовили памятники узникам фашистских концлагерей в Калуге и Обнинске.

Годы летят стремительно. На смену нам пришло новое поколение людей, выросших под мирным небом. Для всех поколений и для каждого конкретного человека оно оплачено страданиями миллионов и должно быть сохранено ныне живыми.

*Ермолюк Л.И.,
председатель Калужского областного
совета БМУ фашистских концлагерей.*

От редактора

В марте 2000 г. в Государственный архив Калужской области обратилась председатель Калужского областного Совета бывших малолетних узников фашистских концлагерей Л.И.Ермолюк. Совет в ходе подготовки к изданию книги воспоминаний бывших узников встретился с необходимостью выяснить время оккупации Калужской области, количество насильственно вывезенного немецко-фашистскими войсками населения, названия сожженных деревень...

К сожалению, вопросы, заданные нам, и для нас остаются до конца невыясненными. Самая большая трудность заключается в том, что Калужская область была образована 5 июля 1944 г. и, таким образом, во время оккупации территории ее районов относились к разным областям. Госархив не располагает цельным комплексом документов, позволяющих ответить на все возникающие вопросы. Тем не менее мы составили «Список районов, составляющих Калужскую область, с указанием времени немецко-фашистской оккупации» (*Приложение 1*), «Список сожженных деревень» (*Приложение 2*). Нужно только оговориться, что сведения наши не являются исчерпывающими. Количество угнанного населения до сих пор неизвестно точно. В докладной записке секретаря Калужского обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) от 18 декабря 1945 г. называется цифра 233663 человека, но и эта цифра, по всей вероятности, не является окончательной.

Мысль принять участие в подготовке текстов воспоминаний к опубликованию возникла после того, как было получено согласие совета на передачу подлинников воспоминаний на постоянное хранение в Госархив. Воспоминания бывших малолетних узников — уникальный источник по истории Великой Отечественной войны. Публикуются воспоминания в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Какая бы то ни было редакторская правка не проводилась. Исключение составляют только те воспоминания, которые воспроизводятся по газетным публикациям. Это воспоминания А.М.Мельникова, С.В.Крылова, О.Ф.Сомкиной, В.М.Николашиной, Д.С.Борисова, И.П.Майорова, Л.И.Петровой.

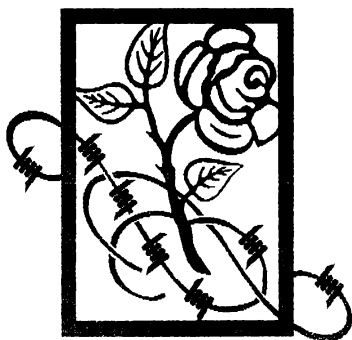
Несколько воспоминаний представляют собой заявления в Госархив, УФСБ по Калужской области, органы соцзащиты населения о выдаче справок о насильственном угоне: А.К.Исаевой, Н.М.Лесиной, Н.Н.Пи-

гарева. Воспоминания М.Е.Лавринович записаны с ее слов; об А.И.Лукашковой рассказывает племянник.

Часть воспоминаний имеет заголовки. Некоторые заголовки авторские, другие даны Л.И.Ермолюк. Под авторскими заголовками опубликованы воспоминания С.А.Герасимовой, Л.И.Ермолюк, Л.И.Ерохиной, Д.С.Ивлева, Г.Я.Ивченко, Л.А.Ищенко, П.М.Кухара, И.И.Петухова, А.М.Сагаровского, А.И.Капусткиной, Е.Г.Ларичкиной, А.Г.Никитичевой, В.В.Николаевой, В.Д.Самариной, К.И.Юплановой, А.П.Безобразовой, М.В.Ерохина, Г.И.Кузнецовой, Е.Е.Гуркиной, С.Д.Ерохина, О.Б.Заверняевой, П.И.Писарева, В.И.Тихонова.

Материалы систематизированы в алфавитном (по фамилиям авторов) порядке.

*Редактор
Н.В.Зиновкина.*

УЗНИЦА ОСВЕНЦИМА № 61827

Адамова (Ященко) Надежда Антоновна
1932 г.р., ур. д. Ходорово Витебской обл. (Белоруссия), проживает в г. Мещовске Калужской обл.

Война — всенародная беда. И это общеизвестная истина. Но если ее так понимают взрослые, то дети... У нас свое восприятие мира: чувственно-цветное. Радость — это мягкие добрые руки мамы, тепло солнца, зелень травы. У беды совсем другие цвета — серо-черные, холодные и голодные, и постоянное ощущение страха, боли, которые таятся в глазах и в движениях, в стремлении стать незаметной, невидимой, как бы закрыть глаза — тогда зло обойдет тебя, не увидит. Это чисто детское желание убежать, спрятаться, закрыть глаза. Только разве убежишь от памяти, от сегодняшней жизни? Память, горькая, страшная, всплывает в ночи, когда я, закрыв глаза, засыпаю после долготрудного рабочего дня, после домашних забот. Говорят, что с годами к человеку вновь приходит детство: казалось, многое забылось, стерлось, но потом по каким-то неясным законам психики реальные события детских лет всплывают в представлении так четко, ясно и правдиво, словно на киноэкране прокручивается заново твоя жизнь. Порой эти воспоминания так навязчивы и остры, что я словно заново переживаю все то, что было в детстве. И больно заходится сердце, и страх подступает к горлу, и фары проезжающей по ночной улице машины кажутся мне прожекторами, ударяющими снопами света по темному барaku, и комната наполняется запахом гари, запахом пепла сожженных людей.

Наша деревня Ходоровка до войны жила обыденной жизнью Белоруссии — Белая Русь. Край, где

каждый четвертый, а по последним данным, каждый третий погиб в годы Великой Отечественной войны. А сколько судеб покорежено ею — этого не подсчитать.

Наша семья жила, как все сельчане, в труде, заботах о будущем дне, о детях, которых было трое. Старшая Екатерина уже невестилась, средняя — я, только пошла в школу. А самый младший, оттого и любимый всеми, сынок еще не сходил с материнских рук.

Польша от Витебской области — рукой подать, там уже хозяйничали фашисты. Втихомолку крестьяне говорили о том, что не миновать войны и у нас. Эти догадки и предположения строились на житейских наблюдениях. Но велика была вера в то, что Сталин не допустит войны, а если и случится она, то обойдется малой кровью.

Витебск уже горел со всех сторон, когда по радио было объявлено о начале войны. В Ходорове передовые части противника не задержались — промчалась по сельской улице колонна немецких мотоциклистов и скрылась, оставив после себя густое облако июньской пыли. Короткой передышки между 22 июня и первыми числами июля, когда вражеские войска окончательно обосновались в этих местах, хватило на то, чтобы мужчин в деревнях не стало: кто ушел в армию, кто примкнул к отступающим частям советских войск, кто ушел в лес — ведь именно в Белоруссии начали организовываться первые партизанские отряды в этой войне. Папа как ушел на фронт, так и сгинул. И только 30 лет спустя через военный архив я узнала, что папа погиб, защищая Родину, в 1944 году.

Старшая сестра Катя ушла в партизанский отряд. Оставшиеся старики, дети и матери прятались в лесу, так как молва доносила о зверствах фашистов: там всю деревню спалили, там повесили для устрашения на сельской площади партизан, там выпороли стариков за непослушание. Жизнь становилась страшной и непонятной.

Как прожили год — плохо помню. Мама ругалась, если мы от дома далеко уходили. Потом, помню, мы бежали в лес, хотели спрятаться, но туда пришли немецкие солдаты с собаками и всех нас посадили в большие грузовики и куда-то повезли. Это было время, когда начали жать рожь, а мы, детвора, помогали взрослым. Мне было 9 лет, многого не понимала, но детская память, как губка, все впитывала.

Забрали сельчан в чем они были, не дав никому взять ничего из вещей. Братик на руках у матери сильно плакал, я не выпускала из кулака материнский подол юбки. Привезли нас в Витебск, к вокзалу, куда подъезжали машины и сгружали очередную партию людей. Крик. Плач. Встречались родственники из разных деревень, обнимались, рыдали, будто понимали, что прощаются навсегда.

Когда народу собралось много, толпу под охраной солдат и собак повели к составу, стоящему на дальнем железнодорожном пути. Прикладами, тычками затолкали всех в крытые товарные вагоны и повезли в неизвестном направлении. Народу было в вагоне столько, что полежать не было возможности. Даже сидя некуда было протянуть ноги. Но чем больше дней ехали, тем становилось просторнее: умирали в первую очередь дети, расставались с жизнью взрослые. Сколько дней ехали — неизвестно. Часто останавливались где-то в тупиках, давая дорогу эшелонам, идущим на восток. От духоты, грязи, голода, плохой воды (пили даже ту, что паровоз спускал на остановках как отработанную) многие не могли реально воспринимать происходящее с ними — были как в забытьи.

Наконец-то дорога закончилась. Привезли нас в Польшу, и какое-то непривычное название маленького городка — Освенцим — сразу врезалось в память. Большое пространство окружено колючей проволокой, а там длинные здания — бараки. Но сначала всем выдали по куску ткани — полотенце, остригли наголо и повели в баню. В предбаннике каждый должен был пройти болезненную процедуру выкалы-

вания номера на руке. Нумеровали всех подряд, даже грудных младенцев. Мой номер 61827. Когда повели в баню и тушь начала размываться, я закричала: «Ой, мама, смоются циферки и мне снова сделают больно». Не смылись. Так и остались до сих пор. После бани все получили черно-серые полосатые куртки и штаны. На куртку надо было пришить кусок ткани с номером, который был вытатуирован на руке. Так и пошло: вместо имени остался номер.

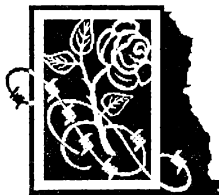
Длинный барак, трехэтажные нары, затхлый воздух. Я после того, как нас остригли и переодели в полосатые робы, не узнавала своих односельчан и даже маму первое время узнавала только по рукам — ласковым, добрым. Почти полгода я жила в бараке с мамой, которая по утрам вместе с другими уходила на работу — мостили дороги. Иногда мама рассказывала мне, что на карьере встретила родную тетку, а однажды, плача, говорила о том, что сюда же привезли и Катю — старшую сестру. Держали ее в отдельном бараке — «для бандитов», то есть партизан. Ни Катю, ни тетю Надю я не видела. Нам строго запрещалось покидать барак. Но ребяташки забирались на нары и смотрели в оконца на свет, на солнце, на снег. Деревьев поблизости не было. Кругом голо и серо. И какой-то неприятный запах дыма. От него першит в горле и щиплет глаза. Постоянно хотелось есть. Особенно голодно стало после того, как маму перевели в другой барак. Братик к тому времени умер. Вши, клопы кишели между досками нар, от укусов чесалось все тело. Одежда была одна на все времена года — полосатая роба. В лагерь приходили поляки из местных — брали подростков на сельхозработы. Я была мала ростом и, чтобы казаться повзрослее, поднималась на цыпочки, подкладывала кирпичи под ноги — иногда удавалось обмануть хозяина. Убирали картошку, морковь, свеклу — можно было съесть незаметно. Иногда хозяин давал нам молока, картошки вареной — в лагерь приносить ничего не разрешалось.

Трудно сказать, когда это случилось: сначала мне сказали о смерти брата, потом о смерти сестры, а потом о том, что маму сожгли в крематории. О том, что здесь сжигают людей, я уже знала. Знала потому, что многих из деревни перестала встречать. Но когда узнала о смерти мамы — упала в беспамятстве. Очнувшись в лазарете. Сколько там пролежала — не помню. Мне стало все безразлично и даже не страшно. Раз нет сестренки, братика, мамы, то зачем мне жить? Последующие дни прошли как в тумане — не осталось в памяти ни горя, ни боли, словно застыла в твердой оболочке души, а ноги, руки двигались сами по себе. Даже холод и голод ощущались не так остро, как раньше. Ела машинально баланду — суп, который выдавался один раз в сутки, выпивала стакан чая, подкрашенного травками. Не замечала, как менялись вокруг меня лица знакомые на другие — незнакомые.

Очнувшись только в 1945 году, когда лагерь освободили войска Первого Белорусского и Первого Украинского фронтов. Чем-то близким и родным, давно забытым повеяло на меня, когда заросший дядька поднял мое худенькое тело, прижал к гимнастерке и плакал, что-то говоря на родном белорусском языке. Вот тогда и я словно проснулась, заплакала. Помню, как кормили нас печеньем, конфетами, кашей, как взрослые мужики искали детскую одежду, чтобы снять с нас ненавистную полосатую робу. Это было уже похоже на ту жизнь, которую я знала раньше.

Освобожденных детей из Освенцима принял детский дом в Киеве. Я училась до 16 лет. После Победы семьи старались соединиться, найти родных, разбросанных по всему свету. Хотелось найти своих родственников и мне. Но в нашу деревню Ходорово мало кто вернулся: кто сгинул в концлагере, кто погиб на войне. Отыскала двоюродного брата, повидалась с ним. Только в белорусской послевоенной деревне прокоротиться трудно было. Я пошла в люди самостоятельно. Сначала жила в прислугах в Литве, потом пере-

шла работать вольнонаемной в воинскую часть. Вышла замуж. Мужа перевели в Калужскую область. Так я оказалась в Мещовске Калужской области, который стал для меня домом, приютом и малой родиной.

ВСПОМИНАЮТ СЕСТРЫ

Андрюхина (Голыжбина) Прасковья Игнатьевна

1931 г.р., ур. д. Авдеевка Хвастовичского р-на Калужской обл., проживает в г. Балабаново Боровского р-на

Павлючкова (Голыжбина) Мария Игнатьевна

1936 г.р., ур. д. Авдеевка Хвастовичского р-на Калужской обл., проживает в д. Лапшинка

Когда началась война, наш отец Игнат Максимович, 1910 года рождения, ушел на фронт, а мы с мамой Евдокией Ефимовной (1910 г.р.) и тремя братьями — Ильей (1943 г.р.), Петром (1938 г.р.) и Владимиром (1940 г.р.) остались дома в деревне Авдеевка Хвастовичского района Калужской области.

В мае 1943 года немцы выгнали нас сначала в лагерь Бежица, а позже погнали до Брянска. Там посадили на платформы и привезли в лагерь Режица (Белоруссия). Лагерь был обнесен колючей проволокой и охранялся немецкими солдатами с собаками. Жили мы в бараках. Кормили нас баландой, взрослых заставляли работать. Освободили нас советские войска в декабре 1944 года. Когда мы приехали домой, в деревне все дома были сожжены, погреба и колодцы взорваны. Бабушка с дедушкой, приехавшие раньше нас, выкопали погреб, в котором мы и поселились.

Отопления не было, было сыро и холодно, просыпались мы, покрытые инеем. Опухали от голода. Переболели чесоткой, тифом, корью, скарлатиной и другими болезнями.

Так мы существовали в то время.

СПАСЕННЫЕ СЕМЕРО ДЕТЕЙ

Андрюшкова (Крысенкова) Галина Яковлевна

1938 г.р., ур. с. Слобода Хвастовичского р-на, проживает в Боровском р-не

В эвакуацию нас погнали немцы в 1943 году летом из села Слободы Хвастовичского района Калужской области (Орловской). Немцы гнали и из Жиздринского, Ульяновского районов в Белоруссию через Брянскую область. Пригнали в город Бежица. Здесь молодежь отобрали и повезли в Германию, а нас повезли на Белоруссию. Место лагерей не помним: Бобруйск, Красное и Касино, Барановичи... В каждом лагере немцы забирали семьи, у кого трое взрослых и одиночное детей. А у нашей мамы (Крысенкова Анна Алексеевна, 1911 г.р.) было четверо детей: Вася 1935 года рождения, Тома 1937 года рождения, Галя 1938 года рождения, Катя 1941 года рождения. Таких семей, у кого дети и старики, оставляли в лагерях, но рано утром немцы из лагеря угоняли на работу. В лагере оставались одни дети и совсем немощные старики. А поздно вечером пригоняли с работы в лагерь.

Кормили один раз в сутки. Привозили в лагерь и давали на каждую семью (баланду). Еду наливали старики в каски, в котелки, в гильзы (посуды никакой не было). Нам, детям, давали немножко, а берегли к вечеру родителям, когда тех пригоняли с работы.

Страшный голод, холод был зимой 1944 года. Трехъярусные нары с железной сеткой и тряпки, у кого какие остались. Нам очень помогла тетя Дуся из Ульяновского района. У нее было трое детей (Лида, Коля, среднюю не помню). Она каким-то образом во время работы ухитрялась побираться, а вечером вместе со всеми возвращалась в лагерь. Они с мамой, как сестры, вместе спасали нас, семерых детей. К весне 1944 года мы, маленькие, все пятеро, заболели, волочились только старшие Вася и Лида. Мы были синие, опухшие и с нар не сходили. Старики, дети просто вымирали, никто ни с кем ни о чем не говорил, только смотрели.

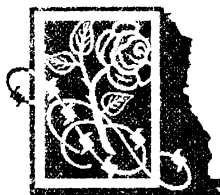
А тут весной, каким образом, не знаю, из лагеря нас, маму и тетю Дусю отдали помещику. Он нас поселил в сторожевую хатку с русской печкой. Мама и тетя Дуся у него работали от зари и до зари, а Вася и Лида пасли у них скот. Вечером мама с тетей Дусей приносили молока и хлеба, мы чуть окрепли. И тут мама и тетя Дуся узнали, что от немца освободили Калужскую область, и они засобирались домой.

В Слободу вернулись в августе 1944 года, вся сожжена, ни домика, только церковь осталась. Это все рассказывала мама (она умерла в 1970 году), а сама ничего не помню, мало что вспоминаю. Все мы и физически, и психически стали больными людьми, из лагерей ни один человек здоровым не вернулся. Сестра Тома умерла в 1960 году, не перенесла всех болезней. Я инвалид I группы, слепая. Сестра Катя слепая и глухая. И вообще у всех узников нарушена психика, все больные.

Немного о себе. Живу в Боровском районе (не хочу войну вспоминать), но концлагеря перевернули всю мою жизнь: переболела всеми болезнями, стала плохо видеть. Из-за зрения пошла в школу в 10 лет, в спецшколу никуда не отправили (да в Слободе мы и не знали, что есть слепецкие школы). Из-за здоровья школу не окончила, пошла работать на стройку в Хвостовичах. Там вышла замуж за зрячего парня,

родила трех дочек, и муж нас оставил, ушел к зрячей женщине (а я стала слепнуть). Дочки хорошие, здоровые. И тут мне помогла Советская власть, а конкретно Кряжев Михаил Федотьевич, председатель областного УПП ВОС. Из-за зрения я не могла нигде работать, а он меня направил в Боровское УПП ВОС как инвалида по зрению. Здесь мне директор В.С.Тарантасов дал комнату со всеми удобствами и обеспечил работой, где тружусь и в данное время.

На Боровское УПП ВОС я приехала в 1981 году. Старшая дочь училась в Калужском пединституте, средняя пошла в 10-й класс, а маленькая — в 1-й класс. Прошло 16 лет. В 1985 году получила двухкомнатную квартиру. У всех моих дочек по дочке, то есть у меня три внучки. Вторая дочка окончила Смоленский мединститут, работает врачом и получила двухкомнатную квартиру. А я живу с двумя дочками, двумя внучками, жизнерадостная и веселая. Проработала всего 40 лет, ветеран труда, узник, инвалид I группы. Вроде все нормально: вырастила, выучила дочек и заработала пенсию себе на старость. Только вот жизнь — сложная штука. И кому поклониться, и кому помолиться? И как мы смогли выстоять в эту трудную, нечеловеческую годину?! И от всей души земной вам поклон, люди.

ПОМНИ ИМЯ СВОЕ

Аулова (Сенюхина) Анна Андреевна

1936 г.р., ур. д. Яровщина Жиздринского р-на Калужской области, проживает в г. Жиздра Калужской области

Я, Аулова (Сенюхина) Анна Андреевна, рождения 7 апреля 1936 г., уроженка д. Яровщины Жиздрин-

ского района Калужской области, хочу вкратце описать то, что помню сама о войне. Я малолетний узник, как и многие, была с матерью, Кондрашовой Ксенией Филипповной, угнана в Германию. О холоде, голоде и других лишениях таких людей известно давно, а вот то, что меня до сих пор преследует запах гнилой брюквы, которой нас кормили, знаю только я.

Очень хорошо помню, как мать со мной дважды с дороги пыталась убежать ближе к линии фронта, ближе к России. Дважды немцы ловили нас и возвращали в тот же поезд, в те же вагоны, во всяком случае к таким же бедолагам, как и мы.

До сих пор с болью вспоминаю о смерти двух мужчин-чехов, которые помогли нам бежать первый раз, взяли нас в поезд-товарняк, идущий к линии фронта, спрятали нас за досками, делились с нами едой. Но однажды эти чехи-проводники сказали моей матери: «Пани, выходите лучше сами, жандармы с собаками осматривают все вагоны». Мы вышли. Нас увели, а чехов расстреляли прямо возле вагонов.

А вот картина: состав вагонов с двух сторон. Навстречу друг другу идут жандармы с бляхами на груди, с огромными собаками на поводках. Это и сейчас стоит перед глазами.

После второго нашего побега нас посадили в тюрьму. Помню: спускаемся по ступенькам вниз, попадаем в очень длинный коридор со множеством железных дверей. Одну из дверей открыли и втолкнули нас внутрь. Это был каменный мешок, если можно так выразиться. Железная кровать опускалась с потолка только на ночь, а все остальное время мы вынуждены были или стоять, или сидеть на цементном полу. Очень высоко над головой было крошечное окошко с решеткой, так вот, помню, как мать поднимала меня на руках вверх и просила дотянуться до решетки, ухватиться за нее и подышать свежим воздухом, посмотреть на свет. За вторичный побег меня решили отобрать у матери.

Небольшое отступление: почти все мое поколение помнит фильм «Помни имя свое», где героиня в ис-

полнении Л.Касаткиной просит сына-узника не забывать свое имя, когда их разлучают.

Так вот, когда я, взрослая женщина — сама уже мать — увидела этот фильм впервые в кинотеатре, со мной случилась самая настоящая истерика, и такая, что даже остановили показ фильма. Я вспомнила. Все ярко встало перед глазами! Когда меня отбирали у матери, то она давала мне в руки с чем-то баночку и просила: «Запомни, ты из Жиздры, запомни, ты из Жиздры». Так вот повторилась моя история через много лет после войны.

Но судьба была благосклонна ко мне, меня вернули к матери (со слов матери, помог какой-то русский) и нас погнали дальше в Германию. Уже в Германии помню холодное каменное здание, людей, буквально притиснутых друг к другу вповалку на полу. От тухлой гнилой брюквы болели животами все и выживали кто как мог.

Все описать невозможно, скажу только, что после войны я еще лет пятнадцать кричала по ночам, вскакивала на кровати, пытаюсь убежать и куда-то спрятаться, и это повторялось каждую ночь. Но сейчас, слава Богу, такое случается реже.

Вместе с нами были другие семьи из Жиздры, две из них и сейчас проживают здесь.

ВЫЖИЛИ, ПОДДЕРЖИВАЯ ДРУГ ДРУГА

Иван Балабаев

д. Дынное Калужской обл.

Вторая мировая война никого не пощадила: ни безусых юнцов на передовой, ни немощных стариков, женщин и беспомощных ребятишек на оккупирован-

ной территории, ни узников концентрационных и трудовых лагерей. Последним наряду с каторжным рабским трудом приходилось переносить зверские побои, варварское издевательство и немислимое унижение...

В 1941 году я вместе с другими ребятами из Дынного перешел во второй класс. Только доучиться не пришлось: началась война, учителя разъехались, школу закрыли. Нас часто собирали возле правления колхоза на митинги, где рассказывали о ходе боев, учили обороняться.

В марте мужчин и подростков увезли в Брянск. Остальных полицаи погнали в Жиздру, а затем — в Клетню и Алексеевку. Там, сгорая поначалу от стыда, я научился побираться, просить милостыню. От голода и холода многие заболели тифом, многие умерли. Но наша семья (к тому времени отца-инвалида отпустили из Брянского концлагеря), сплотившись и поддерживая друг друга, выжила. Вскоре, когда и под Алексеевской стали слышны разрывы снарядов, нас, переселенцев, снова погнали в дорогу. На станции Красной людей вместе с коровами и лошадьми погрузили в вагоны, и через несколько дней эшелон привез нас в чужой далекий Алитус.

Дней десять спустя немцы провели фильтрацию. Нас отправили дальше в Германию... Везли через Польшу. На станциях поляки сочувствовали нам, старались подкормить нас — давали булку, колбасу. А когда мы прибыли в конечный пункт своего назначения — лагерь в городе Котбус, о доброте и нормальной пище пришлось забыть.

Немцы распределили нас по баракам, где ютились узники из Белоруссии, России и Украины. Они работали на близлежащем заводе; там же стали работать и наши родители. И мы, дети, тоже не сидели сложа руки: убирали с территории лагеря мусор, на кухне чистили брюкву. Именно ею нас в основном и корми-

ли. Давали еще 200 граммов хлеба, испеченного пополам с опилками.

Каждый выходной я убежал из лагеря, чтобы добыть хлеба. Нередко охранники ловили меня, отбирали с трудом добытые крохи, задавали хорошую трепку и даже грозились пристрелить. Однако угрозы их не действовали, поскольку нужно было кормить семью.

В 1944 г. наши войска освободили Польшу. А я тем временем познакомился и крепко подружился с одним немцем, воевавшим в России и оставившим службу из-за инвалидности. Мне он запомнился очень добрым, чутким и внимательным человеком. Немец часто подкармливал меня (видно, жалел), учил фотографировать. Как мог заботился. А еще нас роднило с этим довольно-таки странным на первый взгляд мужчиной общее неприятие безумной, жестокой войны и осуждение Гитлера.

А война продолжалась. Шел март 1945 года. Когда советские солдаты были уже на подступах к Германии, немцы эвакуировали пленных в сторону Берлина. А нам, семейным, постоянно отстававшим от общей колонны, велели оставаться на месте. Прожив с неделю в большом рву возле деревни, мы дождались освобождения. Советские войска переправили нас в Дрезден, где со слезами на глазах мы встретили великий день Победы. Мы обнимались, смеялись и плакали, не веря, что остались в живых.

В родную деревню Дынное наша семья вернулась несколько месяцев спустя. Вернулась на голое место, где вместо бывшей хатки зияла темная яма от бомбы. Срубили с отцом небольшую временку и стали жить, как и многие другие соседи. Разруха и лишения ничуть не пугали. Наоборот, мы были счастливы, что устраиваем новую жизнь, что самое тяжелое испытание уже позади, а в будущем нас ожидают лишь радостные моменты.

ВОЙНА. КАК ЭТО СТРАШНО

Басалаева Татьяна Алексеевна

г. Калуга

Война. Как это страшно. Папа и все наши близкие родственники мужчины ушли на фронт. Остались одни женщины с детьми.

Октябрь 1941 г. Фронт подошел к Калуге. Началась эвакуация. У нас заболела сестренка Шура. Помочь нам некому. Из деревни Кожухово приехала бабушка и забрала сестру, меня и маму к себе. Вскоре пришли немцы и в деревню. Нас всех выгнали в совхоз и загнали в баню. Там было столько людей, что сидели по очереди. Дня через два всех выгнали из этой бани и погнали дальше до деревни Горбенки. Там нас опять загнали в баню, где мы находились несколько дней.

Однажды ночью, когда была сильная метель, немцы все попрятались по избам, мы с мамой и сестрой ушли из этой деревни. Мы пошли в деревню Рудня к папиной тете. Деревня эта находилась в лесной местности. Тетя приютила нас. Но и туда пришли немцы. Всех чужих их этой деревни выгнали и погнали нас дальше из одной деревни в другую. Кормили нас местные жители, давали кто что мог. Немцы заставляли нас расчищать дороги. Летом пригнали нас к Варшавской дороге, посадили в грузовики и отправили в г. Рославль в пересыльный лагерь. В лагерь свозили людей со всех сторон, в основном молодежь. Даже в лагерь ехали семьями на телегах с вещами, но они были отдельно от нас.

В лагере мы были совсем мало времени. Нас погрузили в товарные вагоны, закрыли двери и отправили в Германию. В г. Гродно в пересыльном лагере

провели санобработку, пересадили в другие вагоны и повезли дальше по Германии до г. Вупперталь опять в пересыльный лагерь. В этот лагерь приезжали уполномоченные с заводов и набирали рабочую силу. Нас забрали и увезли в г. Кельн на завод Шмидинг-верке.

Поместили в лагерь при заводе. В этом лагере было человек около 300 русских, в основном из Смоленской и Калининской областей. Разместили нас в бараках по 30 или 40 человек в комнате. В комнате находились двухэтажные деревянные кровати, покрытые тонкими серыми одеялами. Зимой было очень холодно, и мы ложились по два человека на кровать и на себя клали матрац и два одеяла. Так мы согревались.

Женщины и мужчины находились в разных бараках. Кухня была на территории лагеря, где работали русские женщины под присмотром немецкой поварахи.

Кормили русских супом из брюквы или шпината, картошки почти никогда не было (сейчас шпинат и брюкву я видеть не могу). Лагерь охраняли немцы-полицаи. Распорядок в лагере был строгий. По лагерю ходить зря не разрешалось. Нас всех сфотографировали и присвоили номер.

После приезда в лагерь на второй день нас распределили по работам. Я попала в механический цех. Меня поставили работать на токарно-револьверный станок. Немец-наладчик показал, как надо работать. Работа была несложная: делали винты и гайки на этом станке. Восьми- или десятилетние девочки подметали цех. Всех нас одели в одинаковую спецодежду: брюки и пиджак болотного цвета, обули в ботинки на толстой деревянной подошве, так называемые бутсы. Работали по 12 часов и больше в две смены. Ночная смена после работы на заводе убирала лагерь. Мыли полы в комнатах, убирали территорию — все это под присмотром полицаи. На работу, с работы да и всюду нас водили строем. Один раз в неделю нас водили мыться в душ.

Недалеко от лагеря, где мы жили, находились заводы «Гландшютоф», «Форд». На этих заводах лагеря были немного больше нашего. В лагере Форд находились русские военнопленные. Им было хуже

нашего. В конце 1943 года и дальше начались сильные бомбежки города американскими самолетами. Бомбили в основном по ночам жилые кварталы города, а заводы не трогали. В 1944 году около завода было построено еще два лагеря. В одном поселили поляков, а в другом — военнопленных итальянцев. Поляки и итальянцы работали в дневную смену, а русские в основном в ночь. Со второй половины 1944 года очень часто бомбили и днем, и ночью. Мы ждали эти бомбежки — на заводе отключали, электроэнергию, все уходило в бомбоубежище, а мы отдыхали.

В январе 1945 года американские войска близко подошли к Кельну, и нас из лагеря снова отправили в пересыльный лагерь г. Вупперталь, а оттуда отправили в лагерь г. Хаген на Руре. Там мы работали на железной дороге на разборке завалов после бомбежки.

В апреле 1945 года американские войска заняли город Хаген. Американцы собрали русских и перевезли нас в лагерь перемещенных лиц в г. Дортмунд. Там мы пробыли два месяца, а затем по железной дороге нас из Дортмунда перевезли на советскую оккупационную зону в Магдебурге на Эльбе. В г. Магдебург в лагере № 225 мы проходили фильтрационную комиссию, после чего в августе 1945 года нам разрешили выехать на Родину.

С ПЕРВЫХ ДНЕЙ ВОЙНЫ

Безобразова (Курсакова) Александра Павловна

ур. пос. Еленский завод Хвостовичского р-на, проживает там же

В 1941 году ровно в четыре часа началась война. Мы детьми были и не верили, что будет очень и очень страшно.

Я испытала ужасы войны с первых ее дней. Сперва бомбежка, потом стрельба.

Сперва пришли немцы. В сентябре месяце 1941 г. они уже были у нас в поселке. В январе 1942 г., в субботу, наш поселок окружили, со всех сторон поставили автоматы, стали стрелять и поджигать. Это было очень страшно, горел поселок, была большая паника.

Кругом был большой снег, больше метра, люди бежали кто в погреба, кто под пули. Скот мычал, свиньи орала, люди кричали, плакали. Это ужасно и страшно. Целую ночь пылало пламя поселка.

Только когда кончился пожар, стали искать, где можно обогреть детей и покормить. И только остались после пожара детский сад, столовая, магазин, больница и завод. Вот в этих помещениях разместились жители, которые остались в живых.

Здесь нам пришлось две недели пожить, и опять приехали немцы, выгнали всех на улицу, и начали поджигать.

Больше находиться было негде. До рассвета стояли у огня и потом поехали в деревни, которые еще не сожгли. Наша семья: мама, я, брат, сестра с двумя своими детьми, одному было год и 8 месяцев, а второму 6 лет, поехали в деревню Шляпное. Всю дорогу (а деревня была в трех километрах от завода) ехали спокойно, а перед деревней, не доезжая одного километра, немцы строчили с автоматов как пчелы.

У мамы в руках была банка — ее разбили.

Потом, когда дошли до патруля, нам показали, что надо поднять руки кверху.

Потом нас разместили в доме, где уже было две семьи. Спали только сидя. Нас, детей, попросили, чтобы полезли на печку, и нас никуда не выпускали. Есть было нечего.

Ничего взять дома мы не могли — только то, что было надето на нас. А через месяц нас эвакуировали в деревню Подбужье, это 40 км от деревни Шляпное. Мы ехали на санках три дня.

На дорогах, когда у пожилых не было сил идти, их расстреливали на глазах. Голодные, холодные, охраняемые немцами, люди еле передвигались. Немцы смеялись и фотографировали. Когда мы приехали в Подбужье, там оказалось очень много эвакуированных. Село Подбужье было большое, и в каждом доме жило по пять семей вместе с животными. Мало того, что был страшный голод и холод. Кроме всего, пришел и брюшной тиф.

Немцев здесь не было, но были полицаи. Людей умирало очень много, но, видно, наша семья осталась живая благодаря моей маме. Она умела шить. Мы один раз в день могли есть мамалыгу. А когда растаял снег, мы пошли собирать старую картошку. И здесь нас увезли, не сообщив об этом нашим родителям.

Сперва нас держали в Хвастовичах, потом повезли в Терebenь, после нас погрузили в вагоны и повезли в Брянск. Везде — брянский лес. Ой, как трудно было глядеть, как немцы, вырубали наши леса. Очень обидно было. Нам не хотелось жить на свете.

Привезли в Брянск и кинули в лагерь. Там находились и девять человек военнопленных. Все с нашего завода. Был страшный голод. Люди умирали — их вывозили машинами. Не было сил даже ходить. Привозили один раз в день баланду. В 1943 г. нас ночью погрузили в вагоны, в которых возили скот. Закрыли и повезли.

Ночью нас привезли в Германию. Там нас поместили в бараки. Наутро нас погнали в баню. Потом проверяли рентгеном, брали кровь. Каждое утро нас в шеренгу выставляли. Приезжали немцы и выбирали. Всех нас разбили, и я осталась одна.

Я была худая — одни кости и кожа. Таких, человек десять, собрали отдельно. Нас никто не брал, и решили везти на аккумуляторную фабрику в Берлин.

Когда везли, немцы говорили, что нас везут на фабрику, где делают хорошие конфеты. А когда привезли на место, мы просто стали задыхаться от запа-

ха кислоты — это была химическая фабрика. А потом нас привезли в лагерь.

Там уже было 352 человека. Все было окружено проволокой — будки, собаки кругом. И бараки с деревянными койками двухъярусными. Были специальные костюмы, на которых было написано «ОСТ» на рукавах, спине, груди большими буквами. Голод ужасный. Один раз в день еда — баланда из шпината, маленький кусочек хлеба, и тот с жилками, или с брюквой баланда. Работать заставляли 16 часов, а тех, кто работал по 8 часов немцы брали работать себе на квартиру. Работа была тяжелая: выгружали баржи. В цехах тоже была очень тяжелая работа. Мой номер 362.

Были часто бомбежки. Во время бомбежек выгоняли в бомбоубежище.

Многие в лагере травились и вешались.

Однажды, когда бомбили, мы решили сделать побег с одной девушкой. Она была старше меня, ее звали Шура, она из Бобруйска Могилевской области, из Белоруссии. Нас встречал один русский — это был друг Шуры. Она знала, что ее могут разоблачить, о ее вредительстве. Если бы нас нашли, тогда бы расстреляли, но нам в то время было уже все равно.

Я ничего не знала, куда меня везли, но только знала, что мы едем дальше от Берлина. Мы хотели устроиться на работу у хозяина. Но других брали, а я была очень плохая, поэтому меня не брали. Они не хотели меня бросать.

А потом нас устроил на работу полицей в туберкулезный лазарет ухаживать за больными. Мы согласились. Нас перевели в барак. Барак был неплохой, там работали западные украинцы. Барак был на территории лазарета, ходили свободно куда хочешь. Питание было хорошее, но больные много не кушали. Прежде, чем приступить к работе у нас проверяли здоровье. Самое страшное было для меня заболеть. Но все было хорошо, я оказалась здоровая.

И еще мне пришлось немного ухаживать за больными. Одна немка меня пожалела, и меня отправили

на работу на кухню. Здесь я стала поправляться. Но была недолго. Придя утром на работу, увидела, что немцы сильно волновались и на балконах вывесили белые простыни. В этот момент я узнала, что это значит: это они сдавались. Через два дня приехали наши танки.

Природа была очень хорошая. Весь лазарет в соннах. Город назывался Штеттин. День, когда пришли наши солдаты, до сих пор стоит в моей памяти.

Как они нас встречали, сколько было слез и радости! Они нам давали все: и продукты, и цветы, и одежду. И стали устанавливать комендатуру. Шурин друг ушел. Она искала его, но мне кажется, он ушел с солдатами на Берлин. Оказалось, мы жили от Берлина не более трехсот километров. Это я после узнала. Но радоваться нам пришлось недолго.

Немцы пропустили наших солдат на Берлин. И тут же вышли с танками и машинами и перебили нашу комендатуру и солдат. Стали искать всех русских, кто остался. Двух раненых солдат мы, с одной девушкой Раей спрятали среди туберкулезных. Она была из Ворошиловградской области, с 100 шахты. Она тоже была малолетней. Когда нас с ней нашли немцы, повели на расстрел. Это нужно пережить. Но, видно, не судьба умереть мне в Германии. Три раза на меня наставляли оружие, но я осталась жива и благодарна Господу Богу, что он меня спасал.

Раз, просто как ястреб появился самолет и началась бомбежка. И нам пришлось скрыться. Трое суток мы с Раей сидели в колодце, забыли про еду. Только гремели «катюши». На третьи сутки мы услышали крики. Это были наши. Они делали прорыв. Когда мы вышли из колодца, все горело и по трупам ехали танки. Мы стояли как мертвые, когда подъехали к нам, стали спрашивать. Мы просили, чтобы взяли нас на танки, и сказали, что там в лазарете есть два солдата. Мы показали, где они находились. Их забрали, и нас увезли. После боя танкисты поехали на отдых. Там мы с солдатами отдыхали в деревне.

А после они поехали на Эльбу, а нас сдали в комендатуру одному солдату, чтобы нас отвел. Это было вечером. Нас накормили. А утром увезли на машине в распределительный лагерь г. Фост. Там нас поселили с Раей в однокомнатную квартиру, дали талоны в столовую на питание. Дома охраняли солдаты. Отсюда вывозили людей на родину. Здесь было много народа, которых проверял КГБ. Только после проверки отправляли.

Пока находились в лагере — работали на разборке и упаковке станков в Россию. Нас долго не хотел отправлять комендант, все говорил, что мы умрем в России с голода. Но как хотелось на свои камни! Только бы домой — и умереть.

Я вернулась. Родителей не оказалось, но чужие люди меня не бросили. Я плакала день и ночь. Вернулась, в чем была: ни одежды, ни обуви не было. Но уже было не страшно. Завод не работал, его только восстанавливали. Там работал родственник моей сестры по мужу, брат. Он когда узнал, что я приехала, пришел и забрал меня к себе в комнату.

О моих родных никто не знал, говорили, что они погибли. Но в августе 1945 г. они вернулись. Это было большой радостью для меня, и мне захотелось жить и учиться. Жизнь продолжается.

С ТОГО ДНЯ ПОЛИЛИСЬ ЛЮДСКИЕ СЛЕЗЫ

Беляев Василий Иванович

*1930 г.р., ур. с. Погост Людиновского района, прож.
в г. Людиново Калужской области*

Родился я 2 июня 1930 г. в селе Погост Людиновского района Калужской области. Родился уже без отца, так как его придавило в карьере грунтом, где

добывал он известковый камень. В 1936 г. мать вышла замуж за мужчину, у которого был сын — мой ровесник.

В 1937 г. я пошел в первый класс, успел окончить три класса — началась Великая Отечественная война.

Этот день у меня остался в памяти на всю жизнь. Был жаркий солнечный день. Мы, детвора, ожидали у магазина привоз хлеба. Очередь была большая. К нам подъехал представитель военкомата и объявил, что началась война. С этого дня полились людские слезы. У многих они не просыхают и сейчас. Вскоре приехала машина и забрала мужчин для отправки на фронт. Грохот канонады приближался к нашему селу. По ночам стало видно зарево войны. К этому времени у нас семья уже состояла из 6 человек: мама Ольга Ивановна, я — Василий, приемный сын — Дмитрий 1930 г.р., Мария — 1941 г.р., Антонина — 1936 г.р., Иван — 1939 г.р.

Осенью к нам в деревню пришли немцы. Сперва ворвались танки. Они ехали по огородам, с которых убрали картофель. Потом пошла пехота. Прошло несколько дней. Потом какое-то время немцев особенно не наблюдалось. Вернулись наши войска, и какой-то промежуток времени было затишье до глубокой осени. Через некоторое время появилась немецкая разведка. Вскоре со стороны Болвы пришли немецкие войска. Бой длился трое суток. В боях погибло много нашего войска, и немцы заняли нашу деревню. Из нашей семьи ранило маму и сестру. После боя немцы перевязывали наше мирное население, а кто прятался в разных щелях — расстреливали.

В 1942 г. в конце апреля нас, несколько семей, погрузили на повозки и повезли в Погост. Там нас погрузили на платформы и повезли в Людиново. Поселили в церкви. Налетели наши самолеты. Они по-

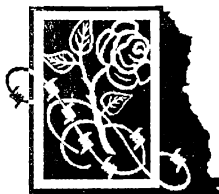
бомбили и улетели. Немцы нас отправили по деревням. Мы попали в деревню Гряда. Пробыли там некоторое время. Потом нас привезли на станцию Зикеево и отправили в Брянск в лагерь для военнопленных. Мы расположились на нарах, с которых по утрам стаскивали трупы крючками. Кормили баландой с конскими внутренностями. Иногда попадались в баланде такие части, которые приходилось использовать на ремонт обуви.

После Брянска нас повезли в Белоруссию: Гомель, Орша, Минск, Барановичи. Там мы слышали стрельбу и взрывы. Мы спрашивали «Что это?» Нам сказали, что это взрывают землю и готовят могилы для евреев. Мы подумали, что это не минует и нас.

Из Барановичей нас повезли в Слоним, в тюрьму. Дети делали подкоп под ворота, протягивали ручки и ждали, что кто-нибудь им даст что-нибудь из съестного, а когда немец замечал руку, бил плетью.

Вскоре нас перевели в лагерь Грибов. Там нас держали до осени 1942 г. В лагере была большая смертность. Из нашей семьи там умерли от тифа Дмитрий и Мария. Осенью нас и еще несколько семей отвезли по деревням Брестской области. Там мы жили у белорусов, и за то, что они нас кормили, мы им помогали по хозяйству. Я пас скот. Там мы жили до 15 июля 1944 г., когда нас освободила Советская Армия. Мы думали, как уехать на Родину, но так как наша мать болела, мы не могли сразу уехать. За нами приехала сестра мамы — тетя Арина и увезла домой.

В декабре 1944 г. мама умерла. Нас осталось трое на попечении тети Арины. Так как у тети была своя семья, она двоих сдала в детский дом, а меня оставила у себя. В 1945 г. я пошел работать учеником слесаря-жестянщика на ст. Фаянсовая. Проработал там до армии шесть лет. В армии приобрел специальность шофера. В 1954 г. демобилизовался и через год женился. У меня пятеро детей.

УХОДЯ НЕМЦЫ СОЖГЛИ ВСЕ

Богомолова Зинаида Николаевна

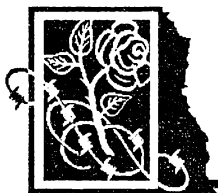
1932 г.р., ур. дер. Скерово Баятинского района

Родилась в 1932 г. в д. Скерово Баятинского района. Закончила один класс, потом началась война. Учебу пришлось бросить. Отца Зинаиды Николаевны забрали на фронт, а мать с двумя дочерьми остались в деревне. Вскоре деревня была оккупирована немцами. Всех жителей выгнали из теплых домов, и поэтому семья Богомолowych два месяца вынуждена была жить в холодной землянке. Сестре Зинаиды Николаевны было только два года. Она постоянно плакала и просила есть.

Наши войска начали освобождать Калужскую область, поэтому немцы собрали всех жителей деревни и погнали куда-то. Никто из пленников не знал, куда. Так пригнали их немцы в город Рославль, в концлагерь. В то время там находились тысячи людей. Жили они в «зданиях», у которых были только столбы и лежащая на них крыша. Есть пленникам не давали, поили только водой, да и то по полкотелка на пятерых.

Две недели пробыла в этом лагере Зинаида Николаевна. Потом немцы посадили пленных на машины и опять повезли куда-то. Прибыли они в д. Болотня, а там шло сражение. Девять суток Богомолovy находились в землянке, пережидая бой. На десятые сутки их опять посадили в машины и повезли в еврейский городок. А повезли их для того, чтобы показать, как будут расстреливать евреев.

Через несколько дней все пленники были освобождены. Богомолы поехали в свою деревню. Но там не осталось ни одного целого дома. Уходя, немцы сожгли все. Три года пришлось им жить в землянке и голодать.

ЗАБРАЛИ ПОСЛЕДНЕЕ ОДЕЯЛО

Богомолы Нина Владимировна

1937 г.р., ур. дер. Каменка Орловской области, проживает в п. Товарково Дзержинского р-на

Я родилась в 1937 г. в Орловской области в деревне Каменка. У нас была дружная семья: отец, мама, бабушка, брат, я и еще две сестры. С 1941—1943 гг. Орловская область была полностью оккупирована. Мне в это время было четыре года, а моему брату не было и года.

Когда мы были еще маленькими, мама часто рассказывала нам, что немцы выгнали нашу семью из дома. Пришлось жить в чулане, в темном, холодном. На дворе в то время была ранняя весна. Продукты, которые были, кончились, и мы часто ложились спать голодными. Но иногда немцы помогали нам: пускали погреться, давали что-нибудь из еды. В 1942 г. немцы стали отступать и всех жителей деревни погнали с собой. На железнодорожной станции погрузили в товарный вагон. Спать приходилось на соломе или на полу. О еде или о теплой одежде приходилось только мечтать.

Привезли в Западную Белоруссию и разместили в помещении местной школы. Условия, конечно, были очень тяжелые. Но иногда помогали местные жители: давали одежду, хлеб, картошку.

Взрослых гоняли на работу к местным хозяевам, которые платили им зерном. Мы, дети, ходили побираться. И надо сказать, белорусы не отказывали и кто чем мог подавали милостыню. Вот так понемногу и перебивались.

Однако вскоре и сюда докатилась война. Узников угнали в лес, который больше походил на огромное болото. Гнали с собаками. Люди шли по тоненьким жердочкам через болото, рискуя каждую минуту оступиться и провалиться в болото. В лесу мы жили в шалашах, питались тем, что смогли найти в лесу, или тем, что успели захватить с собой. У нас на всю нашу семью было одно маленькое одеяло. Дети часто болели, умирали, так как ни лекарств, ни врача не было. Вскоре заболел и умер мой брат.

В лесу нас не оставляли в покое белорусские полицейские. Они постоянно наведывались и грабили нас, отбирая последнюю одежду, еду, вещи. Забрали у мамы и наше последнее одеяло. Мама не раз говорила, что они были очень злые и жестокие. Однажды они расстреляли женщину, которая не хотела отдать им костюм ее мужа. Она хотела убежать, а они поймали, отобрали костюм, а женщину расстреляли.

Между собой узники жили дружно, делились друг с другом, стараясь помочь чем-нибудь. А если и нечем было, то поддерживали друг друга добрым словом.

В 1944 г. немцы начали отступать. Это было для всех самое радостное известие. А вскоре мать получила письмо от отца, который разыскал нас. Вскоре он и сам приехал за нам. Ему пришлось тоже пережить немало. Был ранен, трижды делали операцию на ноге, т.к. начиналась гангрена, и он чудом остался жив. День нашего возвращения совпал с праздником Святой Троицы. Когда уже все были готовы к отъезду, долго не могли найти бабушку. Потом оказалось, что она пошла в православный храм. В храме шла служба и все, русские и белорусы, стояли перед иконами и благодарили Бога за окончание войны.

Обратно пришлось возвращаться опять в товарном вагоне. Но на душе было радостно. Ехали ведь домой! Вначале доехали до Брянска, потом до Орла и затем уже до нашей станции...

А на станции нас уже ожидали с лошастью и повозкой, на которой мы и добрались до деревни. Шел уже май 1945 г. Дом наш был весь разрушен, пришлось его восстанавливать. Осенью все дети пошли в школу. Я закончила девять классов, а затем пошла работать. Вышла замуж. У меня хороший муж, два сына и трое внуков, самому младшему пять лет.

УДОСТОВЕРЕНИЕ Я СОХРАНИЛ

Борзенков Геннадий Афанасьевич

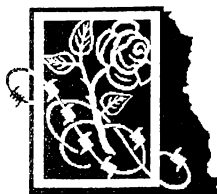
*1924 г.р., ур. д. Овсянниково Орловской области,
проживает в д. Ермолино Боровского р-на Калужской обл.*

Родился в 1924 г. в Орловской области, д. Овсянниково. С этой местности в сентябре 1941 г. был вывезен в Германию. Вывозили в товарных вагонах, без пищи, без воды. В Германию был доставлен в район г. Штутгарта, в лагерь. Лагерь был распределительный, за колючей проволокой. После распределителя группами по 40—60 человек перевезли в г. Эслинг, на фабрику, где жили в холодных бараках. Бараки были огорожены колючей проволокой. Нельзя было никуда выходить. Работали босыми в холодное время года. Работали под надзором охраны на камнедробильном заводе.

Из этого лагеря наши ребята убегали в Швейцарию. На этом заводе дали нам удостоверения с отпечатками своих пальцев и фотографией. С этого времени мы носили на груди специальную повязку с буквами OSTSU. Это удостоверение я сохранил и передал его нашим властям.

Потом нас перевезли в Польшу. Работал на заводе, потом заболел, получил плеврит и радикулит. Тогда меня отправили в другой лагерь, который находился в г. Биттегайм. Лагерь был разделен проволокой колючей на две части. В нем было много больных тифом, туберкулезом, ослабленных, немощных. Через некоторое время недалеко от Биттегайма построили новый лагерь для больных. Это был настоящий лагерь смерти, так как на старом месте мы иногда через проволоку у вновь прибывших иностранных рабочих выпрашивали кусочек хлеба или брюквы.

Много своих приходилось хоронить тут за лагерем в общей могиле-свалке. Рядом с лагерем был небольшой аэродром. Перед освобождением охрана лагеря разбежалась, мы спасались как кто мог. Стали работать у одного фермера, где проработали до освобождения. Потом нас всех собрали в лагере Лукенвольд. Всех переписали, зарегистрировали. Представители наших войск провели проверку и распределили по воинским частям. Через некоторое время я сильно заболел, обострились лагерные болезни. Проболе я четыре месяца. Потом призвали меня в армию в в/ч 3742. А в 1947 г. был демобилизован на основании приказа. Вернулся в свою деревню Овсянниково, где работал в колхозе.

ТРЕХЛЕТНИЙ УЗНИК КОНЦЛАГЕРЯ

Борисов Дмитрий Сергеевич

1940 г.р., ур. д. Редьково Жиздринского р-на

При любой трагедии, которая случается с народом, больше всего страдают дети. Невозможно понять до конца беду, которую принес фашизм нашему народу.

Жиздра — маленький город.
Край лесов и полей.
Как он мил нам и дорог.
В тихом шуме ветвей.

Я родился за год до начала войны, 5 мая 1940 года, в деревне Редьково Жиздринского района, которая расположилась в трех километрах от райцентра.

В 1941 году в деревне было 120 домов, построенных из кирпича. Деревня делилась на две части речкой Песочней.

В октябре 1941 года пришли немцы. Стали отбирать скот, срочно установили комендантский час. В 6 часов утра все население должно было приходиться в комендатуру и лично отмечаться. Староста, Илья Сергеевич Ивлев, из наших, деревенских, устраивал перекличку жителей деревни. Если кого-либо не оказывалось, считали, что ушел к партизанам. Тогда всю семью расстреливали. Немцы выгнали нас из дома, мы жили до июня 1943 года в сарае. И вдруг срочно стали выгонять с насиженных мест всех до единого, старых и молодых.

Жителей деревень Мужитино, Иванково, Редьково погнали пешком через Иванково на деревню Коренево и в Дятьково. Там на вокзале стали формировать состав, в котором возили скот.

В переполненном вагоне никто не знал, куда везут. На остановках немцы не выпускали из вагонов. Ехали очень долго. В дороге многие старые люди умерли. Остановились. Выпустили нас из вагонов. Немцы зверствовали. Закрыли вагоны и больше их не открывали.

Привезли нас в Эстонию, на берег моря. Балтика сильно разлилась. Думали, что будут бросать в море. Стали прощаться: стон, слезы, вой стояли вокруг. Выстроили в колонну и с пожитками, у кого что было, погнали в концентрационный лагерь. До войны это были бараки, наполовину взорванные. По предположению, это была войсковая часть, казармы наших моряков. Стали селить в эти бараки. Полы цементные. Народ умирал каждую ночь.

Рядом находились три лагеря: Перкуль, Клоога, Полдиски.

Устроились, как смогли, так прожили зиму, лето и до сентября. Затем нас стали сортировать. Если ребенку три года, его мать оставляли с ним и ей еще давали пятерых детей из других семей. А остальных матерей, подростков 14—16 лет отправляли на строительство укрепления Нарвы. Сестра, Прасковья Сергеевна Борисова, 1925 г. рождения, работала на строительстве этих укреплений. Она вспоминает: «Зима была холодной, когда подростков пригнали на строительство укреплений. Заранее были приготовлены фанерные будки на трех человек. Снегом была завалена крыша. Если будка оттаивала, то вся вода с крыши попадала внутрь этого сооружения из фанеры. После работы мокрые, голодные сушили все на себе».

Кормили один раз в день, давали сырую брюкву с кониной, в которой кишели черви. Хлеб — одна буханка из мякины на три дня. Обязательно давали норму на работу. Ставили по пять человек на траншею, каждый день копали мерзлую землю. Отощали страшно, глаза ввалились, одежда порвалась. Все время мерзли.

Вскоре стала прослушиваться канонада. Прилетали самолеты и бомбили объекты. В один день пришли на объект копать. Немцы дали задание, а сами ушли в лес.

Бежать было некуда, море с одной стороны, лес — с другой, и немцы в лесу. Однажды, это было на хуторе Погрогнга, едет на лошади вроде бы немец с бляхой на груди. Офицер подъезжает к нам, здоровается. Мы все молчим, не отвечаем. Вдруг он на чистом русском языке говорит: «Дорогие, милые наши женщины, девушки, все мы знаем про вас, как вы трудитесь, знаем все ваши муки, унижения, страдания, голод и холод. Подготовьтесь, сегодня вечером придем за вами пароход, будьте готовы».

Появились немцы-конвоиры, он стал на них ругаться по-немецки: мол, срочно нужно ускорить строительство объекта обороны (русские близко).

Тайком разведчик объявил нам, что нас хотели забрать в Ленинград, но в Ленинграде был голод, хотя город был наш и жители — свои, родные.

Он уехал в Нарву. Мы вечером приготовились, как он сказал. Первый пароход подали ниже к лесу, там была охрана немецкая, завязалась перестрелка. Пароход забрал 500 человек наших и уплыл в Ленинград. Прибежали немцы и передали своим, что лагерь захватили русские и всех увезли в Ленинград. Подошла к ним подмога с пушками, минометами. Немцы приготовились встречать очередной пароход. Когда он приблизился к берегу, немцы открыли по нему огонь из всех орудий. Пароход дал длинный гудок и уплыл, а мы остались в лагере.

Ночью наша авиация бомбила укрепления, железную дорогу. На следующий день немцев не оказалось рядом. Они бросили также строящих укрепления женщин, и они пошли в лагерь пешком. Шли целую неделю, ночевали в брошенных сараях. Возили их на работу далеко, на поезде. Железная дорога вся была повреждена. Пока добирались до лагеря пешком, всех нас освободили наши войска. Остались пока в хуторе Погдрогна. Работали взрослые, а в январе погрузили нас на поезд и повезли домой. Ехали долго. Сами заготовливали в лесу дрова для паровоза. Приехали на станцию Зикеево в декабре, поменяли вещи на салазки, посадили меня и поехали еще 18 км до дома.

Приехали в деревню. Жили в хатках, построенных из бревен разобранных немецких блиндажей, спали на полу. Прожили зиму. Сошел снег, мать и сестра стали разрывать немецкие окопы, блиндажи и разбирать их. Из этого материала построили себе хатку в два окна, дед Устин сложил печку, и мы переехали в этот домик. Получили письмо от отца, Сергея Пименовича Борисова, что он жив, живет на Севере в г. Кирове.

В начале войны отец был ранен и два года пролежал в госпитале в Саратове, где признали его негодным к строевой. Разрешили уехать на Родину, но там

были немцы, и тогда он поехал к брату в Киров. Поступил на работу в органы МВД, а когда узнал, что Жиздринский район освобожден от немцев, написал письмо в райотдел милиции. В декабре 1946 г. отец вернулся домой.

В 1947 году стали строиться в г. Жиздре, а в 1948 г. переехали. Отец работал в Жиздринском районе в отделе милиции старшиной. Был он ранен в финскую войну три раза и в Великую Отечественную войну четыре раза, поэтому прожил всего 50 лет.

Родители изо всех сил старались облегчить участь своих детей, делились последней крошкой хлеба, если это можно назвать хлебом, и немногие, кто был угнан в неволю, в том числе и я, чудом выжили. Выжили, чтобы все это не забыть и пронести через всю жизнь. А жизнь прошла несладкая, сильно потрепала.

Закончил Жиздринскую среднюю школу № 1, поступил в Калужское культурно-просветительное училище и в 1960 г. закончил его. Работал в райкоме комсомола. Затем поступил в Горьковскую партийную школу, после окончания которой в 1971 г. снова был направлен в Жиздру на комсомольскую работу.

В феврале 1975 г. заболел. Врачи ставят страшный диагноз — вторичный гнойный менингит и, как результат — первая группа инвалидности. Болезнь протекала очень тяжело, но с помощью врачей, друзей и особенно жены Агнии, помаленьку выздоровел.

Брат, Сергей Сергеевич Борисов, родился в 1937 году и находился с нами в концлагере. Будучи ребенком, он очень сильно пострадал. На него наехала телега, запряженная лошадей, которой управлял немец. Он разогнал лошадей и направил ее на играющих детей. В результате мальчик остался инвалидом на всю жизнь.

Жиздра находилась под оккупацией немецко-фашистских захватчиков с 5 октября 1941 года по 16 августа 1943 года. 32 месяца томились в фашистской неволе жители города.

ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Бугакова Маргарита Алексеевна

г. Киров Калужской области

До войны с 1937 г. я с мамой жила на ст. Фаянсовая. В 1941 г. окончила 5 классов. Фаянсовую бомбили, и все семьи железнодорожников эвакуировали в Мордовию, а так как моя мама работала фельдшером-акушером, то ее не отпустили до сентября. Потом мы уехали к родственникам в Темкинский район Смоленской области в село Кикино.

В ноябре месяце в село пришли немцы. До февраля 1943 г. мы прожили в этом селе и в этом же месяце всех жителей села с 14 до 60 лет согнали на площадь и вывели из села под охраной.

Гнали долго, а потом загнали в деревню Александровское за колючую проволоку, переписали и объявили, что мы теперь состоим в рабочем лагере под названием «Цивильарбайтлагерь». С этих пор нас возили на закрытых машинах или пешком под охраной на работу копать окопы, ремонтировать дороги или пилить лес.

Нас возили на работу вдоль прифронтной полосы и таким образом нас пригнали в Белоруссию. Здесь я встретила с Баркатовым Дмитрием и Цыганковым Сергеем, ныне они тоже проживают в Фаянсовой. Нас колонной гнали впереди немецкой армии, мы им делали оборонительные позиции. Жили или просто под открытым небом, или загоняли в опустошенные дома по несколько десятков человек. Все время были голодные и холодные. Потом взрослые ребята решили

бежать. И вот такой случай представился. Наши самолеты постоянно бомбили, и мы, выбрав случай, убежали в лес. Таким путем сбежали многие наши пленные, в том числе и мы. Нас нашли советские люди и переправили через линию фронта, таким образом мы возвратились домой.

В ГЕРМАНИИ МЫ ОКАЗАЛИСЬ ВТРОЁМ

Бурлакова (Сергунина) Нина Ивановна
г. Киров-2 Калужской области

Закончив семь классов в мае 1941 года и отпраздновав свой прощальный бал, мы отправились на летние каникулы отдыхать до осени. Но каникулам не суждено было сбыться.

22 июня 1941 года Германия объявила СССР войну. Это был страшный удар для страны. Вопрос встал, как жить и что есть. Город Дятьково еще три месяца жил, работали заводы, магазины, был хлеб и другие продукты. К осени становилось труднее. За эти три месяца мы пережили несколько налетов немецкой авиации, от которой не знали куда прятаться. Наступила осень. Город Дятьково начал готовиться к эвакуации. Поджигали склады с зерном, чтоб врагу ничего не досталось, взрывали мосты, все главное вывозилось. В октябре месяце 1941 года город опустел, немецкие самолеты низко и с шумом летели в сторону Москвы. Немецкие войска вошли в город в ноябре. Мы от страха не знали, куда нам деваться. Мы не раздевались, не убирали в доме, раскидывали мусор по дому, только чтобы не заходили немцы в дом. Зайдя в такой дом, немцы быстро уходили и говорили: «Русь швайне (свинья)». Прибывшие войска

в городе долго не задерживались, отправлялись на фронт.

Зима пришла рано, снег лег седьмого ноября и начались сильные морозы. Продуктов никаких не осталось, кроме своей картошки и огурцов. Мама моя, посоветовавшись на семейном совете и получив разрешение, отправилась за Брянск в Выгоничи пешком за табаком. В этой местности выращивали табак. Мы, папа и трое детей, переживали за маму, вдруг она погибнет, ведь там стояли немцы. Через неделю мама вернулась, обменяв вещи на табак. Табак обработали и меняли на муку: стакан табака на стакан муки. Так дожили до конца 1941 года.

Наступил 1942 год — год голода и холода. В январе прибыли немцы, избрали комендатуру, выбрали бургомистра — хозяина города, полицию — смотреть за порядком и выявлять партизан и кто им помогает. Мужчины, которые не были мобилизованы по разным причинам, подозревались в помощи партизанам, их арестовывали, расстреливали. Папа наш и другие мужчины решили перейти линию фронта. Так папа ушел и осталась мама с тремя детьми.

В феврале месяце на уличном совете из оставшихся мужчин было собрано собрание, чтобы охранять дорогу, которая входила в город со стороны Бытоши. Дорога проходила через лесной массив, недалеко от нашей улицы. Днем эту дорогу охраняли возле леса по одному, а ночью по два человека ближе к улице. Проверяли пропуска у тех, кто входил в город. Мне тогда только исполнилось 15 лет, и я вошла в эту группу охраны. Стою однажды на посту возле леса, свой винтовочный обрез повесила на дерево, возле которого стояла, и вижу: со стороны Бытоши идет отряд военных. Все были одеты в белые шубы, ушанки и с автоматами. Я иду к ним навстречу, спрашиваю пропуск. Командир, идущий впереди, рассмеялся и сказал: «Я тебе, дочка, покажу целую кучу пропусков. А где же твое оружие?» Я ответила: «Вон на дереве висит». Они рассмеялись, а командир сказал: «Кто ж тебя, малышня, сюда по-

ставил?» После говорили, что это был отряд Куликова из Москвы, шедший на помощь партизанам в брянские леса. Так мы охраняли целый месяц февраль, а потом все это распалось.

Немцы наведывались часто в город, и было очень опасно. Наступила весна, запасы еды кончались, становилось все хуже и хуже. Как только стаял снег, мы отправились с мамой в ближайшую деревню на поле собирать мерзлый картофель, который остался на полях необработанным. Картофель был мокрый и тяжелый, его много не унесешь. Мыли, очищали, пекли из него лепешки. Настало лето. В город вошли войска СС и профессиональная армия. Они были размещены по нашим домам, а мы жили, где придется. Немцы простояли в нашем доме месяц, потом ушли, и мы вернулись в свой дом. В это время уже выросла молодая крапива и щавель, этим мы питались, еще клевером диким, поели весь молодой липовый лист. Немцы ввели запретную зону, за которую мы не имели права заходить, это грозило расстрелом. Считалось, что идем к партизанам. Для своей безопасности немцы стали гонять нас на мины два раза в день. Староста назначал людей по очереди. Маму я боялась пустить идти на мины, вдруг она погибнет, поэтому ходила я за себя и за нее, ведь без мамы мы бы совсем пропали. Так мы прожили до сентября 1942 года.

Осенью нас выгнали всю улицу в центр города, подальше от леса, чтобы не ходили партизаны и мы им не помогали. Дома они разломали на дрова топить комендатуру. Пустила нас одна женщина к себе в дом в одну половину, а сама осталась в маленькой половине. В большой половине нас жило две семьи: нас четверо и их двое. Зима 1943 г. была суровая, снега было много. Немцы гоняли нас в лес пилить дрова для отопления комендатуры и домов, где жили немцы. Я с мамой ходила пилить дрова, норма была два кубометра, маме было трудно со мной, так как я не могла поднять тяжести. Со слезами и муками ставили 2 куб. м, дрова принимал лесник, меньше нельзя

было сдать. Так дожили до весны, а весной перебрались в пустой дом около станции. Немцы город не покидали. Мы по-прежнему ходили на работу: где мыли полы, где дрова пилили, посылали нас грузить зерно для их лошадей. Ездили мы на станцию Судмир на склад, там было просо, мы его и грузили. В этом складе мы решили себе тоже украсть, так как есть было нечего. Сняли с себя панталоны, завязали калошки и насыпали. Подъезжая к городу, покидали свое просо в кювет, чтобы немцы не заметили, и поехали к комендатуре, сдали мешки. Так продолжалась жизнь, трудная, голодная, тяжелая.

В конце августа внезапно врываются немцы, кричат: «Матка, вэк», и с ними переводчик. Он объяснил, чтобы мы шли на станцию, там поданы вагоны, и нас повезут в Германию. Так был загружен состав жителями нашего города и из других ближних населенных пунктов. Нас повезли через Брянск, Оршу, Витебск, Полоцк и Прибалтику. Разгрузили нас за колючую проволоку. Пробыли мы там неделю или две. После распределения большую часть опять загрузили в вагоны и повезли дальше через Гродно, Белосток, проезжали Вислу. С родственниками растерялись, так они попали к господам в Литве. Не знаю, в какой пункт нас привезли, это была уже чужая страна. Нас высадили, привели в здание, раздели наголо и поставили в очередь для дезинфекции. За столом сидела женщина в белом халате, перед ней стояла красная жидкость и мы по очереди смазывали волосяные покровы этой жидкостью. Потом нас заставили одеться и снова посадили то ли в электричку, то ли в трамвай и привезли в лагерь города Швантохцовец.

Поместили всех в большой барак. В лагере были украинцы, белорусы и пленные англичане. Рядом с лагерем был большой металлургический завод, на этом заводе работали все находящиеся в лагере за проволокой. Я работала на доменной печи на подаче вагонеток, это было для 16-летней девочки очень трудно. Материал кидали в вагонетку разный: доломит, зеле-

ный грюн. Доломит — это такой желтый камень, одна вагонка шла на подачу, и также одна вагонка зеленого грюна (зеленая руда или красная руда) 700 кг и того и другого на подачу. Давали помощницу, чтобы эту вагонку провести на весы, только после этого на подачу. Печь делала по 16—18 подач, и мне нужно было накидать вручную за 8 часов 16—18 вагонок. Работали в три смены: с 6 утра до 2-х дня, с 2-х дня до 10-и вечера, а потом с 10-и вечера до 6-и утра. Так продолжалось один год и четыре месяца.

Мама работала на улице по 12 часов, кидала материал в маленькие вагоны для печи. Материал этот привозили и ссыпали в бункеры, а я из этих бункеров кидала в вагонетку. Мой 14-летний брат работал в мартеновском цехе, где варили сталь. Он фуговал какили, куда разливали жидкую сталь для нужных форм. Его опускали внутрь какили, держали за ноги, одевали на него брезент, чтобы не было горячо.

В Германии мы оказались втроем вместо четверых, сестру 1928 года рождения назначили на работу, и она не вернулась домой. Так мы расстались и ничего не знали о ней до конца войны. Питание было плохое, одна вареная брюква, а в воскресный день семь картошек в мундире. Хлеба давали 200 г и с бамбуковыми опилками. На работу будил полицейай, придет со звонком, позвонит — значит, надо вставать и идти на работу. Я побиралась по городу, просила хлеба, так как тех 200 г, которые давали, было мало. В город пускали не часто. Без знака «ОСТ» тебя не пустят, через проходную пройдешь со знаком, а там оторвешь, чтобы в городе тебя не поймала полиция, а то доставят в лагерь и тебя накажут, посадят в бункер, а это страшно. А когда возвращаешься из города, пришьешь «ОСТ» и идешь спокойно. Вот такая была наша жизнь до марта 1945 года.

В конце февраля 1945 года немцы отступали, шли по городу, понуря головы, а мы сквозь колючую проволоку смотрели на них и не знали, что нам делать. Мы были уже без контроля. Ночью наш лагерь кто-то

обстрелял, в панике мы побежали спрятаться в бункер. Наступило утро, мы, лагерники, все покинули лагерь и пошли пешком до г. Катовице. Там уже были наши войска, нас временно разместили, накормили. С Катовиц наш путь лежал через всю Польшу. Так мы приехали домой в свой родной город Дятьково 5 апреля 1945 г. Наш любимый город Дятьково тоже был узником, пережившим голод, холод, страх.

ЧТОБЫ ТАКОЕ НЕ ПОВТОРИЛОСЬ

Васенкова Мария Алексеевна

г. Киров-2 Калужской области

Я, Васенкова Мария Алексеевна, была выселена фашистами из Песочни в 1942 г. вместе с несколькими семьями в сторону Рославля. Там нас продержали три недели и отобрали мою бабушку (я была вместе с ней), поместили в машины до станции, а там — в товарные вагоны. Разместили по несколько сотен, было очень душно, воздух тяжелый. Мне было тогда только восемь лет и я не помню, как доехали до Германии. Бабушка рассказывала, что я была еле жива. Так со мной на руках ее привезли в Германию, в город Акольд, в лагерь.

В этом лагере проживало несколько тысяч мирных граждан. За нами наблюдали немецкие врачи и содержали более или менее в работоспособном состоянии. Нас ежедневно вместе со взрослыми выгоняли на работу на текстильную фабрику, где шили рукавицы и телогрейки. Мы, дети, были подсобными рабочими, выносили и собирали весь мусор, работали по 16 часов, полуголодные, в деревянных колодках.

А чтобы не было вшей, нас остригали наголо и одедали в одинаковую черную одежду. Так мы там прожили до освобождения. Многие не возвратились, умерли в неволе.

ОМРАЧЕННОЕ ДЕТСТВО

Васёшенков Сергей Ильич

1932 г. р., ур. д. Липовка Куйбышевского р-на Калужской области

1941 год. Война. Она в моей памяти сопровождает меня всю жизнь. Я родился в 1931 году (по документам 1932 г.). К началу войны мне было 9,5 лет. Я был младший в семье, поэтому у меня было прекрасное безмятежное детство. Я с удовольствием ходил в школу в любую погоду за 1,5 км в соседнюю деревню с поэтическим названием Крайчики. Учился на отлично. Отец был хороший плотник, поэтому наш дом в деревне был один из лучших. Даже палисадник у дома был резной и сделан из дуба.

Колхоз наш назывался «Цветущая липа» и был один из лучших в округе. Жили в достатке. Дружно и весело. Два моих старших брата служили в Красной Армии, а две сестры ходили в школу. И вдруг все рухнуло. Наши отступают. Через село прошли немецкие танки и машины с немецкими солдатами. Сожгли 4 дома, набрали сала, кур, яиц и ушли дальше в сторону Москвы. Зима. Оставшиеся учителя пытались наладить занятия в школе, но ничего не вышло. И об учебе забыли на весь период войны. Жизнь наша померкла.

1942 год. Прошел слух, что наши пришли в г. Киров. Появились разведчики. Прошел немецкий карательный отряд. Забрали лучших лошадей, продукты.

Увезли, а потом расстреляли бывшего председателя колхоза. Мы жили в ожидании своих. Но фронт стабилизировался. Пришла немецкая часть и поселилась в нашей деревне. Нас из нашего дома выселили и отправили жить в конец деревни, подселив в другую семью. Постой постоянной части в какой-то степени был даже лучше, так как кончились бесконечные грабежи заезжих бродячих немецких групп. В одно время у деревни появился наш отряд из армии генерала Белова. Почти неделю длился бой. Отряд все же провалился и ушел в сторону Кирова, оставив в лесу группу тяжелораненых бойцов с медсестрой.

Август 1943 г. Были слышны звуки боев. И вот в один день мы услышали родные звуки «Ура!» в соседней деревне. Но до нас солдаты не дошли. Впоследствии мы узнали, что это была разведка боем. Разведчиков было полтора десятка, и они дальше не пошли, но и не ушли из занятой деревни. Немцы быстро окапывались. Нас выгнали из домов и отправили в немецкий тыл. Чтобы мы не сопротивлялись и не хоронились, они подожгли всю деревню. И с этого времени началось мое тяжелое путешествие в ад.

Вначале мы имели несколько подвод и коров. Постепенно у нас все это отняли и мы далее по Белоруссии шли пешком. В Барановичах нас рассортировали. Стариков и малых детей оставили в Белоруссии. Нас погрузили в товарные вагоны и отправили дальше. Вагоны набивали битком. Были трехъярусные нары, и то приходилось спать по очереди. С едой было не плохо, а очень плохо. Развелись вши. Люди начали болеть. Хорошо, что ехали не очень долго. Белосток. Сортировочный лагерь. Меня отделяют от семьи и помещают в карантинное отделение (спецбаракки), так как у меня предположили чесотку.

Через 10 дней я отмылся и смог (оказалось, вовремя) появиться в общем лагере. Здесь меня ежедневно ждала моя семья. Когда я вышел, их уже загружали в вагоны и отправляли в Германию. Мне повезло — я вновь оказался под опекой семьи.

Прибыли в Штутгартен. Лагерь для семейных располагался в бывшей высшей школе для девушек. Нас было около 1,5 тыс. человек. В учебных классах стояли двухъярусные нары с узкими проходами. Этот лагерь был с несколько более легким режимом по сравнению с другими. Мы работали на разных работах. Рыли убежища, убирали завалы на улицах после американских ночных бомбардировок. Часть взрослых работала на мелких предприятиях города. Мы были рабы. О нашей учебе даже речи никто не заводил. Кормили нас прескверно. Это был суп из брюквы вечером, утром кипяток и 150 граммов хлеба для детей и 250 — для взрослых. Хлеб имел в своем составе какие-то добавки и плохо готовился.

Работа для нас, истощенных ребят, была тяжелая. Давалась норма, и её с трудом, но надо было выполнять, иначе можно было не получить и эту миску баланды. Идиотство еще проявлялось и в том, что город американцы стали бомбить и днем, но нам не разрешалось прекращать работу. Ещё одна была неприятная вещь. Обувь, в которой мы приехали из дома, изнасилась. Нам выдали деревянные башмаки, которыми мы натирали ноги и слишком гремели по мостовой, когда утром шли на работу. Из-за этого нас из окон ругали немецкие женщины.

В один период мне повезло. Некоторое время летом я работал у немецкого бауэра (крестьянина). Нас двоих он купил у проводников, которые водили нас на работу. При этом было жесткое условие — мы должны были в точно определенное время и в определенном месте утром откалываться от колонны и вечером вливаться в неё. Так зарабатывался дополнительный кусок хлеба (бутерброд) и чашка кофе. Это был наш обеденный рацион, которого мы не имели на разборке развалин.

Апрель 1945 г. Наконец долгожданное освобождение. Нас освобождали американские войска. Сразу улучшилось питание. Появились наши офицеры. Нас перевели в немецкие военные казармы, где условия были лучше.

Кончилась война. Нас стали готовить к отправке домой. В августе дошла очередь и до нас. Так же в товарном вагоне, но несколько в лучших условиях, нормально снабженные продуктами, мы отправились в обратный путь на родину. Встречу с родиной наша семья ждала с нетерпением. Другого у нас помысла не было. Мы не завидовали немецкой жизни. У нас был, наверное, очень силен зов предков.

Наконец мы выгрузились на ст. Бетлица. Забрали свой скарб на плечи (продукты съели в пути) и отправились за 15 км домой. Жажда добраться быстрее домой была столь велика, что мы ни на минуту не задержались на станции.

И вот через 3 часа пути мы выходим из леса напротив своей деревни. Смотрим — стоят только несколько небольших свежесрубленных изб и ещё несколько незаконченных срубов.

Мама, посмотрев на эту картину, упала и зарыдала. Мы тоже не могли стоять. Сели и тоже плакали. Неясно даже было: от горя или от радости мы плакали. Наверное, было и то, и другое. От горя — из-за потерянной прекрасной довоенной жизни и от радости, что пережит наконец чужестранный кошмар. Мы наконец дома, где всё родное. Соседи, деревья, тропинки, дух предков. Была радость Родины!

Не было дома. Не было мужчин. Впереди зима. Продуктов в запасе нет. Все это промелькнуло в голове матери. Немного придя в себя, продолжили путь. По деревне не шли, а прошли большаком и вышли прямо на свою усадьбу. Пришли и сели на родные камешки, и снова слезы радости. Появились соседи. Стали обниматься и думать о проблемах. Рассказали, что первую зиму, кто прибыл первым, жили в одном немецком блиндаже. Затем первые прибывшие строились и в блиндаж заселялись новые жильцы. Мы прибыли последними, но блиндаж ещё был занят.

Что я обнаружил, когда пришли мои сверстники? То, что за два года я практически не подрос и отстал от своих сверстников почти на целую голову. Это был итог моего путешествия в Германию.

Взрослые говорили, что будет трудно с продуктами, так как урожай плохой. В колхозе не осталось никакой тягловой силы, кроме женщин. К осени приобрели шесть коров и три лошади, но еще не заготовили для них достаточно корма. До войны у нас в колхозе было около 60 лошадей, более сотни коров, свиноферма, овцеферма, птицеферма, пасека, сад. Не считая, что еще во дворе в каждой семье были корова и подтелок, пара свиней, пяток овец, не считано кур. Картошку, зерно просто высыпали у дома — и забирай, что тебе причитается.

Теперь все нужно было начинать не просто сначала, а из невысказанного ничего, из преисподней. Это был для нас страшный итог войны. Но жизнь брала свое. Люди собирались, постепенно обустроивались, обживались, помогая друг другу, как это всегда было на Руси. Перезимовали и мы у дяди в соседней деревне. За зиму из лесу на себе вывезли для сруба лес. Весной поставили сруб, и жизнь начала возвращаться. На крапиве, лебеде и картошке я догнал сверстников в росте, пошел в школу. И жизнь вновь закружилась.

Но не было уже той силы в нашем колхозе. Почти каждый дом потерял мужчину. Молодые девчата уехали в город на заводы и стройки. Подрастающие ребята шли в школы ФЗО, училища, институты. Страна поднималась и строилась. Начала поступать в село техника, и жизнь на селе вновь начала оживать. Мы, бывшие узники фашистских лагерей, окрепли и стали тоже активными участниками восстановления страны.

Не заметили, как подкралась и старость. У нас выросли дети и внуки, и стали мы готовиться к спокойной и радостной старости. Ан нет. Вновь по нам нанесен удар. Нас вновь лишили покоя. Если в ту войну у нас отобрали счастливое детство, то в эту — спокойную старость.

Мой дед родился еще крепостным. Мать в детстве топила печь без трубы. О школе и не шло речи. Только при Советской власти мы стали людьми и смогли жить по-человечески.

ТРУДНАЯ СУДЬБА

Внученкова (Романова) Евдокия Дмитриевна

1928 г. р., ур. д. Акимовка Жиздринского р-на Калужской обл., проживает на ст. Зикеево Жиздринского р-на

Детство мое трудное. Нас было мать, отец и пятеро нас, детей. Жили очень бедно.

Отец работал в Людинове. Мать заболела — и отцу мы не нужны стали. Мне в школу ходить было не в чем, так я и осталась малограмотная. Окончила три класса, и тут нагрянула война.

Забрали брата 1922 года рождения на фронт. Две сестры замужем. Остались брат, я и мама. В 1941 г. в ноябре пришли к нам немцы. Мама только что спекла хлеб — круглые ковриги. Немцы вытащили ножи, стали резать и приговаривали: «Матка, гут брот», и требовали «яйки».

На второй день снова пришли немцы и стали ловить кур. Я побежала из дому. Они погнались за мной и кричали: «Панинка, пук-пук», мол, будем стрелять.

Но тут стали бомбить по немцам. Мы хоронились в бункерах.

Сами рыли землянки и бревнами настилали в два наката. Сидели по три семьи. Горячей пищи по трое суток не ели. Кругом летели снаряды и сыпались бомбы.

Мы находились в одной и той же одежде: раздеваться нельзя было и помыться негде было целый год.

Тут стали наши наступать. В одной из хат нас было три семьи. А по соседству немцы сидели на чердаке с пулеметами в сторону наших.

6 марта в 6 часов утра наши засекли пулеметную

точку и начали бить из «катюши». И попал снаряд, где было нас три семьи. Мама грелась на русской печке, где ее и убило. Все убежали, а я осталась и кричала: «Мама, мама!» Но мама была уже мертва, а я задыхалась от дыма. Но я не помню, как оказалась в бомбоубежище, где и потеряла сознание.

На второй день на этом пожарище стали искать косточки мамины. Полетели снаряды, и мы с сестрой побежали на поселок. В лесочке был поселочек, там было бомбоубежище, где находились сестрины дети (четверо детей) и старушечка-свекровья. Когда бежали (мы бежали лугом), по нам полетели снаряды, видимо, подумали, что это разведчики. Но мы остались живы просто чудом.

В половину марта повезли нас на лошадях за Жиздрой в пос. Холмы, где мы малое время находились. Потом приехали немцы на своих фурманках — старички, а остальные были русские парни, двое в черной одежде, вооруженные автоматами. И поступали с нами грубо, еле успевали хватать свои узелочки.

Привезли в г. Жиздру в барак с большими воротами, видать, была конюшня. Народу нас было много, закрыли на замок. А брата 1925 года рождения забрали немцы, и он не вернулся.

Потом, на третий день нас повезли на станцию Жиздра. Погрузили в товарные вагоны, повезли на станцию Зикеево. И тут в это время налетели русские самолеты, и все время кружились у нашего эшелона. Но немцы закрыли нас на щеколды, чтобы мы не разбежались. Но русские самолеты засекли, что везут русский народ и не стали бомбить.

В тот же день нас увезли через Брянск, Минск и на Барановичи. Привезли нас в г. Слоним Гродненской области, а потом нас повезли за Слоним 25 км на лошадях по хуторам.

Нас выгрузили в сарай к семье поляка. Я в дороге заболела тифом. Я лежала на соломе, ухаживать за мной было некому. А помыться — я не представляла, что надо мыться. Голова у меня была вся лысая от

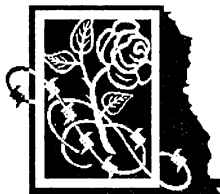
тифа, а то бы и живую съели вши. Как я жива осталась — просто чудом. Видимо, Бог есть на свете.

Потом я окрепла, пошла побираться, просить милостыню. Потом со старшей сестрой пошла работать: лен пололи, картошку копали.

1944 г. в октябре приехали домой, жили в землянке три семьи. Работала в колхозе. В 1947 г. вышла замуж, работала в леспромхозе чернорабочей. Было трудно, был голод.

На данное время живу на ст. Зикеево. У меня свой дом. Трудимся, имеем корову.

У меня пятеро детей. Старший сын живет в Брянске, второй сын — в Гродно, и трое дочерей живут в Москве. Имею 7 внуков. Мы пенсионеры. Фамилия моя девичья Романова. Жизнь моя была очень длинная, всего не опишешь, так как была я сиротой. Вот кратенько все.

ТАК ЭТО БЫЛО

Гарнизова Прасковья Федоровна

г. Киров-2 Калужской области

Есть даты и события, которые не забываются в жизни. Для меня это 22 июня 1941 г. — начало войны; 5 октября 1941 г., когда нашу деревню Скоринево Барятинского района оккупировали немцы; 19 января 1942 г., когда немцы сожгли деревню. А был крещенский мороз — 42 градуса. Люди, полураздетые, голодные, стояли и с ужасом смотрели, как дорагают их дома и другие строения. Мужчин немцы заперли в клуб и подожгли его, а в тех, кто смог выпрыгнуть из окна, стреляли. Нам, группе девушек, перейти линию фронта не удалось. Оставшихся в живых немцы под конвоем повели в деревню Бахмутово Барятинского района. В дороге многие отморо-

зили руки, уши, думали, что ведут на расстрел. В деревне добрые люди взяли нас в дома, обогрели, накормили. Меня приютила жена моего бывшего учителя, которого немцы расстреляли как коммуниста. И началось хождение по мукам. Лето я жила у нее, работала в поле, на огороде.

В сентябре нас, группу девушек, привезли в немецкую комендатуру, допросили, а потом повезли в Смоленск, а из Смоленска — в Германию в товарных вагонах с закрытыми дверями. Так везли нас целый состав «остарбайтеров» в неведомые края. Из Смоленска и в пути убежать не удалось. В Германии распределили: мужчин отправили работать на фабрики и заводы, а женщин и девушек взяли хозяйева.

С 14 октября 1942 г. по 24 апреля 1945 г. я работала у хозяина в Баварии, в Шлиерзее. Трудилась с раннего утра до позднего вечера. Жила в неотопливаемой комнате. В годы войны, спасаясь от бомбежек, приехали к нему три дочери с детьми. В семье стало 18 человек. Я мыла, чистила, стирала, убирала, обслуживала это семейство. Работала без выходных и отпуска почти три года. Питание было очень плохое, на день давали 100 граммов хлеба и немного картофеля. Пила чай без сахара. Я не имела права уходить из дома дальше одного километра, ездить поездом, общаться с русскими. Почти три года я слышала только немецкую речь.

Около дома был небольшой земельный участок, на котором я тоже трудилась. Ни жалости, ни сочувствия не было. Приходилось и болеть, но работать надо было и больной. Рядом находилась фабрика, где изготовляли крем для смазки сапог, там работали русские, украинцы, итальянцы, французы. У них был нормированный рабочий день и были выходные. Я им завидовала, мне у хозяина для себя оставалась только ночь. Очень трудно работать у хозяина. Я не имела права выходить из дома без унижительного знака OST, что означало «остарбайтер».

И так почти три года я прожила, как в тюрьме. А тоска по Родине была невыносимая. Последние годы до окончания войны, когда хозяйева уходили из дома,

я включала радиоприемник, ловила русскую волну и слушала «Время». О новостях сообщала своим соотечественникам, и как я плакала, когда по приемнику слышала русские слова: «Говорит Москва». Некоторые девушки убегали от хозяев, но я об этом и не мыслила. Куда бежать: все чужое и все чужие, терпела и ждала конца войны.

Мне было страшно, когда английские самолеты летали над Шлиерзее и бомбили, а немцы прятались в подвалы и убежища. И было до слез обидно, когда немцы говорили, что они не хотят, чтобы к ним пришли русские. Они ждали американцев и англичан, ведь исход войны был ясен. И дождались.

Ясно помню тот день, 24 апреля 1945 г., когда ранним утром из окон домов вывесили белые флаги. На улице тишина. И вдруг на площади появился отряд американцев. Строевым шагом они шли по городу, как новые хозяева.

Увидев русских военнопленных, а их можно было узнать по одежде, на которой яркими красными буквами написано SU, что означало Советский Союз, американцы отдали им честь. Ведь в войну были друзьями. Я подошла к телеграфному столбу, обняла его и с плачем тихо сказала: «Господи, придет время, когда я скажу, что ЭТО БЫЛО».

Вернулась на Родину 5 августа 1945 г., сразу устроилась на работу в школу на Фаянсовой, где проработала 28 лет учителем младших классов.

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЛОДОСТИ

Герасимова Стася Афанасьевна

1925 г.р., ур. д. Лиховня (Белоруссия), проживает в г. Обнинске Калужской области

Родилась я в красивой белорусской деревушке, уютно расположившейся возле речки и окруженной

со всех сторон сосновыми лесами. Название она носила Лиховня и, видимо, не зря. Много лихолетий пронеслось над ней, не одну войну пережила. Но Чернобыль накрыл ее своим крылом, и не стало деревни. Были вырыты глубокие ямы, столкнули туда бульдозерами дома, засыпали желтым песком. Теперь там только речушка среди песков, да великолепные стройные сосны, высоченные — неба не видно.

А в июле 1941 года мне едва исполнилось 15 лет, когда война подошла к нашему краю. Зимой у нас уже всю хозяйничали немцы. Лиховня находилась в 20 км от районного центра Наровля. Немцы расположились там, но и мы с первых дней установления немецкой власти почувствовали, что такое война.

Первое потрясение я испытала, как и все мои земляки, когда немцы, придя к власти, стали уничтожать евреев. У нас в деревне одна девушка вышла замуж за еврея, к началу войны у них было трое детей: 5-ти лет, 3-х лет и одного года. Белорусы очень трудолюбивый народ, много у нас жило и поляков и русских. А в Жаровле, куда переехала девушка из нашей деревни с семьей жить, проживало много евреев. Ее муж ушел на фронт, просил ее уехать от беды в глубинку России, что делали многие евреи. Но с детьми она вернулась в Лиховню к маме. Как же четко и резко война расставила людей по своим местам. Кто погибал за Родину, кто сражался и поднимал других на борьбу с врагом, а кто и всплыл на грязной волне в обличьи полицаев и предателей. Этих и объезжали знакомые им с детства места, вылавливая, выслеживая евреев и партизан. Выследили они и нашу женщину с детьми, хотя она где только ни пряталась: в погребе, на чердаке, в хлеву. Схватили ее с детьми зимой, побросали раздетыми в сани, избивали палками в кровь. Помню, как сильно плакал старший мальчик и умолял не бить его. Сани далеко не уехали, остановились. Один полицай брал ребенка за ногу, подбрасывал, другой на лету расстреливал. Так всех и расстреляли. Мать бежала за санями, она

страшно кричала, плакала, рвала волосы на себе, а потом просила уже убить ее. Но полицаи не убили, бросили в снег — не еврейка. Убили еще и старенькую еврейку из нашей деревни, у которой все родственники давно разъехались.

В Наровле зверств больше было, потому что городок, народу больше проживало. Там евреев согнали на замерзший пруд. Заставили бить стекла на лед, разули их и гоняли, гоняли пока пруд не стал красным от крови. Других жителей сгоняли и заставляли смотреть на это. Евреев расстреляли.

Уже много десятков лет прошло с той поры, а все страшные картины так ярко встают перед глазами, и так же, как и тогда, ужас и боль в сердце. За год, что я провела на родной земле в военное время много горя, слез пришлось увидеть. Полицаи с немцами часто наезжали расстреливать партизанских связных, родных партизан. Полицаи бросали детей в колодцы, вешали детей. Или, когда ловили партизан, сгибали верхушки двух берез и привязывали партизана за ноги. Сгоняли всю деревню смотреть. Человека то отпускали, то поднимали, умирал он в страшных мучениях. Или загоняли людей в сарай, обливали бензином и поджигали. Кто пытался выскочить, добивали из пулемета. Партизанских отрядов в Белоруссии было много, и погибло тогда очень много людей.

Заканчивался 1941 год, когда немцы первый раз начали угонять молодежь в Германию. Прослышав об этом, мы — девочки, которые были всей молодежью в деревне, поразбегались по дальним деревушкам. Я убежала за 80 километров в Хойницкий район к сестре. Но душа болела за стариков-родителей, которые остались одни. Вернулась в Лиховню. Некоторое время было спокойно. А летом 1942 года снова начались угоны. И теперь уже нас, беглянок, предупредили, что если еще раз убежим, перестреляют родителей. Отвечал перед немцами за угон староста. Как же я его упрасивала оставить меня дома: «Корову отдам, все, что в хате есть, возьмите, только оставьте дома». Но он ответил: «Что нам захочется, мы и сами

заберем, но если убежишь, на другой день родители будут висеть на дереве».

Угоняли нас, молоденьких шестнадцатилетних девочек, провожали всей деревней, плакали и прощались навсегда. В Наровле нас посадили в телячьи вагоны. В поезде было очень много девочек, так было тесно, что мы могли только стоять. Когда сильно уставали, то садились или ложились на ноги стоящим. Сутки ехали без единой остановки. И вот поезд останавливается в чистом поле. Открыли двери, велели выйти, оправиться. Вышли, видим — ряд пулеметчиков вдоль поезда, но после суточной езды не до стеснения было. А вдоль состава над нами летают два немецких самолета — сопровождение. Это потому, что, когда угоняли предыдущие партии в Германию, нашлось немало смельчаков, которые выламывали пол в вагонах и выпадали на шпалы, убежали.

Уже не помню, сколько времени нас везли. Прибыли в Германию. Остановились в каком-то городе. Нас загнали в баню на дезинфекцию, одежду — тоже на дезинфекцию. И уж потом привезли на распределительный пункт, откуда нас разбирали, как скот, кого куда. Кто попадал к фермерам, кто в лагерь. Из нас, белорусов, выбрали человек 50 девочек, в том числе и меня, и увезли в Мюнхен, в лагерь, который находился на окраине города, на улице Вайер-Брюнер. Потом мы узнали и другие улицы: Людвигштрассе, Гофманштрассе, пл. Марии. Красивый город, но не для нас. Для нас — лагерные бараки за колючей проволокой в несколько рядов. Очень запомнился первый ужин, потом уже привычным стало — принесли 30-литровую кастрюлю воды и на дне лежали ровно пять картофелин. Вечером раздали 100 граммов хлеба на утро, а утром давали кипяток. Со следующего вечера стали варить постоянную баланду, да такую, что мы по молодости своей сочинили частушку:

Баланда да баланда,
Даже нет капусты,
Только брюква и вода,
А в животе пусто.

Бывало часто и так: наварят квашеной брюквы, а там полно белых жирных червей. Тут уж кто матерится тихонько, кто мамочку вспоминает, кого-то рвет. Но голод был настолько сильным, что мы ели. Выключали свет, ели в темноте, а когда зажигали свет, у каждой чашки лежала кучка червей. Чувство голода присутствовало всегда, все три года, изо дня в день. Когда мы шли по городу на работу и до нас иногда доносился запах печеного хлеба, кто послабее — падали в обморок.

Вскоре в наш лагерь привезли партию украинок и среди них были детдомовские девочки от 12 до 14 лет. Потом прибыли полячки. У нас в лагере был отгорожен проволокой один барак, где жили человек 10 мужчин — французы и итальянцы. За время пребывания в лагере сменилось три коменданта. Первый был очень недолго. Второй задержался у нас месяцев на пять. С ним была жена — врач.

Работали мы на военной фабрике по 12 часов в день. Первые несколько дней нас возили на городских трамваях, но, видно, горожанам-немцам это не понравилось, и мы, вплоть до 1943 года, пока фабрику не разбомбили, ходили пешком за несколько километров на работу. Бомбы попали и в наши бараки, вместе с которыми сгорела наша немудреная одежда, обувь. Уцелел один барак. Девочки из уцелевшего барака поделились с нами чем могли, но, конечно, всем не хватило. Обувь немцы привезли быстро. Это были выдолбленные из дерева башмаки. Ходить было в них мучительно. А поскольку мы выходили на работу из лагеря рано и топали через весь город, то легко можно представить, какой звонкий перестук разносился по сонным улицам Мюнхена. Опять горожанам не понравилось и нас заставили ходить вокруг города, в обход жилых кварталов, получалось 17 километров.

Старая фабрика была небольшая, но народу работало очень много. Работали стоя, паяли корбочки, заливали черной массой. Было настолько дымно и

угарно, что я однажды пошла в туалет, упала без сознания и находилась там долго, потому что с нашей еды туалет почти не посещали. Только когда надзиратель обратил внимание, что меня нет на рабочем месте, начали искать. В лагерь меня несли на носилках французы все 17 километров. В сознание я пришла через сутки. Жена коменданта сделала мне укол, а когда я пришла в себя, дала выпить таблетку. Я была настолько слаба, что не поднималась две недели. Я благодарна жене коменданта: она спасла мне жизнь. Почему она это сделала? Не знаю. Может, жалела нас, девочек, вечно голодных, оборванных, изнуренных непосильной работой. Когда все уходило на работу, врач приходила ко мне каждый день и приносила стакан молока и граммов 300 белой булки. Если у меня падали крошки на постель, она тотчас их подбирала и все приговаривала по-немецки, прикладывая палец к губам, описывала круг рукой вокруг шеи. Тогда я сообразила, что никому не должна говорить, что она приносит мне поесть, что ее могут повесить за это. И я молчала. Надо сказать, что и комендант по сравнению с другими был не жестоким человеком. Когда, уже порядочно изодрав в кровь ноги в деревянных башмаках, мы начали у него просить другую обувь, он привез нам другие деревянные башмаки, но они изгибались в подошве, в них можно было ходить. В то время из нашего лагеря убежали две девушки, их, конечно, поймали вскоре, отправили в концлагерь. А начальника лагеря вместе с женой в наручниках вывели из дома, посадили в необычную черную машину. Больше мы их не видели.

Появился третий комендант — высокий, упитанный, с резиновой палкой на ремешке и с большой собакой. Он обращался с нами более жестко. Поднимал нас утром еще раньше, выстраивал в линейку, пересчитывал, и только тогда полицаи уводили нас строем на работу.

Нам давно не выдавали одежды. Зимой и летом носили одну и ту же одежду. Многие перешли на

сшитую из мешков. Но вот однажды в 1944 году привезли несколько контейнеров одежды, выставили, комендант говорит: «Выбирайте, кому что подойдет». Мы открыли контейнеры и в ужасе оцепенели, даже дыхания не слышно. Все сразу поняли, откуда и чья эта одежда. Это была одежда сожженных в крематории, задушенных в газовых камерах людей. Никто из нас не смел пошевелиться. В полной тишине комендант обвел нас глазами и как гаркнет: «Взять одежду!» Нас заставили взять одежду, но смерть как будто подступила к нам совсем близко, ведь нас могла постигнуть участь погибших людей в любое время.

И все же война близилась к концу. Мы мало что могли узнавать. Но чувствовались перемены в поведении немцев, да и французы с итальянцами кое-что передавали, у них режим был свободнее.

И вот наступило 27 апреля 1945 года. На работу нас не погнали, не строили. С утра была слышна канонада вдалеке, но днем все стихло. Но потом французы стали кричать: «Америка! Мюнхен!» Мы все уже встревожились, не знаем, чего ожидать, так как комендант в последние дни все чаще говорил, что для нас уже подготовлены «черные» машины.

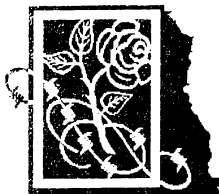
После полудня к нашему лагерю подъезжают танки, остановились невдалеке. Чьи — непонятно, но не стреляют. Французы первыми побежали к забору, побежали и мы следом, машем кто флагом, кто платком. Танки подъехали к воротам лагеря, все пленные перемешались с американцами, и плачем, и смеемся от радости. И тут же их спрашиваем: «Когда домой?»

Нас месяц еще держали в лагере. Американцы приезжали каждый день, прикармливали нас. Один американец говорил по-русски: «Куда вы собираетесь ехать? У вас на родине одни трубы и пепелище. Мы вас в Америку отвезем, в санатории подлечим, окрепнете, поправитесь в Америке, тогда — хотите уезжайте, хотите оставайтесь в Америке». Мы в молчании выслушали эти слова, а потом раздался такой дружный крик-воплъ: «Домой! Везите домой, на Ро-

дину, на пепелище!» Еле успокоили нас. Но не раз они еще приезжали к нам, соблазняя прелестями Америки. Но что нам Америка, когда мы пережили три года плена, голода, холода, побоев, унижений, сейчас свободны и так скучаем по родным, по дому. Только в родные края!

В конце концов американцы отвезли нас в Австрию к русским войскам. Там в городе Мельке пробыли в фильтрационном лагере два месяца. Домой добирались на грузовых поездах, на платформах с углем. Черные, грязные, зубы и глаза блестят, но счастливые и свободные. Ничто не страшило: ни дальняя дорога, ни голод. Через две недели мы были дома.

Нас встретили родители, сумевшие выжить, разорванная земля и трубы на пепелищах. Но мы вернулись на Родину, мы выстроили новые дома и привели в порядок родную землю.

ГОДЫ ТЯЖЕЛОЙ ДОЛИ

Герасина Анна Васильевна

ур. Барятинского р-на Калужской обл., проживает в г. Кирове Калужской области

Когда я пришла к Герасиной Анне Васильевне, она встретила меня с доброй душой и поклоном. На долю этой скромной, в настоящее время очень болезненной женщины выпало много страданий и мучений во время нахождения в лагере немецких оккупантов, угнанной в Германию еще совсем маленькой девочкой вместе со своей мамой.

Я очень просила описать свои воспоминания, но Анна Васильевна категорически отказалась. Она сказала: «Я выжила, а некоторых моих сверстников нет в живых. А другим было хуже».

На мои просьбы Аня все же немного раскрылась, но только начала рассказывать, как защемило сердце и пришлось ей пить лекарство.

Когда началась война, Аня со своими родными проживала в Бярятинском районе, в одном из красивейших уголков. В ее деревне были очень красивые дома, построенные в 1938 году. Рядом был лес, который укрывал их во время оккупации.

По рассказам Ани, немцы в их деревню в дневное время не показывались, т.к. боялись партизан. А ночью все жители деревни одевали на себя, что можно, уходили в лес ночевать. И вот в одну такую ночь, на Крещение, каратели сожгли эту красивую деревню. В том числе сгорел и дом Анны. Осталось только два дома где-то на краю. Пришлось укрываться зимой под снегом, засыпанными сухими сучьями. И она, прижимаясь к своим братьям и сестрам, лежала прямо на снегу, укрытая хворостом, собранным материнскими руками.

Однажды, когда они пришли из леса на пепелище своего дома, налетел карательный отряд, согнал всех жителей и погнал — куда, тогда Аня не знала. Так она очутилась в Германии. Разместили по баракам и стали гонять на работу на какой-то завод. Заставляли работать по 12 часов в сутки. Детей от взрослых отделили. На завод водили с надзирателями. Там давали разную работу, временами даже не под силу малолеткам. Кормили очень плохо, только одной брюквой да капустой, и то один раз в день. «Мы пухли от голода, хотелось есть. За заборами и в каких ямах валялись очистки, отходы, мы их собирали, и то так, чтобы не видели надзиратели, иначе они нас били резиновыми палками». Одеты были плохо. Обувь — давали какие-то колодки, обтянутые брезентом, которые протирались так, что были видны пальцы.

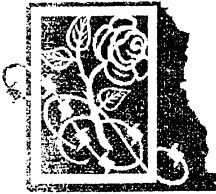
На груди была приколота немецкая эмблема для гражданских узников. Аня была очень худа, даже кожа отставала от костей. «Но почему-то, — говорит Анна Васильевна, — мы были настолько агрессивными подростками, что когда нас пригоняли на завод, мы работали внизу, а сверху был надзиратель. И ког-

да он нас подгонял и кричал, мы огрызались с ним, кричали на него всякими словами. Наш отряд даже прозвали сталинцами, которых не победишь и не проймешь ничем».

Но находились и хорошие люди, которые с доброй душой относились к пленным детям. Однажды нас вели с работы. По дороге ехали муж с женой. Они подошли к конвоиру и попросили, чтобы он разрешил взять двух девочек к ним домой покормить. Он разрешил. И Аня с подругой попали к ним домой. Там их вымыли и очень хорошо покормили. Там Аня за эти годы по приемнику услышала русскую речь: шла опера на русском языке. Аня говорит: «Я очень сильно расплакалась, меня еле уговорила хозяйка. Потом нас выпроводили в барак». И только Аня вышла за порог, все, что поела, оставила во дворе.

Вот с такими мучениями прошли годы тяжелой доли. «Потом наступил радостный час, когда нас освободили американцы. Они нас согрели, одели, накормили и относились очень дружелюбно. После нас стали вывозить из Германии домой вагонами, платформами. Так мы очутились на родной земле». Теперь ей уже больше семидесяти. Она больна. Раны не заживают.

Член совета БМУ Л.Пешаханова.

ВРЕМЯ НЕ ВЛАСТНО

Голодяевская (Уютова) Людмила Михайловна

*родилась в Дмитриевском концлагере в 1941 г.,
прож. в г. Самаре*

Свойство памяти — сохранять целые эпизоды жизни или проблески событий, которые порой и спать спокойно мешают, и жить благодушно не дают.

Что может помнить Люся, когда ей было четыре года от роду? Желтый цветок одуванчика за колючей проволокой. Свою прозрачную ручонку, тянущуюся к этому золотому диву. Капельку росы на покачивающейся травинке. Добрую мамину улыбку, ни с чем не сравнимые ее ласковые, нежные и успокаивающие прикосновения. И еще. Грохот бомбежек. Мальчика Леву. Изнурительное многочасовое стояние на опельплацу. Не то хохот, не то ржание охранника. Затрещины «няни» — надзирательницы, «присматривающей» за детьми, пока их матери на тяжких работах. И толпы людей — лежащих, идущих, стоящих...

Это из ее детства... Люся родилась 21 августа 1941 г. в оккупированной гитлеровцами Кретинге, в стенах Димитровского концлагеря. Сюда спешно свозили «опаснейших» врагов рейха — женщин, жен военнослужащих и советских работников с детьми, престарелыми родителями, не успевших эвакуироваться. Среди них была и Люсины мама — Наталья Уютова, жена политрука резервной пограничной заставы 1-й Палангской комендатуры, 105-го погранотряда.

Это потом пришли и остались навечно живой памятью рассказы матери и ее старшей подруги Марии Ивановны Корнюхиной о войне, мытарствах по концлагерям, об удушливом смраде Майданека, печей которого они чудом избежали. Были каторжные работы в одном из поместьев в местечке Маркендорф, что на Одере. Все услышанное ворвалось в ее сознание, прошло через сердце, выкристаллизовалось болью и осталось навсегда. Люся, теперь Людмила Михайловна Уютова-Голодяевская, поняла: вспоминать — это совсем не то, что помнить. Вспоминать — значит, что-то мельком, мимолетно, ни к чему не обязывающее. А помнить — другое. Это вечное, не дающее покоя, сжимающее не отпускающей болью сердце. И Людмила помнит. Помнит каждой частичкой своей души. Неустанно ищет тех, кто знал и помнил ее маму, кто был вместе с нею в немецкой неволе, кто помог уцелеть, выжить в том крошечном аду.

Ее родители поженились рано. Наташе едва исполнилось семнадцать лет, а Михаилу Уютову, курсанту высшего пограничного училища, было чуть за двадцать. Они любили друг друга светло и радостно, как это бывает только в пору расцвета юности и первых чувств.

В 1940 г. политрука М.Уютова перевели в 105-й Кретингский пограничный отряд. Вместе с ним приехала и Наташа. Поселились они в доме литовского крестьянина, жившего неподалеку от заставы. Было там старинное здание, местные жители называли его «замок Кверкшляй».

В первые часы войны политрук М.Уютов был тяжело ранен, но его удалось вывезти в тыл. После госпиталя воевал и служил в погранвойсках. В отставку вышел в чине полковника с большим числом боевых наград и оставшимся осколком немецкой мины в груди.

А Наташа Уютова в то страшное утро 22 июня не смогла далеко убежать, не хватило сил. Трепетавшее под сердцем дитя не давало ни бежать, ни даже быстро идти.

Грохотало и рвалось небо, горела вся земля. От Пришманчяй доносились глухие короткие очереди станкового пулемета. Там затихал неравный бой... Молодая мать и ее первенец, крошечная Люся, вряд ли тогда выжили если бы не людская доброта. Для Уютовых спасителем стал Игнас Каунайтис и его семья. Приезжая в Кретингу на базар, по иным своим делам, Игнаст обязательно сворачивал на дорогу, ведущую к Димитровскому лагерю. К этому жутковатому месту вело его не любопытство и не жажда наживы. Хотя и такие тоже встречались. Война оголила души человеческие, показала кто есть кто... У измученных голодом узниц за ломоть хлеба, за кусочек сала или горсть риса выменивали нарядное платье, яркую легкую кофточку или добротный командирский отрез на костюм. Игнас хлеб, картошку отдавал бесплатно. Не мог он без боли и жалости смотреть в огромные, полные взрослого понимания и страдания детские глаза, видеть истощенных женщин с младенцами на руках.

Скудное количество «продуктов», которое выдавалось узникам концлагерей, немецкие власти считали непозволительной роскошью. Ведь их руководящий принцип заключался в том, что «недочеловеки», народы «востока», имеют лишь одно-единственное оправдание своего существования — быть полезными для Германии. Поэтому и начальство Димитровского концлагеря стало отдавать, вернее, продавать женщин-узниц в работницы местным и окрестным жителям. Существовал определенный «прейскурант» цен: молодые, бездетные женщины стоили дороже, те, у кого были дети постарше, а значит, могли выполнять какую-либо работу по хозяйству, шли всего за 7 марок. Женщины с малышами стоили 4—5 марок. Купил и Игнас Каунайтис работницу — Наталью Уютову с трехмесячной Люсенькой. Долго потешались полицейско-охранники, когда он, усадив свою «покупку» в телегу, подстегивая лошадок, заспешил от этого гиблого места. Так Уютовы оказались в семье Каунайтисов. В единственную полутемную комнатку, как часто вспоминала Наташа Уютова, хозяин поставил собственноручно изготовленный деревянный топчан.

— Его жена сшила из мешков чехол, набила его соломой. Это была наша постель, — рассказывает Людмила. — Хозяева и сами спали не на лучшем. Небогато они жили, и, как теперь понимаю, совсем им не нужна была работница. Да мама и не чувствовала себя ею. Она работала наравне со всеми взрослыми членами семьи Каунайтисов и ела с ними за одним столом. Пожалели они нас. У самих достаток невелик, собственных детей — семь человек да нас двое. Но первую кружку парного молока хозяева отдавали мне, как самой маленькой и слабенькой. Мама была рада, что мы к ним попали — были сыты, не испуганы, не избиты.

До осени 1943 г. прожили Уютовы в этой простой сердечной семье. По аусвайсу, немецкому документу, заменявшему подневольному человеку паспорт (кстати, выхлоптанному Игнасом), Наталья значилась литовкой, вышедшей замуж за русского офицера. Но и это не спасло ее от угона в Германию.

Каунайтисы искренне жалели женщину, ее белокурую, кудрявую девчушку, забавно лепетавшую по-литовски. Уговаривали Наташу оставить ребенка у них, уверяли: Люсите будет им дочерью, внучкой. Умом она понимала, что у Каунайтисов девочке действительно будет спокойнее и безопаснее, но материнское сердце не мыслило разлуки.

В один из слякотных, промозглых дней сорок третьего года к железнодорожной станции Кретинга под конвоем шла многочисленная колонна женщин и детей. Шли они в неизвестность — в эшелон, отправляющийся в Германию с новой партией восточных рабов.

— Среди них была и моя мама и я, — рассказывала Людмила, — возможно, в той же колонне находились Нина Михайловна Минеева, жена политрука-пограничника М. Баранова со своими малолетними девочками, из которых младшая — Элеонора тоже родилась в Димитравасе; Ольга Галина с детьми и малышом, тоже рожденном в концлагере: Танюша, Галина и Лева Плесков. Несколько лет назад я случайно узнала, что Таня жива и работала одно время на Севере. А вот следы светловолосого, с кудрявым чубчиком Левушки так и затерялись.

Сколько же человеческих жизней унесла, искалечила война, перемололи фашистские концлагеря и всемирно известные «фабрики» смерти по уничтожению людей и «рядовые», каким был Димитровский концлагерь!

Маленькая Люся даже после возвращения из Германии (в июле 1945 г.) отъевшись, отоспавшись в гостеприимном бабушкином доме, часто с тревогой напоминала маме, чтобы она поискала в деревне апельплац и они не опоздали на проверку-переключку, а то их накажут. Когда гремел гром, она деловито говорила: «Бомбят — нужно идти муку воровать!» Потому что при налете и бомбежках союзнической авиации охрана концлагеря пряталась, и голодные узницы пользовались временной безнадзорностью, добывали, как могли, крохи пропитания, в том числе

и муку. Потом ее делили в бараке и тайком пекли пресные лепешки, подкармливали детей. Еще долго, очень долго кричала и металась по ночам Люся от недетских своих снов. На ее глазах, на глазах женщин и детей, согнанных на экзекуцию в одном из концлагерей, в назидание был четвертован советский разведчик, почти мальчик, выданный предателем.

Не могла девочка выносить, если кто-то из взрослых становился за ее спиной. Она начинала дрожать и беззвучно плакать — опять будут брать кровь до обморока. У них, крохотных детей, тоже брали кровь на головке из вены для раненых немецких летчиков-асов... Уже будучи ученицей первого класса, когда учительница ласково и понимающе склонялась над ее партой, Люся сжималась в комочек. Срабатывал инстинкт самосохранения — если ударят наотмашь, падая, меньше ушибешься... Жестокие-прежестокые уроки... Как бы не насаждали гитлеровцы, они не убили в человеке человеческое. Вопреки всему люди страдали, помогали друг другу и, пока будут живы, это не забудут.

— Мне не удалось повидаться с Игнасом Каунайтисом. Нет уже в живых этого доброго, честного и немногословного человека, которому в немалой степени жизнь свою обязана.

Но жизнь продолжается. Людмила и ее дети познакомились и подружились на литовской земле с детьми и внуками Игнаса Каунайтиса. И летят теперь через всю страну письма со словами искренней дружбы и сердечного привета. Потянулись невидимые, но крепкие нити дружбы и понимания между этими семьями. Над этим время не властно.

НАШИМ МАТЕРЯМ

Скорбные лица — как Богоматери,
А в глазах затаилась боль,
Это наши святые матери
Заслонили нас собой.

Это матери наши смелые —
Героини без лишних слов,
Отливают платочки белые
Серебром от седых голов.
Наши матери, нас сохранившие,
Виноватые без вины,
Вы, мужей своих схоронившие,
Не вернувшихся с той войны.
Фотографии, как иконки,
Поразвешаны по стене,
Только прячутся похоронки
В сундучках и на самом дне.
Матерями своими спасенные
В лихолетье военных гроз,
Как святою водой, окропленные
Чистотой материнских слез.
Вот и мы, сединой одетые,
В поминальный тяжелый час
Матерей целуем портреты.
Вы простите, матери, нас!

ДЕТИ ВОЙНЫ

Дети войны — и веет холодом,
Дети войны — и пахнет голодом,
Дети войны — и дыбом волосы:
На челках детских... седые волосы.

Земля омыта слезами детскими,
Детьми советскими и не советскими.
Какая разница, где был под немцами,
В Дахау, Лидице или Освенциме?

Их кровь алеет на плацах маками,
Трава поникла, где дети плакали!
Дети войны — и боль отчаянна,
И сколько надо им минут молчания!..

**БАЛЛАДА
О МАЛЕНЬКОМ УЗНИКЕ
КОНЦЛАГЕРЯ ДИМИТРАВАС**

Стоя в молчании глубоком,
Как будто близких потеряла
Боюсь спугнуть я ненароком
Ту тишину мемориала...
Но в первозданной тишине
Мне чудятся глухие крики.
За обелиском на сосне
Играют солнечные блики.
И вот уж угасает день,
Охрана уж ночная вышла,
Я ясно вижу чью-то тень,
В траве скользящую неслышно.
Смерть недалеко - у ворот,
И прямо в душу смотрит дуло,
Но снова в темноту ползет
Мальчишка, семилетний Юра.
Холодный дождик по спине,
И одежонка вся промокла.
Собаки воют в тишине
Да темнотой пугают окна.
Берет он молча, что дают,
Вдыхая теплоту порога.
Он знал, что если подадут,
То подадут — не ради Бога.
Он в лагерь, как на эшафот,
Опять вернется по задворкам.
Кусочек сала принесет
Голодным маленьким сестренкам.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Уставшую, в дорожной перегрузке,
Откуда-то из адовой земли
Меня, не понимавшую по-русски,
В Россию в сорок пятом привезли.

Вот с мамой мы у отчего порога...
Мне, плача, дед худые ручки целовал.
Ругался дед и в мать и в Бога,
И Гитлеру чего-то все желал.
Сморкались бабки в белые платочки,
Кто маслица, кто хлеба приносил.
— Возьми-ка, милая, для дочки,
Да ешь сама, да набирайся сил...

* * *

Прошу у Родины прощенья
За миг, прожитый без нее,
Грехов как будто отпущенья
Благословения ее.

Опять спешу в ее просторы,
Что было в прошлом, схороню.
Билет на поезд самый скорый,
Как индульгенцию храню.

И острый приступ ностальгии
В пути прихватит вдруг меня.
Не знаю, как без Родины другие
Я без нее не проживу и дня.

СЛЕЗЫ РАДОСТИ И ГОРЯ

Горбачев Иван Порфирьевич

1925 г.р., г. Малоярославец

Наша семья состояла из восьми человек: отец, мать, пять братьев и сестра. Отец всю жизнь проработал на железнодорожном транспорте. Жили мы на ст. Свеса Ямпольского района Сумской области.

Мне не пришлось участвовать в Великой Отече-

ственной войне, но я живой свидетель военных событий. Мои юные годы прошли в застенках рабского труда в Германии.

22 июня после окончания 8 классов в школе проходили соревнования по Осоавиахиму. Надо было погасить очаг возгорания. Я занял второе место. В этот же день в 16 часов радио сообщило о нападении Германии на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война. На второй и последующие дни начались массированные бомбежки железнодорожных путей, мостов, и наша территория с сентября 1941 г. оказалась оккупированной немцами.

В тылу начали организовываться партизанские отряды. Против партизан стали выступать военные карательные отряды мадьяр, финны, болгары и др. Постоянно происходили стычки между партизанами и карательными отрядами.

12 октября 1941 г. в нашу семью пришли полицаи с целью угнать в Германию старшего брата Николая. Его дома не оказалось — ушел в партизаны. Тогда они схватили меня вместо брата. Когда готовили список для отправки в Германию, тот, кто писал, спросил: «Кто этот пацан?» (указывая на меня), и кто-то ответил, что это сын Горбача (так звали моего отца), и меня записали как Горбач. С этой фамилией я пробыл в Германии 930 дней и только в 1953 г., будучи в рядах Советской Армии, я смог восстановить фамилию с Горбача на Горбачева, предъявив свидетельство о рождении.

Итак, с 12 октября 1941 г. началась моя новая автобиография. Я стал узником рабского труда. До станции Ямполь Сумской области нас, молодых пацанов, примерно 35 человек, гнали пешком 12 км. Посадили в вагоны и довели до разбитого бомбой моста. По фермам разрушенного моста нас перегнали на другой берег реки, а там стояли уже другие вагоны, в которых нас повезли в Конотоп. В Конотопе сформировали целый эшелон для отправки в Германию. Эшелон прибыл в Магдебург. Поместили нас в повреж-

денный кинозал. Переночевали кто как мог, кто сидя, кто на корточках, а наутро всех разбудили и объявили, что у одной девочки украли курицу. Переводчица объявила, что если не вернут девочке курицу, каждый 10-й будет расстрелян. Всех вывели на улицу и каждый смотрит, откуда будут считать, чтобы не попасть десятым.

Оказалось, что нас вывели на распродажу. Подходит пожилой немец, видать бауэр, и трясет каждого, подбирая себе здоровых ребят. Отобрал нас 16 человек, купил нас и повел на поезд. Проехали 60 км, и повел нас в свое хозяйство. Поселил в сарае, дал по кусочку хлеба с маргарином и чай. Легли все спать.

Наутро он будит всех нас и одного парня не досчитывается. Спрашивает, где шестнадцатый. Все мы чужие, не знаем как кого зовут, все пожимают плечами, а парнишка тот сбежал. Всех нас повел хозяин на огород убирать картофель. В огороде грязь по колено, картошка крупная, за день так устали, что к вечеру не чувствовали ног. Вечером он сообщает, что нашего парня поймали и расстреляли. Мы проработали две недели, убрали всю картошку, просушили.

В начале ноября хозяин свез нас на военную фабрику в г. Зальцведель. Временно нас заселили в подвалы, расположенные на территории фабрики, затем переселили во вновь построенный большое лагерь, это уже было постоянное место.

В этом лагере находились русские, белорусы, украинцы, французы, бельгийцы, поляки и другие иностранцы. Сразу стали заводить на каждого карточку, делать отпечатки пальцев. Когда дошла до меня очередь проводить отпечатки пальцев (а у меня болело плечо, и я не мог полностью повернуть большой палец), тогда сзади стоявший полицай ударил меня два раза по плечу. Я упал от боли и потерял сознание. Приводили меня в чувство с помощью нашатырного спирта.

Потом проработал три дня на упаковке патронов в ящики. Подошла ко мне фрау Шульц, похлопала по плечу и говорит, чтобы я за ней шел. Выйдя на ули-

цу, я увидел подвальное помещение выгоревшее внутри от пожара, это была лаборатория, где проводились испытания патронов. Проработал неделю в этом помещении, убирая после пожара черную грязь, копоть, не полностью сторевший войлок, который предназначался для звукоизоляции в помещении во время проката пулемета. Фрау Шульц сказала, что я буду здесь работать. Работал я здесь с одним немцем-инвалидом, который знал немного русский язык. Сначала работали вдвоем. Немец учил меня, как проводить стрельбу из пулемета. Бралась пробы от определенных партий патронов, закладывались в ленту и ставились в камеры холода —60° и камеру жары +60° на 4 часа. Затем эта лента с патронами выстреливалась из пулемета, где проверялось качество патронов. После стрельбы на мишенях проверялась кучность пробоев, сортировались гильзы, по которым судили проверяющие, а это были женщины. Во время стрельбы были разные сбои. Лопались гильзы и застревали в стволе, взрывались патроны, это уже был дефект, который выводил пулемет из строя и это был сигнал для браковки партии патронов.

Когда мой немец-инвалид заболел, я остался один в этом подвале. Изучив всю технологию этих стрельб, мне было с одной стороны проще, а с другой — очень опасно. Если контролеры, а они всегда приходили когда я отстреляюсь, разоблачат меня в подтасовке негодных, дефектных гильз в хорошую партию. И это мне удавалось, хотя это был большой риск. Таким образом мне удалось примерно свыше 4-х миллионов патронов забраковать, и они не попали на фронт. Конечно, сейчас об этом легко говорить, но тогда это было страшно, я всегда находился в тревоге за свою работу, снились страшные сны.

Находясь в этом проклятом лагере мне всегда хотелось кушать. Я вспоминал Родину, родных. В 1944 году, когда был открыт второй фронт, со стороны американцев, англичан начались массовые бомбежки всей Германии. Разбомбили и наш концлагерь, фабрику.

Погибло много людей. Оставшихся в живых развозили по Германии.

Нас, 60 человек, погрузили на машины и отвезли в Альпы, недалеко от Швейцарии. Привезли в город Кирхгайм, а затем отвезли в горы, за 18 км., где планировали строить какой-то завод. Были подготовлены два домика, а между ними кухня — два котла. Работали на каменном карьере, дробили камни на дробилках, сортировали щебенку, заливали фундамент, строили дороги.

Был такой случай, когда после очередного взрыва в карьере с горы летел камень и попал мне в голень левой ноги, повредил кость. Я лежал на койке верхнего яруса. В это время была бомбежка. Бомба пробила крышу, потолок и попала под котел кухни, но не разорвалась. Я лежу, и смотрю на эту бомбу, потихонечку сползаю с койки, и так оказался на улице. Я не мог долго опомниться. Это было уже начало мая 1945 г. Нога немного поправилась и мы, четверо ребят, убежали в горы, запрятались в пещеру и просидели там до 12 мая. Война окончилась 9 мая. Утром 12 мая мы вышли на тропинку. Увидели, что кто-то машет нам рукой. Мы подошли к ним. Это были американцы. Угостили нас шоколадками. Не успели мы открыть шоколад, как на повороте увидели машины, которые подбирали всех, кто остался в живых. Привезли нас в Кирхгайм на сборный пункт, где мы прошли фильтрацию.

Был сформирован эшелон из автомашин. Шофера были негры на студебекерах. Нас должны были отвезти в г. Ковель, на Украину, но по дороге остановились в г. Братиславе на ночевку. И вот что произошло дальше. После долгой дороги я слез с машины и с одним парнем стал искать место, где можно помыться. Одна женщина показала нам, где вода. Это была небольшая речушка в лесу. Идя по тропинке к воде, я неожиданно встретил родного брата Николая. Мы обрадовались, обнялись, поплакались. Слезы радости боролись со слезами горечи. Он забрал меня с собой.

Пришли в его кабинет. Он был комсоргом батальона. Обогрел меня, обласкал, покормил, помыл. Переночевали вместе, а наутро опять на автомашины и ехали до Ковеля.

Брат рассказал мне о доме, о военной службе, о своих похождениях. В г. Ковеле вновь фильтрационная проверка. Получил справку о моем пребывании в Германии. Прибыл домой и стал на учет в военкомате.

Так закончилась моя биография в проклятых застенках Германии. Началась наша биография — надо было доучиваться. Семь лет армии, будучи в армии закончил 10 классов, а служил последние годы в г. Малоярославце в железнодорожном полку и здесь же обзавелся семьей.

После демобилизации поступил на завод и одновременно начал учиться в техникуме. Закончил в 1960 г. Живу в г. Малоярославце. Дети: дочь — Людмила, сын — Виктор, внуки: Юля, Марина, Женя, Миша, Артем, Дима, Павлик, правнуки — Егорка, Сеня, Никитка и Дима.

Моему поколению выпали суровые годы войны на фронтах, в тылу и в застенках концлагерей. Пожелаю, чтобы будущим поколениям эти ужасы жизни, если это можно назвать жизнью, остались только в воспоминаниях.

ЭТО ЗАБЫТЬ ТРУДНО

Гуркина Екатерина Егоровна

1928 г.р., ур. с. Слобода Хвастовичского р-на Калужской обл., проживает в д. Степичево Малоярославцецкого р-на Калужской области

Когда началась война, мне было 13 лет. И с 22 июня немцы сразу кинулись к Москве. В октябре

оккупировали половину нашей страны и под Москвой застряли на два года.

В 1943 г. их выбили от Москвы. Они страшно упирались. В августе 1943 г. Калужскую область освободили, а они, гады, все наши села сожгли, урожай весь спалили, чтобы нашим войскам нечем было кормиться. Скот весь у населения стащили, свою армию кормили нашим мясом. Людей выгнали всех. Стариков, женщин и детей погнали на Брянск. Пожары пылали — страшно было видеть. В Брянске всех на платформы загнали и повезли до Витебска. В Витебске загнали в лагерь. Это был лагерь смерти. Сколько там безымянных могил наших солдат пленных — по 400 человек могила, посреди стоит крест, на кресте стоит цифра — 400 чел. А сколько там таких могил!

Проволокой колючей в несколько рядов огорожен лагерь. Когда нас загнали в лагерь, пленные последние умирали с голоду. Раненые они, им даже воды не давали. Плакали наши женщины на этих страшных могилах и говорили: «И наши сыновья и мужья здесь лежат». Фамилий никаких не было написано. Врачей, офицеров хоронили отдельно, тоже фамилий не было написано. Это был лагерь — ад, и летчиков везли со сбитых самолетов. Плотнo огорожен проволокой колючей, по углам вышки с пулеметами. А кого охраняли? Пленных уложили в могилы. Женщин с детьми пригнали и стариков. Дети маленькие умирали. Таких могил в этом лагере (по 400 человек) могил пять было.

Если б мне пришлось побывать в Витебске, я бы взяла такси и попросила отвезти меня в тот лагерь. Я бы обошла его весь. Мы там два месяца на этих могилах жили. Ну, сейчас там будет памятник и Вечный огонь, и проволоку, небось, оставили, как было загорожено: память потомкам.

Нам раз в день давали чуть баланды и хлеба сухого по чуть-чуть. К осени стало холодно. Выгнали нас из лагеря на широкую асфальтовую дорогу и погнали пешком до Минска. Грохот: по дороге гонят технику. Танки, машины отступают. Утром патруль стучит в

стенку: «Руссиш авштейн!», — и опять на дорогу. Не помню, сколько дней от Витебска до Минска шли. В Минске загнали всех в казармы и никуда не выпускали. Там мы не видели могил. Ну, казармы тоже были сделаны для пленных. С неделю подержали — зима наступала. Заходят в казарму офицер-немец с переводчиком и говорит: «Кто поедет в Германию, просим выйти к поезду». А поезд был рядом с лагерем. Мы бросились к маме: «Мамочка, не надо, не поедем в Германию! Лучше здесь умрем. Там нас немецкие дети камнями поубивают». И мама нас послушала. А некоторые семьи поехали, попрощались и сказали: «Какая разница, где умирать: здесь или в Германии».

Нас еще подержали в казармах и повезли. Куда везут — не знаем. Чужой край. Потом ночью поезд остановился, открывают вагоны: «Руссиш, ап — выходи». И поезд ушел. Сидим, холодно и голодно. Стало рассветать — идут жители к нам, несут кто что. А это была станция Синкевичи. Вся округа около станции была усыпана гильзами и большими, и маленькими. И жители говорят: здесь партизаны немецкий состав сожгли. Немцы на передовую везли снаряды, а партизаны подожгли. Немцы кинулись отцеплять вагоны, и сами погибли от своих снарядов.

Потом пришли к нам местные власти: староста, полицаи — и повели нас по домам. Всех устроили у жителей. Село Синкевичи прямо рядом со станцией, и река Лана. Рядом село Мокрово. Посреди этих сел река. Красивые места. Сама природа украшала местность. От Мокрова хутора и дальше много хуторов. И люди в этой местности хорошие, добрые. Нас они звали «восточники». Таких добрых людей, наверно, нигде нет. Все давали, и партизан кормили, а немцы все отбирали. До 1940 г. у них власть была польская. Они все говорили: до прихода немцев у них правил страной Пельсуцкый. А когда немцев выгнали, в 1944 г. стала наша власть, советская.

Русские войска пришли в Синкевичи в 1944 г., в июне, в Петров день, праздник православный. Там немцы не палили, из села не выгоняли никого — сами удирали бегом.

Днем вышли мы на улицу — немцы на повозке везут русского солдата и спрашивают: «Сколько войск ваших, где стоят, сколько танков?» А он ни слова не ответил, все молчал. Мы сказали, что видели солдата нашего везли, а они сказали: ничего он им не скажет. Это они нашего разведчика схватили, он был ранен тяжело, ну, они его и убили. Еще немцы на передовую конницу под Микошевичи погнали. До чего красиво: кони группами под масть, а кавалерия — мадьеры в темно-коричневой форме. Очень много и долго ехали. Кони очень хороши. И обратно бежали раненые, хромые, и всадников не было. Коней жаль. Животные приняли бой на себя.

Когда немцев выгнали, они загремели ближе к Германии. Мы помогали своим дорогу укладывать, носили бревна, кусты рубили, ямки засыпали, чтоб техника шла. И командовала женщина в военной форме — до чего она хороша! «Давайте вот сюда поднесите». И все нас подбодряла: «Закончим войну — заживем». А звать ее — мы не знаем как. Как солдаты, к ней обращались: «товарищ лейтенант». А потом прошли машины, танки, и шла строем армия с знаменем и пели:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой грозною,
С проклятою ордой.

Это надо было слышать. Весь воздух содрогался от этой песни, все женщины плакали. А когда наладили железную дорогу, пошли поезда и мы поехали домой на свои пепелища. В погребке печку маленькую сложили и стали жить. Голод, холод. С Германии стали возвращаться — всего привезли: и одежды, и машинки швейных, и перин. Им легче было: на хлеб меняли, на Украину возили. А нам нечего ни одеть, ни обувь младшую сестру. В школу не в чем было идти,

так и осталась неграмотная. Мама говорит: «Узнай, где лучше. С Германии приехали богачи, а у нас ничего». Что делать — выдержали, только мама умерла 15 мая 1945 г. Самые трудные годы.

Вот говорят, в Германии хорошо живут, а мы плохо. Ради бога, пусть живут! Только нам немецкая власть не нужна, мы богато никогда не жили, нам и так хорошо. Мы от немцев натерпелись и наплакались, хватит. Мы их сюда не звали, пришли сами и разрушили все. Нашу доблестную армию на колени не поставили, выстояли четыре года суровых и страшных. Наши соседи были в Германии, и слышны стали бои. И немки спрашивают: «Придут к нам русские, что будут делать у нас?» А наши женщины говорят: «Что ваши делали у нас, то и наши будут делать у вас». А они, немочки, плачут: «Мы не приказывали своим в России убивать».

Проклятые фрицы! Наши русские ихних немцев пленных не убивали и голодом не морили. Отработали по 3 года после войны и поехали домой к себе в Германию.

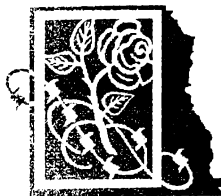
А когда русские наши войска освободили Синкевичи, Мокрово (это была Пинская область Лунинский район) и собрали собрание, жители сошлись все слушать, что им коммунисты скажут.

Выступил наш представитель и всем объявил, что будут колхозы, все работать будем вместе. А они в крик: «Не пойдем в колхоз!» А потом он говорит: «Откроем школы для детей бесплатно, больницы бесплатно». А они говорят: «Да, такого нигде нет, чтоб детей учили бесплатно». У них только дети богачей учились и больницы были платные, и дорого. Если к врачу на прием попасть, то корову надо продать. Это при ихнем Пельсуцком было, жители рассказывали.

Мы жили у женщины — трое детей у нее были. Мужа немцы расстреляли. Гоца Катерина Демьянова. Соседи очень хорошие были: Королевы, Тарановы, Курова Софья, тоже у ей мужа немцы убили. Целый год мы жили в ихних краях, пока наши войс-

ка немцев не выгнали. Этих людей мы добрыми словами вспоминаем, они и сами от немцев моря слез пролили.

Сама я родилась и выросла в Хвастовичском районе с. Слобода. С 1970 г. живу в Малоярославецком районе. Всю жизнь работала: и в поле, но большую часть работала дояркой, до шестидесятилетнего возраста, больше 30 лет отработала на ферме. Ветеран труда.

ВПЕРЕДИ БЫЛИ ЕЩЕ БОЛЕЕ ТРУДНЫЕ ГОДЫ

Демьянова (Амелькина) Валентина Яковлевна

ур. п. Ивот Дятьковского р-на Брянской обл., проживает в г. Обнинске

Когда началась Великая Отечественная война, мне было полтора года, поэтому мои воспоминания о войне и обо всем пережитом отрывочны, они не составляют полной картины, часть из них составлена по рассказам дорогих мне людей: мамы и брата, которых уже нет в живых.

Мы жили в поселке Ивот Брянской области Дятьковского района. Немцы пришли к нам осенью, кажется, в сентябре 1941 г. У нас был большой недавно построенный дом. Наверное, поэтому в нашем доме поселились немецкие офицеры. Мы ютились на кухне, нас было четверо: мама, сестра Катя 14 лет, брат Юра четырех лет и я. Мама была вынуждена готовить еду, убирать и стирать для них. Сами мы жили впроголодь. Уже после войны я спрашивала у мамы, почему лепешки, которыми она кормила нас, были зелеными. Оказывается, она пекла их из толченых сухих листьев липы, добавляя горсточку муки для

связки. В мою память врезался один эпизод, относящийся, вероятно, к 1943 году. Когда я после войны рассказала маме, она очень удивилась, что я запомнила это, но подтвердила, что такое было.

А было вот что. Наша семья сидела на кухне за столом, мама нас чем-то кормила. С улицы вошел немецкий офицер, который жил у нас. Подошел к нам, остановился, постоял молча и ушел в свою комнату. Вскоре он вышел, подошел ко мне, погладил меня по голове и подал мне в руки буханку хлеба, завернутую в блестящий целлофан. Не маме, а мне в руки. И все это молча. Потом быстро повернулся и ушел. Мы сидели испуганные, не зная, как понимать его поступок. Мама решила, что я, наверное, напомнила ему его собственную дочь. В детстве у меня были абсолютно светлые волосы и большие голубые глаза.

В оккупации мы прожили два трудных года. В нашем районе активно действовали партизаны, поэтому было все: и расстрелы, и виселицы. Днем освобождения Брянщины считается 17 сентября 1943 года, но праздновать нам его не пришлось. Мама рассказывала, что 9 сентября 1943 года к нам ворвались немецкие автоматчики, выгнали из дома в чем были, мама схватила меня спящую, сестра — брата. Людей выгоняли из домов и тут же поджигали. Автоматчики согнали всех в толпу, окружили и не давали возможности взять какие-нибудь вещи, одежду. Наша Октябрьская улица полыхала, а нас погнали. В основном были женщины и дети. Так заканчивался наш первый двухгодичный этап войны. Впереди были еще более трудные два года лагерей сначала в Польше, а потом в Германии.

Нас гнали пешком до Польши. Правда, в колонне было несколько подвод, на которых везли маленьких детей, в том числе и меня. Два или три раза партизаны пытались отбить нас у немцев, но колонна хорошо охранялась и попытки партизан оказались безуспешными. Мама рассказывала об одном таком бое. Колонна наша шла по дороге, с двух сторон стоял

лес. Шел дождь, люди все промокли и замерзли, ведь гнали кто в чем был дома. Вдруг лесную тишину разорвали выстрелы и крики: «Ложись!» Колонна остановилась. Все бросились на землю, стараясь спрятаться в придорожных кюветах. Только телеги с детьми остались стоять на дороге. Бой был ожесточенным, автоматные очереди, разрывы гранат, крики и плач испуганных детей и женщин. Немцы отбили нападение партизан. Выстрелы прекратились. Немцы поднимали людей, заставляя снова построиться в колонну. Мама бросилась к телеге, на которой лежала я с другими детьми, и в ужасе закричала: «Убили!» По моему лицу текли красные струйки. И вдруг я открыла глаза. Мама была испугана и обрадовалась, что я жива. Оказалось, что красные струйки — это всего лишь краска с платка, в который я была завернута. Этот платок нам дала какая-то женщина, спасая меня от холода.

Колонну погнали дальше, а вдоль дороги остались лежать убитые во время перестрелки.

Нас пригнали в Польшу. Я не помню, куда именно. Запомнилось мне, как мы очень долго стояли перед высокими металлическими воротами коричневого цвета. Наконец ворота распахнулись и приняли нас, изможденных и измученных долгим пешим переходом. Перед нами было кирпичное здание, двух- или трехэтажное, с широкими лестницами и туалетами, залитыми водой. Может, это был вокзал? Я не знаю, но нам предстояло там жить. Я не помню этого периода, знаю только, что новый 1944 год мы встречали там, и наши мамы старались создать нам хоть какое-то подобие новогоднего праздника. У одной моей землячки была фотография этого праздника, но, к сожалению, она утеряна.

Как извещают документы Международной службы розыска, в апреле 1944 года мы прибыли в лагерь Штайнвег г. Вендлинген, округ Нюртиген, это недалеко от Штутгарта. Слава Богу, мы были живы еще и нашу семью не разлучили. По тем временам это уже

было огромной удачей. Жили мы в бараках, где были установлены четырехъярусные нары. Утром взрослых угоняли на работу, а с нами, детьми, оставалась надзирательница-немка с плеткой в руках, немецкая «мама». Брат рассказал такой случай.

Однажды надзирательница дала мне большое красное яблоко (чем был вызван такой порыв, я не знаю, возможно, внешностью). Я стояла с этим яблоком, не зная, что делать. Ведь мы уже давно отвыкли от добрых естественных поступков людей, тем более немцев. Брат, как всегда, был рядом. Он тоже смотрел на это яблоко, и, не выдержав искушения, схватил яблоко откусил и бросился бежать. Но куда он мог убежать? Немка поймала его и жестоко исхлестала своей плеткой. Незадолго до своей смерти брат вспомнил этот случай, но, как ни странно, он сокрушался не о побоях, а о том, что он у меня, такой маленькой, отобрал яблоко.

Еще об одном страшном дне рассказал мне брат. Однажды днем, когда взрослые были на работа, в наш барак вошла группа немцев. Всех детей построили и начался отбор детей. На кого указывал офицер, того отводили в другую сторону. На меня офицер указал, меня отвели в сторону. Я плакала, цеплялась за брата, моего единственного защитника. Брата не взяли, но он видел, как я плакала. Стоял шум и суматоха. Воспользовавшись этим, брат пробрался ко мне, на свою беду. Отобранных детей поместили в отдельный блок, где у детей брали кровь.

Немецкие ученые установили, что кровь истощенных детей при переливании не дает отрицательных эффектов, прекрасно сочетаясь с кровью тех, кому ее вливали. В этом блоке дети долго не жили...

Нас спасло внезапное освобождение нашего лагеря группой войск США 22 апреля 1945 года.

Состояние мое было критическим, меня сразу отправили в госпиталь. Так мне вновь не суждено было погибнуть. Брат очень рано оказался инвалидом 1-й группы в результате развившегося ревматического порока сердца. Он умер на 55-м году жизни.

Уже после войны я как-то спросила маму, что происходило в лагере, почему стреляли и убили одну женщину. Я описала ей эпизод, врезавшийся в память, и мама рассказала, что взрослых и детей кормили отдельно. Матерям строго запрещали отдавать детям свою еду. Матери, конечно же, все-таки ухитрялись урвать какие-то крохи для голодных детей. В тот раз нервы у одной женщины не выдержали, у нее обнаружили две картофелины в кожуре, которые она пыталась пронести своим детям. Она бросилась к барраку, к детям. Раздалась автоматная очередь, женщина упала на площади перед бараками, на глазах плачущих детей.

Много позже я увидела подобный эпизод в фильме «Помни имя свое». Я смотрела этот фильм и плакала: это было мое детство. Мамы уже не было в живых, она не могла видеть эти кадры.

Война закончилась, но нас еще ожидали мытарства по фильтрационным лагерям, где мы проходили многочисленные проверки. На Родину мы вернулись поздней осенью, в ноябре. На месте дома — пепелище, тайники, где мама перед наступлением немцев спрятала кое-какие вещи, были пустые. Впереди была холодная и голодная первая послевоенная зима.

Нам рассказали, что после окончания войны приехал мой отец. Ему сказали, что мы погибли. Одни говорили, что мы погибли во время бомбежки, другие — что во время перестрелки, когда партизаны пытались нас освободить. Отец постоял у пепелища и уехал. Но, к счастью, мы нашли друг друга, хотя эту страшную зиму нам предстояло прожить одним, без крыши над головой, без каких-либо запасов еды.

Поселок Ивот большой. Немцы сожгли не все дома. Сразу после освобождения кое-кто взялся за постройку домов, а кто не мог — вырыли себе землянки и жили там. У одного мамино родственника сохранился довольно просторный дом. Одна из комнат имела отдельный вход. В этой комнате нам разрешили поселиться. Жена хозяина, тетя Матрена, была очень стро-

гая женщина, трое ее сыновей воевали на фронте. Евгений, военный летчик и Леонид, военный хирург, еще не были демобилизованы, потому и пустовала эта комната.

Когда начинают охать и ахать и говорить о голоде в наше время, я вспоминаю одну ложку картофельного пюре. Был поздний зимний вечер. Почему-то не было никого. Я сидела в темной комнате одна около остывшей голландки с поленом в руках, потому что очень боялась мышей. Дверь, которая вела в дом из нашей комнаты, была заставлена шкафом, и я была в полной изоляции, мне было страшно одной. Семья тети Моти готовилась к ужину. Вдруг кто-то тихонько позвал меня. Это была Аня, невестка тети Моти. Она тоже была на фронте, но ее уже демобилизовали. Аня отодвинула немного шкаф и в образовавшуюся щель подавала мне ложку дымящейся паром картошки. Она это делала тайком от строгой свекрови. Ничего вкуснее той ложки картошки я никогда в жизни не ела. Спасибо тебе, Аня. До самой смерти буду с благодарностью вспоминать эту ложку картошки и твой добрый и ласковый взгляд.

Очень трудной была эта зима с 1945 на 1946 год. Как и чем кормила нас мама, одному Господу Богу известно. Ведь при возвращении на Родину мы не получили никакой помощи и поддержки. Всю эту зиму я проходила в ботиночках, которые мне дали, когда выписывали из госпиталя в Германии.

Не помню подробностей, но как-то мы нашли отца и в мае 1946 года он забрал нас из Ивота. Отец был железнодорожником. В то время они строили железную дорогу от Владимирской области, от нового торфопредприятия, до г. Киржача. Здесь тоже не было жилья. Лето мы прожили в строящемся бараке без окон, без пола, но была крыша, которая защищала нас от дождя. Послевоенные годы были трудными для многих людей, особенно для тех, кто был потрепан войной довольно-таки сильно. Но это была уже мирная жизнь, трудная, полная лишений, но без войны.

Здоровье наше и наших родителей было серьезно подорвано войной, и это создавало новые проблемы. Надеяться на помощь и поддержку государства никому даже не приходило в голову: мы были в плену у немцев, этим все сказано. Многие удивлялись, как это нам удалось миновать Сибирь. В нашем поселке, на новом месте жительства, было много людей, которым был запрещен въезд в Москву по политическим мотивам, в то время это не было редкостью. Существовала общая радость: мы победили в этой войне и остались живы, а это уже как второе рождение, счастливый дар. Нужно было уметь принять этот дар и сохранить его.

Вечерами собирались соседи по бараку около печки-буржуйки и текли разговоры-воспоминания о войне и о той далекой довоенной жизни, которая нам, детям, казалась настолько нереальной, что мы больше верили сказкам, которые с большим мастерством рассказывал мой отец, чем в ту мифическую мирную жизнь «до войны». Может быть, потому, что слишком мал был у нас этот отрезок довоенной жизни, слишком мал...

По счастливой случайности мы остались живы, а сколько наших ровесников осталось вдоль дорог, по которым нас гнали, и в многочисленных лагерях, через которые пришлось пройти. Мир их праху!

А война не дает забыть о себе до сих пор. Помните все, кто остались в живых, помните и рассказывайте об этом своим детям и внукам. Страдания миллионов людей не должны быть забыты, хотя многие, кто не пережил этот ужас, пытаются всеми силами умолчать об этом массовом подвиге выживания в нечеловеческих условиях. Да, это был подвиг, тихий и незаметный.

Всем, кто прошел через это, я желаю жить долго за тех, кто погиб и не вернулся, за всех наших ровесников, унесенных войной, жестокой и безжалостной даже к детям!

МЫ ВЕРНУЛИСЬ ЖИВЫМИ ДОМОЙ

Дулев Степан Степанович

1930 г.р., ур. д. Милеево Хвастовичского р-на Калужской обл., проживает в с. Хвастовичи

Когда началась война, мне было 11 лет. Родился я в деревне Милеево Хвастовичского района. Наша семья состояла из пяти человек: отец, брат Николай 1928 года рождения, сестра Анна — 1923 г.р., сестра Анастасия — 1920 г.р. и я — 1930 г.р.

В 1942 году к нам ворвались немцы. В июне нас угнали в лагерь, названия не помню. Помню только, что там были вместе с нами бельгийцы, голландцы, французы и чехи.

Как-то раз нас, маленьких, немцы повели на прогулку показать город. Из этого лагеря нас перевели в Берлин-Шпандау-Вест № 45. В этом лагере находились рабочие, которые работали на заводе. Делали гайки. Завод разбомбили и лагерь тоже. Нас перевели в лагерь № 38. Я там работал столяром. Кормили плохо. Остались кожа да кости. Утром давали кофе, в обед — брюквенный суп, вечером — кофе. Хлеба давали 200 г в сутки. В бараках спали на двухъярусных койках.

Мой брат находился отдельно от нас в концлагере. Это один длинный барак, обнесенный колючей проволокой. Водили на работу под конвоем. Мы уговорили переводчицу, чтобы она помогла нам с братом объединиться. Вскоре Николая перевели к нам в лагерь.

Я начал промышлять рыбалкой. Пролезал под проволоку и убегал на речку. Однажды все-таки я попался немцу. Он меня отвел в помещение и избил. Сказал, что если еще поймает, убьет. Но так хотелось есть, что снова сделал попытку пролезть под прово-

локу и порыбачить в другом месте. И, о ужас! На меня прямо идет опять этот немец. Там стоял столб и от него шло проволочное ограждение. Я обогнул этот столб и, раздирая грудь колючей проволокой, смог уйти от фашиста. Следы на груди остались на всю жизнь.

Освободили нас советские войска. Радости не было конца. На Родину и только на Родину хотелось поскорее. Из Германии я привез снимок, где мы — восемь человек — сфотографированы со знаками на груди.

БУДЬ ПРОКЛЯТА ЭТА ВОЙНА!

Евстифеев Анатолий Георгиевич

1937 г.р., проживает в г. Самаре

Из семи членов семьи шестеро были узниками. Мать — Мария Васильевна 1905 г.р. Дочь — Люба 1924 г.р. Сын — Михаил 1925 г.р. Дочь — Женя 1930 г.р. Сын — Анатолий 1937 г.р. Дочь — Вера 1939 г.р.

Недалеко от Ленинграда на берегу реки Тосна, что впадает в Неву, расположен рабочий поселок Никольское, это наша малая родина. До войны в Никольском работало два завода. Кирпичный и завод № 52. На заводе № 52 работал наш отец Георгий Иванович. Он был первым шофером завода. Семья жила очень дружно, старшие дети помогали растить младших. В 1940 г. отец с помощью братьев матери, а их у нее было четверо, построил дом для нашей семьи. Трое детей, Люба, Миша и Женя, ходили в школу. Такую мирную, спокойную жизнь поселка, простой русской семьи разрушила война. Завод, на котором работал отец, получил команду эвакуироваться в Куйбышев. Спешно демонтировали оборудование, возили на стан-

цию Колпино и устанавливали на ж/д платформы. Вместе с оборудованием уезжали рабочие, которые получили «броню» от призыва в Красную Армию. Помню, хотя мне шел пятый годик, как провожали отца, как мы все плакали. А отец успокаивал нас словами: «Не переживайте, вторым эшелонам семьи тоже поедут в Куйбышев».

Не знали ни отец, ни мать, ни мы, что расстаемся с ним на долгие четыре года. Второго эшелона не было. Немцы перерезали путь на Москву. Уехать стало невозможно. Кто-то из поселкового начальства дал команду жителям рыть землянки, окопы, где можно укрыться при бомбежке и артобстреле. Брат Михаил вместе с дедушкой вырыли окоп в сорока метрах от дома, так рекомендовалось, этот окоп и спас нас при очередной бомбежке. А в дом наш попала бомба и разрушила его, сделала непригодным для жилья. Но нам повезло, дом не загорелся. Это позволило нам собрать кое-какую одежду и перебраться в домик бабушки.

В августе 1941 г. в Никольское вошли немцы. Как позже мы узнали, линия фронта проходила как раз через Никольское, пос. Красный Бор — Саблино — Ивановское. Ближе к Ленинграду было и Колпино, но его, сколько ни пытались, немцы захватить не смогли. В Колпино на Ижорском заводе изготавливали танки и снаряды для Красной Армии. Я не мог даже предположить, что когда-то в далеком будущем (1963 г.) придется работать на этом прославленном заводе.

Пришла холодная, лютая зима 1941 года. Топить печь было практически нечем, то небольшое количество дров, что было дедушкой и бабушкой заготовлено, сожгли еще в ноябре. Спали в одежде. Немцы, не привыкшие к таким морозам, отбирали у населения все теплые вещи, все, что как-то согревало. Однажды ночью раздался стук в дверь, старенький дедушка пошел посмотреть, кто стучит. Оказалось, что это немец, видимо, охранявший дом, где жили офицеры. Он сильно замерз и искал, где можно согреться или

что-либо раздобыть из одежды. Увидев на дедушке валенки, стал требовать, чтобы тот их отдал. Дедушка не хотел их отдавать, тогда немец повалил его на пол и, видимо, хотел снять сам. Мы, конечно, не спали и стали громко кричать и плакать. Немец, услышав столько крика и плача, прекратил борьбу за валенки, выругался: «Швайн... швайн» и ушел. Мы не могли успокоиться до утра.

Старшего брата Михаила, которому было 15 лет, вместе с другими ребятами немцы забрали в лагерь, который организовали в школе. Их под дулами автоматов заставили расчищать дороги, копать могилы, зарывать трупы, заготавливать дрова в лесу или разбирать разрушенные бомбежкой дома. Однажды брата на одну ночь отпустили из лагеря домой к нам. Увидев нас, особенно меня, четырехлетнего, и сестренку Веру — двухлетнюю, он не выдержал, слезы стояли у него на глазах. Сказав матери: «Сейчас», куда-то ушел. В соседнем доме жили немцы, во дворе и них были лошади. Улучив момент брат забрался во двор и из торбы с овсом, что висела на голове лошади, взял овса себе в шапку. В это время на крыльцо вышел немец и увидел брата. Довольный, сытый немец и голодный парнишка минуты две смотрели друг на друга. Брат подумал: «Все — сейчас пристрелит». Не знаем, что предотвратило беду. То ли немец вспомнил свою семью где-то в Германии, то ли было у него хорошее настроение, но он только крикнул на брата и выгнал со двора, даже не отобрал овес. Утром мы ели овсяный кисель. Это был праздник! С трудом мы перезимовали. Умер только старенький дедушка. Весной чуть-чуть стало полегче, можно было есть лебеду, крапиву, щавель (был у бабушки на огороде), мороженую картошку. Деликатесом считались подстреленные из рогатки воробьи или голубь, но и их вскоре не стало. Брата из лагеря к нам больше не отпускали. Его вместе с другими перегнали в другой лагерь в Ново-Лисино, потом в лагерь г. Гатчина, потом в Латвию. Немцы сполна использовали дармовую силу

русских подростков. Это мы узнали потом, в сентябре 1945 г., а два года мы о брате ничего не знали, но мама постоянно молилась и просила: «Господи, спаси сына Мишу». Когда фашисты поняли, что Ленинград им не взять, они стали собирать местных жителей в группы и перегонять в сторону Запада. Так наша семья под дулами автоматов солдат-охранников своим ходом оказалась в Прибалтике, в Латвии, в волости Варба, затем Утава в лагере.

В лагерь приезжали помещики и выбирали себе работников-батраков. Увидев мать с четырьмя детьми (старшая сестра Люба от голода выглядела тощим подростком), нас никто не хотел брать. И, когда уже всех разобрали, к нам подошла одна пожилая женщина-хозяйка и забрала нашу семью себе (видимо, пожалела). Или, может быть, она прочла в глазах матери столько скорби и печали, что сжалилась. Мама и старшие сестры Люба и Женя работали с утра до вечера, а я и четырехлетняя сестренка Вера были все это время в сарае. Женя пасла коров. Однажды одна корова упала в ров и сломала ногу, вытащить ее девочка не могла и горько плакала. Помещица избивала сестру и велела сутки не давать ей пищи. А пастушке было тогда всего 13 лет. Прошло менее года, и немцы вновь собрали нас, рабов, от хозяев всех вместе в лагере. Через неделю нашу семью вместе с другими семьями пригнали на пристань г. Вежпилс и стали грузить на палубу военного корабля. Наша мама очень не хотела вступать на палубу корабля. Тогда офицер, командовавший погрузкой, пригрозил ей немедленным расстрелом и сказал: «А детей мы все равно увезем в Германию, они со временем будут хорошими рабами».

Нас разместили на верхней палубе корабля, трюмы были заполнены ранеными немецкими солдатами. Мы были прикрытием. Пока корабль по Балтийскому морю плыл в Германию, было несколько налетов нашей авиации. Мама молилась о нашем спасении! Когда наши летчики увидели на палубе гражданское население, бомбардировки прекратились. Че-

рез несколько дней корабль приплыл в Германию. Выгрузили нас на острове Рюген. Там мы попали в распределительный лагерь. Повторилась процедура, что была в Латвии, только покупателями были бауэры-немцы. Нашу семью с четырьмя детьми вновь никто не хотел брать. Хозяева приезжали на подводах. И вот, когда один хозяин подводы куда-то отлучился, наша мать схитрила. Меня и младшую сестренку уложила в эту пустую телегу и закрыла каким-то одеялом, что тоже лежало в телеге. Мама и старшие сестры встали недалеко от телеги. Когда возвратился хозяин, он увидел, что стоят трое людей, помянул их пальцем и сказал: «Я забираю вас». Они пошли следом за телегой, а значит и за нами, лежащими в телеге. Так матери удалось сохранить нас, детей, всех вместе. Когда приехали в поместье, мама незаметно нас забрала из телеги. Разместили нас в отдельном бараке, в который потом еще поселили поляков и украинцев.

Поместье, где мы работали, называлось Кассельфитц. Работы было много: по уходу за скотом, по очистке от навоза хлебов, по заготовке кормов, уборке с полей турнепса, брюквы, свеклы, капусты.

Нас, маленьких, заставляли подметать двор, мыть полы в бараке, ходить за хворостом, лес был недалеко. Одежда на нас была изношенная, старая, почти не грела, поэтому я и младшая сестра все время болели. Кормили в основном супом, состоящим из горячей воды и кусков брюквы. Если старшей сестре удавалось стащить, когда работала в поле, морковку или картошину, это уже был чуть ли не праздник. Если сестры попадались с овощами, то получали плеткой от охранниц.

Там мы жили до самого освобождения в начале мая 1945 г. Помню, мне было 8 лет, к бараку подошли наши солдаты с автоматами на груди и сказали: «Все, конец войне, собирайтесь домой». Сколько же перенесли мы и все узники фашистской неволи, этого не подсчитать никому и никогда! Как все выдержала наша мама — Мария Васильевна, трудно опи-

сать. Она дала жизнь нам дважды, когда родила и когда спасала нас все эти страшные четыре года войны. Спасибо тебе, мама! Отцу тоже выпало нелегкое испытание: все эти годы он о нас ничего не знал.

Когда мы вернулись из Германии в Никольское, то дали отцу телеграмму в Куйбышев. Он немедленно приехал за нами. «Летел, как на крыльях», — говорил он нам потом. Брат Михаил из последнего лагеря в Латвии бежал и самостоятельно добрался до отца. Это было раньше нашего приезда.

Почему мы выжили? Видимо, безграничная любовь нашей мамы к нам, детям, ее трепетная забота, самопожертвование, непоколебимая вера в Бога помогла нам выжить. Послевоенное детство, юность наша прошла в рабочем поселке Петра-Дубрава. Там, на эвакуированном заводе № 52 (теперь завод «Коммунар»), наша семья (кроме меня) отработала 125 лет.

Благодаря нашей матери и отцу и, конечно, большому личному желанию мы, четыре узника получили хорошее образование. Брат Михаил закончил строительный институт, сестра Вера — плановый, я — политехнический в Ленинграде (вечерний факультет), сестра Женя — гидротехнический техникум, и только старшая сестра Люба — курсы бухгалтеров.

300 КИЛОМЕТРОВ ПРОШЛИ ПЕШКОМ

Егорова (Павлючкова) Анна Ивановна
Павлючков Михаил Иванович

*ур. с. Ловать Хвастовичского р-на, проживает в
д. Лапшинка Боровского р-на Калужской области*

Во время войны в августе 1943 г. нашу деревню всю сожгли немцы. А нас угнали в плен.

Состав семьи: мать — Павлючкова Екатерина Николаевна 1888 г.р., отец — Павлючков Иван Мареевич 1880 г.р., сестра родная по матери — Годунова Александра Петровна 1920 г.р.

Путь следования в плену. Гнали нас до Бежицы, там мы прожили дней пять, а потом загнали в вагоны и повезли. Привезли нас в Литву, лагерь Алитус. Там мы находились месяца два или более.

Потом была комиссия, и всю нашу семью отправили в Австрию, в лагерь Нинтерберг. В этом лагере оставили мою сестру, а нас угнали в лагерь Коттенбрун. В этом лагере мы находились до апреля 1945 года. Лагерь Коттенбрун находился примерно в 30 км от Вены и 12 км от г. Венноштат. Лагерь был освобожден Советской Армией в апреле 1945 г. После освобождения нам сказали, чтобы мы самостоятельно возвращались на Родину. Примерно 300 км прошли пешком и добрались до какого-то города. Там нас сформировали в состав по областям, отправили на Родину. Довезли нас до Брянска в сопровождении капитана. От Брянска мы добрались до своего села в июне 1945 г. Село было все сожжено, колодцы и даже погреба были взорваны.

ДЕВОЧКА С ТОГО ПРОСЕЛКА

Ермолюк (Руденкова) Людмила Ивановна
1933 г.р., г. Гомель (Белоруссия), проживает в г. Обнинске Калужской области

Родилась я в городе Гомеле в семье военнослужащего 34-го Казачьего полка 6-ой кавалеристской дивизии Белорусского военного округа Руденкова Ивана Григорьевича. Мама Ася — жена отца от второго брака и сводные братья Станислав и Анатолий — таков состав нашей семьи.

Война нас застала в западной Белоруссии в районе г. Белостока в местечке Кшева, где располагался наш полк. Семьи офицеров были расквартированы в помещицкой усадьбе. Места изумительной красоты. Усадьба стояла на бугре, а внизу протекала речка.

На рассвете 22 июня мы слышали гул самолетов и увидели, что все небо черно от немецких самолетов. Они четко отбомбились до усадьбы и после усадьбы. Ни одна бомба не попала на территорию. Очевидно, немцам было указано не бомбить панскую усадьбу.

Гарнизон был поднят по тревоге. Семьи упаковывали вещи первой необходимости и ждали, когда подадут повозки, чтобы отвезти нас в Белосток и посадить на поезд. Приехали поляки на повозках и повезли нас в сторону Белостока.

Мы видели, как кавалерия выстроилась рядами. Начищенные до блеска орудия сверкали на солнце. Помню папу, сидящего на белой лошади по кличке Елена. Рядом с ним — его ординарец на коне, держащий под уздцы еще одного папиного коня — Дарданелла. Проезжая мимо нас, папа соскочил с коня и попрощался с нами, наказав матери и бабушке пробираться в Гомель (бабушка перед войной приехала погостить к нам). Велел беречь детей. Нигде не говорить, что мы семья политработника. Мне велено было говорить, что папа работал на хлебопекарне, а мама прачка. Мы долго смотрели вслед уходящему полку. Это был последний раз, когда мы видели папу. Прощание навсегда.

Наша семья ехала на двух подводах. На первой — бабушка с Толиком, а на второй — мама, Стасик и я. Проехали Дроздово, Ломжу. Когда оставалось недалеко до Белостока, налетела немецкая авиация и смешала землю с небом. Уже смеркалось, но от разрывов бомб было светло, как днем. В этой суматохе мы потеряли бабушку и Толика. Наш поляк-извозчик свернул с дороги и повез в сторону леса и хутора мимо болот. Среди болот он нас ссадил с телеги, оставив нам один чемодан и уехал с остальными нашими ве-

щами. Когда немного затихла бомбежка, мы огляделись и пошли в сторону хутора. На хуторе собралось нас несколько семей офицеров. Хозяйка на время всех приютила. Когда мама раскрыла чемодан — ей стало плохо. В чемодане была папина парадная форма — черкеска и хромовые сапоги. От страха хозяйка затолкала все в бочку с капустой, чтобы немцы не нашли. Практически мы остались в том, что на нас было надето. Переодеться было не во что. Обменять на продукты тоже было нечего.

После ночной бомбежки немцы ушли вперед. Утром мы увидели, что по пыльной дороге на большой скорости едет бричка и на ней раненые офицеры высшего состава. Почерневшие от крови бинты говорили о серьезных ранениях. Двое лежали без признаков жизни. Женщины бросились к бричке и начали кричать и плакать, что их бросили фашистам на растерзание. Израненные, измученные офицеры сказали нам: «Это временно, скоро наши погонят немцев и мы вернемся за вами, немного потерпите». Мы долго смотрели им вслед.

В полдень мы пошли в лес посмотреть, что произошло ночью в лесу. День был солнечный. Кругом зрела земляника, а вокруг лежали убитые и раненые. Лошади убитые лежали на боку со вздутыми животами и даже нерасчехленными пушками. Мухи роем летали возле убитых. Мама достала из кармана одного, другого, третьего документы и сказала, что это полегла наша дивизия. Из нашего полка мы никого не нашли. Тщетно искали отца. Очевидно, они погибли где-то в другом месте леса. Некому было убирать трупы, некому было подбирать раненых, некому было хоронить убитых. Те, кто мог передвигаться, уходили в глубь леса, остальные умирали. Хозяйка хутора ни одного раненого не пустила, боясь, что ее семью, если найдут раненых, немцы расстреляют.

Прожили мы на этом хуторе месяц и собрались в дорогу к родственникам в Белоруссию. Хозяйка нам отварила ведро картошки и дала буханку хлеба. С эти-

ми харчами мы тронулись в путь. Стояла жара, и наша картошка на следующий день прокисла. Пришлось ее выбросить. Хлеб нам мама давала по маленькому кусочку, и мы его ели с лесными ягодами. Когда хлеб кончился, встал вопрос, как жить дальше. В Бобруйске на разбитом сахарном заводе мы взяли плитки горелого сахара и пошли дальше.

Мама по национальности была армянка. Двое сыновей были похожи на нее. Только я среди них, троих, была беленькая. Вот и выпало на мою долю кормить всю семью. К маме немцы часто придирались и говорили, что она «юде», дескать, еврейка. Тогда я становилась впереди, заслоняя ее от немцев, и она показывала свой паспорт, где было написано — армянка.

Первый раз, когда мама сказала, чтобы я шла побираться, просить милостыню, для меня это был шок. Из такой благополучной семьи и чтобы побираться — мой разум не мог это понять. Я отказалась, и тогда моя неродная мать меня ударила. Став взрослой, я поняла, что это было от безысходности, а тогда я понять не могла. Мы были дружны со Стасиком. Мне кажется, он меня любил больше всех и я его тоже. Он был вдвое моложе меня. Ему было 4 года. Он подошел ко мне, своими маленькими ручонками обнял меня за ноги, заглянул в глаза и сказал: «Люда, я хочу кушать, у меня болит животик». Я пошла в деревню просить подаяние. Люди давали все, что есть. Было только начало войны и у них были еще запасы, которыми они делились с «жабраками», так они нас тогда называли. Все, что насобираю, мы растягивали на несколько дней. Пробираясь в Гомель, мы ночью шли, а днем прятались от немцев, чтобы, как евреев, не расстреляли. В Гомеле нас ожидало разочарование. Папина сестра с семьей эвакуировалась в Башкирию. Соседи предупредили нас, чтобы мы уходили из Гомеля, так как многие знали папу и могли донести. Мы сразу ушли. Теперь наш путь лежал в г. Осиповичи, где жила бабушкина сноха. Ее потом немцы расстреляли.

Когда мы пришли в Осиповичи, нас ждала радостная встреча с бабушкой и Толиком. Бабушка рассказала о своих мучениях. Их, как и нас, сбросил поляк среди болот и все вещи увез с собой. Бабушка добралась до дороги, и ее с Толиком подобрала полуторка. Перед самой войной бабушке сделали операцию на ладони. Рука болела, а перевязать нечем было. Толик от бабушки не отходил ни на шаг. Когда они ехали на полуторке, налетели самолеты и начали бомбить мост. Машина не успела проскочить мост и сорвалась с моста, погрузившись по борт в воду. Бабушка держалась одной рукой за борт машины, а больной рукой держала Толика. Когда от нестерпимой боли не было сил, она опускала руку и Толик уходил под воду, пуская пузыри. Ему было три года. Подержав немного под водой, пока рука отдохнет, бабушка испуганного мальчишку вытаскивала из воды отдышаться. Так продолжалось, пока не подоспела помощь. Бабушке говорили, что бросают матери своих детей, а ты внука, да еще еврейчика, спасаешь (Толя был похож на маму-армянку). Тогда Толик обхватывал ее за шею и просил не бросать его.

Встреча с бабушкой была короткой. Она нас увезла за 40 км от Осиповичей в деревню Крынки, где был туберкулезный санаторий. Родители не успели вывезти детей, и санаторий продолжал функционировать. Помогали с продуктами и немцы, и партизаны. Многие сотрудники сбежали, и их дома стояли пустыми. В одном из домов мы поселились. Бабушка оставила нам Толика и уехала в Осиповичи назад. Мама устроилась прачкой в санаторий за 400 г хлеба и котелок баланды. На четвертых это было недостаточно и мне вновь пришлось идти побираться.

Мы жили в партизанском крае. Днем немцы, ночью партизаны. Однажды приехали немцы и на глазах всего санатория расстреляли врача санатория Тамару. Оказывается, она была женой командира партизанского отряда. На следующий день приехал муж. Он упал на могилу жены и, может, первый раз в жизни

зарыдал. Он мог ее забрать в любое время в партизанский отряд, там тоже нужен был врач, но она не могла оставить больных детей. Мы ухаживали за ее могилкой. Каждый день приносили цветы.

Как-то немцы привезли священника. Всех, кто жил на территории санатория, выстроили, и он нас всех покрестил, и крещеных, и некрещеных. Так я оказалась дважды крещеная. На территории санатория был памятник В.И.Ленину. Немцы никак не могли его свалить. Тогда они пригнали танк, и он снес памятник прямо в озеро. Мы каждый день (до холодов) ныряли в озеро и очищали памятник от ила. За ночь он вновь покрывался илом, и мы его каждый день очищали.

Однажды приехали немцы и отобрали всех евреев. Даже маленьких, и тех побросали в телегу. Сказав, что переселяют их всех в другую деревню, повели в сторону леса. Я дружила с глухонемой девочкой Майей и, не желая терять подругу, пошла в этой колонне. Я хотела знать, где они будут жить, чтобы ее в дальнейшем навещать. По дороге полицай увидел меня, что я беленькая, не еврейка, и как котенка выбросил в придорожную канаву. Вслед за мной полетел Майкин чемодан. Она знаками показала мне, что их ведут на расстрел. Прячась за деревьями, я сопровождала колонну до места казни евреев. Это был вырытый большой ров. Немцы и полицай стали сбрасывать детей в ров. Они их расстреливали. В кого попали, в кого нет. Говорили потом, что земля три дня дышала. Я стояла за деревом и обливалась слезами. Мою подругу расстреливали на моих глазах, и я ничем не могла ей помочь. Бедная Майя, ее родители никогда, наверное, не узнали о ее мученической смерти. Полицай установили охрану и никого не подпустили к месту казни евреев. Следующая казнь была зимой. Приехали партизаны и выдали старшим мальчикам санатория шапки-ушанки армейского образца. На следующий день приехали немцы и всех, кто был в этих шапках, расстреляли. Сбежал только один

Лева (фамилию его забыла). Тогда немцы издали приказ, что если Лева не явится в комендатуру, расстреляют директора. Я ходила побираться в Осиповичи за 40 км от нас и видела на площади повешенного Леву. Он висел 20 дней.

Приближался 1942 год. На Рождество Христово приехали гестаповцы. Меня и еще четырех детей увезли в Бобруйск. Меня — как дочь старшего политрука, а ребят не знаю почему. Наверное, тоже, дети каких-то партийных работников. Привезли в Бобруйский лагерь военнопленных. Через несколько дней нас вместе со взрослыми погрузили в товарные вагоны и повезли в Польшу в концлагерь Майданек, недалеко от г. Люблин. Поместили в детский барак. Когда мы оказались на территории лагеря, мы, дети никак не могли понять, чем это так пахнет. Тогда взрослые сказали, что это запах сожженных людей. Вот тогда в нас поселился страх. Мы видели, как гнали людей на смерть. Гнали колонной в окружении солдат и собак. Люди упирались, и тогда в работу вступали собаки. Собаки делали свое дело. Я до сих пор ненавижу овчарок, хотя они не причастны к тем событиям.

Однажды к нам в барак пришли немцы в гестаповской форме и стали отбирать детей по признаку: светлые волосы, светлая кожа, светлые глаза, без физических недостатков. Проверили группу крови и тех, кто им подходил, повезли в Германию. Таких нас оказалось около 150 человек. Возраст был от 6 до 14 лет. Привезли нас в Заксенхаузен. Лагерь уничтожения. Ну, думаем, все. Здесь нам умирать. Поселили в отдельный барак, оградили нас от всех контактов и, как мы поняли, мы проходили здесь карантин. Кто ослабевал или заболел, от нас его уводили. Мы уже знали, что он к нам больше не вернется. Количество детей значительно уменьшилось, но наши ряды здесь уже не пополняли из-за времени карантина.

Потом нам привезли гражданскую одежду. Вместо полосатой нас одели в платья, кофты, костюмы. Волосы у нас отросли и больше нас не стригли, как в

Майданеке. Обули, одели и в крытых машинах повезли в Ретцов. При входе на территорию нашего будущего пребывания было написано «СС Хаймшулле». Нам сказали, что это наш детдом, где мы теперь будем жить. Кругом чистота, кровать на одного. Так как у нас некоторые отсыпались во время карантина в Заксенхаузене, к нам стали поступать новые дети. Детей привозили врачи, одетые в эсэсовские мундиры. Отбирали совершенно здоровых. Мы все вновь прошли медицинское обследование, множество анализов. Мы стали называть себя детдомовцами. У нас появились свои имена и фамилии. Что из себя представлял этот детдом? Длинное одноэтажное здание, огороженное не колючей проволокой, а культурным забором, через который мы просматривали всю округу. После концлагеря — рай.

Вот некоторые фамилии детей: Нина Голубева, Люся Голодная, Римма Изотова, Кира Колманович, Маня Кучерова, Юра Гусев, Коля Гаврилов, Эрик Шустер — самый маленький, по национальности еврей. Мы тщательно скрывали это от него, чтобы он не проговорился. Трехразовое питание. Скучное, но умереть от голода уже было нельзя. Мы не знали о своем предназначении до того, пока не стали нас по несколько детей отвозить в военный госпиталь и брать кровь. Слово «донор» я услышала после войны. Тогда мы поняли, почему мы здесь и почему нас содержат в чистоте. Немцам нужна была не только детская кровь, но и от чистых детей. Обслуживали нас только в гестаповской форме мужчины и женщины. Нагайки у них всегда были при себе. Чуть малейшее непослушание — и через всю спину нагайкой. Кожа под платьем сразу слезала. Наказывали карцером. Это темная комната. Кушать не дают, только пить. Тогда мы по крохам собирали и передавали хлеб в карцер.

В одной из комнат висел портрет Гитлера, и кто-то нарисовал ему рога. Пришло все наше начальство. Нас построили и стали допытываться, кто это сделал. Никто не сознавался. Тогда немцы сказали, чтобы мы

все стали на колени и просили прощения. Я почувствовала страшное унижение. Даже когда меня дома наказывали за проделки и ставили в угол, то на колени не ставили. Никому и в голову не могла прийти такая мысль, а тут принародно — все на колени! Я осталась стоять. Гестаповец приблизился ко мне, его глаза налились кровью и сквозь зубы он повторил, чтобы я стала на колени. Я продолжала стоять, опустив голову. Слезы застилали мне глаза, и я ничего не видела. Фашист стал меня гнуть, чтобы я стала на колени. Я на колени не становилась. Он зашел мне за спину и одновременно дернул меня за обе ноги. Я упала плашмя, но только не на колени. Он начал меня пинать ногами. Я вытянула руки вдоль туловища, чтобы фашист не сломал мои ребра. Удары все приходились на мои руки-плети. Ни стоны, ни слова от меня они не услышали. Подняться я уже сама не могла, и меня отнесли в постель. Было трудно дышать, все тело, и особенно руки, болело. Черные синяки долго не сходили.

Несколько дней я пролежала в постели. После этого меня немцы никогда не били. Наверное, я в тот раз получила все сполна. Очевидно, мой поступок заставил их уважать меня.

Свой хлеб мы отработывали на расчистках развалин. Закапывали воронки от бомб, подметали улицы. Вязали из шерсти носки. Привозили шерсть с оккупированных территорий, надо было ее очистить от грязи и растеребить. В комнате, в которой мы работали, стояла пыль до потолка. И в этой пыли работали целыми днями. Всякий раз сердце уходило в пятки, если попадалась куча грязная. Это означало, что ты не выполнишь план. Маленьким старались помогать. За невыполнение плана — пять нагаек. Отдавали нас бауэрам на работы по сельскому хозяйству.

Приезжали к нам высокопоставленные особы. С какой целью, нам было неизвестно. Нас выстраивали, и мы называли свои фамилии. Фамилия женского рода теряла свое окончание. Если забыла и сказа-

ла с окончанием, следовало замечание: «Не слышу», и ты повторяешь свою фамилию на немецкий лад. Так моя фамилия звучала — Руденкофф, вместо Руденкова.

Разговаривать на русском языке запрещалось. Нас обучали немецкому языку и арифметике. Кто был маленьким, тот совсем забыл родной язык. Шло спланированное онемечивание наших детей.

Как-то приехали немцы и отобрали самых маленьких детей, которые забыли свои имена и русский язык. Нам сказали, что их увозят в немецкий детский дом, в котором они вырастут настоящими арийцами, и если мы будем послушными, и нас когда-нибудь туда отвезут. Когда малышей увозили, мы все плакали и они тоже. Ведь мы были одна семья. Малышей старшие никогда не обижали. Порой подставляли под удары свои плечи за них.

Наши малыши! Как сложилась ваша судьба? Ведь вы потеряли не только Родину, родителей, но и свое имя и фамилию. Свою национальность. Когда вас увозили, вы уже тогда носили немецкие имена. Что может быть тяжелее? Ни Родины, ни родных, ни имени своего. Этому преступлению нет названия, нет прощения.

Чем больше несли потери немцы на фронтах, тем жестче они относились к нам. По их настроению мы догадывались, что на фронте дела идут плохо. Нас чаще стали возить в госпиталь на сдачу крови. Многие перестали возвращаться. Мы догадывались, что их увозили прямо из госпиталя в концлагерь. Нас становилось все меньше и меньше.

После очередного забора крови я чувствовала себя слабо, и ко мне подошла фройляйн Ирена фон Беттыхер и попросила дать кровь ее родственнику. «Фон» у немцев, как у нас князь или барон. Знаменитые фамилии. Отказываться было бесполезно. Принудительно отвезут — и потом в концлагерь на уничтожение. В госпитале положили на прямое переливание с «фоном». Привезли меня после переливания прямо в

постель. Силы долго восстанавливались. Только один этот «фон» оказался благодарным и передавал нам продукты со своим денщиком.

В апреле 1945 года мы проснулись, а в доме тишина. Никакой охраны. В кабинетах разбросаны бумаги, везде какие-то документы. Сейфы открыты и пусты. Немцы старались скрыть следы своего преступления и, по всей вероятности, вывезли архивы. Все, что было связано с нами, они или уничтожили, или увезли. Скорее всего, второе. Может, наши архивы когда-нибудь отыщутся и прольют свет на их преступления против нас, детей Ретцовского детдома. Мы целый день слонялись по территории нашего дома. Заглядывали через изгородь. Городишко как вымер. Голодными легли спать, а утром увидели: по дороге едут машины с нашими воинами. Мы бросились им навстречу. Они никак не могли понять, почему нас здесь содержали. Когда выяснили — их охватил ужас. Такое могли придумать только фашисты. Дети — доноры!

Первым долгом они нас накормили. Следили, чтобы мы не переели. Сержант Цейтлин Наум Ефимович стал нас переписывать. Эти списки у него хранятся до сих пор. Из 150 детей на момент освобождения осталось — 26. В 1984 году — 4, а сейчас двое. Кира Калманович, в Минске живет, и я.

Цейтлин Н.Е. всю войну вел записи своего 795-го артиллерийского полка, 82-ой Ярцевской дивизии. Он знал, где кто погиб и где похоронен. Долгие годы он был заместителем председателя нашей дивизии Совета ветеранов. Вел картотеку и архив 82-ой дивизии. Спустя много лет после ВОВ к нему по-прежнему обращаются люди. Дети и внуки ищут своих отцов и дедов. Хочется низко поклониться ему за память, за такой труд, за то, что он пронес через всю войну в своих записях о славных воинах 795-го артиллерийского полка. Он разыскивал детей Ретцовского донорского детдома. Он и сейчас, несмотря на тяжелую болезнь, остается нужным ветеранам и самым уважаемым в нашей дивизии.

Почему я называю нашей? Потому что спустя несколько часов пребывания воинской части в Ретцове раздалась команда: «По машинам». Перед дивизией стояла задача на максимальной скорости преследовать отступавшие к Эльбе фашистские части, не дать им уйти. В одной из машин, в кабине, рядом с капитаном Никитиным сидела я с маленьким узелком. Я уезжала навсегда из фашистского детского дома. Все дети провожали нас. Так я стала дочерью 795-го артиллерийского полка 82-й Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии.

В свободное время Цейтлин Н.Е. учил меня русскому языку и математике, чтобы я, приехав на Родину, пошла не в первый класс. Я исправно выполняла поручения командования. Быстро освоила коммутатор. Служила переводчиком. Вскоре Цейтлина перевели в корпус и со мной стал заниматься Никитин Федор Порфирьевич — капитан, замначальника штаба. Он меня хотел после войны удочерить, если я не найду своих родителей.

Не знаю, как описать День Победы. Все обнимались, целовались, стреляли изо всех видов оружия вверх, плакали от радости. Рейхстаг изрешеченный, разбитый. На рейхстаге развевается наше Красное Знамя. Это надо было видеть. В груди была такая гордость за нашу страну, за наших солдат и офицеров! Эта Победа поистине была победой нашего Великого народа. Ее нельзя преуменьшить. Никакие союзники не отберут этой нашей Победы. Она наша. Наш народ ее завоевал. Каждый старался оставить на рейхстаге свой автограф. Воины написали на рейхстаге: «Мы сюда пришли, чтобы вы к нам больше не пришли» и мы расписались.

После Победы мне приходилось спускаться в бомбоубежище, чтобы объяснить населению, что война окончена и они могут расходиться по домам, а военные пусть сдаются в плен. Вот когда мне пригодился немецкий язык, которому нас обучали в этом детском доме.

Берлин лежал в руинах. Возле солдатских кухонь немцы выстраивались за гороховым наваристым супом. Я невольно сравнивала его с той баландой, которую нам давали в концлагерях. С улыбкой, заискивая перед солдатом, который наливал им суп, они кланялись и говорили «данке шен» — большое спасибо. Спустя много лет я поняла, что судьбу решает не народ, а правительство. Им давали булку хлеба ржаного на двоих. Бывало, стоишь и смотришь за раздачей пищи, а перед глазами совсем другая очередь — очередь дистрофиков-концлагерников. От этого видения бежал бы, не зная куда. Охватывала такая ярость, что от бессилия бежали слезы. А оскорблять и тем более ударить командование строго-настрого запрещало.

Для сравнения — в 1942 году вышел Указ Совнаркома от 24 октября — продовольственная норма для военнопленного немца была: хлеб ржаной — 600 г, овощи — 500 г, мясо и жиры — 93 г, крупа — 80 г. Суточная норма. Поистине гуманный наш народ. Мы же получали хлеб с древесными опилками и добавлением костной муки, что сказалось на нашем здоровье. И сейчас в полной мере идет расплата здоровьем, многие расплатились, преждевременно уйдя в мир иной.

Жизнь в Германии восстанавливалась. Надо было, чтобы заработали заводы, фабрики, хлебопекарни, прачечные и разные предприятия. Переводчиков не хватало. И кто мало-мальски владел немецким языком, были задействованы. Меня постоянно брали на переговоры. Одни привозят, другие увозят. Надо было отрабатывать свой хлеб. А как хотелось домой, к родным.

Время шло, и мне надо было возвращаться на Родину и готовиться идти в школу, в нашу советскую школу. Я уже бегло читала и хорошо писала. Ведь за четыре года войны я должна была бы окончить четыре класса. Подготовлена я была во второй класс. В последних числах августа в сопровождении офицера

меня отправляли на Родину. Солдаты мне уложили вещей два чемодана, чтобы я на первых порах не нуждалась в одежде, но недобросовестные люди, где мне приходилось ночевать, вытаскивали вещи. Пока я разыскала родственников, у меня остался один чемодан.

Я уезжала из Берлина в новую — старую жизнь с единственным документом, в котором было написано: «Справка дана Руденковой Людмиле Ивановне, в том, что она была вывезена немцами в Германию. С приходом Красной Армии взята в часть и сейчас направляется на Родину». На обратной стороне от руки приписка: «Отделу Народного образования. Прошу оказать соответствующую помощь и дать направление. Подпись: Капитан Никитин Ф.П.»

Ехала я на Родину с надеждой, что встречу с родными: папой, мамой, братьями, бабушкой. Бабушку я отыскала в Гомеле, мама с братьями ютилась у сестры в Ессентуках. Папа без вести пропал. Послали маме телеграмму: что со мной делать? Она ответила: «Если бы Ваня был жив, я бы Люду взяла». И только тогда мои родственники сказали, что она мне не родная. Так я второй раз стала сиротой. Мне ничего не оставалось, как уйти в Гомельский детдом № 1. У тети была большая семья, и я не захотела у нее остаться.

Детским домом руководила Мария Александровна Лисицина. Когда началась война, она эвакуировалась со своим детдомом и после освобождения Гомеля вернулась со всеми детьми, не потеряв ни одного. Воспитателями были все бывшие воспитанники нашего детдома. Обстановка доброжелательная и уважительная. Это были дети войны. Под крышей детдома находились дети партизан, дети офицеров, дети погибших во время войны. Больше дети партизан. На их глазах расстреливали и вешали их родителей. Дети из концлагерей, родителей которых убили или сожгли в крематориях. Детдом был показательным. До 1947 года над нами шефствовали американцы. Они присылали нам продукты, одежду, постельное белье, обувь, ле-

карства. Когда я поступила в детдом, меня сразу спросили, откуда я. Я сказала, что приехала из Германии. Воцарилась мертвая тишина. Кто-то из детей мне бросил в лицо — предательница. Десяти-двенадцатилетние страдальцы и мстители из 2 «А» класса не желали доискиваться причин, как я попала в Германию, а я не стала унижать себя объяснениями. Мне не в чем было каяться. Я с недетским достоинством прошла недетское испытание пленом. Долго рубцевалась эта рана. Пришлось вмешаться директору и рассказать им о пройденных мной дорогах войны. Я стала всеобщей любимицей.

Как и многие мои сверстники, я не рассказывала о пережитом. Это было несвойственно нам. Ведь не каждый мог нас понять.

17 апреля 1984 года в газете «Известия» появилась статья «Встреча на проселке», написанная Цейтлиным Н.Е., где бывший сержант, а после войны доцент педагогического института, разыскивает нас, детей немецкого детского дома. Мне сообщил об этом брат из Ессентуков. В письме он написал: *«Могу представить себе, каково будет тебе читать заметку сержанта, если я плакал. То, что я узнал, делает тебя для меня как-то по-особому дорогой. Какими словами, поступками выразить благодарность этим солдатам, папиным сверстникам и однополчанам по Великой войне за спасенную сестру!»* Дочь Татьяна упрекнула меня: «Почему мы должны узнавать о твоей судьбе из газет, а не от тебя, почему ты нам ничего не рассказывала?!» Замечания справедливые.

Я позвонила в редакцию газеты «Известия» и сказала, что я Люда Руденкова, которую ищет сержант. Ко мне приехала корреспондент Э.Максимова и 9 мая 1984 года в День Победы вышла статья «Девочка с того проселка». Тогда же 9 мая я встретила в Москве с однополчанами. Встреча была теплой. Там был Н.Е.Цейтлин, начштаба Синев, телефонистка Чарушина-Тупик Лидия и другие. На следующий год мне устроили встречу с бывшими Ретцовскими детьми: Риммой Изотовой, Эриком Шустером, а Кира Калма-

нович не смог приехать. Эрика Шустера усыновил генерал, и он носил фамилию Ромейко. До 1989 года я ежегодно ездила на встречу с однополчанами, пока у меня не появилась другая семья, семья — узники фашизма.

С Кирой Калмановичем мы встретились спустя 56 лет в Минске на Международной конференции бывших малолетних узников фашистских концлагерей.

Оказывается, после моего отъезда с дивизией Киру забрали поляки и он стал сыном полка Польской Армии. Когда окончилась война, он разыскал своего отца и отец его увез в Минск, где он проживает до сих пор.

С Кирой мы созвонились, и он пришел на встречу в гостиницу, где у нас проводилась конференция. Я страшно волновалась, узнаю ли его и, когда мы вышли в фойе гостиницы, я инстинктивно направилась к нему, а он ко мне, хотя кроме нас в фойе было много народу. Встреча состоялась. Он забрал мои вещи и мы поехали к нему домой. Кира познакомил меня со своей женой Аллой. Стол был накрыт, и все говорило о том, что они меня ждали. Потом приехал их внук и повез нас на машине познакомить меня с городом.

Минск я помню по войне. В августе 1941 года мы с мамой и Стасиком по пути в Гомель были в Минске. Ночевали в заброшенных домах. Минск был страшно разрушен. Сплошные развалины. Везде хозяйничали немцы. Потом после войны помню Минск по олимпиадам, и теперь перед взором открывался красивый ухоженный европейский город. Народ приветливый, в магазинах все прилавки заполнены продуктами и промтоварами, никаких нищих, бомжей, такое представление, как будто мы побывали за границей, а ведь это город бывшего нашего Советского Союза. Нам есть чему у белорусов поучиться.

Воспоминания заставляли вернуться к нашему тяжелому прошлому: почти трем с половиной годам пребывания в неволе, к страшной немке, у которой не было руки чуть выше кисти и которая постоянно кого-нибудь била по голове этой культетей.

Вечером они меня провожали на поезд. Поезд отошел, а они еще долго стояли, глядя ему вслед. Я простилась со своим прошлым. Встретимся ли когда-нибудь? Время покажет.

22 июня 1988 года со всего бывшего Советского Союза по приглашению Советского детского фонда им. В.И.Ленина, председателем которого является А.А.Лиханов, приехало 800 бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Я была делегатом этого съезда. Из вступительного слова А.А.Лиханова на первой встрече бывших малолетних узников фашистских концлагерей 22 июня 1988 года:

*«Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они, кто старше, кто моложе,
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь...
Речь не о том, но все же, все же, все же...*

Эти строки Александра Твардовского можно было бы взять эпиграфом нашей встречи. Встречи, которая, уверен, потрясет многие души. Заставит очиститься, возвыситься сердцем, испытать чувства неизбывной вины перед вами, кто в незащитную пору детства был схвачен грязными руками фашистов, вторгнут в теплушки, предназначенные для скота, а потом в горький час загнан за колючую проволоку фашистских концлагерей в Майданеке, Освенциме, Дахау, Саласпилсе, где брали кровь, вашу кожу, где ставили на вас бесчеловечные опыты, где человек лишался права на достоинство и жизнь.

Речь не о том, что и тогда вас могли сберечь. Вероятно, не могли — и такова суровая правда войны, но все же, все же, все же... Где были мы, весь наш мир, 43 года, которые миновали со Дня Победы? Почему лишь сегодня, 47 лет спустя после начала Великой Отечественной войны, мы хотим и можем от имени государства и общества сказать вам слово «простите»? Женщины и мужчины, братья и сестры, простите нас!

Простите за то, что сделанное для вас мало и невеликодушно, хотя ваше место в обществе должно быть преисполнено высшего почета, уважения и поклонения.

Простите нас за то, что слишком, увы, жестокосердны окружающие вас люди, не научившиеся страдать чужой судьбе. Дети, выбравшиеся из фашистских концлагерей (выжил один из десяти) если не подозревались в умышленном предательстве, то на них все равно стояло некое несмываемое клеймо подозрительности и недоверия.

И хотя мы уже далеко не дети, Детский фонд считает своим священным долгом представлять и защищать ваши интересы. Мы глубоко убеждены — долги должны быть отданы, и каждому должно воздаться справедливой мерой по его жизни, судьбе и делам».

Седые дети не могли сдержать слез. Впервые были произнесены слова покаяния. И произнес их не представитель власти, а писатель, взявший на себя нелегкую миссию. Общество услышало крик детских душ с той далекой войны. Наконец-то признало нас своими детьми.

При Советском детском фонде была создана организация Союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей. В 1998 году мы отмечали 10-летие Международного союза. Встреча была организована в Киеве. Самые добрые слова были произнесены председателем Международного движения бывших малолетних узников фашистских концлагерей писателем-публицистом Литвиновым Владимиром Васильевичем, который с самого первого дня создания организации руководит движением. Сколько труда он вложил в становление, сколько судеб он разыскал! Сколько просидел в архивах, по каким областям он ни поездил, разыскивая нас, бывших узников. Издал три книги об узниках фашизма. С 22 июня 1988 года он ведет нас по жизни. Со всеми вопросами обращаемся к нему и никогда не остаемся без внимания. Рядом с ним все эти годы работает бессменный ру-

ководитель Архивно-исследовательского центра — член ЦСМСВМУ Дубовик А.М. Хочется сказать слова благодарности.

Дорогой, Владимир Васильевич! Спасибо за все, что Вы делаете для нашего движения. Низкий Вам поклон от нас, узников фашизма. Здоровья Вам.

После первого Всесоюзного слета бывших малолетних узников фашистских концлагерей в г. Киеве начали создаваться региональные отделения БМУ. Наше Калужское областное отделение было создано областным отделением Советского детского фонда в 1989 году в г. Людиново. На учредительную конференцию прибыло 68 бывших узников.

Организаторами конференции были: Евстигнеева М.И., Артамонова И.М., Фридгельм В.Н., Струкова И.С., Ожегова С.А. На конференции был избран совет и председатель. Организацию возглавила я. Были созданы 16 городских и районных отделений: Калужское, Людиновское, Жиздринское, Кировское, Хвостовичское, Дзержинское, Козельское, Жуковское, Балабановское, Боровское, Обнинское, Юхновское, Медыньское, Сухиничское, Думиничское, Малоярославецкое.

Наши первые председатели: Окружной Леонид Иванович — узник концлагеря Дахау, инвалид 1-й группы; Морозюк Петр Яковлевич (ныне покойный) — узник концлагеря Бухенвальд, инвалид 1-й группы; Ерохина Любовь Ивановна — узница концлагеря Маутхаузен, инвалид 2-й группы, почетный председатель Жиздринского отделения БМУ, награжденная медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени; Пастушенко Валентина Афанасьевна — узница концлагеря Алитус, инвалид 3-й группы. Это те, кто первыми возглавили городские и районные организации.

В 1999 году наша организация отметила свое десятилетие. В ее рядах сейчас насчитывается более 20 тысяч человек. К моим военным наградам прибавилась награда Президента РФ — медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени. Эта награда — заслуга всей Калужской организации.

ОНИ ПОЯВЛЯЮТСЯ ВО СНЕ

Ерохин Михаил Васильевич

1938 г.р., ур. д. Ракшин Хвастовичского р-на Калужской обл., проживает в п. Товарково Калужской области

Лучшее лекарство от неприятности — не вспоминать о ней. Как не хотелось браться за перо и ворошить прошлое.

Однако юбилей — 55-я годовщина Победы над фашистской Германией и дня массового освобождения узников из фашистских застенков — заставил меня это сделать.

Хорошо помню, по всей видимости, я был значительно старше, чем указано в документах. Во время войны все документы, в том числе и ЗАГСа, были уничтожены немецкими захватчиками, поэтому после войны года восстанавливались по показаниям свидетелей. Не исключена ошибка в возрасте на 1-2 года.

Частичные мои воспоминания, возможно, связаны с рассказами моих родителей и старших сестер и братьев, которые отложились в моей памяти. Часто против моей воли и моего желания они появляются во сне и в сознании при воспоминании о пережитом.

Летом 1942 года в маленьком лесном поселочке из 10-12 деревенских изб под названием Ракшин Воткинского с/с Хвастовичского района появились немецкие танки с крестами на боках (броня). Мы поняли, что нас оккупировали немецкие войска. «Дяди» в непонятной нам форме поселились у нас в доме. Угощали нас, детей, конфетами и шоколадом. По детской наивности мы воспринимали угощения радостно и даже пытались «трогать» их оружие, пистолеты, автоматы. Но такое немецкое добродушие и наше

любопытство длилось недолго. На второй день по нашему поселку оккупанты начали отбирать у жителей коров, свиней и другую живность, избивая тех, кто противился или сопротивлялся «новым властям».

Когда в нашем присутствии и на глазах у жителей всего поселка, согнанных немцами на край селения, был повешен неизвестный пожилой человек, мужчина, названный партизаном, мы поняли, что представляют собой «пришельцы» и цену их «гостеприимства».

В июле того же 1942 года нашу семью в составе матери — Ерохиной Варвары Ильиничны (ныне покойной) и ее четырех несовершеннолетних детей немцы угнали за пределы страны вместе с другими семьями сопредельных сел и деревень: Воткино, Подбужье, Нехочи, Пиневици, Мойлово и др. села Хвастовичского района.

В первую очередь угнали семьи партизан и коммунистов (со слов старших). Мой отец воевал в партизанском отряде, которым командовал первый секретарь Хвастовичского райкома партии — Бусловский — в лесах Брянщины. То, что наш отец партизан, — выдала наша соседка, Кузнецова Анастасия. Со слов моего отца, также ныне покойного.

Помню день угона. На огороде уже кое-что поспело. Запомнилось — цвел мак. Мать запрягла в телегу корову, так как лошадь забрал отец, уходя с партизанским отрядом.

Нас в составе колонны немцы погнали через Подбужье, Слободу и пригнали на железнодорожную станцию, кажется, Судимир. Там нас погрузили в товарные вагоны — целый состав — и везли долго-долго, казалось, целую вечность. В вагонах было очень тесно, душно. Плакали женщины, наши матери, плакали старики. Из солидарности с ними плакали и мы, дети войны.

На стоянках, в тупиках, куда нас часто загоняли, мы стояли иногда по 2—3 дня. В вагоны нам приносили какую-то баланду.

Запомнился случай, когда на одной из стоянок нас загнали в один из вагонов — для помывки в бане. В вагон загоняли всех вместе: стариков, женщин и нас, детей. Многие стеснялись раздеваться и мылись прямо в одежде. Недели через две или три нас куда-то привезли и выгрузили. Потом мы узнали, что это Эстония.

Вначале нас поместили в какой-то огромный дом или барак. Дня три мы спали на полу на своих привезенных вещах и мешках. Сколько мы там прожили, не знаю, но почему-то запомнился адрес: г. Таллин, местечко Лиаль. Народный дом.

Затем нас перегнали в какой-то лагерь, охраняемый военными с автоматами и собаками. Часовые стояли на вышках. Территория была огорожена колючей проволокой.

Нас, детей, отобрали у родителей и разместили по группам. На удивление всем, кормили нас хорошо. И только позднее мы поняли причину: у нас периодически брали кровь из вены, выстраивая в очередь «голышами». Так прошли месяцы. Не знаю, через какой период меня вернули к родителям. Радости не было предела! Позднее от своей матери я узнал, что у меня обнаружили какое-то заболевание и по этой причине от моей крови отказались.

Надо признать прозорливость немецких врачей: через некоторое время у меня отнялись ноги и меня носили только на руках. По причине болезни я просил у родителей чего-то кислого. Мой старший брат, Ерохин Сергей Васильевич, решил вылезти за проволоку и принести мне квашеной капусты. С добычей, радостный, он возвращался в лагерь. При преодолении заграждения, то есть колючей проволоки, охранник обнаружил беглеца и открыл по нему огонь. Брат был ранен. Молодой организм преодолел раны, и умер он только после войны, уже у себя на Родине.

До сих пор мучаюсь сознанием того, что его смерть связана с моей болезнью.

Шли месяцы нашего пребывания в концлагере. Родителей и взрослых, то есть всех трудоспособных,

выводили под вооруженной охраной с собаками на различные работы. Так шло время.

Со слов родителей и старших узников, когда русская армия приближалась к Таллину, немцы решили угнать наши семьи в Германию. Большую группу людей привезли на пристань какого-то залива, где стояли пароходы, ожидая погрузки узников. Но впереди нас группами бежали эстонцы и кричали: «Русь-свинья, русь-свинья» и грузились на пароходы, предназначенные нам. Так мы остались на неизвестной пристани. Вдруг мы увидели, что на пристань налетели самолеты с красными звездами на крыльях. Мы поняли, что наступает Красная Армия. В воздухе завязался воздушный бой, дрались русские и немецкие самолеты. Охрана растерялась и исчезла. Мы воспользовались этим и группами начали разбежаться и прятаться в разные укрытия. Наша семья спряталась под штабелями досок на пристани в числе других семей. А в небе шел бой! Не на жизнь, а на смерть! Какие-то самолеты падали в море. Кто-то из прятавшихся родителей комментировал, что русская авиация бомбит пароходы, не давая возможности им увести пленников в Германию.

Мы, дети, старались вылезти из-под укрытий и посмотреть воздушный бой самолетов. Нам было очень интересно. А наши родители тащили нас за ноги назад и привязывали ремнями. В это время одна из пуль залетела к нам (или осколок) и мне обожгло ухо. Все закричали: «Убило, убило!» Но я остался жив!!! Через некоторое время наши взрослые увидели, что охраны нет. Решили бежать! Помню, все бежали бегом, и мы тоже еле успевали за взрослыми. Группа беглецов была примерно семей пять-шесть. Отбежав километра два, мы спрятались в лесном массиве. Там встретился нам один пожилой эстонец с ножом в руках, по всей видимости, убегающий от советских солдат. На ходу он ударом ножа зарезал одно мужчину, идущего с нами, и убежал в лес. Затем мы услышали рев моторов. Мы, как всегда, первыми из кустов выглянули

на дорогу — там шли Советские танки. Радость встречи неопишима!!!

Нашу группу беженцев танкисты погрузили с вещами на броню и повезли в Таллин. Там мы разместились в домах, брошенных эстонцами, убежавшими в Германию. Примерно через месяц уже русская армия собрала нас и в таких же вагонах привезли во Владимирскую область, на станцию Ундол, где все взрослое трудоспособное население направили работать на ткацкую фабрику с лозунгом «Все для фронта!». Это был сентябрь или октябрь 1944 года. По окончании войны, в мае или июне 1945 года, мы вернулись на Родину, в Калужскую область, где вначале жили в землянках, а потом построили себе хатку, где прожили много лет.

Узники указанных деревень Хвостовичского района, оставшиеся в живых — откликнитесь!!! Кто прошел и по этому же пути фашистской неволи.

*Калужская область, пос. Товарково,
Октябрьская, д. 29, кв. 62.*

Ерохин Михаил Васильевич.

ЛЮДСКИЕ СУДЬБЫ

Ерохин Сергей Данилович

1936 г.р., ур. г. Людиново Калужской области

Я, Ерохин Сергей Данилович, родился 26 сентября 1936 г. в г. Людиново. Отец умер в 1939 г., а я и мать Ерохина Елизавета жили с родственниками отца. Когда началась война, было трудно и голодно. Мать заболела и от голода распухла, и нам пришлось переехать к бабушке Анне в село Кондрыкино, так как здесь еще была картошка.

Помню осенью 1941 г. в Кондрыкино, как саран-

ча, ворвались немцы, стали грабить, выгонять из домов. У бабушки домик был маленький. Немцы не стали его заселять, но подселили других. Все лежали на полу, на печи, на казенке, кто где мог. Взрослое население гоняли на восстановление и строительство дорог. Дети были предоставлены голодному одиночеству. Иной раз удавалось набрать своей картошки из-под пола, а как изверги заметят это — бьют чем попало. Помню чуть-чуть как Лимачева Гришку убили. Всю деревню согнали, старых и малых, и не давали хоронить. Еще я вспоминаю, как на рассвете начался бой. Это наши разведчики бросили гранату в Трунов дом, где находилась немецкая комендатура. Граната не взорвалась и поэтому всех наших бойцов убили, силы были неравны.

Однажды прилетел русский самолет и сбросил две бомбы за Кривлякиным домом. Начался переполох. Люди выскочили из своих нор. Видимо, летчики заметили это и улетели. Немцы между домов вырыли траншеи, куда загоняли танки. Село было неподалеку от линии фронта. Сильные бои шли возле деревни Букань и Кротовой Горы. Теперь она называется Крестьянская Гора. Здесь сооружен мемориал всем погибшим воинам-односельчанам.

Приближался 1943 год. Немцы каждый день звели: гоняли на поверку к школе. Молодых ребят они угнали еще в 1942 году, а вот массовый насильственный угон в нашем районе проходил с начала 1943 года до сентября месяца. В этом же году и нас пешком погнали на Жиздру, затем в Улемль, где за ключей проволокой находился сборный пункт. Наша семья теперь состояла из четырех человек: матери, бабушки Копотеевой Анны, тети Груни и меня. Сколько были в Улемле, не помню, но дальнейший наш путь был на Дятьково, а далее — Белоруссия. Станция Лесная, лагерь Лесной, позже Гансовичи.

В Гансовичи мы из лагеря попали потому, что тифом заболели все взрослые, а я нет. Мать, тетя Груня выздоровели, а бабушку похоронили на белорусской

земле. В больнице им давали что-то кушать, а они не могли есть, у них была температура высокая, а я бегал по больнице и подъедал. Помню одну тетю в белом халате, которая хотела меня взять к себе, а я не согласился и продолжал бегать по больнице, пока не выздоровели родные.

Освобождали нас русские. Помню, пришли и освободили. Мы разбежались по деревням. Нас взяли в местечко Начи. Прошло два дня, вновь появились немцы. Хозяин Василь радовался их приходу, а почему, мне было непонятно. Хозяин заставлял мать и тетю работать на полях. Меня — гусей пасти.

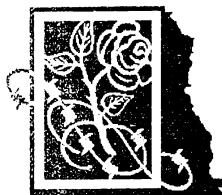
Однажды пришли наши партизаны к хозяину и попросили еды для всех. У хозяина было много хлеба, сала, картошки, но он отказал. А насильно они не стали брать, а я, несмышлениш, взял и указал то дерево, где были подвешены окорока мяса. Конечно, партизаны обиделись за то, что он пожадничал, и взяли эти окорока. Как только партизаны ушли, хозяин меня сильно бил, посадил в бочку и заставил катать по улице. Мне очень было больно и я чуть не задохнулся. Мать была в поле, и ей кто-то сказал об этом. Что говорила ему мать, я не знаю, только после этого случая хозяин нас выгнал, и мы продолжали попрошайничать.

Было очень страшно. Днем — немцы, ночью — бандеры, подделываясь под наших партизан, грабили у своих, тем самым усложнялась наша жизнь. Однажды пришли бандеры в дом, где жила тетя Груня, и стали спрашивать мать, видимо, хозяин Василь рассказал о том, что я сделал, но матери дома не было, а тетя была инвалидом, у нее был горбик, и ее они не тронули, а как пришла мать, они ее хотели изнасиловать, а все были в русской форме. Матери удалось вырваться и убежать в дом, где жили две сиротки-белоруски. Она, ничего не говоря нырнула, под печь, куда засовывались ухваты, которыми таскали чугуны. Через несколько минут я тоже от тети побежал за матерью. Сестры меня посадили на печь и прика-

зали молчать. Двери открылись, и ворвались эти дяди. Стали стрелять под печь из пулемета. Что им говорили сестры-сироты я от страха не помню, но только никогда не забуду, как оттуда тащили мою мать обратно жители. Она осталась жива, потому что прижалась к той стене, куда пули не касались.

Наступило полное освобождение. Шли солдаты с песнями, ехали на машинах, танках. Радость была непомерная. Хорошие белорусы нас оставляли, но мы стали искать земляков по деревням, хуторам, и все вместе вернулись домой где-то в августе-сентябре.

Я пошел в школу, а мать начала работать, служил в армии 3,5 года. Я женат. Детей у меня нет. Видимо, на нас отразилась война. Вместе с женой по комсомольской путевке строил дорогу Абакан-Тайшет. В данное время пенсионер-инвалид. Стаж работы у нас на двоих 76 лет.

ДОРОГА МОЕГО ДЕТСТВА

Ерохина (Ляликова) Любовь Ивановна

1934 г.р., с. Кондрыкино Жиздринского р-на Калужской области

Когда началась Великая Отечественная война, мне было семь лет. В октябре 1941 года в мое родное село ворвались фашистские молодчики на мотоциклах и стали сразу наводить свой фашистский порядок.

Жителей села выгоняли из лучших домов и поселяли по несколько семей в одной хате, других загоняли в подвалы, сараи и погреба. Подготовив площадь для высоких чинов, они стали отбирать скот у населения для питания. Выявив советских работников, семьи офицеров и партизан, они сразу шли к тем домам, где проживали такие люди. У нас в первую

очередь отобрали корову, потому что наш сосед им рассказал о том, что мой отец Ляликов Иван Васильевич погнал колхозное стадо в тыл. Мама умоляла соседа, чтобы хоть кишки и голову оставили, но немцы подали матери 20 марок и пошли. Я помню, как мама на них ругалась, произнося слова: «Что мне, фашист, с твоими марками в туалет идти?» Немец вернулся и хотел выстрелить в мою маму, но я сильно закричала, второй немец выбил наган из рук. Так было почти в каждом доме.

Через неделю приехало много немцев на танках. Население стали на целый день угонять на строительство и ремонт дорог, а дети одни находились целый день голодные. У нас в Кондрыкине была церковь, школа, пекарня и детский садик. Все эти здания они пустили под склады. В церкви они хранили свое оружие, в школе находились их продукты.

Однажды утром немцы собрали всех на площади, под конвоем привели Лимачева Григория, били, толкали прикладами и кричали: «Коммунистен!» Все было понятно. Кто-то предал дядю Гришу. Его заставили копать могилу для себя, а затем — несколько ножевых ран на шее — и он упал. Хоронить жене не разрешали в течение недели. Мы это запомнили на всю жизнь.

Однажды в село пришли наши разведчики и узнали о том, что в доме Труновой Дарьи находится немецкий штаб. Они бросили гранату в дом, но она не сработала. Силы были неравные, и наши солдаты погибли в количестве 15 человек. Тогда немцы озверели и стали к жителям села относиться жестоко. Ежедневно утром выгоняли из сараев, подвалов и считали, словно скот. Молодежь угоняли в Германию, а в 1943 году начался массовый угон. В апреле 1943 пришла и наша очередь. Собрали возле школы, навесив на руки повязки, и много семей погнали на Жиздру. По дороге присоединили много семей из других деревень: Никитинки, Дедное, Дынное, Иванково, Мужитино. Всех под конвоем погнали из Жиздры на Улемль. В

Улемле был создан сборный лагерь на пять тысяч человек под открытым небом, где люди содержались по 2-3 недели, а дальше отправляли на Дятьково, Брянск, Бежицу.

Наша партия была отправлена в г. Дятьково. С нашей семьей были отправлены следующие семьи: Пановы, Дроздовы, Труновы, Козловы, Бобковы и Зайцевы, из Жиздры — Тимашовы, Кондрашовы и другие. В Дятькове загнали в скотские вагоны, закрыли на замки и повезли на Белоруссию. В лесу поезд оставался. Все вокруг горело. Взрослых на целый день угоняли на ремонт дорог, а мы, дети, сидели в холодных вагонах и ждали своих родителей. Потом вновь везли. В Минске была остановка. Высадили несколько семей, а нас повезли дальше. Привезли в Литву и поместили в концлагерь Алитус, где мы содержались до августа. В Алитусе умирали люди ежедневно от голода, вшивости, унижения и нечеловеческого труда. За малейшее непослушание Антон мог плеткой забить до смерти. Кто был в этом лагере, все помнят его и его злодеяния... В семье Пановых умер от голода мальчик Миша, а у Дроздовой Елены — дочь Мария. У нас брали кровь, а для забора крови возили в Каунас. В основном они нуждались в первой группе крови, а у меня первая группа. Меня возили два раза, а потом я заболела. Моя голова и лицо покрылись болячками. Я думала, умру от этого, потому что кишели вши и разъедали до крови, но кто-то матери принес от жителей Литвы мазь и эта мазь спасла мою жизнь. Всю «прелесть» лагерного режима не опишешь и никогда не забудешь. Людей по фамилии не вызывали на проверку, а называли цифры, то есть номер. У каждого на груди был такой номер, но я была дошкольного возраста и цифр не знала и не запомнила. Людей из лагеря ежедневно увозили и привозили.

Настал день, и наш назвали номер. Мама плакала и считала, что нас умертвят. Нас посадили в черную машину и увезли. Высадили в населенном пункте

Хольтизбрунь. Там две недели убирали морковь и помидоры. Затем поездом повезли дальше. В Вене была остановка. Здесь кидали нам булочки и смотрели на нас, словно везли зверей.

Привезли прямо в лагерь Маутхаузен, здесь мы встретились с Павловым Иваном Александровичем из Щигров Жиздринаского района. В этом лагере содержались военнопленные и гражданское население. Тут также ежедневно была поверка на плацу. Приезжали в лагерь врачи и бауэры. Врачи осматривали и рекомендовали людей для рабства. За нас платили марки, а нас, как рабочую силу, увозили в населенный пункт Вайштеттин, где мы находились до прихода нашей разведки.

По соседству была деревня Гамот, здесь содержалась семья Прокоповых из деревни Полом Жиздринаского района, и мы с ними встречались. Рядом Кочедорф, по другую сторону — город Ишау. В этот город я часто ходила за продуктами для Справца. У хозяина нас было 30 рабов. Семейными были мы и семья из Литвы в количестве трех человек, а остальные были девушки и одинокие. Нас было у матери трое, и все уже работали. Матери было 38 лет, брату Михаилу 15 лет, брату Владимиру 12 лет и мне 10 лет.

Немцы не хотят признавать, что и детей они эксплуатировали. Все работали с 6 утра до 18 вечера в поле, а я была рабочей на кухне. Воду помповала для лошадей и волов, носила воду на кухню, мыла полы, перебирала картофель, возила продукты на драгоче, ухаживала за кролями и ходила в г. Ишау, куда посылал меня с запиской Справец. По вечерам луцила кукурузу.

С нами были два парня с Украины (г. Каменск-Подольский) — Саша и Алексей Коваль. На Справца работал чех Кубылка, жена у него была Фини; австрийка Лорри, у нее было двое детей: мальчик Ганс и девочка Лорри, как мать. У Справца детей не было, рядом жила его сестра Мари, у нее была дочь Фриди и служанка Анчи. Вот это я запомнила хорошо. Ку-

былко нам рассказывал о состоянии дел на фронте. Он говорил, что скоро придут русские и нас освободят и мы каждый день этого ждали. Справец стал к нам добрее относиться. Улучшил питание, но уже было поздно. Наши «катюши» не давали покоя, и Справец засуетился. Собрал вещи и часть скота, а также прихватил нас для дальнейшей работы. Несколько километров мы прошли от Вайштеттена в сторону Кочедорфа, но нас настигли самолеты и начали бомбить обоз. Мы все врассыпную, но и Справцу было не до нас. Прятались мы двое суток на кладбище за памятниками, а потом вернулись вновь в Вайштеттен. В Вайштеттене было тихо, словно все вымерли, но когда мы пришли к месту содержания, увидели жену Кубылки, которая сказала, что все сидят в подвале, и мы пошли туда. Вечером было ужасно. Бомбили самолеты, работала «катюша», и от нее все горело вокруг. Поместье горело, скотные помещения, где содержались животные, горели, валялся убитый скот. И мы сидели так в течение двух недель. Даже голову нельзя показать из подвала, не то чтобы воды принести. Мы слышали то голоса немцев, то русскую речь.

Но к утру бой стих, и к нам пришла русская разведка. Лешу Коваля и Сашу они взяли с собой. Им было по 13 лет, а нас оставили в подвале до полного освобождения.

Мать взяла нас за руки и повела в ту сторону, откуда шли наши. Шли мы в направлении г. Ишау. Валялись трупы, строчили пулеметы, было очень жутко, смерть была рядом, а мы продолжали в полусогнутом положении идти ближе к своим. Как только пришли в г. Ишау, нас накормили, быстро усадили в машину и увезли с передовой.

Шли пешком, ехали разными видами транспорта, но на День Победы мы были уже в Праге, затем в Малауки, и отсюда нас отправляли по областям. В июне 1945 г. нас отправили на Родину в Орловскую область, Жиздринский район, село Кондрыкино.

Мне было 11 лет, когда пошла я в первый класс.

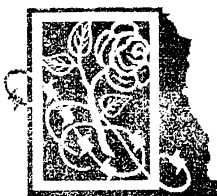
В годы Великой Отечественной войны на территории Жиздринского района было убито по Кореневскому с/с 150 человек, из них 40 человек сожжены в сарае заживо, только одной удалось выбежать, и она еще жива — это Володина Анна. В Петровском — 75 человек было расстреляно за связь с партизанами, в Овсорокском с/с — 60 человек.

Всего угнано молодежи из Жиздринского района в лагеря и рабство 3175 человек. Ущерб нанесен был на сумму 14978151 рублей (в тех деньгах). У каждого хозяина был отобран скот, сожжен дом, отобраны лучшие вещи и домашние ценности. Вот дорога моего детства.

Получила среднее специальное образование. Работала и училась. Рабочий стаж 40 лет, общественного стажа 22 года. Сейчас являюсь ветераном труда, награждена медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», много благодарственных писем и грамот всех уровней. Являюсь членом областного совета и членом Центрального международного Союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Имеется удостоверение о том, что я являюсь корреспондентом газеты «Судьба». 23 декабря 1998 г. мне было вручено удостоверение, что я являюсь почетным председателем Жиздринского районного отделения БМУ.

Мы — дети, опаленные войной,
И выжили, пройдя все муки ада.
Хотелось бы весь ужас позабыть,
А сердце говорит: «Не надо!»
Воспитаны на страшной той войне,
В один союз объединились
И стали дружною семьей,
Мы в общем деле породнились.
Хоть рано стала я седа,
Душа как прежде, молода
Стараюсь людям я помочь,
Хотя сама давно больна.

Мне дружба помогает жить,
И наш союз всегда на взлете,
Нам пусть сопутствует успех,
Хочу я знать, как вы живете.
Мы — дети, опаленные войной,
Желаем мира всей планете,
Пусть станет новый век без войн,
Пусть всюду радуются дети!
И ты услышь меня, Господь!
И пусть все страны породнятся,
Забудешь слово ты «война».
Тогда чего же нам бояться?

НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ ИЗ УКРАДЕННОГО ДЕТСТВА

Желудков Дмитрий Дмитриевич

1933 г.р., ур. Тульской обл., проживает в Обнинске

Не могу не вспомнить необыкновенного мальчика из Гомеля, моего сверстника, который ценою своей жизни спас мою жизнь — Леву Крейчмана. Это был рыжеволосый, с веснушками и курносый носом, удивительно красивыми карими глазами паренек. Как потом поведал мне его одноклассник, отец Левы был еврей, работал артистом цирка, мама была украинкой и умерла при родах второго сына. Отец брал Леву в цирк на репетиции и на представления. А в четыре года Лева ходил по канату и работал на перекладине. Однажды он сорвался со снаряда и сильно повредил позвоночник, зашиб голову, отчего рост его затормозился. Лева до войны успел закончить среднюю школу и готовился поступать в вуз.

Мне тогда было 8 лет. Наш эшелон с подростками в возрасте 8-16 лет остановился в городе Резекне, что

в Латвии под Ригой, для фильтрации и предварительной адаптации. Не знаю, в каком месте подсадили в наш вагон Леву Крейчмана, но заметил я его, когда наш товарный вагон разгрузился и он громко объявил, что в «коробке» следовало 682 субъекта, в том числе четверо «сытых» (мертвых). Не каждый из этих «субъектов» умел считать до 1000, да и в голову никому не пришло заниматься этим. Хотелось пить и полежать на земле.

У входа на территорию лагеря красовался плакат с правилами поведения детей, где запомнился абзац, запрещающий персоналу бить детей по лицу, драть за уши и волосы, пинать, бить чем попало, но допускалось по указанию коменданта наказывать детей розгами — от 3 до 15 в зависимости от характера вины. Я тогда представлял наказание ремнем, хворостиной ну и, конечно, подзатыльником. А что такое «розга», я наивно спросил у не по возрасту мудрого Левы.

Что означает наказание розгами, я испытал на своей шкуре уже на четвертый день, когда утром в составе пяти пацанов подметал плац и вместе с мусором опустил в «очко» уборной какую-то металлическую колodочку с мундира немецкого офицера, который вчера вечером вертелся на перекладине. И этим же утром комендант перед завтраком объявил нам перед строем о нашей провинности и наказал старшего десятиью, а остальных — семью розгами. Строй повели на завтрак, а нас пятерых доставили в комендатуру лагеря. От голода, запаха и всего увиденного затошнило. В большой полумрачной комнате стоял сбитый из необструганных досок стол, в углу — кадка с водой и в ней размокающие вот эти самые розги: запах противнее, чем в уборной.

Мальчишка лет 12-ти не из нашего барака без рубашки с иссеченной спиной протирал пол. Начали со старшего. Первые 3-4 удара он принял молча, а при каждом последующем его тело изгибалось дугой и безжизненно падало голым животом на влажные дос-

ки стола с раздирающими душу вскриками. После седьмого удара тело его обмякло и истязание прекратилось. У них мертвых не бьют, но он остался жив.

Я лег четвертым. Меня колотило от страха и тело мое покрылось липким потом. Мне после рассказали, что я обмяк уже после второго удара. Я помню только первый. Мне показалось, что тело мое резанула горящая молния и достигла самого сердца, отчего оно раздвоилось и начало останавливаться. Я не смог издать даже звука, как последовал второй удар, который, мне показалось, пришелся по всем моим незащищенным внутренностям. И я потерял сознание. Пятый мальчик вытерпел все удары и даже без слез.

Когда мы, истерзанные, пришли в свой барак, а пришедшие из столовой начали изучать узоры на наших спинах, появился наш Лева и громко объявил: «Выставка абстракционизма закрывается, экспонаты заслужили мою порцию хлеба». Он разделил свой кусочек на равные пять частей, и каждый из нас взял свою дольку.

Время шло к осени, наступали холода, началась сортировка и отбор детей для отправки в Германию. Однажды дождливым холодным вечером Лева подошел к моим нарам и сказал: «Митя, перепиши без ошибок и разборчиво вот эту листовку несколько раз и никому не показывай». Я смотрел на него с дрожью, а он, похлопав меня по незажившей спине, добавил: «Тебе все равно больше трех розг не достанется, не дрожи».

Лева к тому времени всеми нами верховодил и был у нас за старшего брата. Ослушаться его никто не пытался. Он наказывал нас по-домашнему и это было еще обиднее. Листовки, написанные моей рукой, на второй день красовались в бараке, в уборной, на кабине надзирателя и даже на вагонах товарного эшелона, загружаемого детьми для отправки в Германию. Содержание листовки было примерно таким: «Парни, если кому-то из вас не удалось отвертеться от Германии, не робейте! Можно и в глубоком тылу врага

приносить вред. Настраивайтесь на борьбу с врагом в его логове, ищите связь с партизанами, с нашими пленными. Приближайте нашу победу. Русскую армию еще никто никогда не побеждал».

Появление такой листовки, написанной почерком первоклассника, кажется, парализовало администрацию лагеря. В это утро нас не повели в столовую, не погнали на работу, в лагере стояла зловещая тишина. Комендант лагеря о такой дерзости обязан был докладывать шефу политической полиции, что он и сделал.

К обеду в лагерь заехало несколько крытых машин с военными в черной форме, с ними были собаки породы, которую я за всю жизнь больше не встретил. В наш барак зашла группа военных, с ними была женщина в форме. Поздоровалась по-русски, раздала всем по листочку бумаги и карандашу:

— Ваши мамы думают, что вас уже нет в живых. Напишите им небольшие письма, что вы живы и здоровы, собираетесь уехать в Германию и еще, что сами хотите. В конце поставьте свое имя. Даю время десять минут.

Примерно через две-три минуты все видели, как Лева демонстративно сдал чистый листок и четко сказал: «У меня нет мамы и я не собираюсь ехать в Германию». Мне тоже захотелось последовать примеру своего кумира, но я уже успел написать: «Здравствуй, милая мама! Я пока жив. Мне здесь очень плохо. Нас хотят везти в Германию, а я хочу к тебе».

Бумажки и карандаши были у всех отобраны. Военные ушли из барака. Ребята начали делиться между собой радостью, что успели написать своим мамам. Ко мне подошел Лева и тихо сказал:

— Сейчас по почерку они опознают тебя и вызовут. Не отказывайся. Скажи, что большой незнакомый парень предложил за буханку хлеба переписать несколько раз эту записку и ты согласился, хотя хлеб он с тобой не расплатился. И расплачься.

Может быть, он еще мне что-то успел бы сказать,

но меня тут же вызвал надзиратель. Это был пожилой русский пленный: один глаз у него был стеклянный, а из второго наворачивалась слеза. Все началось так, как прогнозировал Лева. Потом меня спросила женщина в форме: «А когда это было?» Я ответил: «Вечером, когда шел дождь». «Значит, в бараке были все ребята?» — спросил офицер. «Да», — растеряно ответил я.

По приказу коменданта все узники барака были построены в четыре шеренги. Уже другой офицер вывел меня перед строем и громко прокричал:

— Вот этот признался, что писал листовки он. А кто обещал ему хлеб и до сих пор не расплатился? Если это был человек из другого барака, то кто-то из вас должен был видеть.

Все молчали. Он дернул меня за руку:

— Если мы с тобой проверим все бараки, ты узнаешь того парня?

— Нет, — ответил я. — В углу, где стоят мои нары, темно даже днем, и я не мог разглядеть его лица.

Офицер приказал включить свет, и я заметил, что в моем углу вообще лампочка не горела. Догадался я, что Лева предвидел эту ситуацию. У входной двери барака стояли несколько солдат в черной форме, комендант лагеря, надзиратели и женщина, поглаживая огромную собаку. Офицер неожиданно нагнулся к моему уху, промычав:

— Так мы пойдем по другим баракам?

— Нет, — шепотом ответил ему я.

— Тогда мы сейчас начнем развязывать языки им здесь, — повернул голову к стоящим у двери солдатам. — И начнем с этого, — указал он черным пальцем на меня.

Строй узников стоял на месте, я — перед строем лицом к ним, и в первый раз посмотрел на все лица несчастных ровесников одновременно. Ох, как они были похожи худобой и потухшими глазами. Я осознал, что за все время первый раз наказание начнется с меня. Я гордо обвел взглядом всех в строю и заме-

тил, как Лева из второго ряда мне улыбнулся и подмигнул: держись, мол, и не предай. *

В тот же час солдаты принесли знакомый всем стол, охапку новых плеток и два черных человека приблизились ко мне. В одно мгновение они сорвали с меня рубашонку, бросили на сырые, плохо пахнущие доски стола. Лицо и уши я закрыл ладошками. Я услышал командный окрик, свист рассекающей воздух плети и почувствовал жгучий удар по спине. В голове промелькнула мысль: «Я никогда не предам Леву».

Вот что мне рассказали соседи по нарам. Лева с мужеством, соответствующим его возрасту и морали, почти выпрыгнул из второго ряда строя прямо к столу, вытянул свои руки под удары плетей и со злобой хищника прорычал:

— Что вы его бьете, сволочи, он уже мертвый! Это я заставил его переписать мою листовку!

Избиение прервалось, палачи, казалось, руками и зубами вцепились в Леву. Они, как пчелы свою матку, обволокли его своей массой, а двое в черном, побросав плети, заломили Левае руки и потащили к выходу. Лева что-то пытался выкрикнуть, но никто ничего не разобрал, что зажатым ртом хотел высказать нам Лева.

Я думаю, что в последний день своей жизни он хотел от имени всех детей планеты сказать: «Пусть будут прокляты все войны и люди, их разжигающие!» После этого наступило недолгое затишье. Но не так-то фашистские службы, чтобы остановиться. Как потом выяснилось, они несколько дней уточняли мое и Левино местожительство, социальное происхождение, положение родителей и близких родственников в социалистическом обществе. Раздобытые сведения о Левае Крейчмане были не в его пользу: им стали известны его национальность, фактический возраст, который он снижал, и принадлежность к комсомолу — в школьном комитете ВЛКСМ он отвечал за идеологическую работу. Этого было достаточно для уничтожения нашего любимца Левы.

Мне повезло больше. Мои родители в 1932 году, когда я еще покоился в материнской утробе, были репрессированы и отец отбывал наказание по печально известной статье (по политическим мотивам). А вот мое заявление, что листовки писал я не под диктовку Левы, а по предложению какого-то парня из другого барака за буханку хлеба, политическая полиция не могла оставить без внимания. Им мерещилось, что в лагере действует какой-то штаб в бараках взрослых узников. На допросах меня уже не избивали (видимо, я стал им неинтересен), и, когда я возвращался в барак без синяков и ссадин, ребят это настораживало.

Мое пребывание в бараке осложнялось и тем, что без Левы не стало какбы старшего — строгого и справедливового отца в большой семье. Пацаны разделились на две группы. Первая, обозленная, считала, что если бы я не был хиляком и тогда при первых же ударах розг не потерял сознание, то у Левы не было бы повода самому бросаться под розги с признаниями своей вины и моей невинности, и тогда он был бы сейчас с нами, как прежде. Вторая группа была на моей стороне, потому что Леву я не предавал, а дрожа и молча лег принимать наказание розгами.

И вот однажды на плац пришла крытая со свастика машина, похожая на душегубку, с охраной. Туда из всех барачков затолкали по несколько человек, из нашего был взят только один я. Нас долго днями и ночами куда-то везли, иногда останавливались в безлюдных местах у мелких ручьев, давали хлеб и разрешали напиться воды. Парни повзрослее говорили, что это Польша. Иногда машина останавливалась надолго: мы слышали гул людской толпы, детский плач, лай собак и женский стон. Догадывались, что это были концлагеря, куда нас хотели передать, но почему-то там не принимали. Хотелось пить, есть не давали покоя вши, и вообще хотелось любого конца этим мукам.

Опять остановка, опять говор большой толпы, ок-

рики конвоиров, характерный запах из трубы крематория. И вдруг раздался мощный взрыв, потом лай собак, обрывки немецких ругательств. Неожиданно открылись двери нашей душегубки и мы увидели высокий забор с вышками, а за ним горело обрушенное здание. Полицейские с собаками теснили толпы узников, сновали машины, мотоциклисты, вооруженные всадники. Тут в открытый проем нашей двери забросили что-то мешкообразное и дверь захлопнулась. Машина тронулась. Несколько минут ехали молча в темноте, потом кто-то неожиданно вскрикнул: «Да это же человек!» И как бы в подтверждение послышался мужской стон, кашель, бормотание. Кто был поближе, помогли незнакомцу сесть, дали воды. Впотымах он начал руками нащупывать соседей, гладить по щекам, потом шепотом сказал: «Ну, на сегодня вам всем повезло. Спасибо нашему Степану», — и заснул. Нам ничего не было понятно и стало как-то боязно.

Где-то на повороте с ухабом наш новый сосед очнулся и спросил: «Ну, вы все живы? Тогда слушайте о своем спасителе, и кто останется жив, помолитесь за него». За долгую дорогу он рассказал нам, что произошло в концлагере, куда нас собирались определить.

Их, несколько сотен русских пленных, привезли на станцию грузить товарный эшелон немецкими снарядами. Кругом стояла вооруженная охрана с собаками. Загружались одновременно все вагоны, по десять-двенадцать человек работали на каждом. Вдруг на крыше одного из вагонов появился комиссар пленного батальона и громко крикнул: «Коммунисты, остановитесь... Мы же готовим смерть нашей Красной Армии. Приказываю...» Он тут же был скошен автоматными очередями. Среди пленных началась неразбериха: одни продолжали работать, другие — среди них наш рассказчик — пытались последовать призыву комиссара. Чтобы усмирить грузчиков, были пущены в ход дубинки, слышались одиночные вы-

стрелы. Непокорных скручивали, избивали и заталкивали в машины, на которых привезли на эту станцию. Посоветовавшись, фашисты решили бунтарей передать в лагерь для немедленного физического уничтожения.

Такой лагерь был в двух часах езды, куда в это время гнали с эшелона из Белоруссии толпу женщин с детьми, стариков и инвалидов. Это были семьи партизан, партийных и советских работников, сельских активистов и евреи. Им приказали оставить свои вещи в вагонах и пройти санобработку с мытьем, сменой белья и верхней одежды, после чего они продолжают на поезде путь в Германию. Всем хотелось теплой воды, чистоты, и люди стали торопливо покидать грязные вагоны. В то время, когда первые ряды колонны приблизились к проволочному ограждению концлагеря, из подъехавших машин вышвыривали забастовавших грузчиков со станции. Они-то, взглянув на трубу с черным ядовитым дымом, сразу определили ее назначение.

Толпа замедлила ход, задние ряды продолжали напирать. Засуетились конвоиры, втягивая колонну на территорию лагеря. Пленных грузчиков погнали без очереди. Все обо всем уже догадались. Женщины с материнской надеждой у входа на территорию пытались оттолкнуть в сторону детей, но к ним тут же бросались собаки, от которых малыши прятались под материнскую юбку.

Когда голове колонны оставалось метров 10-15 до входа в крематорий, из средних рядов отделился мужчина в разодранной рубашке, прижимавший к груди какой-то сверток, похожий на запеленутого ребенка. Подбежавшему конвоиру он процедил сквозь зубы, указывая на сверток: «У нас тиф, мы должны пройти первыми». От этих страшных слов весь коридор конвоиров онемел — они стояли, как вкопанные, натянув поводки овчарок. Мужчина со свертком, произнесший магическое слово «тиф», ускорив шаг, скрылся в черном прямоугольнике крематория. Колонна,

словно почувствовав что-то, замерла, а оттуда послышался громкий возглас: «Ложись!» Раздался оглушительный взрыв, и над крематорием взметнулся столб дыма и пыли. Люди бросились врассыпную, началась стрельба, конвоиры спустили собак с поводков. Этот мужчина со свертком был из группы грузивших снаряды, один из которых и оказался у него на груди. Взорвал он снаряд, бросив в печь крематория.

Конвоиры выстроили пленных, подошел старший и, указывая пистолетом в сторону разрушенного крематория, спросил: «Кто знал его?» «Я», — ответил один, тот самый, что оказался потом в нашей машине. Его вырвали из строя, долго били пинками, пока он не свалился, как мешок, и бросили в нашу машину, стоявшую ближе всех к лагерю.

Рассказ этот длился долго, с перерывами, тогда нам казалось, что человек умер. Мы все дрожали от страха. Ведь если бы не жертвенный поступок неизвестного мужчины, каким-то образом прихватившего снаряд со станции, мы сейчас уже были бы сожжены вместе с другими пленными.

— И кто же был этот герой?

— Старшина Степан из нашего детдома. У него не было никого, а он всех считал своими. Мы из-под Липецка.

Наступила ночь, каждый ушел в себя, машина везла нас куда-то в неизвестность. Утром остановка, разрешили сойти. Сошел и я, чтобы размять ноги и с мыслью: а вдруг где-нибудь встречу Леву? А из машины крикнули: «Человек умер!» Нам приказали стащить труп на обочину. Мы осторожно, как живого, сняли его и бережно уложили на землю. Складывая руки на груди, заметили в нагрудном кармане почти белой гимнастерки комочек. Оглянувшись и убедившись, что никто не следит, мы вытащили узелок, связанный из старого носового платка: там были треугольник солдатского письма со стертým адресом, сложенная вчетверо фотография женщины с тремя детьми и козой, и кусок сахара. Фамилию прочесть так и не

успели: к нам просунулась красная волосатая лапа шофера и выхватила содержимое узелка, пнув коленкой подростка прямо на тело умершего. Нас всех загнали в машину и повезли дальше, оставив на обочине еще одного «без вести пропавшего».

Итак, я, кроме Левы Крейчмана, обязан тем, что живу, еще и неизвестному солдату по имени Степан, выросшему в детдоме под Липецком.

И ЭТОТ ДЕНЬ НАСТАЛ

Жогличев Юрий Викторович

1929 г.р. ур. с. Зикеево Жиздринского р-на Калужской области

Он родился 16 ноября 1929 г. в с. Зикеево Жиздринского района. На начало войны окончил пять классов, учиться дальше помешала война и оккупация села в сентябре 1941 г.

Оккупировав село, первым делом фашисты решили отправить в Германию все население. Фактически все жители села, как старики, так и дети, были угнаны как рабочая сила в Германию. Юрию Викторовичу было в это время двенадцать лет. Вместе с матерью 1884 г. рождения и остальными жителями села он был загнан, как скот, в вагоны. Людей везли в вагонах, набитых как сельдь в бочках. По пути были пересылочные лагеря, нары с клопами, баланда из необобранной гречки или проса.

Люди умирали от голода и болезней. Так несколько месяцев Юрия Викторовича вместе с матерью везли в Германию. По прибытии в Германию, в город Шварценбург, их разъединили. Мать отправили в женский рабочий лагерь, а его в мужской. Встретаться они могли лишь на посудочной фабрике, куда их во-

дили работать, и где они работали по 12—16 часов в сутки, без отдыха. Желудок все время напоминал о себе, голова кружилась, от слабости падал в обморок. А от фашистов пощады ждать не приходилось, одни лишь упреки и побои.

Но все это ничто по сравнению с тоской по Родине, по родному дому. С каким вниманием пленные ловили вести о наступлении Советской Армии. С каким нетерпением ожидали они их прихода. И этот день — 9 мая 1945 г. — настал. В мае советские войска освободили город Шварценбург и всех пленных. Юрий Викторович вместе с матерью и другими вернулся домой, в родное село Зикеево. Этот день был самым лучшим днем в жизни, самым незабываемым и дорогим. Со времени окончания Великой Отечественной войны прошло 57 лет. Пройдут еще годы и десятилетия, в жизнь будут входить все новые и новые поколения людей, но память о войне и о тех, кто ценою невероятных усилий выиграл, сохранится в сердцах благодарного человека навсегда.

ДЕТСКИЙ КРИК

Заверняева (Савина) Ольга Борисовна

1943 г.р. Секретарь Совета Жиздринского отделения БМУ, проживает в г. Жиздре

Осень 1941 г. Я, как и все дети, собиралась пойти в школу, но фашистское нашествие помешало этому событию, и в моей жизни начались страшные дни.

В первые дни войны ушел на фронт отец, пережил блокаду Ленинграда, прошел всю войну и вернулся домой в конце 1945 г.

В октябре у нас, как у семьи красноармейца, лица отобрали корову, а маму поставили к стенке и

хотели расстрелять на наших глазах, но наш детский крик, видимо, еще не совсем озверевших полицаев, спас нашу маму. Так в страхе мы прожили до августа 1943 года. Отступая, немцы сметали все на своем пути, а людей угоняли в неволю. Такая участь постигла и наш поселок Плотавец Жиздринского района. Не успели мы выйти из домов, как на наших глазах немцы поджигали дома, а нас угоняли неизвестно куда под охраной автоматчиков с собаками. Гнали нас до Брянска. Там собралось очень много народу. Немцы провели сортировку людей. Там, где были дети повзрослее, их отделили и отправили в Германию, а нас погрузили в вагоны и повезли неизвестно куда. Остановился поезд в Белоруссии. Видимо, немцы испугались партизан и бросили наш поезд. Люди разбежались кто куда.

Наша семья оказалась в с. Солоное, где нас приютила очень хорошая женщина тетя Парася. Вспоминается, как мы копали у нее картофель, чистили фасоль, чем зарабатывали себе на питание. Но эти дни были сочтены. Нас вместе с хозяйкой немцы выгнали из дома, и нам пришлось жить в картофельной яме. Над нами летели снаряды то в одну, то в другую сторону, что хорошо было видно в морозном звездном небе.

Очень хорошо помнится такой случай. В саду, где находилось наше убежище, то есть яма, остановился немецкий обоз. Немцы праздновали Рождество. Утром мы вылезли из ямы, голодные и холодные, и около яблони я нашла немецкий кошелек. Это увидел немец, забрал и погнался за мной с пистолетом. Кошелек я бросила и этим выиграла время. Мама успела меня снять шапку и покрыть платком, что помогло мне спастись от смерти. А дальше нас опять выгнали в с. Солоное.

По пути следования немцы отбирали детей, какие покрепче, чтобы брать кровь для своих раненых. И опять хитрость нашей мамы спасла нас от этой страшной муки. Она расцарапала нам руки до крови, вы-

мазала их грязью, а также вымазала лица. Немцы посмотрели на нас, сказали «свиньи» и ушли.

Была зима. Нам нечего было есть. Оказались мы в населенном пункте, где нашли свободный полуразрушенный домик и поселились в нем. Вся наша семья переболела там брюшным тифом. Есть было нечего, приходилось собирать шкуры убитых животных и есть из них приготовленное кушанье.

Как только мы стали после болезни приходить в себя, нас опять выгнали. Было объявлено: с собой ничего не брать, собираться на станции. Там мы и узнали, что это город Жлобин. Опять нас погрузили в вагоны и повезли неизвестно куда. Это было зимой, февраль-март 1944 года.

Когда поезд подходил к конечной остановке, в окошко, зарешеченное колючей проволокой, удалось увидеть огромную кучу всякого барахла. И все подумали, что это конец, что всех тут и расстреляют. Но нас выгнали и под охраной собак и автоматчиков погнали по очень грязной дороге. Раньше нас прошедшие люди, чтобы пройти, бросали под ноги все, что у них было. Так мы добрались до сухого места, огороженного колючей проволокой, на ночь. Пересидели на снегу ночь, а утром нас опять погнали, предупреждая, что один шаг в сторону — смерть. Кто мог идти — шли, а тех кто не мог идти, убивали на месте. Так был убит наш дедушка, который после перенесенного тифа не смог дальше двигаться.

Были случаи, когда у нас, прогоняя через контроль, отбирали все, что было, и даже разували. Люди шли по снегу босиком. Так мы день шли, а ночью сидели за колючей проволокой.

Людям было очень трудно. Некоторые бросали своих детей, заведомо зная, что больше они их никогда не увидят, мы шли по болотам. У меня тоже стали отказывать ноги, и я сказала маме, чтобы она меня оставила. Но она этого сделать не смогла, и мы решили умереть все: мама, я и сестра. Мы сошли с дороги — и это смерть, но немец нас не расстрелял. Нас подобра-

ла машина-вездеход. Когда на этой машине мы добрались до места стоянки, я думала, что у меня поломаны ноги. Я не могла стоять. Видимо, все это сказывается сейчас. Мама донесла меня до места за колючую проволоку, где нам пришлось пробыть, пока нас не освободили наши войска. Нам нечего было есть и пить. Но немцы стали нас кормить. Они привозили хлеб, который выбрасывали из машины людям прямо в лицо, а воду кипятили из снега.

Под открытым небом, на снегу, за колючей проволокой, под охраной собак, нам пришлось ждать своей участи.

Но вот по лагерю прошел слух, что приходили наши, но трогаться с места не разрешили, так как все кругом было заминировано. Прошло еще несколько дней, пока нам разрешили двигаться. По дороге, где мы шли, действительно были помечены места, где находились мины. Вот так весной 1944 года нас освободили наши доблестные воины Белорусского фронта. Вернулись домой в апреле или в начале мая 1944 года, но дома как такового не было, а стояли одни печные трубы.

В возрасте 10 лет я пошла в школу в Жиздре, где проживаю и в настоящее время.

ИХ В ЛЕСУ СЖИГАЛИ В ЯМАХ

Зинченко (Бевзюк) Галина Фотеевна

ур. д. Пугачевка Киевской обл., прож. в г. Калуге

Наша семья — служащие (учителя). В 1942 г. начали немцы угонять в Германию. Я стояла первой в списке. Проходила медосмотр, а ночью убегала из деревни, пряталась у знакомых в других деревнях. Так было несколько раз. Однажды ночью была обла-

ва, и нас многих взяли в полицию, закрыли и не выпускали.

Наутро нас отправили в город на станцию для отправки в Германию. Погрузили в товарные вагоны и везли.

Приехали в Германию (не помню названия города) на распределитель и рассортировали кого куда. Я попала на военный завод в г. Лейпциг. На заводе делали снаряды килограммов на 5. Нас заставляли убирать стружку. Жили мы в шести километрах от Лейпцига. Нас водили под стражей солдаты СС с собаками. Утром уходили, а вечером возвращались.

Я учила в школе немецкий язык три года. Он мне здесь пригодился. На токарных и сверлильных станках в основном работали немки. Немка куда-то отошла, а я включила станок, что-то затрещало, и свет погас на всех шести станках. Меня схватили и посадили в карцер на сутки без еды. Больше в цех меня не пустили. Грузила на улице стружку.

У меня была подруга Оля. Мы рядом спали. Договорились бежать. Общежитие наше было огорожено простой проволокой. На первом этаже жили поляки. Они мне дали карту железной дороги. После ужина мы спрятались в столовой под столы. Свет потушила уборщица. Мы спустились через окно на пристройку для угля и очутились за столовой. В темноте пробрались на улицу, не зная куда. У нас было по кусочку хлеба и сахара. Шли мы ночью, а днем отсиживались в кустах, канавах. На четвертый день нас поймал мальчик лет 12 с овчаркой. Привел домой. Его отец закрыл нас в сарае. Мы порвали свои паспорта и решили не признаваться, где мы были. Мол, неграмотные. Утром пришел полицейский и стал нас обыскивать. Я обозвала его фашистом. Он меня избил. Я хотела, чтобы он меня застрелил, но этого не случилось. Он отвел нас в городок, где была тюрьма. Здесь нас уже было больше. Затем перевели в другую тюрьму. Нас было человек пятнадцать. Тогда-то нас и отправили в г. Галли. На допрос возили на машине. Там мы про-

сидели больше месяца. Было нас 22 человека. Отвезли нас под охраной на вокзал — и в путь. Не помню, сколько дней нас везли в Польшу. Высадили на полустанке и пешком повели в Освенцим. Здесь нам накололи номер на руке, постригли и сфотографировали. А потом, когда я была там снова, водили фотографировать с доской на шее и написан крупно мой номер 21307.

Освенцим — это где хранятся все данные о заключенном. Здесь много зданий двухэтажных, поликлинника с покрашенными окнами, зубопротезные. Дом для проституток. Туда ходили солдаты.

У Освенцима есть много филиалов лагерей: Майдадек, Беркинао. Мы попали в большой лагерь Беркинао. Он еще не был готов, дорог не было, еще не обустроенный, а люди поступали. Немцы здоровых отбирали работать, а хилых — в крематорий. В Беркинао женский лагерь, мужской, цыганский — все отдельно. Я насчитала 7 больших труб и говорю девчонкам: «Сколько хлебозаводов». А надо мной смеялись. Это крематории. Это слово я услышала первый раз. На нас была одежда: платье-пиджак полосатое, косынка, рубашка, трико, чулки и ботинки деревянные. При себе имеешь на поясе кружку, ложку, а миска в бараке.

Утром свисток. Идем на «апель», так называлось построение по пять в ряд, и начиналась переключка номеров. Если назвали твой номер — ты должен отзываться «я», а если не отозвался, получишь плеткой. Стоим с 6 часов утра до 8 часов. В 8 часов приходит к воротам охрана, нас проверяют, чтобы ничего лишнего не было, потом идем на работу. Наш номер был написан на белом лоскуте. Впереди номера треугольник красный — «винкель». Мы считались политическими. Если выходной, а он был только в воскресенье, прозвучит громкий свисток, значит никуда не ходить, а остаться на месте. Солдаты забирают в лазарете больных, живых бросают в машину и везут в крематорий. Кто находился рядом, тех тоже хватали. Все это мы наблюдали из туалета.

Железная дорога подведена под лагерь. Поезда с людьми приезжали день и ночь. Мой барак был крайний, мы присядем и смотрим, как людей ведут в крематорий, евреев со всех стран. Ночью идем группой в туалет. Он был за полкилометра от барака. Видим, из труб идет пламя, поднимается метров на 20. Воняет жженным волосом, кости, а утром на землю садится вонючий осадок. И так каждый день, без выходных. А днем из крематория возят целый день одежду машинами. За нашей проволокой внутри лагеря женщины перебирали ее.

Утром идем на построение. Видим, много людей висят на электрической проволоке. Было жутко смотреть. Если идем на работу и в это время приходит поезд, нас охраняют, чтобы мы не сказали, что их в крематорий ведут. Выгружали барахло, мебель, коляски с маленькими детьми. Посты идут рядом и собирают в канавах золотые кольца, часы, браслеты.

Как-то выгнали нас рыть канавы, а недалеко рыли канавы наши солдаты пленные. Говорят: «Мы сегодня последний день живем, нас сожгут, берут других на месяц». Моя подружка Оля заболела и я ее больше не видела. Весной нас отобрали 50 человек русских, украинцев, белоруссов, так как мы работали, и перевели в другой лагерь. Это лагерь Буды. Он маленький. С двух сторон лес. Один барак, кухня, сарай, колодец, туалет. Комендантом была у нас женщина. Хорошо говорила по-русски. Говорила, что она из Сибири, но уж очень злая. Домик ее был недалеко от лагеря. На одной стороне были русские, белорусы, украинцы, евреи, а на другой — поляки. Поляки сидели за то, что не подписались фолькс-дойч. Им разрешалось писать письма и получать посылки из дому. Еще с нами были немки-проститутки. У них на груди также был номер с черным винкелем. На руке номера не было. Они сидели срок за то, что не шли работать в заведение, а продавались на улице и не платили налоги. Еще за то, что сожительствовали с другой нацией. У них была привилегия над нами. Им выда-

ли красные повязки на руку, свисток и плетку. Они были надзирателями внутри лагеря.

У нас было много работы. Деревья выращивали, овощи сажали, картошку копали. Но самая тяжелая была работа — возили землю в вагонетках по рельсам, делали насыпи, облагораживали дерном, отделяли деревни от паводка. А посылали на эту работу русских, украинцев. Евреев тоже посылали, но они не могли работать и их забивали плетками.

У нас были девчонки из Курска, Орла. Они были дружные, дружили с поляками гражданскими, которые налаживали вагонетки. Мы всегда, когда идем лесом, а охрана — югославы, поем песни. «Утро красив нежным цветом», — даже немки подпевали, где припев про Москву. А в праздники, на 1 мая, на 7 ноября, мы вечером залезали на койку наверх и тихонечко, вроде собрания, каждый высказывался. Обязательно одну посылали на вахту. Немки в бараке с нами не жили. У них отдельно были штубы.

Когда мы возили вагонетки, внизу жгли костры, пекли картошку, правда, не всегда, а только когда нас охраняли югославы. Носили картошку по очереди. И вот подошла моя очередь. Украли мы с девчонкой картошки, но меня обыскали и комендант меня побил. Специально возле ворот лежал ворох прутьев. Она била по голове, сзади, а концы прутьев доставали глаза. У меня глаза были налиты кровью, я думала ослепну, но пронесло. Я каждый вечер молилась и просила Божью Матерь дать мне силы выжить. А поляки каждый вечер хором молились.

Попадали мы и на картошку несколько раз. Делали в железке дырки и терли картошку, выдавливали воду, а жмыху несли в лагерь, если получали горячую похлебку — крошили туда тертую картошку и получался густой суп, а если не заваривался, ложились спать голодными. Раз в год водили нас мыться в крематорий и одежду меняли. Сначала меняли в матрацах солому, а потом шли в крематорий. Видели и печи, и транспортер, который трупы подает. Мы ви-

дели и те, которые они еще строили. Заводят нас в одно помещение. Кранов нет, а просто с потолка льется вода, холодная. Так 40—45 минут стоим, спрятаться негде, нас битком набито. После этого душа идем в другое помещение, а там уже горячая вода, как огонь. Под стеночку прижимались. Я падала на пол, чтобы схватить хоть каплю воздуха похолоднее. После мытья очень многие оставались лежать на полу. Немцы говорили, что им нужны здоровые, чтобы работали. Нас стригли, брили кругом и дезинфицировали. Потом давали чистую одежду. У нас на кухне работали две польки, они нас по выходным брали на кухню чистить картошку. Кормили нас и другим передавали. У нас, девчонок, ничего не было по-женски, так как нам в пищу сыпали порошки.

Вскоре после этой бани я заболела. С ног до головы высыпали чирии. Я боялась идти в медпункт, а то отправят в крематорий. Мне девушки помогали и никто меня не выдал. Я смазывала чирии солидолом, которым смазывали вагонетки. Утром еще ничего, а вечером, когда возвращались с работы, у меня опухали ноги. Меня вели девчонки под руки. Это было ужасно. Но я выкарабкалась.

Оставалось очень мало времени до Нового года. У нас в лагере ЧП. Шесть человек сбежало. Они спали рядом со мной. Мы видели, как они собирались. Звали и меня с собой. Они готовились. Шили из одеяла юбки и пиджаки, а у меня ничего этого не было. Они ушли ночью, а утром мы пошли посмотреть, как они ушли. На вторую проволоку были накинuty одеяла, а первая была разрезана. Посты пьяные в будках спали. Проволока вокруг лагеря была двойная, но не электрическая. Утром — построение. Боже, что там было! Комендант считала 10 раз. Все матрацы перевернули в бараке. Она вызвала несколько машин с солдатами и собаками. Сразу немцы побежали к лесу, но на счастье выпал снег и их следы засыпал.

На работу нас не погнажи. Мы стояли целый день во дворе до ночи без еды, евреев и поляков отпусти-

ли. На следующий день был выходной. Тем, кто рядом спал с беглецами, по 25 плеток, а мне с девчонкой сутки стоять на коленях и в руках вверх держать лопату. Днем мы стояли с передышкой, так как нас девчонки загораживали от поста, который ходил за проволокой. А ночью было темно, фонари горели на двух столбах, где были охранные будки, и мы часто отдыхали.

В Польше очень плохая погода, особенно зимой. Мокрый снег. Вечером морозец. Вся одежда стоит колом. Кладем ее под себя на ночь, но она только распарится и опять утром замерзает.

Перед самым Новым годом нас переводят в другие бараки, дают чистые постели. Мы поняли, что-то происходит. Югославы сказали нам, что близко фронт. Разрешили нам поставить елку. Можно гражданские одежды носить. Волосы отращивать. На елку игрушки сами вырезали из бряквы. Я вырезала самолет. Написала красным карандашом СССР и тут зашла комендант посмотреть на елку и по-немецки сказала «Руссише швайне» — русская свинья, а по-русски спросила, кто это сделал, я призналась. «Имеешь счастье, что мне некогда тобой заниматься... Через несколько дней мы эвакуируемся все».

Но на Новый год в клубе был концерт и пустили колонну мужчин в клуб. Все перемешалось. Некоторые встретили мужей, братьев, сестер. Плакали, смеялись, радовались, что живы. Я же не заметила, что исчезли трубы крематория. Когда их сняли, мы не знаем. Но люди поездами все прибывали. Куда же они девались? Оказывается, их в лесу сжигали в ямах. Ямы копали сами люди, а потом их палками загоняли в эти ямы. Обливали бензином и жгли. Мы видели, как из леса поднималось пламя. И это было незадолго до приближения фронта. Через 4 дня нам выдали сухой паек и стали готовить нас в дорогу. Из матрацев сделали мы сумки — и в путь.

Колонна была большая. Охрана шла по бокам колонны с собаками. С нами шла и наша комендант.

Кто отстанет от колонны, был немедленно расстрелян. В конце колонны ехали подводы с продуктами охраны и оружием. Нас вели через польские деревни. Дорога узкая, зима снежная. Нас подгоняли, чтобы мы шли быстрее. Ночью мы шли, а днем переселились в сараях. С нами шла поэтесса Зоя и мы просили, чтобы ее взяли на повозку, но нам отказали.

Ночью слышались выстрелы. Кругом было зарево и гудело.

Немцы нас вывели к полустанку. Поезд нас ждал с вагонами из-под угля без крыш. Погрузили нас и повезли. Приехали мы вновь в Германию под Гамбург. Пешком повели в лагерь Берген-Бельзен. Это не очень большой лагерь, обнесенный проволокой без тока. Бараки, а вернее, здания кирпичные, двухэтажные. Ни кухни, ни столовой не было. Один крематорий, и тот заброшен. В нем хранилась обувь уничтоженных людей. Казармы не отапливались. На стенах были надписи. Здесь жили пленные, мы фотографии находили с надписями. Работы рядом не было. Рядом был мужской лагерь. Был комендант лагеря, а внутри лагеря немецкие женщины. Кухня была для них. Им готовили польки, а мы приходили к ним просить милостыню. Нам привозили бидоны с похлебкой.

Зима была холодная. В марте вспыхнул брюшной тиф. Голод, холод и вши. Выносили трупы мы сами на улицу и складывали в штабеля. Я ходила между трупами. Воды не было. Пошли мы воду искать хоть из бассейна. Увидели страшное. Ребята грабят склады. Одежды было столько, что все двухэтажные здания были битком забиты. Тянут все. Ворота открыты. Немцев нет, сбежали, но комендант была здесь. Забили лагерь, где складывали трупы, повесили череп на воротах, а нас переселили в пустые бараки. Так на полу и спали. Потом вернулись немцы. Ребята закрыли их в бараке.

На другой день мы увидели, что едут танки. Маленькие, а в них по два солдата в беретках с белыми звездами. Мы кричим им: «Сюда, сюда!», а они пока-

зывают назад. Нам сказали, что лагерь заминирован. Мы боялись ложиться спать и всю ночь ходили по лагерю. Утром приехали машины Красного Креста и американки в белых халатах бегали с носилками, забирали больных и увозили в бывший немецкий госпиталь. Целую неделю возили, а может быть и больше, больных из лагеря.

Через два дня заехала машина с громкоговорителем. Они объявили на разных языках, что мы свободны. От радости мы плакали, целовались, смеялись, по земле катались. Какое это было счастье — свобода! Машину с громкоговорителем сопровождал комендант, наша комендантша исчезла. Как только машина зашла, где лежали трупы, американцы сразу взяли под стражу коменданта. Американцы каждому дали продукты, на которых было написано: «Ешьте понемногу». Для поддержания порядка было много американских солдат.

Освободили нас 12 апреля в 12 часов дня. Для захоронения трупов, которые уже воняли, вырыли ров, в который можно было поместить пятиэтажный дом. Заставили немцев возить на тракторе с прицепом эти трупы. С трупов уже кожа слезала. Немцы на руки одевали перчатки и брали трупы тряпками. Мы сказали американцам, чтоб они брали голыми руками. Американцы наше требование выполнили. Трупы бросали свысока и они разбивались, падая вниз. Мы подсказали американцам, чтобы в стенках этого рва сделали ступеньки и бережно передавали с рук на руки. Так они и делали.

Дошла очередь и до нас, живых. Мы сходили в баню, которой раньше пользовались немцы, а одежду нашу отправили в баракамеру. Сделали нам прививки. Мы были очень худыми. Я весила 36 кг. Самый главный предложил нам поработать в госпитале, где были больные, и на кухне. «Поправитесь, мы вас оденем». Мы согласились. Нас было 7 девушек. Жили мы в госпитале. У нас было две комнаты, вечером ходили в кино, в ресторан. Шеф кухни был америка-

нец. Солдаты завозили в кухню разные продукты. Работали мы с мая по август. Домой я возвращалась весом в 70 кг.

Американцы отвезли нас в Польшу на машине. В дороге и вода, и еда, и шоколад, и мед, а наши по приезде нас в лагерь — закрыли и посадили на гороховый суп на неделю. Потом отпустили и сказали, чтобы мы добирались до дому самостоятельно. Ни денег, ни еды. Вышли мы с одной девчонкой на трассу. Остановили машину, и она нас довезла в Польше до Бромберга. Остановились у полячки, расплатились с ней мылом. Она увидела у меня номер и посоветовала ехать в Варшаву. У ее брата тоже номер на руке, и ему помогли.

До Варшавы я добиралась разным транспортом. Приехала, а Варшавы нет. Одни развалины. Руководство работало за Вислой. Я добилась приема. Рассказываю, показываю номер. Они все сбежались, предлагают поесть. Дали мне справку, о том где я была и где мой дом. Велели идти за пропуском. Я пошла. Оформлением занималась наша, русская. Она мне пропуск не дала. Езжайте до границы как хотите и пройдите фильтрацию. Я не понимала, что это означает. Всех расспрашивала. Приехала на товарном поезде до Владимир-Волынска.

Прошла проверку. Другая проверка под Киевом — Мироновка. Тоже прошла. Поехала домой товарным поездом. Приехала. В деревне родных никого нет. Соседи сказали, что они уехали после нас, так как моя сестра была в списках на отправку в Германию, а у нее трое детей.

Я родных нашла, но мама никому не велела рассказывать о моем военном прошлом. И я замкнулась. А в 1989 г. написала в Москву обо всем пережитом. Из Москвы пришла открытка — и все. В 1994 г. написала в Освенцим, в музей на имя директора, чтобы он выслал мне фотографию, где я с номером. У нас там фамилий не было. Мне выслали фото с номером моим и документ.

ЛАГЕРЯ МОЕГО ДЕТСТВА

Ивлев Дмитрий Сергеевич

ур. Жиздринского р-на Калужской обл., проживает в г. Кондрово Калужской области

Когда началась Великая Отечественная война, наша семья Ивлевых проживала в одной из деревень в Жиздринском районе Калужской области. Здесь и накрыло Евдокию Павловну Ивлеву и четырех ее детей «новым фашистским порядком». А потом нас погнали по этапам фашистских лагерей смерти.

Я, старший из детей, Ивлев Дмитрий Сергеевич, прошел все ужасы фашизма. Теперь я с 1961 г. проживаю в г. Кондрове Калужской области. По фашистским лагерям мы скитались вместе: я, братья младшие Иван, Илья и сестра Мария. Мне тогда было 13 лет, Ивану 10 лет, Илье — 7, а сестре — 5. И с нами мыкалась мама.

Первым концлагерем фашизма был Балтийск, по-эстонски Палдиски. Что он представлял из себя? Это была недостроенная советская военно-морская база, расположенная на берегу Балтийского моря. С трех сторон территория омывалась морем. Здесь был построен военный городок. Стояли двухэтажные кирпичные казармы. Этот городок фашисты обнесли тремя рядами колючей проволоки. По ней пропустили электрический ток высокого напряжения. С четырех сторон были установлены наблюдательные вышки, на которых дежурили немецкие и эстонские эсэсовцы с карабинами. Немецкая комендатура лагеря располагалась прямо на берегу моря. Она размещалась в трехэтажном здании, обсаженном густыми липами. За колючей проволокой лагеря хорошо был виден трехэтажный дом, гарнизонный дом офицеров-моряков.

В казармах нар не было, помещения не отапливались. Людей в казармах было много. Часто приходил русский священник. Есть в лагере давали по 50 г немецкого эрзац-хлеба, пол-литровую банку баланды (отруб, вареная свекла и длинные огурцы).

В бараках-казармах находились семьи командиров партизанских отрядов и партизан Ленинградской, Новгородской и Псковской областей. С нами вместе обитала семья командира партизанского отряда из Чудова — тетя Маруся, мать-героиня, имела 10 детей. Еще одна тетя Маруся с дочкой Галей (фамилию не помню), жена политрука, тоже из Чудова.

Женщин и мужчин стригли наголо, обрабатывали спецраствором. В баню загоняли всех вместе: женщин, мужчин, детей.

В марте 1944 г. нас перевели в другой концентрационный лагерь Пиркуль. Это в семи километрах от Балтийска. Здесь у нас, детей, брали кровь, которую отправляли в госпитали Эстонии, где лечились раненые гитлеровские офицеры.

10 сентября 1944 г. большую партию узников и нас с мамой перевезли в Таллинский порт. По трапу, под охраной овчарок и солдат, людей загнали на палубу военно-транспортного парохода. Мы находились наверху, а фашистские офицеры и солдаты, удиравшие из Эстонии, разместились в трюмах корабля. Так они создали из людей своеобразный щит.

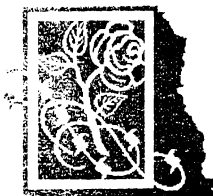
Морские летчики облетали корабль, конечно же, видели нас, сбившихся на палубе пленников, и не бомбили. Правда, уже при подходе к порту Данциг (Гдыня) рано утром корабль чуть не напоролся на торпеду, выпущенную советской подлодкой.

Спасая свою шкуру, немцы заточили нас в фашистский лагерь Франкфурт-на-Одере, уже в самой Германии. Для нас это был третий концлагерь. Отсюда мы были освобождены 23 февраля 1945 года воинами Третьей танковой дивизии генерала Родимцева. Танкисты шли на Берлин. В моей мальчишеской жизни это был счастливейший день.

В г. Бресте мы прошли соответствующую проверку, как тогда называли фильтрацию, вернулись живыми на Родину, в деревню Редьково, которая была сожжена фашистами.

С тех пор прошло много времени, но ужасы войны не забудутся никогда. Я испытал фашизм на себе. Нас фашисты за людей не считали. Мы были лишены даже имени. В лагере смертников Франкфурт-на-Одере у меня на шее была металлическая цепочка, на которой висел жетон смертника № 36456. За его утерю определяли наказание — 25 ударов розгой, вымоченной в солевом растворе, а розга представляла собой резиновую дубинку. Ее опускали в соленую воду и били. На коже оставались рубцы, которые разъедала соль.

Вот так и фашистская неволя оставила навсегда рубцы на сердце, в памяти. Фашизм — это страшно! Мы, малолетние узники концлагерей, испытали его на себе.

МНЕ НЕ БЫЛО И ДВЕНАДЦАТИ

Ивченко (Павлова) Галина Яковлевна

ур. г. Велиж Смоленской обл., проживает в г. Обнинске

Когда началась война, мне не было и 12 лет. Жили в Смоленской области, районном городе Велиж на Западной Двине (во время войны его посетил Гитлер). В 1941 году, после школы, родители отправили меня к родным в Витебскую область, Суражский район, деревню Дятлово или Дятлы, где и застала война. Через неделю за мной пришла мама и забрала домой. Шли пешком километров шестьдесят.

Не помню, какого числа папа пришел проститься (его в этот день призвали) с военкомата. Семья наша:

мама, папа, я — 1929, сестра 1936 года рождения, бабушка (папина мама) — были дома. Сидели последний раз вместе. У нас в беженцах находилась семья начальника КГБ г. Витебска. Он привез их к нам, был немного знаком с папой, учительница из БССР, дальняя родственница нашла приют у нас, благо у нас был свой дом в четыре комнаты. И еще евреи с г. Суража Витебской области. Их было много. Они приехали на телеге и жили у нас на сеновале. Его фамилия была, как я помню, или имя — Нохан. Других не помню, тоже знакомые. И сидели все за столом. Не за рюмкой — просто прощались.

И вдруг послышались взрывы, папа сказал громко: «Началось». Это слово у меня и сейчас отчетливо звучит в ушах. Его слов я больше не помню, хотя после этого он с нами был сутки. Когда он крикнул, все бросились к двери. Мы сидели в зале. Надо было пройти через столовую, кухню, коридор, двери были двухстворчатые. Все ринулись к выходу. Учительница была очень полной женщиной, и я с ней застряла в дверях. Нас было человек 18. А сверху свистят бомбы, рвутся рядом. Ну, кое-как мы вырвались все на двор. Вокруг дым, огонь, горят дома, сверху стреляют. Нас, детей, завели в подвал. Между прочим, подвал был настоящий, будто бывший владелец готовился к войне, потом вся улица искала в нем убежище. Но сидеть было невозможно.

Мы выскочили, метались кто где, появилась воинская часть. Красноармейцы начали тушить дома. День жаркий, просят пить, а от нашего дома (ул. М. Горького, д. 45) колодец очень далеко был. Нужно было пройти по двум улицам. И вот мы, дети, под бомбежкой начали таскать для питья воду по полведра.

Самолеты бомбили непрерывно. Как начали в 11 утра. Налетят тридцать самолетов, отбомбятся — и им на смену следующие тридцать. Это был ужас. Люди не сидели, спрятавшись, они помогали солдатам тушить пожары, спасая свое жилье. К ночи люди начали покидать горящий город. Мы двигались в обозе с

еврейской семьей. Крики, рыдания, плач детей. Что-то страшное вторглось в нашу жизнь.

Остановились мы в лесу, и назавтра самолеты немецкие летали, бомбили и лес, и рядом деревни. Папа ушел в город с утра, вернулся с лейтенантом незнакомым. Папа объяснил, что военкомата нет — разбомбили, и стал собираться идти с лейтенантом искать или фронт, или где-нибудь какую часть. А лейтенант говорил, что отступает от самой р. Березины и что имеет пистолет и ни одного патрона не было, а немцы на танках во всеоружии, а наши без патронов.

Разве все опишешь, что было? И то, что мы переживали страх, панику и главное — не знали, что делать. А начальник КГБ витебский днем во время бомбежки приехал на полуторке, забрал свою семью, овчарку и укатил вглубь, в тыл. А обещал папе, если будем отступать, и нашу семью заберет — увы! Это пример, как некоторые спасали свои шкуры, а нас оставляли немцам. Вот с того дня, не помню числа, август месяц был, папа ушел с лейтенантом и больше мы его не видели. Посылали в Подольск, ответ был: «без вести пропавший».

Через день в город пришли немцы, и мы вернулись домой. Наш дом, последний с края, уцелел, а рядом и через улицу все сгорело.

В оставшихся домах немцы расположились, пилка на губных гармошках, а жители начали добывать пропитание. До войны у нас в магазинах было пусто, за хлебом становились с утра пораньше. Немцы открыли склады в церквах, в подвалах, какой был запас всяких продуктов (ходили слухи, что это специально было сделано — лишить население продуктов, чтобы вызвать недовольство), немцы разрешили: тащите все. И только потом, спустя 3 дня, поняли, что немцы специально так сделали. Город горел, и чтобы сохранить продукты, разрешили население брать. На четвертый день увидели объявления на заборах — указ немецкого коменданта города, где было сказано, чтобы все, что население растащило, спасая

от огня, сдали бы немецкой власти в трехдневный срок, оставив для каждой семьи трехдневный запас продуктов. За невыполнение приказа — расстрел на месте. И потащили все в указанное место в страхе быть убитыми.

У нас было населения 70% евреев, и немцы огородили несколько улиц колючей проволокой, соорудив гетто. Всех евреев поселили там, приклеив на груди каждому желтый круглый знак. С родителями моими в конторе «Заготлен» работал еврей заготовителем, фамилия Тевеленок. Пожилой мужчина, у него сын был с челюскинцами. Он умер сразу от простуды, а дочь жила в Ленинграде, и на это лето с дочерью (девочке, его внучке, было лет 6-7) приехали к нему. Мы знали, что его дочь владела иностранными языками.

Вот он огородами пробирался поздно вечером к нам, и мама давала ему продукты тихонько: у нас огород, корова, куры, поросята до войны были — так и остались. И вот последний раз он пришел, а завтра должны были в гетто идти. Мама пошла за продуктами в кладовку. Он сидел в столовой, двери были стеклянные, и я смотрела, как он рвал свои седые волосы. Когда мама вернулась, он рыдал. Больше мы его не видели. Говорили, что немцы вызвали добровольцев на работу, он вызвался. Их посадили в машину, отвезли в ров и расстреляли, первый групповой расстрел.

Конечно, я многое не помню, но многое врезалось до боли в память. В августе, значит, у нас были немцы, начались ночные бомбежки русских. Бывало, и днем залетит самолет. Сентябрь, октябрь, ноябрь, а в декабре зима была очень снежная и холодная. И вот в декабре утром, число не помню, я расчищала снег во дворе и снова началось. Русские прорвали фронт и ворвались в город. Бомбежка, снаряды, день и ночь шли бои, шел рукопашный бой на нашей улице. Все соседи и мы сидели в подвале, в доме ни окон, ни дверей. Лишь бабушка, папина мама, она была очень

верующая, считала: если Богу надо, то она цела будет. И неделю она варила нам картошку, доила корову, кормила нас. (Она с нами не пошла, осталась в городе. Нам потом передавали: во время боев она умерла своей смертью, солдаты копали ей могилку.) А наш город был весь уничтожен.

Немцы с год держались в здании тюрьмы, еще где-то им продукты с самолетов сбрасывали немцы. Гетто подожгли, и вокруг немцы установили пулеметы, чтобы евреи не могли бежать. Перед нашим уходом к нам в подвал прорвалась еврейка-девушка, бывшая наша соседка, вся белая — седая, раздетая. Мы были с ней сутки, и ни слова она не сказала. А утром в 5 часов, какого числа не знаю, был сильный мороз. Мама посадила младшую мою сестру на детские саночки, меня за руку и вышли со двора, оставив в подвале всех соседей, больше о них мы ничего не знаем.

Как мы выбрались из города, страшно вспомнить. Не знаю, чьи мины, снаряды летели через наши головы. Шли по трупам, ведь бои шли уже дней семь, а мы шагали, где по снегу ползли. Разве можно описать словами то, что мы испытали, не почувствовав на себе. Через некоторое время выбрались из города, который горел, даже снег был черный вокруг, и мы шли под свист снарядов, наших или немецких, откуда нам было знать.

И вот вышли на большак Велиж — Витебск, и повела мама нас снова к родным папиным в Белоруссию. Идем еле-еле, снег по колено. Мы старались идти по обочине, так как сверху летали немецкие самолеты и строчили по идущим из пулемета вдоль всего большака. В общем, ночевали в какой-то деревне и на следующий день дошли до тети. Стали жить у них. Несколько дней они нас кормили, у самих не густо было. И вот пошли мы с мамой по деревням с протянутой рукой, с котомками за плечами по ближним деревням. Не дай Бог никому испытать чувства стыда, обиды, если особенно кто отказывает. Там все же коренное было население, без хлеба и картошки не

сидели. Приносили. Я до сего времени благодарна тем людям, которые, особенно победней, протягивали кусок хлеба и картошку, хотя, конечно, помнить мы их не могли.

Дожили до весны 1942 г., и вот в деревне тетиной появились партизаны. Сначала немного, потом организовался большой партизанский отряд из местного населения и отрезанных частей регулярных войск.

Штаб стоял в тетином доме — это был самый большой дом в деревне. Стоял на возвышенности и в отдалении от деревни, ближе к лесу. А местность эта называлась Концевские болота, раньше банды находились там, непроходимые болота.

Не помню, кто был командир отряда, а начальник штаба — дядя Митя. Запомнила, потому что у него, как я теперь понимаю, была сожительница или раньше назывались ПТШ, тетя Маруся. С ней мы ходили к болоту, что-то искали ранней весной. А в километрах 20—30 находился городок Яновичи, где мы жили, деревня называлась Дятлы Суражского района Витебской области. Около Яновичей находился немецкий аэродром. Туда часто посылали маму разузнать о немцах. Ей давали масло, яйца для обмена с немецкими солдатами на спирт для раненых, и она какие-то сведения приносила. Это мы узнали от нее потом.

Ранней весной отряд снялся и хотел пересечь где-то железную дорогу. Я запомнила этот день хорошо. На крыльцо поставили патефон и играли пластинки «Эх, Андрюша» и другие, а отряд двигался мимо тетиного дома. Были конные, шли пешие, на повозках везли имущество и раненых, ведь нас часто обстреливали немцы. Они стояли в д. Зайцево через речку Габду у большака, и часто шла перестрелка. Я помню, при штабе были два мальчика: 15 лет — Вася и лет 12 — Андрей.

Немцам кто-то сказал о переброске отряда, и в одну ночь на переходе железной дороги отряд разбились. В нем был мой двоюродный брат. На второй день стали возвращаться оставшиеся в живых. А летом 1942 г.

немцы весь партизанский край сожгли, уничтожая и партизан, и население. Опять бой, снаряды, пожараща. Остались в деревнях на пожарищах одни русские печи, о которых я часто в немецком лагере вспоминала.

После этого мы поселились в местечке Яновичи, откуда нас погнали обозом в Витебск. Была осень, холодно, дожди. У кого были коровы, те запрягали в повозки. И тащился обоз голодных, холодных людей в окружении фельджандармерии с собаками. Из окружения нельзя было выйти по своим делам. У меня разболелся живот. Мама подошла к конвою, но он закричал: «Verboten», — и показал садиться на месте. Я села, люди обходили меня, а он с автоматом стоял надо мною. Я уже в то время хорошо понимала стыд. Но приходилось, глотая слезы, подчиняться.

На полпути к Витебску была деревня Гопоновка, не знаю, стоит ли она, больше мы там не были. Впрочем, по которому нас гнали, проходил рядом. Немцы разрешили сделать вечером остановку, и этим воспользовалась моя мама, забрала нас: меня, сестренку родную и двоюродную с одного со мной года (у нас коров не было, мы были беженцами с 1941 г.), и скрылись в кустах.

Конечно, мама рисковала, но приближался фронт и мы хотели дождаться наших. Потихоньку пробрались в деревню, постучались в крайнюю избу и нас впустили. По-моему, была одна большая комната и кухня, семью всю не помню, но хозяев пожилых помню. Мы были им так благодарны, что это трудно передать, они не выдали нас немцам. Через три дня пришли немцы в эту деревню. В избе поселился оберлейтенант немец, а нас заставили для себя копать землянки, где мы и поселились, и хозяева тоже в землянки перешли. Наступили холода, еды у нас не было. И нас погнали на передовую копать для немцев картошку. И опять пули, снаряды, немцы отсюда стреляют, а наши — сюда. И мы мечемся туда-сюда, а кругом конвоиры. И так до декабря месяца. Немцы

спешно отступали. С гранатами заходили в землянку и, если кто медлил выходить, бросали гранаты, взрывали землянки.

У немцев было какое-то орудие, называли «Андрюша», вот они втащат на землянку, дадут залп и уходят. А по нам тогда наша «Катюша» начинает бить.

То, что мы пережили, трудно описать на бумаге, кто это прошел, тот поймет. И вот нас выгнали, и мы зашагали дальше. Гнали на Витебск. Где-то около Витебска местечко Руба, там был кирпичный завод. Загнали нас в лес. Мы голодные, раздетые, под открытым небом. Гудит фронт, трещат рождественские морозы 1943 г., и наступает темная ночь в лесу. Кругом немецкие части, а нас было взрослых четыре женщины, нам с сестрой по 13 лет, сестренке 7 лет и четыре года девочке у одной из женщин.

Так и коротали ночь под елками, а утром двинулись дальше. Следующая деревня была Ананьево, занята немецкими передовыми частями. Мама очень была больна, и мы решили (не мы, а взрослые) — что будет, ну, убьют, но дальше сил не было двигаться. Немецкие солдаты указали на краю деревни баню и мы поселились в этой бане. Пожили неделю или больше и опять фельджандармерия нас увидела и выгнала: она прочесывала все деревни.

Следующая остановка — д. Батруки, под самым Витебском. Она была заселена русскими гражданскими, которых заставляли немцы расчищать от снега дороги. И нас оставили в Батруках. Местных жителей в деревне не было, какую-то баланду нам давали немцы. Мы уже надеялись, что фельджандармерия оставит нас в покое, но в одно утро, когда мы чистили дороги, деревню оцепили, срочно погнали нас в Витебск в лагерь, где тысячи людей заталкивали в товарные вагоны. Мы не знали, куда нас везут через Оршу, Минск. В Белостоке выгрузили нас. Там были бывшие царские конюшни, длинные цементные здания, куда и загнали нас. О Белостоке только это помню и что мы там жгли костры, так как совсем замерзали.

Следующая остановка был Алитус, там сортировали людей. У кого больше трудоспособных — грузили в вагоны, так как у нас только сестренка 7 лет была, нас с двоюродной сестрой посчитали трудоспособными.

Дальше повезли в Польшу, останавливались в Варшаве. За все время войны мы увидели, как живут люди. Где-то в многоэтажном доме нас распределили, и мы увидели электричество. Да, это было что-то сверхъестественное — после долгого времени мытарств в товарном вагоне, грязном, холодном. Нас напихивали, как только можно сесть. Лежать нельзя было, да лежа замерзнешь. Спасибо нашим матерям, которые укутывали нас в тряпки, снимая с себя последнее и отдавая последнюю корку. Только теперь, ставши матерями, можем понять, что они приносили себя в жертву ради нас. В вагоне у нас, я помню, была коза. Немцы грузили и скотину с людьми: у кого что было, им надо было вывезти все, а потом все отняли у людей. А что из тряпок у нас было — ничего, ведь шел второй год войны, на нас страшно смотреть было.

В Варшаве опять посадили в вагоны, как скот, и повезли по Германии. Мы были в г. Ульм, были в Мюнхене, где нас раздевали догола — и детей, и взрослых. Без стыда и совести клали на нары всех подряд, человек по 30 в комнате, наверно. Врачи-немцы, мужчины, приказывали раздвигать ноги и что-то смотрели. Я тогда не понимала, но дрожала, не попадая зуб на зуб, когда они шли мимо нар и разглядывали — ужас. Потом, когда я стала взрослой, я боялась гинеколога всю жизнь, так повлияла на меня эта процедура. Ладно по одному был бы осмотр, а то десятки лежат, а они смотрят, проходя мимо и что-то лопочут, и так партия за партией.

В Ульме, помню, по улицам немчата катались на роликах, а мы видели это впервые. Что у нас творилось в душе нашей детской — трудно передать, когда мы видели, как ребяташки шикарно одетые гуляют, а нас после осмотра и бани, продержавши целый день голыми, погнали к сараю. Дали по миске, миски были

фаянсовые. Наливая по черпаку супа, предупреждали: пока круг обойдем вокруг сарая, должны проглотить. Не съесть, а проглотить. Кто не успевал, выливали, давая миски следующим. Это я помню, а как мы ехали до места назначения, как и на чем — не помню.

Начало лагерной жизни. Бараки деревянные, в одних жили семейные, в других хлопцы и девчата, одинокие, а вокруг колючая проволока. Фабрика, все пристройки, столовая, туалеты были в зоне. Первое утро. Подъем. В нашем кубрике было несколько семейств, все с детьми. И вот приносят большие красные кувшины, по-моему, крашеная жесть и в них эрзац-кофе, чуть-чуть сладкое, на сахарине. Вообще, обеды я помню, ужины и завтраки — нет. Может, и кормили, иначе мы бы поумирали. Знаю хлеб из опилок, булочка на 3 дня граммов 600, потом стали давать на 7. На обед, как бы мама ни следила, я съедала хлеб за один раз, а потом все время думала о еде, но не так, как в кино один разведчик мечтал о банке с консервами. Я, работая у станка, один раз думала: умру — и начала мечтать о шелухе от картошки в мундирах, не о картошке, а о шелухе. Вот как хотелось есть. Когда на воле — дело другое — ягода, гриб, а мы за колючей проволокой.

У нас в комнате была семья из Пскова: тетя Катя, дядя Леша, дочь их Лиля, мы с ней дружили, и поменьше сын. Была семья из Витебска: тетя Маруся Абрицкая, у нее дочь Ильма, моя подруга, и мать. Еще из Витебска — Соколовы. Сам он по приезде сразу умер, чем-то заболел, остались жена, дочь Майя, наша сверстница, и ее сестренка Мария. Тетя Нюша тоже с Гамоновки, якобы жена командира партизанского отряда с дочкой, Нина девочка. У тети Нюши сестра, учительница, Ющенко Нина. Остальных не помню. Они все взрослые, да я работала в смену. Все в смену встречались редко. Ощущение вечного голода не давало развиваться эмоциям в другом направлении, проявлять интерес к чему-то другому.

Помнятся хорошо колодки деревянные, от которых вечно болели ноги, ремни натирали кожу. На фабрике с нами работали поляки, французы, итальянцы, но они жили в других условиях, нежели русские. Позднее привезли к нам западных белорусов и украинцев.

И вот прожили мы несколько месяцев, страдая от голода, работая в ночную смену когда от голода сжимается желудок, принося невероятные боли, а глаза сами закрывались. Перед глазами был станок и аппарат для обтачивания сверла. Сколько за смену я должна была обточить без брака! За брак наказывали. Но нужно беспрерывно вращать аппарат, а в глаза летели искры, стружка металлическая. Этого не опишешь, да и понять трудно, как мы могли это все вынести.

А сверху начались бомбежки. Американцы бомбили и днем, и ночью, эскадрилья за эскадрилей. Наш городишко находился в Альпах, кругом горы, а мы в долине. Бывало, столько самолетов летит, что солнечный свет мерк, становилось сумрачно. И вот они, когда летели назад, сбрасывали каждый по одной бомбе на селение. За ночь все покрыто серебряными лентами (фольгой). Часто бомбы не взрывались. Эти места обвешивали лентами красными.

Конечно, если бы немецкое население не находилось рядом, наверно, для русских этого не делали бы. А бомбежки были страшные. Территория лагеря большая, так как фабрика находилась на лагерной территории, и были окопы, где немцы дежурили и подавали сигналы тревоги: сначала «фольарм», а потом «рихтихаларм».

Я находилась в бараке, когда объявили тревогу, и сразу началась бомбежка. Видно, они все время метили в фабрику. Бомбы ложились совсем рядом. Я, обезумев от страха, бросилась бежать прямо на взрывы. Еще бы несколько минут... Но тут из окопа, где находилась охрана, выскочил немец и схватил меня, бросив в окоп. Кто он, я не знаю, но он, жертвуя собою, спас меня. Я всегда вспоминаю о нем, его, конечно, в живых нет, он тогда был уже пожилой.

Так что, немцы тоже люди разные, как среди всех народов.

Бомбежки нам не давали покоя, каждый день эскадры летели. Помню, как за один день разбомбили г. Дрезден. Фабрика не работала, все были в Альпах. А через день потянулись из Дрездена беженцы, немцы начали понимать, что такое война. Опять нам доставалось: расчищали руины. Один день нас выгнали на расчистку (это уже когда открылся второй фронт), и вдруг стало клокотать, рваться непрерывно. Мы сидели в подвале немецкого дома. Ближе к концу войны немецкое отношение изменилось: они нас впускали и в бомбоубежище, что раньше не делали. И вот разрывы продолжались. Уже дело к вечеру, а мы голодные целый день. Решили пойти посмотреть, потому что думали, фронт приближается (американцы). Оказалось, что самолеты бомбили и попали на станции в эшелон со снарядами. А рядом был эшелон и в вагонах консервы. Все горит, рвется, а мы в этот ад за горелыми консервами.

В нашем городе якобы находился штаб Власова РО, точно не знаю. И госпиталь власовцев был. Мы туда, русские, ходили к русским. Но это было уже перед концом войны, перед приходом американских войск (Марокко).

Когда нас привезли в лагерь, нам показывали фильм один. Помню, про Катынский лес под Смоленском, о раскопках погребенных польских офицеров, которых расстреляло МВД наше. Я еще помню разговор до войны, кажется, в последнюю зиму, как говорили у нас дома о Катыни. Не знаю, почему мне запомнился тогда этот разговор. А фильм помню: разрытые рвы, скелеты и вокруг раскопанных рвов ходили священники и дымили кадилами.

Не забыть бомбежку 23 февраля 1942 года. Такого страха, ужаса не дай Бог пережить еще. Бомбили, поливали из пулеметов непрерывно. Мы бежали в панике кто куда, а сверху — огненное море. Да, у американцев бомб хватало. Куда мы только ни пря-

тались, даже в дупла деревьев, благо там в Альпах буки очень огромные. За месяц или больше до прихода союзников фабрика остановилась и нас перестали кормить. И вот только уже в Германии мы пошли просить милостыню. У немцев городских не очень что было: карточная система. Приходилось ходить в окрестности города у бауэров просить. Хорошо давали цыгане, они там живут оседло. Но русских лагерей в городе было три, народу много. Так что если бы не приход американцев, мы бы поумирали с голоду.

Когда нас освободили в апреле месяце, мы получили свободу и, конечно, увидели, что немцы — это труженики. Ни одного кусочка земли у них не зарастало травами, везде цветы, клумбы, чистота и порядок. Но мне еще было 16 лет. Бывало, выйдешь из лагеря, глянешь кругом на ту красоту и так больно станет, и так хочется увидеть наши сожженные деревни и наши русские березы. И слезы застилают глаза, и не надо ничего: ни той шикарной жизни, которую нам устроили американцы, ни их посылок, которые они нам раздаривали.

После освобождения мне нужна была моя Родина, также и моей семье. Ведь нас скрывали от наших, не допускали до нас, откармливали и агитировали, чтобы мы остались у них. Многие оставались, уезжая в Америку. Но наши ужасы с освобождением не закончились. Нас освободили из Марокко, черные. Помню, как выезжали их танки и мы не знали, что делать от радости. А потом они заставляли русских девчат прятаться. Ночью ворвутся в лагерь — вплоть до изнасилования. И ничьи женщины им не нужны были, кроме русских. Но главное было в том, что войска СС немцев скрывались в горах, в скалах. Там были приспособленные тоннели (за этими горами был военный городок Эссен). И ночью они нападали на русские лагеря, вырезали русских кинжалами.

Потом марокканцев французское правительство убрало после скандалов. А наши парни стали охранять лагерь. В Эбингене на центральной площади сто-

яла какая-то церковь и башня высокая. В ней находились наши пленные. Они к нам перешли после освобождения и охраняли лагерь. Мы ведь числились под номерами и были нашивки ОСТ — OST. Мой номер 302, мамин 300, двоюродной сестры 301. И мы были не люди, а вещи, с которыми не считались. В бараках — двухъярусные нары и клопов тысячи, но чистоту немцы требовали, санобработке мы подвергались, отбор больных производился и их уводили понятно куда.

Но в августе месяце появились наши представители, началось оформление. К концу августа нас погрузили в товарные вагоны, и ехали мы по еще дымящимся городам Германии через Богемию (где рос Гитлер), Австрию. Вдоволь насмотрелись на замки в Альпах. Город Эбинген, находился на границе Швейцарии и Франции.

В Австрии нас посадили на немецкие машины, повезли через Вену, Будапешт, потом Венгрия, город Шапрон (через Карпаты ехали, ночевали в горах около г. Брно).

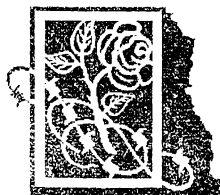
В Шапроне нас распределили по квартирам к мадьярам. Ох, они нас ненавидели. На ночь мы всю мебель к дверям подвигали. Они вырезали русских, но наш хозяин будто ничего был. В Шапроне был фильтрационный лагерь. Там, на площади, где нас высаживали из машин и отделяли мужчин от женщин, творилось страшное под звуки духового оркестра на мотив «Прощание славянки». Все знали, куда отделяют мужчин — в лагеря своей Родины. Рыдания, крики тысячи людей.

После Шапрона мы под Львовом остановились и оттуда опять на товарняках через Оршу домой, в Смоленскую. Приехали ночью в Смоленск (конец сентября), а города нет, одни развалины. Посадили нас на машины и кого куда. Мама нас повезла в г. Демидов, так как мы раньше там жили, а в Велиже не было пристанища, наш дом разрушен.

И вот началось долгожданное возвращение на Ро-

дину. Встретила нас наша Родина как предателей, лучше не вспоминать. Только один случай привожу в пример: мы с сестрой хотели поступить в школу, пошли к директору — он был еврей и он нас ненавидел, что мы попали в Германию. Я понимаю его, но мы не немцы. Нам пришлось пройти через все ужасы войны. И может, легче было бы быть убитым во рву, чем все перенести с первого дня войны до октября 1946 года и потом на всей жизни отразилось. Так вот, он, директор, сказал нам, что если мы правильно, по форме напишем заявление, он примет нас в школу. Откуда нам было знать это! Немцы, кроме наших отпечатков пальцев, не оформляли документов. И этот фактор сыграл, то есть прихоть, ненависть его, решила наши судьбы и нас в школу не приняли. А сколько пришлось пережить унижений, оскорблений! За что мы страдали, мучились? Разве не наше правительство было в этом виновато, оставив, не защитив нас, а потом обвинив в предательстве и вымещая на нас злобу, как директор школы г. Демидова?

А дальше? Дальше — это последствие этого, но про это потом. Ведь это 1% к тому, что пережили, перетерпели мы во время войны, и в немецких лагерях, и потом на своей земле.

МОЙ ЛАГЕРНЫЙ НОМЕР 454II

Илюхина (Оленичева) Наталья Петровна

*1929 г.р., ур. Жиздринского района Калужской обл.,
прож. в пос. Середейск Сухиничского района*

Я родилась 19 декабря 1929 г. в Жиздринском районе Калужской области. В июне 1943 г. немецкие солдаты выгнали нас из домов, взять с собой ничего не разрешили, и погнали, куда мы не знали. Вслед за

нами сожгли нашу деревню. Мы шли пешком, подгоняли нас немцы с собаками.

Семья наша была большая. Двое взрослых — мама и ее сестра и пять человек детей. Пригнали нас в Брянский концлагерь, обнесенный со всех сторон колючей проволокой в несколько рядов. Началась тяжелая лагерная жизнь узников, которыми мы стали. Еду нам давали один раз в сутки, нам всегда хотелось есть, нас морили голодом. Маленькие дети умирали от голода.

Из Брянска повезли нас в Белоруссию, в лагерь, который был в лесу. Через несколько дней немцы стали сортировать семьи для угона в Германию. Отбирали сначала семьи, в которых было больше трудоспособных женщин и детей — в одну сторону, а семьи с маленькими детьми — в другую сторону. Детей 11 лет и старше отбирали у родителей в дом, отдельно от взрослых. Дети плакали, кричали, цеплялись за родителей, но немцы оттаскивали их силой. Охраняли нас двое мужчин и одна женщина. Потом нас перевели в другую комнату, где охранял нас немец с винтовкой. Затем нас вывели на улицу, сортировали опять. Взрослых в одну сторону, детей в другую.

Нас готовили для угона в Германию. Ночь мы провели в закрытом сарае. Утром посадили в машины, дали по буханке хлеба и кусочку колбасы. Я отломила хлеба и колбасы и бросила через проволоку своим. Родители с маленькими детьми стояли за проволокой.

Нас повезли на станцию, погрузили в вагоны, закрыли их. Было очень душно, дети плакали и просили пить.

Эшелон остановился на какой-то станции, открыли вагоны. Мы могли дышать свежим воздухом. С нами, детьми, были и взрослые. Семьи с малолетними детьми остались в лагере, моя семья осталась тоже. Меня разлучили с родными.

Женщины собрали на поле пшеницу, на костре сварили ее, покормили нас, детей. На станции было

много горелых вагонов, станция была разрушена. На земле лежало много сожженного сахара и семечек. Дети собирали все это. Охранники разрешили нам собирать сахар и семечки. Я тосковала и плакала по своим родным.

После небольшого отдыха нас повезли дальше. Привезли в Польшу. Когда нас гнали этапом, рядом шли польские женщины с большими кулями и хлебом. Немцы от нас их отгоняли, но женщины давали нам хлеб. Нас загнали в сарай. Польские женщины нашли возможность и еще давали нам хлеб и кто что мог. Они нам сочувствовали и помогали как только могли. Я всегда вспоминаю их с благодарностью.

Нас поместили в двухэтажный дом. Обедать выводили во двор. Надзирателями над нами были польские мужчины. Обращались они с нами грубо и жестко. Условия жизни были тяжелые, мы терпели оскорбления, унижения, побои, нас за людей не считали. Так мы провели некоторое время, трудное время.

Из Польши нас повезли в Германию, привезли в г. Лейпциг. Поместили в двухэтажное здание, вокруг которого была высокая стена на уровне первого этажа, очень толстые стены, сверху усыпанные битыми бутылками и стеклом. Это была настоящая тюрьма. Нам было очень голодно и холодно, теплой одежды у нас не было. Кто слабел, того отправляли в лагерь смертников.

Не помню, сколько времени мы провели в этой тюрьме, когда приехали за нами хозяева. Хозяин, к которому попала и я, повесил нам на шею дощечку с буквами М.К.М. Это было название фабрики — Маркклеберг. Нас привезли в лагерь, в бараки. Маленьких детей оставили в бараке, а детей постарше, в том числе и меня, погнали куда-то. Шли мы долго. Немецкие женщины кричали «швайн рус» — русские свиньи. Но не все женщины так кричали, некоторые жалели нас. Я в это время согласилась бы, чтобы меня пристрелили.

Нас пригнали в баню, продезинфицировали одеж-

ду. Нас всех переписали, и взрослых, и детей. В нашей семье работало четыре человека. Кто работал, тому давали по 300 г хлеба с опилками, а кто не работал — 150 г, и всем — по одному половнику супа, если его можно было назвать супом. Это была настоящая баланда. Эту еду давали один раз в день. Нам всегда хотелось есть, мы голодали.

Взрослые работали по 12—14 часов, а дети по 7 часов на фабрике. Она находилась близко от лагеря. Было очень беспокойно, т.к. самолеты бомбили каждую ночь. В лагере было небольшое бомбоубежище, сделанное руками узников. Мы спасались от бомбежки в этом бомбоубежище. А утром опять на работу. При очередном налете самолетов лагерь сгорел. Много узников погибло. А нас поместили в старое здание театра. Бомбежки продолжались, земля дрожала от взрывов, было очень страшно, каждую минуту нас могли убить.

Я была оторвана от своей семьи и не знала, где они и что с ними. В лагере я жила в семье из деревни, которая находилась рядом с нашей деревней. Мы были соседи и однофамильцы — Оленичевы.

За работу я получила три марки в конверте. Мой лагерный номер был 45411, который выбили на жестяной дощечке. Когда мы получали зарплату, мы должны были показывать эту дощечку, а позже на немецком языке мы называли номер, не показывая дощечки. На эти деньги мы не могли ничего покупать.

Два раза в году давали нам деревянные туфли, ходить в которых было очень плохо. Недалеко от лагеря был сарай, в нем было много брюквы. И когда мы шли с работы, то забирались в сарай и воровали брюкву. Но если нас захватывали, то очень жестоко избивали. Ели мы брюкву ночью, чтобы не увидели охранники лагеря.

Вскоре мы почувствовали приближение наших войск, сердца наши переполнились радостью. Мы надеялись, что скоро нас освободят и мы сможем вернуться на Родину. Нас освободили американцы. Пять

месяцев я добиралась до своего дома. Шли через многие немецкие деревни и помогали убирать урожай. За это нас кормили. Мои родители вернулись домой раньше меня. Это были слезы радости и горя, которые мы пережили в фашистской неволе. Мы были свободны, но детства были лишены. С болью вспоминаю то время, со слезами, что нам, малолетним узникам, пришлось пережить в трудные военные годы.

МЫ НОСИЛИ ЗНАК «ОСТ»

Исаева (Миничева) Александра Карповна
1924 г.р., ур. д. Голосиловка Людиновского р-на Калужской обл., проживает в г. Киеве

Родилась 2 апреля 1924 г. в д. Голосиловка Людиновского р-на Куяво-Кургановского с/совета (в то время — Орловская область). Когда оккупировали нашу деревню, то мирные жители все из деревни ушли в лес и жили там неделю. Обстреливали нас, потом листовки кинули, чтобы мы выходили из леса, но мы продолжали оставаться в лесу. Они зверски всех расстреливали — мы боялись.

Прошла неделя. Деревню сожгли дотла. Кушать было нечего, воды нет. Ночами ходили на пожарище, где кое-что доставали, а так только корова спасала — молоко. Партизаны тоже были с нами, а потом они от нас ушли дальше, чтобы нам было безопасней. И только они ушли от нас, на второй день в июне месяце пошли на нас делать облаву с овчарками и с автоматами. Наших в лесу всех почти мирных жителей и с детьми порасстреляли. Я вдали стояла за деревом, все видела. Мне было 16 лет, на моих глазах расстреляли 18 человек, там сейчас братская могила. А остальные, кто вышел позднее, всех забрали и погнали,

куда — мы не знали. На Людиново, потом на Брянск, а потом — телячьи вагоны закрытые. Нас погрузили и повезли в Германию, мы уже потом поняли.

В Германию нас привезли в июне месяце 1942 г. Я работала на заводе «Юнкерс» — авиационный завод в г. Дессау. Лагеря были обнесены колючей проволокой, охрана — собаки-овчарки и полицаи. Водили нас на работу и с работы под охраной. Эти лагеря назывались «Брахмарай», знак мы носили ОСТ, по-немецки OST. Прошли 42-й, и 43-й, и 44-й года, пошел уже 45-й год. Пошли слухи в лагерях, что наши приближаются. Начались бомбежки, очень наших много погибло. Наш завод, где мы работали, разделили на две части и вывезли ночью в другое место. Куда — нам было неизвестно. И после так бомбили этот город, что уже нельзя нам было оставаться.

Немцы уезжали, куда — неизвестно. Мы оставались на произвол судьбы голодные, холодные, раздетые. И пошли мы навстречу к своим, кто как мог.

В 1945 г. в мае месяце нас освободили американские войска в г. Дрездене, после перешли мы в Советскую Армию. Домой на свою землю возвратились в 1946 году, примерно в июне месяце, кто как мог. Армии было не до нас, у них было много своих обязанностей.

ДЕТСТВО ВОЕННЫХ И ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ

Ищенко (Борисенкова) Любовь Александровна

*ур. д. Косичино Людиновского р-на Калужской обл.,
проживает в г. Калуге*

Нашу деревню оккупировали фашистские войска в 1942 году. Мне было шесть лет. Некоторые люди

говорят, ну что можно помнить в этом возрасте, а у меня до сих пор все в памяти и перед глазами.

Наш дом заняли немцы, нас выгнали на улицу. Приютили — семья брата папы. Домик был маленький, но жили три семьи.

Отец ушел на фронт и не вернулся.

Воспоминания — это тяжелый труд, нужно все пропустить через сердце. А это так нелегко. Самые страшные воспоминания — это декабрь 1943 г.— апрель 1945 г. Жители деревни и наша семья были загнаны в товарные вагоны для отправки в неволю.

В сентябре 1943 года наша деревня была освобождена от фашистских захватчиков, а для нас всех началась страшная жизнь на чужбине. Еще ребенком я узнала слово крематорий. Привезли нас, не помню названия места, выгнали из вагонов, построили, погнали мыться в баню, но оказалось: люди входили, а из бани не выходили. Взрослые поняли, что это не мыть будут, а сжигать. Стали шепотом прощаться, до нашей шеренги осталось человек несколько, чтобы войти в баню, из которой не было бы возврата к жизни, но на наше счастье загудела тревога (сирена, алярма — так называли немцы, они очень ее боялись).

Наши войска вели атаки. Нас быстро немцы погнали снова в вагоны и повезли дальше. Пригнали в Германию в направлении Шпандаувек в лагерь Райсбрюк (Равенсбрюк — прим. ред.) — это название помнил мой брат. Жаль он умер, не дожил до образования нашего Союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Лагерь обнесен колючей проволокой, усиленно охранялся. Взрослые и подростки угонялись с утра до вечера на работы. Мы, дети, оставались в бараках. Голод, страх нас никогда не покидал. Ждали родителей, чтоб поесть один раз в день вареной брюквы или морковки. Поэтому я сейчас инвалид 2-й группы, у меня все внутри больное.

По утрам в бараки к нам приходили немцы, немки с собаками, с плетками и переводчиком, чтобы про-

верить, нет ли больных, особенно они боялись тифа. Если обнаруживали тиф, то семью увозили и сжигали, в бараках делали дезинфекцию. Еще помню, как при проверке утром маму немец заставил поднять брошенный окуроч, а мама отказалась. Принесли скамейку, положили ее и стали бить плеткой, а потом погнали на работу.

Я очень болела. К концу 1944 года отнялись ноги, перестала ходить. Имею шрам на подбородке, немец мне оставил на память.

Прошло 54 года после войны. Помню, как нас освободили. Рано-рано утром к нам в лагерь проникла наша разведка. Услышав такие слова их: «Тише, матери, мы вас к обеду освободим», — все стали обниматься, плакать от радости. Да! К обеду нас освободила Советская Армия. Нас везли на попутных машинах до определенных пунктов. В одном из пунктов, помню, принесли нам наши солдаты паточки и белого хлеба, но не велели много есть детям, боялись, будет заворот кишок.

Много было в пути событий, все не опишешь.

Наступил долгожданный момент — добрались до своей земли — Родины. Вышли на своей станции, упала наша мама на землю, стала ее целовать и горстями ко рту прикладывать. А нам сказала: «Дети, я вас привезла домой хотя больными, но живыми. Живите дружно, честно, а я не жилец» — и вскоре умерла от туберкулеза легких. Это страшно мне вспоминать, как у нее изо рта текла кровь.

Нас с младшей сестрой определили в детский дом с. Мосур Барятинского района. Помог директор Людиновского тепловозостроительного завода.

Ну, теперь я инвалид 2-й группы, но оптимистка. Уже третий год поддерживаю связь с БМУ и работаю в комитете Калужского городского отделения Союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Мне хочется сделать людям хотя бы что-то приятное.

МОЯ СУДЬБА

Капусткина (Фенькина) Анна Ивановна

1929 г.р., ур. пос. Великое Поле Калужской области

Я, Капусткина Анна Ивановна (девичья фамилия — Фенькина), 1929 года рождения, 26 октября родилась в Калужской области Жиздринского района Петровского сельсовета, пос. Великое Поле.

До войны жили в колхозе хорошо. Я закончила четвертый класс, и вдруг — война.

Осенью 1941 года в начале октября к нам ворвались немцы. Все были пьяные, веселые, но люди были напуганы их посещением и старались не показываться им на глаза. Пошла жизнь под страхом. Начались бомбежки.

Потом наши отогнали немцев. При отступлении немцы по соседству с нами в деревне Петровка расстреляли всех мужчин. Когда наши отступили и немцы вернулись, было это в 1942 году, в январе 21 числа. Тогда немцы сожгли наш поселок. Сначала у нас отобрали коров. Собрали стариков и под оружием приказали гнать коров на станцию Зикеево, а жителей поселка выгнали из домов кто в чем был. Матери несли малолетних детей, а старушки несли иконы. Потом нас, как скот, загнали всех в один большой дом, а с того конца стали поджигать наши дома. Мы думали, что и нас подожгут, но когда загорелся предпоследний дом, нас выгнали и погнали в сторону станции. Догнали до железнодорожного переезда и вернули назад. Наши дома уже догорали, кругом, то там, то здесь, взрывались патроны после отступления фронта. Осталось два каменных дома без крыш на весь поселок.

Перезимовали, а весной 43-го, в апреле месяце, нас вывезли в Белоруссию. Нас остановили в местечке

Щучино, а потом через два месяца — в г. Лида Гродненской обл. В августе нас отправили в Германию.

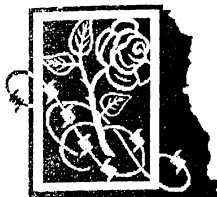
Жили в лагерях г. Нордхаузен. Работала на заводе Норд-Верк. Будучи несовершеннолетней, работала по 12 часов и в дневную и в ночную смену. А в ночную сон-то берет свое — только голову опустишь (а тут немец старший над нами, ходил все время с кружкой воды), а он в лицо эту воду плюхнет, и сидишь смену мокрый у станка. Кормили плохо. Каждый день кольраби, а хлеб пекли с добавлением древесной муки. У людей стали болеть желудки. Когда на заводе в цеху получился обвал, нас перевезли в поселок Ильфельд. Там тоже мы жили в лагере за проволокой, и цех наш тоже перевели туда.

И вскорости стало слышно, что американцы наступают. Перед приходом американцев нас вывезли в лагерь Дора (Гарцунген) и хотели уничтожить, но американцы опередили.

Наутро в наш лагерь ворвались танки. До нашего прибытия в лагерь немцы всех уничтожили. Американцы там обнаружили электрические стулья, а потом пришел человек, который скрывался в горах, и рассказал: перед тем, как нас привезли в лагерь, немцы заставили мужчин копать себе могилу. И в этот ров их закопали живьем. Американцы заставили местных откопать этот ров, и там оказалось 27 человек. Местные жители сделали 27 гробов и похоронили их в братской могиле. Хоронили всем лагерем, был митинг, так как там были русские, белорусы, итальянцы и французы и даже два немца (их считали изменниками). Это было жуткое зрелище. Мы стояли и смотрели, когда вытаскивали их из ямы. У кого шинель закручена на голове, у кого кусок одеяла, кто рубашку натянул на голову: страшно смотреть смерти в глаза. Все это пришлось пережить.

Когда война закончилась, американцы передали нас нашим. Везли нас на машинах через Варшаву до Ковеля, а в Ковеле погрузили в пассажирские вагоны до Брянска.

Приехали домой в августе месяце. И дома голодовка. Ели лебеду, собирали мерзлую картошку. Трудная была судьба, учиться дальше не пришлось, надо было помогать родителям.

ТАКОЕ У МЕНЯ БЫЛО ДЕТСТВО

Козлова (Цуцкова) Александра Дмитриевна

1931 г.р., ур. дер. Иночка Жиздринского р-на Калужской области, прож. в г. Кирове

В 1934 году мы переехали в д. Куява Людиновского района. В 1934 году умерла моя мама, я ее не помню. Осталось 10 детей. Старшая сестра была замужем в городе Дятьково, тоже в большой семье, у нее было своих трое детей, и меня взяла к себе. Потом меня отдали к чужим бездетным людям.

Началась война, отец забрал меня домой в д. Куява. Пришли немцы, потом опять наши и опять немцы, потом опять наши.

Летом немецкий самолет начал пикировать над деревней и со свистом сбрасывать бомбы в реку Болву. Отец наш был хороший столяр, я видела, как он ночами сидел с офицером нашим и делал коробочки для мин. Коробочка с крышечкой 15 см длины и ширина с кусок мыла хозяйственного. В торце крышки и коробочки выемка, вкладывали какую-то металлическую пружину, фигурную, кругленькую, нажимали на крышку рукой и эта пружинка впрыгивала внутрь, только без куса этого мыла. Потом мне старшие рассказали, что это тол, в общем, мина.

Офицер ушел ночью, а утром начался бой, мы были всей семьей в погребе в огороде. Слышим немецкую речь: «Выходите». Мы вышли, дома горят, наш еще

не загорелся, горел соседний. Сестра хотела кинуть земельки, чтобы наш дом не загорелся, но немец ее отогнал. Вывели нас на площадь на улицу, туда уже всех жителей сгоняли, и стали что-то говорить по-русски, не знаю что. Один мужчина, пожилой, хотел что-то сказать, но его сразу застрелили. Построили всех взрослых в ряд, две сестры и отца, а нас, детей, оставили в деревне. Мы очень кричали, плакали, а всех погнали по большаку разминировать дорогу. Слышим, разрываются мины, очень много погибло, так как мужчин построили впереди, а потом женщины. Мои две сестры пошли с отцом, чтоб всем сразу погибнуть вместе, но судьба распорядилась иначе, кто шел впереди и сзади, остались живые, а в середине почти всех побил. Раненых пристреливали, оставшиеся вернулись.

Я не помню, когда, сразу или нет, погнали всех в деревню, сколько мы шли, не помню. Пригнали нас в деревню, полностью сожженную, называли ее Жуково. Уже был обнесен колючей проволокой лагерь, и нас туда согнали. Сделаны вышки, там стояли немцы, нас охраняли. Сколько мы были, не знаю, но очень хотелось есть. Три женщины и я с ними подлезли под проволоку, а с вышек наблюдают часовые. Мы подошли к месту, где раньше был дом, а теперь стояла одна труба, и две женщины стали палкой копать, может, какую печеную картошку выкопают. Я с другой женщиной вдвоем пошли подальше, тоже покопались, но ничего не нашли. Она взяла чугуночек, говорит, может, на костре какой травы сварить.

Идем назад, навстречу идут два немца, что-то спросили, женщина показала: «Вот, пан, только чугуночек» — и сразу выстрел, я упала. Не знаю, сколько я лежала, только подумала, что меня убили и на том свете есть хочется. В течение недели мы видели столько ужаса.

Я вскочила, немцы стоят, женщина лежит, я беру ее за руку и говорю: «Тетя Паша, пойдем», а она захрапела. Вот тут я поняла, что она убита. Мне очень

было страшно, думаю, ну почему они меня не сразу убили? Смотрю на них и жду выстрела. Они рукой мне дали знать, и я стала отходить и жду: сейчас выстрелят в спину. Побежала, прибегаю — женщины лежат, головы в ямку вниз спущены.

Потом не помню, когда нас погнали и что мы ели. Пригнали нас со всех концов в Улемль, в лагерь. Не помню, сколько мы там были, помню отдельные моменты. Ходила побираться. С Улемля нас погнали на ст. Зикеево. Опять не помню, как грузили в товарные вагоны, закрыли и повезли, где-то останавливались, кидали нам что-то из еды и говорили по-русски. Это на десять человек, а вагон — битком людей. Сколько ехали, не знаю, помню, как переправляли на пароме через большую реку. Потом кто-то сказал, что это река Эльба в Германии. Не знаю, на чем везли, сколько. И опять лагерь.

Нас всех мужчин, женщин, детей, раздели догола, чем-то мазали, а потом — в баню. Одели зеленые платья, а мужчины — полосатые костюмы (пижамы), нашитые на спине голубые матерчатые белые буквы «ОСТ», на ногах деревянные выдолбленные колодки. Из большой трубы валил непрерывно черный дым. Отец сказал: «Вот здесь нам конец, это крематорий». По бокам вырыты глубокие траншеи, а посередине, как дорога, непрерывно работал транспортер, на эту ленту ставили людей и увозили, назад они не возвращались. Кто-то сказал, что это военнопленные. По архивным документам мы были в лагере пять месяцев, но я не помню сколько.

Помню, как нас забирали какие-то люди, немцы привезли нас и еще две семьи в пустой дом, по пять человек. Стояли сколоченные из досок двухъярусные кровати, сварена была брюква, чуть картошки и по кусочку хлеба. На следующий день погнали на работу кого куда. Меня и еще такую же девочку с другой семьи послали работать на свиной кухне. Стоял большой чан, насыпали туда картошку, под этим чаном — топка, засыпали в ведра какую-то посыпку, потом

картошку вместе с очистками, наливали ведра и по два ведра носили свиньям. Очень большой свиначник, выливали в корыта, как лотки, потом чистили картошку. С нами были поляки, бельгийцы, французы, чехи. Хозяева кормили их.

Весной 1945 г. стал слышен грохот и видно зарево. Нам ничего не говорили, стали ехать немцы вереницей на лошадях и размещаться, кто куда. Пришли войска союзников. Нас освободили и опять повезли. Начался брюшной тиф, мы долго были на карантине. Опять переправили через реку Эльбу, правда, мы не заболели и даже поправились за эти месяцы. Уже осенью мы приехали в Фаянсовую, здесь у нас жила сестра в деревне, мы уже знали, что дом сожжен, а весной стали лепить хатку.

Я СТАНОВЛЮСЬ СТАРШИМ

Косачев Иван Григорьевич

1929 г.р., ур. д. Терешино Батуринаского р-на Смоленской обл., проживает в г. Калуге

Я, Косачев Иван Григорьевич, родился 11 февраля 1929 г. в деревне Теренино Батуринаского района Смоленской области.

В семье нас было четверо детей, мать и отец. В начале войны умирает старший брат, я становлюсь старшим из детей.

4 октября 1941 г. после немецкого наступления оккупируют нашу деревню и идут дальше на Москву. После этого у нас образовался партизанский край. Колхозники работали так же, как до немецкой оккупации. Но немецкие войска иногда делали набеги и грабили население, забирали одежду, продукты.

В июне 1942 г. после продолжительной болезни, язвы желудка и ранения, умирает отец. Ему было всего 50 лет. Он был освобожден от призыва в армию, но работал на оборонных сооружениях, где был ранен при обстреле рабочих немецким самолетом.

В конце 1942 года немцы попытались произвести контрнаступление. В нашей деревне остановилась воинская часть на ночевку. Партизаны об этом были извещены и ночью внезапно напали на них. Был жестокий бой, в котором очень много погибло немцев. Их сложили возле колхозного сарая в несколько штабелей. После на окраине деревни они образовали свое кладбище. А нас наутро выгнали из своих изб и угнали в другую деревню, подальше от леса. В этой деревне Прудиче уже были больные тифом, и мы там, согнанные в несколько изб, почти все переболели тифом.

В январе 1943 года умерла наша мама, ей было всего 42 года. Нас осталось трое. Я — старший, 13 лет, а брату и сестре — 12 и 11 лет.

В марте 1943 года при отступлении немцы забирали с собой почти все население. Нас, всех жителей двух деревень, гнали до города Духовщина. В Духовщине нас выстроили и начали сортировать. Я попал в одну шеренгу, а брат с сестрой в другую. Нашу группу посадили на машины и повезли до города Ярцево. Там посадили в товарные вагоны и повезли в Германию под охраной. Так я впервые увидел поезд. Везли через горевший Смоленск, Оршу. Потом, помню, называли Белосток, проехали Польшу и привезли в немецкий город Штутгарт. Нас загнали за колючую проволоку.

Лагерь был большой, много бараков. Комендант лагеря был небольшого роста и очень злой, всегда ходил с резиновой дубинкой и очень часто применял ее на деле. Один раз одного пленного за какую-то провинность на наших глазах забил насмерть. При раздаче баланды из брюквы надзиратели очень часто били такими резиновыми палками, которые они называли «гумми». Один раз и мне попало по плечу

этим «гумми», после этого я две недели не мог свободно поднимать руку, такой она давала результат.

Ежедневно по несколько человек увозили на работу, но нас, малолетних, к работе пока не привлекали. В бараках были трехъярусных нары, лежать приходилось, плотно прижавшись друг к другу. Пробыл я в этом лагере около двух месяцев, в последнее время многие уже не могли взбираться на верхние нары от истощения.

Наш барак находился рядом с овощехранилищем. Днем туда привозили овощи: брюкву, картошку, свеклу. Иногда ради забавы немцы перекидывали брюкву или свеклу через колючую проволоку, и вот за этой брюквой бросались сразу все, кто это видел. Образовывалась куча-мала, а брюква оказывалась где-то в стороне и доставалась совсем другому, который не участвовал в добыче, а после этой кучи иногда оставались погибшие.

И вот в одну из ночей решили пробраться в овощехранилище. В этой вылазке пришлось участвовать и мне. Взрослые приподняли проволоку от земли и мы, несколько человек, пролезли под проволокой и через окна загрузки проникли внутрь подвала, набрали брюквы и благополучно вернулись в барак. Мне досталась одна штука, которую мы съели со своим другом Толей Бошекиным (он в настоящее время живет в Москве). К утру все было съедено, а очистки были выброшены в большой общий туалет во дворе. Немцы узнали об этом утром, когда начали откачивать из туалета накопившееся. Но выкачать не смогли, так как очистки закупоривали всасывающее отверстие. Тогда в наш барак нагрянули надзиратели и стали избивать во всей силой всех подряд. Потом выбрали человек 20 взрослых и загнали в этот бассейн, чтобы вручную собрать все эти очистки.

Вскоре после этого нас увезли из этого лагеря. Везли через город Штеттин, в это время горевший после бомбежки англичан (как они называли, «томми»). Привезли в город Штральзунд, затем в город Барт

или Барту, там нас выстроили в шеренгу, где осматривали мужчины и женщины. Это, оказалось, был рынок рабочей силы. Так я попал в населенный пункт с названием Кенц, недалеко от Барта. Нас 6 человек взяли в повозке на резиновом ходу. Там было рабочих еще около 20 человек, были и военнопленные, были и поляки. Туда мы попали с Сашей Шауро из Витебской области, с которым собирались совершить побег. Он был на год старше меня, но ничего мы не успели.

Работа была очень тяжелая. Нужно было таскать мешки с мукой. Мы с этой работой не справлялись, и нас вскоре отвезли на тот же рынок в г. Барт. Так я оказался второй раз на продаже. На этот раз меня купила женщина. Ехали мы поездом где-то чуть больше 10 км. Селение называлось Ноеддорф. Ее муж был бургомистром этого селения, звали его Карл фон Ранге. У них уже было несколько работников. Здесь в мои обязанности входили все сельскохозяйственные работы: кормить, убирать, доить трех коров, две лошади, пахать, бороновать, сеять, косить и убирать сено. И все это продолжалось от темна до темна. Место для ночлега мне отвели в сарае возле скота.

У них у всех были велосипеды. Мне очень хотелось научиться на нем кататься. Ко второй весне я уже освоился и, когда они отдыхали, я стал украдкой выводить велосипед дочери и на нем ездить. В один момент, когда уже более-менее научился управлять им, в одни из моих уроков по езде выходит хозяйка на лужайку и с криком «форфлюктер гунд», стала меня избивать чем попало и по чем попало, пока ее не остановил сам бургомистр. Я уже подумал, что не выживу. Такой ценой я научился ездить на велосипеде.

Дальше работа проходила в том же порядке до 2 мая 1945 года, когда нас освободили наши советские войска. Некоторое время пришлось ездить с нашими военными. Затем поступил приказ несовершеннолетних из армии удалитъ.

Через Штральзунд добрался до Штеттина через реку

Одер. Все это расстояние пришлось пройти пешком. Там образовали первую группу репатриированных из 300 человек. Шли пешком через всю оставшуюся часть Германии, через всю Польшу, дошли до г. Гродно.

Были организованы места отдыха и ночлега, питание. График был такой: шли три дня, на четвертый — отдых, в день должны были проходить от 25 до 50 км. В этом походе я узнал, как можно спать на ходу. Поход продолжался около двух месяцев.

В Гродно погрузили демобилизованных и женщин с маленькими детьми в товарные вагоны, а мы всю дорогу ехали до Смоленска на крышах этих вагонов. Я до сих пор удивляюсь, что за всю дорогу никто не упал с крыши.

На Родину вернулся в сентябре 1945 года. В 1946 году приехал в Калугу. В настоящее время являюсь председателем комитета бывших малолетних узников Ленинского округа г. Калуги.

О ПРОШЛОМ — РАДИ БУДУЩЕГО

Крылов Сергей Васильевич

ур. г. Жиздра Калужской обл., проживает в г. Кондрово Калужской области

Родом я из Жиздры. Когда началась война, мне было всего 14 лет. Отца и старшего брата сразу забрали на фронт, а мы остались втроем: бабушка, мама и я. Немцы бомбили наш город и днем и ночью. Вот в одну из таких ночей бомба и упала в саду возле нашего дома. Мать погибла сразу, а меня и бабушку, как говорится, Бог миловал...

После оккупации города немцы начали отбор молодежи для работы в Германии. Меня вместе с другом вызвали в комендатуру, а потом оттуда прямо-

ком направили в Брянский лагерь. Это страшно вспомнить даже спустя много лет. Лагерь считался карантинным, там мы содержались некоторое время до отправки в Германию, проходили, так сказать, профилактику. А заключалась эта «профилактика» вот в чем: в одну небольшую комнату согнали обнаженными мужчин и женщин, девушек и ребят для того, чтобы мы могли «привести себя в порядок», т. е. помыться. Вода капала сверху из небольшой консервной банки, проткнутой для поступления воды, вот под таким «душем» холодной воды мы должны были мыться. Кормили нас просто ужасно. На тех людей, кто находился там уже достаточно долго, страшно было смотреть — это были скелеты, обтянутые кожей.

Спустя некоторое время нас погрузили в вагоны-телятники с колючей проволокой и отправили в Германию в город Галле, расположенный между Берлином и Дрезденом. Кормили нас дорогой овсом, запаренным кипятком. Есть это было практически невозможно. Когда мы приехали в Германию, сразу нас в лагерь не погнали. Всех поместили в пересыльный пункт, куда привозили военнопленных и угнанных насильно. Там нас выстраивали в ряд, и немцы-покупатели зубы проверяли. Так тех, кто остался, затем отправляли в различные концлагеря. Мы с другом попали в один из небольших, как их называли, «номерных», то есть под каким-то номером, концентрационный лагерь.

Этот лагерь только недавно был организован, условия были просто ужасные. Спали мы на нарах, на которых, кроме матраца из мешковины, набитой опилками, да тонкого одеяла, которое чуть не светилось, ничего не было. При очень тяжелой работе — от рассвета до темна мы копали траншеи, разгружали вагоны — кормили нас просто ужасно. От голода мы скоро стали опухать, как говорят, «пухнуть». Некоторых пленных, и нас в том числе, гоняли на работы на паровозоремонтный завод.

Вот у нас с другом и родилась тогда мысль сбежать куда-нибудь подальше от этого кошмара, хотя куда бежать, мы четко себе и не представляли. Решили, если сумеем, выбраться и спрятаться в каком-нибудь вагоне: может, удастся выехать куда-то подальше от лагеря, а дальше — что Бог пошлет. Побег мы совершили, воспользовавшись сумятицей и толкучкой, которые возникали при кормежке узников. В это же время вместе с нами, оказывается, сбежали еще три человека.

Время приближалось к вечеру, но все расстояние мы ползли ползком, боялись, что охрана лагеря нас заметит. Недалеко от лагеря были расположены дачные домики немцев. Кто-то из жителей этого дачного поселка заметил ребят и сообщил об этом в лагерь. На нас устроили облаву с собаками, и поскольку мы, ослабленные, далеко уйти не могли, через некоторое время всех пятерых и поймали. Нас били палками, ногами. А потом поставили в ряд, вытащили из карманов пистолеты и начали в нас целиться. Мы думали, что все, нас сейчас расстреляют. Попугав таким образом, нас вновь отправили в лагерь. У меня в кармане нашли фотографию матери (на ней она играла в местном театре казачку, а ее подруга изображала казака), и, приняв меня за казака, меня стали бить здоровой доской по рукам, ногам, голове...

Когда я пришел в сознание, находился уже в лагерном лазарете. Помню, первые слова врача-украинки, которые услышал: «Ой, ребята, что вы делаете, так и погубите себя». Она оказалась хорошей женщиной, выходила меня, подняла на ноги.

Каждый день в лагере кого-нибудь вешали для устрашения. Подвешивали на крюк в середине цеха или прямо возле того места, мимо которого мы шли на работу. Каждый должен был обязательно смотреть на повешенного, если кто-то боялся и отворачивался — подгоняли палками и заставляли трогать труп руками. Издевались просто ужасно. Запомнилось мне, что работу палача делал молодой русский парень. Он был

высокий, красивый и одевался в ярко-красную расписную косоворотку, черные хорошие брюки, хромовые сапоги... В таком наряде он и выбивал из-под ног скамейку тем, кого решили повесить...

Когда я немного окреп, решили мы бежать с другом во второй раз: пытались вместе с немцами, в общей толпе, пройти через проходную завода, куда направлялись работать, и выйти за его пределы. Но и второй раз нам тоже не повезло. Мы решили тогда готовиться к побегу более тщательно.

Вскоре нас стали посылать на работу на железную дорогу, там мы познакомились с вольнонаемными работниками, чехами по национальности. В третий раз побег мне с одним товарищем удалось совершить лишь с их помощью.

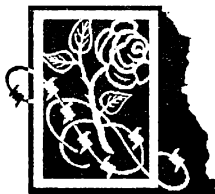
Шел уже 1944 год... В Чехословакии в это время начались волнения и восстания рабочих. Переправившись в Чехословакию, мы добровольно вступили в ряды повстанцев и сражались против немцев, освобождая Прагу. В боях за ее освобождение я был ранен, правда, легко.

Бои за освобождение Праги шли кровопролитные, большую помощь в освобождении этого города оказали воинам наши танкисты.

После освобождения мы пришли в комендатуру советских войск, рассказали все о себе и попросили отправить нас домой, на Родину. После прибытия на нашу территорию мы еще некоторое время находились в пересылочном лагере, фильтрационном его еще называли. Там проверяли наши показания, искали документы.

После окончания проверки меня направили в военкомат по месту жительства, то есть в Жиздру. Город свой я не узнал, фашисты его разбомбили, практически все здания были уничтожены, место, где стоял наш дом, нашел с трудом...

Служил потом в стройбате, работал после войны в Москве на Внуковском авиационном заводе. Женился.

ЭТО ТРУДНО ПРЕДСТАВИТЬ

Кузнецова Галина Ивановна

1939 г.р., ур. пос. Любохна Брянской обл., проживает в г. Калуге

Летом 1942 года три семьи (все родные сестры) за связь с партизанами вместе с детьми были схвачены фашистами по доносу полицаев, ночью посажены в товарный вагон и вывезены из родных мест. Среди них была и моя мама Кузнецова Татьяна Кузьминична, бабушка Екатерина, мой брат Валентин и я.

Конечным пунктом был концентрационный лагерь в Литве, городе Алитусе. Впоследствии старшая мать сестра Вера Кузьминична и младшая Александра Кузьминична были отправлены в Германию для работы на заводах. Маму оставили из-за малолетних детей (три года и пять лет).

Чудовищные ужасы войны оставили кровавый след в душе и сердце моей мамы, а впоследствии и в моем. Первые годы после возвращения из фашистского плена на Родину были годами воспоминаний о муках, болях и потерях близких и родных (в концлагере умерла от болезней и голода моя бабушка).

С годами эти воспоминания стали и моей болью, моими страданиями. Меня всегда мучил вопрос: как в условиях мук, болезней, голода, фашистских нагак и плетей наши родные и близкие жили, работали по 12—18 часов и сохраняли своих детей, оберегали их как могли, как позволяли условия, свой паек (баганда из шпината и буханка хлеба пополам с опилками на 10 человек) они отдавали детям.

Жили узники в бараках с трехэтажными нарами и

цементным полом (его называли нулевым этажом). Внизу обычно и размещались матери с малолетними детьми, а с верхних этажей на них сыпались, как дождь, вши.

От голода и болезней умирали дети. Обезумевшие родители в поисках пищи пытались преодолеть колючую проволоку. Одним это удавалось, другие погибали, попадая под пули автоматов охранников. И тогда их дети умирали голодной смертью.

Кроме поставки рабочей силы на заводы и поля, этот концлагерь поставлял детей-доноров, а также детей для бездетных немецких семей со светлыми волосами и голубыми глазами (их называли детьми арийской расы). Но наши родители, уходя на апельплац, прятали детей по мере возможности. Даже сейчас, осознавая, что это было в реальной жизни, мне трудно представить, что я в трехлетнем возрасте по пять часов могла стоять на ногах в завязанном мешке с прорезями для глаз и носа.

Но счастливый 1944 год дал вторую жизнь всем тем, кому было суждено выжить. В августе 1944 года, после освобождения действующей Армией Черняховского, маму как портниху зачислили в воинскую часть 07352, в отряд Бидова № 109.

2 ноября 1990 года отделом социального обеспечения Октябрьского райисполкома г. Калуги мне было выдано удостоверение бывшего малолетнего узника фашистских концлагерей за номером 007899, с 1993 по 1996 год я была председателем союза БМУ Калужского городского отделения, член Центрального Совета Международного Союза БМУ фашизма, удостоверение № 57 от 06.04.1994 г.

У меня две дочери: Авдошенко Маргарита — имеет сына Стаса, 16 лет, сына Всеволода, 13 лет; Яшина Татьяна — имеет дочь Анну, 17 лет, сына Константина, 14 лет.

СО СЛОВ МАМЫ

Кузнецова (Казакова) Зинаида Павловна
1941 г.р., ур. д. Азарово Мосальского р-на Смоленской обл., проживает в г. Калуге

Все, что я напишу — это со слов мамы и старших. В июне началась война, в июле отец уходил на фронт. Мама, Казакова Евдокия Матвеевна, с 1905 года осталась с четырьмя детьми: сын с 1928 г., дочери с 1930, с 1933, с 1937 года и мной беременна. В конце августа я появилась на свет, а в сентябре пришли в нашу деревню немцы. Тетя, папина сестра, с тремя детьми: с дочкой с 1930 г. и сыновьями с 1937 г. и 1940 г. пришли из соседней деревни к нам, и мы стали жить вместе. Наша деревня находится около 10-15 км от Варшавского шоссе и 25 км от Зайцевой Горы, где были сильные бои. Эта гора переходила из рук в руки несколько раз. И вот второго апреля, после очередного боя на Зайцевой Горе, немцы выгнали всю деревню, пешком 10 км до шоссе гнали по сугробам и воде, затем погрузили на машины и повезли в направлении Смоленска.

Мне было 7 месяцев. Мама привязала меня к брату, и он нес меня все 10 км — тринадцатилетний мальчик. Дорогой, мама рассказывала такой случай, и у меня до сих пор мурашки покрывают все тело, наши самолеты обстреляли машины, на которых нас везли, и один снаряд упал рядом с одной из машин, осколками ранило женщину в ногу, а одному ребенку попало в лицо и смешало все. Немцы остановили машины, взяли этого ребенка и бросили на дорогу, даже

не пристрелив. Бедная женщина, как она вынесла... После войны она домой не вернулась, я ее не знаю.

Приехали в Рославль, завели в лагерь, где были военнопленные. Дети все замерзли, и наши военнопленные напоили всех горячим кипятком. Мы там ночь переночевали и погнали дальше в Белоруссию, г. Гомель. Там нас загнали в церковь. Народу было — негде даже сесть. Голод, холод. У сестры с 1937 г. Юли образовался рахит, и когда местная женщина выбрасывала гнилые, зеленые, покрытые плесенью помидоры, Юля бежала за ней: «Тетя, дай!» А женщина боялась отравить ее. Наши женщины говорят: «Да дай, у ее мамы пятеро детей, хоть одна умрет, развяжет руки». Она дала, Юля съела, и рахит прошел.

Побирались. Старшие ходили по дальним деревням, а мы с сестрами сидели на базаре в ямах от снарядов и ждали, что подадут. Так что с 1,5 лет я уже побиралась, чтобы прокормить себя. Правда, жива я осталась благодаря маме, она меня кормила до трех лет грудью.

7 ноября 1943 г. подогнали товарняк. Кто мог, заранее, у кого маленькие семьи, уходили кто куда. А такие семьи, как наша, погрузили и повезли в Германию. Два первых лагеря я не запомнила, как называла мама. А последний Любер-Штет, так в архивной справке и справке КГБ. Загнали нас за колючую проволоку в два ряда, вышки, солдаты с автоматами и собаки. Лагерь был большой, много бараков. Там были и военнопленные, и взрослые гражданские поляки, французы, итальянцы, вообще, многонациональный лагерь. С детьми был один барак. Старший брат, сестра, мама, тетя и двоюродная сестра работали на заводе. Угоняли их, говорила мама, в 4 утра с солдатами и собаками и поздно вечером возвращались. А мы за колючей проволокой — вот на какое детство нас обрекла война.

Брат рассказывал, что я чуть всю семью не загубила, заболела корью и всю семью уже загнали в барак на уничтожение, спасибо немецкому доктору. Осмотрев меня, сказал, что это корь и надо укрыть темным одеялом. Так немец спас нас.

И еще случай. У двоюродной сестры вся голова покрылась болячками, и ее пометили (поставили метку на руке) на уничтожение. Спасибо украинской женщине — всю ночь стирали пометку у Таисы. И чем-то она помазала ей голову, так спасла ее.

Кормили нас бруквой, супом, если его можно так назвать: на 500 литров воды — два ведра картошки. Очень тяжело перенесла этот голод и немецкие проверки с собаками и плетками сестра Тося, сейчас она инвалид 1-й группы.

Еще мама очень хорошо отзывалась о нашем комманданте. Она говорила, что он был антифашист. Он, как мог, помогал нам выжить и в конце войны спас всех. Немцы хотели нас погрузить на баржи, вывезти в море и утопить, но он предупредил и посоветовал тянуть время. Американцы близко. Иначе мы погибнем, много потопили. Вобщем, спасибо ему. Ведь среди немцев тоже были хорошие люди.

8 мая, ночью, нас освободили американцы. Эти люди обогрели, накормили, одели. Сделали все, чтобы мы стали похожи на людей. В июле нас на Эльбе передали нашим солдатам.

В конце июля мы были дома. Но что нас ждало там: голое поле. Отец погиб, а у мамы на руках я — с парализованной левой рукой и ногой (не прошел лагерь зря). Поселились мы у соседей в амбаре, оставшемся после войны. Вот представьте каменный амбар, по стенам течет вода, с двух сторон нары. Мы втроем — мама, я и сестра с 1937 г. Юля, с другой — тетя Мотя с двумя дочками, на печи летом и зимой Тося, Рая и Миша. На лавке дедушка тети Моти. Маленькое окошечко и столик. Опять голод. Юля, Тося и соседи, с которыми жили, ходили в дальние деревни, где не было во время войны немца, побираться.

Я ходила, волоча ногу по своей деревне, просила хлебушка (долго, шутя, вспоминали об этом женщины). А мама с братом и старшей сестрой ездили на заготовку леса вместо людей — за кусок хлеба.

Потом, когда я стала взрослой, я поняла, когда мама кормила нас, я говорила: «А ты?», она всегда отвечала: «Я не хочу». Бедная моя мамочка, что же ей пришлось пережить...

Летом 1946 года из соседнего блиндажа уехала семья, и мы перешли туда. Хорошо помню эту землянку: маленькая, земляной пол, с обеих сторон подобие кроватей, маленький столик, лавка перед мизерным окном. И бегающие крысы, я до сих пор их боюсь. Ели липу, крапиву, тертики. Вот как-то летом я сижу на блиндаже и гляжу на парализованную руку и ногу, и вдруг у меня зашевелились пальцы. Это был яркий, жаркий, солнечный день. Когда мама пришла, я бегу к ней и кричу: «У меня пальчики шевелятся». Никогда не забуду маму, она от радости плачет и смеется, целует мою руку и ногу. Ведь она думала, что я так и останусь.

В 1947 году дедушка выстроил нам хату без пола и коридора, но зато свободную, с тремя окнами. Через год настелил пол и сенцы. В семь лет пошла в школу, но походила до холодов и все, нечего было одеть и обувь — со слезьми осталась дома. Но потом с каждым годом вроде лучше. Спасибо Богу, что у меня была такая мама. Вынесла все сама и подняла нас, не растеряв доброту и любовь к людям, и нас так воспитала.

Мама умерла в 63 года. Тетя приехала из Германии с туберкулезом, умерла в 58 лет, двоюродная сестра — в 36 лет, брат двоюродный в 49, другой в 59. Мы все пятеро живы. Но Рая с 1930 г. — инвалид 2-й группы, Тося с 1933 г. — инвалид 1-й группы, Юля с 1937 г. — инвалид 2-й группы и я — инвалид 2-й группы. Война унесла здоровье. Ничего не прошло бесследно.

ВЫХОДНОЙ БЫЛ ДНЁМ ЭКЗЕКУЦИИ

Кухар Петр Михайлович

1927 г.р. ур. с. Павликовцы (Украина), проживает в г. Балабаново Боровского р-на Калужской обл.

До войны учился в школе. Окончил 8 классов. После поступил в железнодорожное училище на станции Ракета, что в Львовской области. Учеба шла хорошо, с успехами, и очень нравилось данное училище. Но началась война, которая дала о себе знать сразу в первую ночь 22 июня 1941 года, так как наша школа находилась в 8 км от границы с Польшей. Начались бомбежки и обстрелы с первой минуты начала войны, и нам пришлось убегать в лес для безопасности. Время шло, и наши руководители решили сразу эвакуировать остатки людей, которые не успели разбежаться. Дошли мы до следующей станции пешком, где нас посадили в эшелон, который повез в г. Львов.

По пути от Каменки-Струмиловой до Львова нас несколько раз обстреливали фашистские самолеты, несмотря на то, что наш эшелон сопровождали истребители. Далее эшелон с беженцами и нашими львовскими студентами повезли в глубь нашей Родины. Здесь-то и началась наша новая жизнь без еды и средств к существованию, под страхом бомбежек и обстрелов постоянно летевших фашистских самолетов, преследовавших наш эшелон.

Прошло время, и я вернулся домой. Была осень 1941 года. Весной 1942 года приехали полицаи в наше село из района. Собрали много людей в конюшню, чтобы отправить на принудительные работы в район города Умань. Снарядили десятки повозок. Посадили нас на них и под присмотром полицейских увезли. Прошло несколько дней, я решил с ребятами убежать.

Ночью собрались тайком (хотя нас охраняли), убежали пешком по перелескам и второстепенным дорогам, так как везде можно было напороться на полицейских, особенно на мостах, которые усиленно охранялись немцами и венгерскими солдатами.

Через неделю мы вернулись домой, хотя показаться было нельзя до времени, так как могли нас расстрелять, поскольку мы были предупреждены перед угоном. Долгое время пришлось прятаться от людей и полиции.

Прошло время, к нам в село приехали полицаи. Много молодежи, которые вернулись, не доехав до места назначения, арестовали и поместили в лагерь г. Проскурова (сейчас г. Хмельницкий), где принудительно содержали нас в лагере, сделанном из бывшей школы, под присмотром полиции.

Каждый день гоняли на принудительные работы на строительство шоссеиной дороги. Содержали в лагере более двух месяцев, а после отпустили домой, заменив другими рабочими. Работа была тяжелая и изнурительная под присмотром полицейских, немцев и местных шуцманов. Мы отдохнули некоторое время после лагеря.

24 сентября 1942 года приехала полиция в село и согнала весь рабочий люд села в конюшню, где объявили, что нас увезут в Германию. В случае, если кто попытается убежать, будет расстрелян на месте, а также родители, и дом будет сожжен. И после этого отобрали всех трудоспособных людей и насильно под конвоем увезли в Германию. Повезли нас в закрытых вагонах, охраняемых полицейскими войсками. По приезде распределили нас кого куда. Я попал к торговцу лесом в г. Шмидеберг Иосифу Треммеру. Для моих юношеских лет работа в лесу очень тяжелая. Кормили ниже среднего. И, проработав некоторое время, я со своим напарником решили убежать. Риск был большой — без подготовки, но невзирая ни на что, решились и ночью убежали. Долго шли пешком через горы Ризенгсбирги, а потом спустились вниз по

ту сторону горы и доехали до г. Гиршберг. После за-лезли в вагон воинского эшелона, где везли лошадей и сено. Мы замаскировались в сене и приехали в Польшу в г. Катовице. Прошло много времени без еды, и мы решили сойти, чтобы найти где-нибудь по-есть. Мы боялись, чтобы не обнаружили нас часовые, ведь ходили они вдоль эшелона постоянно. Но нам удалось сойти, и мы оказались на окраине города.

Зашли к одному хозяину, попросили поесть. Он посадил за стол и, пока хозяйка готовила еду, хозяин куда-то ушел. Не успели мы поесть до конца, как появился хозяин с двумя полицейскими и нас арестова-ли. После привезли обратно в Германию в г. Опельн, и посадили в тюрьму, предварительно прошли геста-повский допрос. Гестапо есть гестапо — побои, уни-жение и тюрьма.

Все, что у нас было с собой, все конфисковали, взамен побили плеткой и посадили в тюрьму. Про-шло много времени, на нас надели наручники, связав таким образом по три человека. Посадили в арестан-тский вагон, увезли в г. Бреслау. Тюрьма в то время была переполнена, так как много очень поляков при-везли из Варшавы. Загнали нас в подвальные поме-щения, даже сесть негде и не на что. Кормили раз в сутки, так, кое-что, даже не знаю, как назвать эту еду. Спали на полу цементном, на ночь давали три матраца на сотню человек. Подвал сырой. На час при-сел — вставай, следующий на очереди, и в таком по-ложении просуществовали более месяца. Много лю-дей не выдерживали, умирали. После подъехали ав-томшины крытые, посадили нас и увезли в концен-трационный лагерь Грос Розен.

Сколько нас везли и как долго — не знаю, не по-мню. К концу дня привезли и выгрузили нас за про-волоку колючую. Построили и в баню повели, пред-варительно раздели догола. Всю одежду забрали. По-стригли и все волосы, где растут у людей, намазали какой-то жидкостью, местами даже кожу сожгло этой жидкостью. Помылся и выходи. На выходе висела

одежда на вешалке. Приказ брать одежду по порядку, невзирая на то, подходит она или нет по размеру, а также обувь деревянная, так называемые «голендры». Это в виде туфель, выдолбленных из дерева, цельные. Получилось, у кого большие, а кому и вовсе не налазят на ногу, и быстро на улицу — там и оделись. Было холодно, не более +2-3С.

На ночь загнали всех в барак, где занимались так называемым «спортом» — это значит поставили переводчиков несколько человек, чтобы переводили с немецкого на русский, польский, чешский, венгерский и другие языки. Они переводили и рассказывали распорядок, который существовал в лагере, как надо исполнять и до чего можно дослужиться в этом концлагере. Малейшее непослушание наказывается строго, вплоть до смерти и т.д.

После изучения правил поведения в концлагере многие остались навеки лежать на полу, их унесли в крематорий. По окончании этой экзекуции в два часа ночи выдали номера и иголку с ниткой, указали, как и где пришить эти номера, на это отведено 30 минут. Кто не успел — снова побои. Пришить на куртке слева на груди и на брюках с правой стороны выше колена. По окончании вышеуказанной работы бросили нам матрацы: один матрац на троих. В четыре часа утра подъем, помылись до пояса — и на улицу. Построили — и весь день занимались так называемым «спортом». Издевались как только вздумалось им. Кто не мог успевать по команде — его били, если упал — обливали холодной водой и снова с помощью плетки ставили на место. Кто не мог подняться — отправляли сразу в крематорий.

На третий день определили, кого куда, в какой барак и в какую команду. И только вечером третьего дня дали поесть суп из шпината без хлеба, так как нас еще на довольствие не поставили. На четвертый день утром налили три четверти литра черного эрзац-кофе и погнали на работу в каменный карьер. Там мы работали ежедневно до изнеможения. Обед в 12.00.

Налют три четверти литра баланды из брюквы или шпината — это суп. В 18.00 конец работы, гонят нас в лагерь, построив по пять человек.

Построение всего лагеря происходит ежедневно на плацу (площади), пока всех не пересчитают, только после этого команда «разойтись по баракам», а в случае, если кто-то потерялся, стоим до тех пор, пока не найдут его живым или мертвым. Только после этого все расходятся по баракам. Вечером приносят хлеб по 300 граммов — суточный паек. Так называемый хлеб, содержимое этого хлеба — мука, опилки березовые, картофель или свекла, брюква — такая масса. Жиры давали один раз в неделю. Это маргарин, величиной с полспичечного коробка — недельная норма. И так день за днем без изменений, одно и то же.

Прошло более месяца, нас отправили в другой концлагерь, посадив в железнодорожные вагоны, закрытые пульманы. Сколько времени везли нас, не помню. Но все-таки довели до места назначения одних живыми, а других мертвыми, так как еды не давали и в туалет не выпускали, даже встать на ноги тоже не разрешали. Кто осмелился нарушить приказ, били до смерти. Привезли в новый концлагерь Либерозы (филиал концлагеря Заксенхаузен), что недалеко от г. Котбус. Лес, множество бараков и солдат охраны. Охраняли немцы, хорваты и другие.

Здесь свои порядки, всем поменяли одежду и присвоили другие номера, красный треугольник с буквой Р, внутри № 77315, поясняли, что номер — это ваше имя и фамилия и даже адрес. Там были разные обозначения: красный треугольник — значит политический, черный треугольник — саботажник, зеленый — бандит, желтый с красной каемкой — дезертир и т.д. В каждом треугольнике перед номером ставилась буква, что означало, какой национальности. Разместили нас по баракам. В каждом бараке четыре комнаты, в комнате 50 человек, койки трехэтажные.

Во главе барака назначался старший, в основном из немцев заключенных, с зеленым треугольником —

бандит. И старшие по комнате — тоже большинство с зелеными треугольниками, иногда с красными треугольниками.

У старших блока или комнаты было достаточно власти, чтобы наказать любого виновного и невиновного, но проживающего в данном бараке.

Все мы были полностью не защищены, унижены до беспредела. В воскресенье выходной, но в этот день, как правило, был день экзекуции (наказания) по любому поводу. Например, замечен конвоиром на работе — присел или, если сильно холодно, некоторые поддевали на тело бумажный мешок из-под цемента, чем спасались от холода, а с другой стороны, накликали на себя беду. Стоило заметить конвоиру или капо бумагу под одеждой, за это наказывали — по 20 или 40 плетей. Экзекуцию исполняли, построив весь лагерь буквой П, ставили станок, повернув винтами ноги и голову, предварительно сняв одежду. Били плетками. Если сильно кровь брызгала, то тело покрывали мокрой тряпкой и продолжали бить. После наказания редко кто выживал, а если выжил, то его метили краской — на всю спину круг и на груди тоже. Так что его не оставляли без присмотра ни в лагере, ни на работе конвоиры и капо (помощники из заключенных, в основном из немцев).

Работали в основном на стройке. Земляные работы и бетонирование. Пробыв в этом лагере более года, дошел в весе до 46 кг (а было 72). Того, кто не мог двигаться, ослаб, отправляли в крематорий.

В 1945 году, ближе к весне, фронт приближался к нашему лагерю и нас всех вывезли в основной концлагерь Заксенхаузен. Это очень большой и старый концлагерь, так как в то время уже шла 136000 серия номеров. Фронт приближался, были слышны ночью залпы орудий. Шел 1945 год, апрель месяц. Примерно 20 апреля нас эвакуировали своим ходом, колоннами по 1000 человек. Всех гнали, примерно 100000 человек, куда, неизвестно. Дошли слухи, что к морю, а там?..

Пищи никакой не давали. Иногда одну банку тушенки на 100 человек — и все. Кто не мог идти, расстреливали на месте и предупредили: шаг влево, вправо, то же самое, расстрел. На ночь укладывали в лесу, окружив охраной. Ели все, что можно было жевать, сосать: кору деревьев, траву, то есть все, что можно в рот взять.

Люди хотели выжить, зная о том, что конец войны близок. И вот примерно на шестой день после того, как нас угнали из лагеря, появились автомашины от Красного Креста, стали давать посылки с продуктами на двоих одну. Содержимое посылок: галеты, масло, молоко порошковое и сгущенное, консервы и т.д. Конечно, это помогло людям, оставшимся в живых, а другим наоборот. Поели все сразу — и заворот кишок. Дело в том, что при каждой остановке на ночь около половины людей, а иногда и больше оставалось на земле, не вставая умерли, а остальных, кто не мог двигаться, достреливали. Шло время. Нас гнали дальше и дальше, кто мог еще идти своими ногами. И вот наступил день 2 мая 1945 года. Нас загнали в лес, окружили охранники, а спустя некоторое время видим — стали редеть ряды охраны, а после обеда вообще исчезла охрана, и мы, видя все это, разбежались кто куда. Наступил час освобождения. Это было 2 мая 1945 года недалеко от города Шверин.

Разместились мы на ночлег в каком-то поместье. Немного отдохнули, осмотрелись и обратились в полевой военкомат. 12 мая 1945 года я был призван в ряды Советской Армии и зачислен в 152-й запасной стрелковый полк.

Возвращаясь немного назад, хочу сказать, что за время, пока нас гнали, узников Заксенхаузена, ежедневные страдания и голод, который мы испытывали, люди дошли до такой степени, что после каждого ночлега оставалось 10—15% на земле, которые никогда не проснулись. Так что из этого тысячного люда, если осталось в живых 25—30 тыс., не более, остальные остались лежать навечно.

Служба шла, нас обучали, откармливали понемногу, и мы становились снова людьми наравне с теми, которые не прошли такого страдания и унижения. Время службы прошло быстро, хотя пришлось нелегко, так как заболел глаз. Пришлось долго лечиться в полевом госпитале: дважды по три месяца. Результат: потеря зрения в левом глазе полностью. Стал инвалидом.

Демобилизован 22 октября 1946 года. «Годеи к нестроевой службе по ст. 98 в пр. 1 НКО № 336 от 1942 г.» С 1955 г. работал в Боровской МТС трактористом, комбайнером. С 1955 по 1962 год работал в п/я-500 подсобное хозяйство трактористом, комбайнером. С 1962 г. работал на а/базе 2921 сперва автослесарем, позже автомехаником и уволен по собственному желанию в связи с уходом на пенсию по возрасту. Всего проработал в автобазе 33 года.

СУДЬБА ШЕСТИ

Лавринович (Степанова) Мария Ефимовна

*1922 г.р., ур. дер. Климково Ленинградской обл.,
проживает в дер. Черная Грязь Жуковского р-на
Калужской области*

Образование — учительница. Война застала в доме отдыха «Финский залив». Забрали на оборонные работы: военные аэродромы, противотанковые рвы. С образованием предложили на фронт. Взяли на Волховский фронт в разведгруппу. В 1942 г. из Ленинграда — в немецкий тыл. Задержана немцами — станция Будогошь (железная дорога Ленинград — Москва), в районе Тосма. Псков — тюрьма, из Пскова в Эстонию, г. Феллин и Фел. В 1944 г. — Германия. Концлагерь Равенсбрюк, концлагерь Маузелвиц. Ра-

ботала в карьере. Лагерный номер 72608 Равенсбрюка С.У. В апреле 1944 г. концлагерь эвакуировали и на ст. Хевшид (Хевшиц), эшелон разбили, дальше вели пешком. Потом шесть узниц вместе со мной бежали: четыре москвички, я и одна ленинградка. Рема, Лиля, Софья, Нина, Фарида. Сейчас в живых Нина, Фарида (Москва) и я. Бежали лесом, оврагами. С трудом отпороли лагерные знаки, кое-как зашили. Перешли речку Эгер вброд. Шли по дороге. Попали на хутор, мокрые, голодные, сказали, что эвакуированные и чех Франц Цигер дал укрытие. Но кормить нас было нечем. Жили у него до окончания войны. Потом признались, что бежали из концлагеря, но он не выгнал и не разрешил больше нам ходить побираться, добывать пропитание, а сам стал менять свои запасы сигарет на крупу.

Потом узнали, что кончилась война. Через комендатуру попали в госпиталь советских военнопленных Карлс Бат (Карловы Вары) и там работали, пока эвакуировался госпиталь, все шесть девушек, в г. Эльст.

В 1945 г. осенью, примерно, в октябре-ноябре, вернулись на станцию Луга (родные уехали по вербовке в Финляндию), устроилась на работу в ремесленное училище. А в марте 15 числа арестовали всех шесть девушек, судили в г. Ленинграде сроком на 10 лет. Потом полсрока сняли со ссылкой в Заполярье в совхоз. Литовцы, украинцы и русские: 58-я статья. Потом снова гонение в 1948 г. В спецлагерь в Иркутской обл. Освободили, ссылка на севере.

1954 г. — реабилитировали, сняли судимость. И на руках никаких документов о тех годах, кроме «удостоверения реабилитации», которое утеряно в райсобесе. Пришлось запрашивать Новосибирскую обл., Министерство внутренних дел 6 июля 1954 г., свидетельство № 17508.

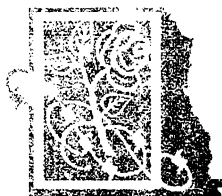
Но подтверждением всего все прошедшего, оказался журнал «Советская женщина». Чтобы разыскать всех шестерых девушек два года назад немка (дочь Франца Цигера, ей было 6 лет, когда девушки жили под

кровлей ее родителей) немка по имени Иоганна обратилась в редакцию журнала с большим письмом. Просила разыскать всех женщин или хотя бы тех, кто остался в живых. И вот редакция журнала разыскала оставшихся в живых и устроила встречу сперва в Москве, потом в Германии.

Все встречи и впечатления с фотографиями начались в этом журнале, и все это у каждой из этих женщин. А сейчас их в живых осталось трое. И вот уже с этими документами Лавринович М.Е. (Степанова — девичья) обратилась в райсобес. Компенсации и добавки к пенсии пока не получает. Оформленные документы на компенсацию отправлены в Фонд взаимопонимания и примирения. Отказа не было, но и выплаты пока нет.

*Со слов М.Е.Лавринович
записала А.Г.Никитичева.*

8 октября 1994 г.

О НЕЛЕГКОЙ ЖИЗНИ В ГЕРМАНИИ

Ларичкина (Малахова) Екатерина Герасимовна

1923 г.р., ур. д. Будановка Курской обл., проживает в г. Кирове Калужской области

В 1941 году окончила 7 классов, жила с бабушкой, Тепляковой Натальей Семеновной. Мама умерла в 1932 году, отец умер в 1933 году. Он воевал в гражданскую войну и был контужен, имел группу инвалидности.

В 1941 году по окончании школы нас комсомол направил в колхоз «Труженик» работать на поля. Полли просо, бурак, потом сторожили на току зерно со своим комсоргом Верой Сергеевной Семенцовой. В сентябре заведующий Районо дает приказ направить

нас на станцию Букреевку рыть противотанковые рвы. В ноябре нас оккупировали немцы. Выгнали нас с бабушкой и братом 1929 года рождения в будку переездную железнодорожного полотна, забрали корову, при отступлении сожгли дом.

В 1942 году 12 июня меня угоняют в Германию. Со ст. Свобода загнали нас в товарный состав, грязный.

Во Льгове делали нам комиссию, больных возвращали домой, здоровых гнали дальше. Привезли в г. Лейпциг, там нас ждали фабриканты и бауэры. Разобрали нас на машины, посадили и повезли. Я и мои одноклассники Крюкова Валя, Шевлякова Тамара, Железнякова Вера и другие попали на металлургический завод «Mitallgub», улица Фабриктрассе.

Лагерь был в километре от фабрики в районе «Белиц Эренберг». Я сначала работала — убирала цех, позже перевели на детали. Детали были огромные, то ли к самолетам, то ли к танкам.

Мы не знали, что делали, какие машины. Это было засекречено от русских. Немцы были к нам, русским, агрессивны, называли нас свиньями. Мастер старый был, звали его Арфтет, фамилия Фокс. Но он не был злым.

Инженер, фамилию я его не запомнила, был фашистом. Был агрессивный, всегда придирался ко мне. Если что заметит, обязательно возьмет за руку, подведет к месту работы, носом ткнет и за руку так ущемит, что синяки черные были.

Были и полицейские гадкие. Вели наш строй с работы в лагерь в январе месяце. У меня выбили из-под ног гольшуй (деревянная туфля), и я вышла из строя, чтобы поднять его. Тут подошел полицейский и ударил меня резиновой палкой. Я подняла руку кверху, чтобы защитить себя от выстрела в правую руку. Сейчас остались следы, пальцы не сгибаются.

Освобождали нас союзники — американцы. Что скажешь, хорошие люди: кормили нас вволю и не обижали, поддерживали нас тем, что разрешали встре-

чаться со своими земляками, которые также были в неволе. Они приходили к нам, к забору, разговаривали. И в конце концов я нашла свою судьбу — Ларичкина Николая, с которым прожила 52 года до его кончины. Умер он в 1977 году. Но наши мучения мы пережили.

Желаю, чтобы нашим детям, внукам и всему человечеству не пришлось испытать то, что испытали мы.

УЗНИКИ

Я помню. А вы не забыли свою улицу,
школу и парту?

Сидел ты, склонившись над ней.
Как в сорок первом в Германию нас угоняли,
Ни в чем не виновных детей.

А сколько ж страданий мы там натерпелись,
Встретив голод, и холод, и страх.
И порою все избитое тело,
И от боли темнело в глазах.

Но за какие ж грехи нас фашисты казнили,
В крематории сжигали в печах?
Босиком мы по снегу в гольстунгах ходили,
И они примерзали к ногам.

Вот уж нервы во мне расходились,
В моем сердце тревожный ответ,
Я ж девчонкой была малолетней,
А в душе моей было уж тысяча лет.

А теперь перебиты, поломаны крылья,
Злой горечью душу свело.
Как копною, серебряной пылью
Все дороги мои замело.

С малых лет я лишилась опоры,
Потеряла отца и любимую мать,
И столкнулась с такой обстановкой,
Научила судьба до сих пор горевать.

ДОЧЬ РОССИИ

Лесина (Власенкова) Наталья Матвеевна

1926 г.р., ур. д. Андреево-Палики Людиновского р-на Калужской обл., проживает в г. Людиново Калужской области

Моя девичья фамилия Власенкова Наталья Матвеевна, родилась 17 сентября 1926 г. в д. Андреево-Палики Людиновского района Калужской области. С 1929 г. проживаю в г. Людиново: пенсионерка. Мои родители: отец Власенков Матвей Федорович, родился 16 ноября 1900 г. в д. Андреево-Палики, с 1929 г. проживал в г. Людиново, пенсионер, умер в 1984 г. в июле месяце; мать Власенкова Анастасия Тимофеевна, родилась 4 января 1898 г. в д. Андреево-Палики, с 1929 г. проживала в г. Людиново, умерла в 1964 г. в декабре; брат Власенков Лев Матвеевич, родился 11 октября 1924 г. в д. Андреево-Палики, с 1929 г. проживал в г. Людиново, умер в марте 1987 г.; брат Власенков Григорий Матвеевич, родился 9 февраля 1928 г. в д. Андреево-Палики, с 1929 г. проживает в г. Людиново, после войны с 1948 г. был направлен горвоенкоматом на шахты Смоленской обл., в настоящее время проживает в шахтерском пос. Середейск Сухиничского р-на Калужской обл.

Кроме перечисленного состава нашей семьи, у нас еще есть сестра Власенкова Мария Матвеевна, родилась 12 июля 1923 г. в д. Андреево-Палики (тогда Орловской обл.). С 1929 г. проживала в г. Людиново, а в 1940 г. уехала в г. Николаев, где работала на строительстве моста № 38—39, откуда в Великую Отечественную войну была эвакуирована за Волгу, а затем была призвана в ряды РККА, и с нею связь была прервана.

В 1941 году, когда началась война, мне шел пятнадцатый год, я только что окончила 8 классов. Страшное слово — война! Я помню, еще тогда неокрепшая девчушка, как все внутри перевернулось, тяжесть давила за эту проклятую войну, и не по возрасту я повзрослела, из-под ног уходила земля, рухнула надежда на дальнейшую учебу (хотелось быть врачом), так как в детстве я каждый год весной болела малярией.

До войны отец мой Власенков М.Ф. работал рабочим на лошади при подсобном хозяйстве от Людиновского общепита — директором был Калинин П.М. (погиб зимой 1941—42 гг.), а заведующим — Степанов (забыла, как звали).

В июле 1941 года нашего отца вместе с семьей направляют в эвакуацию гуртоправом со скотом от подсобного хозяйства. Главным был заведующий т. Степанов. Догнали скот до с. Красное Хвастовичского р-на (тогда Орловской обл.) и остановились со скотом. Постояли месяц, а на Десне шли сильные бои, и главные начальники думали, что немцев задержат, да и было затишье на какое-то время. Скот и нас вернули обратно в Людиново в конце августа.

Снова начались сильные бои, и второй раз нас направили всей семьей гуртоправами, так как возраст детей нашей семьи соответствовал возможности в лесных местах справиться со скотом. Всего было скота более 100 голов. Впридачу нам дали лошадь в общепите для шмучок и инвентаря. Скот гнали через Судимир. Попали в колонну отступающей нашей армии. Налетели два фашистских самолета. С двух заходов страшно бомбили и стреляли большими огненными пулями. Вот тогда я вспомнила про Бога. Мы чудом уцелели. Скота и народу побилло значительно. После всего, что пережили, нам пришлось гнать скот так, на что он был способен. А немец прет по пятам. Догнали скот до д. Кцынь в сумерках — это недалеко от Белева Тульской области. Главные и наш отец успели скот раздать до полночи в д. Кцынь семьям красноармейцев до того, как ворвалась немецкая развед-

ка на мотоциклах, и чудом мы от них скрылись в лесу. Тогда начальники велели нашему отцу и нам возвращаться в г. Людиново, а они ушли в партизаны. Отцу сказали, что они к нам еще вернутся, и мы должны помогать.

Вернулись в Людиново 1 октября 1941 г., а 4 октября город заняли фашисты. Через три дня у отца полицаи отняли лошадь, а еще через три дня забрали отца и посадили в тюрьму. Мать воет, нет отца три дня, мы плачем. Тогда матери передали, что отец еще жив.

И нас мать одела в лохмотья и повела в комендатуру. А на отца было написано заявление его же рабочим общепита (какой-то Машинин — полицай). Написал, что наш отец уезжал с начальниками и знает, где партизаны. Отца били, пытали, хотели расстрелять, но ничего не добились, а мать упала, плакала и кричала: детей много, есть нечего. Отца отпустили.

Наступила зима. В январе 1942 г. к нам приходит ночью партизан — дядя Саша Лукашов. Мы его прятали с отцом под полом, боялись слежки. Отец ему рассказал о случившемся. Дядя Саша посоветовал отцу его проводить до нужного места, а самому не возвращаться домой, а идти в свою деревню, так будет безопаснее. А я, 15-летняя девочка, ночью топила печку, пекла блины кое из чего и мы кормили дядю Сашу. К утру отец с дядей Сашей ушли, и отец ушел в деревню.

Голод, есть было нечего, потом ушли лесом и мы. В деревне отца со старшим сыном ночью схватили немецкие патрули, посадили в амбар, кричали, били за связь с партизанами. Уже утром вывели расстрелять, но односельчане заступились через переводчица и тоже чудом уцелели. А весной 1942 г. на след отца напал полицай Машинин и всей семьей нас угнали в Германию на каторжные работы. Даты не помню, так как я болела малярией и мать укрывала меня от фрицев. Они уже хотели меня убить (кричали — кранк, шиссен), и мать меня прятала. Но по-

мню, вроде были за колючей проволокой за Брянском, потом везли в разбитых телячьих вагонах голодных двое суток. Привезли в Белосток, потом в Магдебург. Оттуда повезли в других вагонах в Тюрингию в г. Айсфельд, фабрика Айзо. Освободили 2 мая 1945 года американские и советские офицеры и войска. Потом отправили в советскую зону г. Риза. Из г. Ризы повезли на американских студебекерах в д. Мерке-Зоммерфельд. Там я работала в штабе СА при комендатуре писарем, оформляла документы на репатриированных граждан.

По окончании этой работы была в медсанчасти писарем. Возвратились в Людиново 25 сентября 1945 года. Работала в лесхозе счетоводом. С 1948 г. поступила в связь, где проработала до 1 марта 1985 г., ушла на пенсию по старости (работала счетоводом, бухгалтером, экономистом). В 1950 г. вышла замуж, муж умер в 1991 г., имею двоих детей и четверо внуков. В 1961 г. вступила в кандидаты КПСС, а с 1968 г. являюсь членом КПСС по настоящее время.

За время лихолетья в концлагере пережили все лютые невзгоды: голод, холод, унижение. Страшно не хватало Родины. Забывалась, пела «Интернационал» и «Вихри враждебные», за что били немцы в морду, аж искры из глаз летели, а потом допрашивали в гестапо при фабрике. На моих документах написано: «Кляйн Шталин — после войны убить». Били и моих братьев, больше всего меньшему доставалось от фрица — это Григорию. И чудом уцелели. Считаю, что спасал Бог, которому мы молились всю войну в душе всей семьей. Отец воистину был как дурачок (Василий блаженный из прошлого), открыто крестился на каждом своем повороте, свои посмеивались, а немцы говорили: «Гут, гут, пан».

В 1944 году, когда наши войска вытурили фашистов за свою границу, в лагерь стали приходить ребята из других лагерей. Приносили тихонько листовки на русском языке. Были и стихи. Посылаю вам на память, возможно, заинтересуется журналистика.

ДОЧЬ РОССИИ

Ты русская, и труд — твоя стихия,
Трудиться и терпеть тебе не привыкать.
Ты терпелива, как сама Россия,
Твоя войной измученная мать.
Как ласточка среди дождя и бури,
Страдаешь ты, когда гремит гроза,
Но не сдаешься, голову понутив,
Из глаз твоих не капает слеза.
Твой дом сгорел или разбит снарядами,
Родным твоим никто не смог помочь,
Но ты крепись и будь тверда, горда и рада,
Что ты есть русская, что ты — России дочь!

1944 г.

СЫН

Ветер, мы оба бездомные,
Только твой жребий иной,
Крылья, незримо огромные,
Носят тебя над землей.

Крылья мечте обескрыленной,
Если б их снова вернуть,
Если б душе обессиленной
Новые силы вдохнуть.

Если б, как ветер порхающий,
Выпить степной аромат,
С Родины дальней, страдающей
Снять окровавленный плат.

Ветер, товарищ крылатый,
Брат мой крылатый, снеси
Тихую ласку прощанья
В степи далекой Руси.

Там тебя встретит с поклонами
Вольный кочевник — ковыль,
Ты понесешь перегонами
Вдаль золотистую пыль.

Там васильки синеокие
Весело зреют в межи,
Волны гуляют широкие
В золоте зреющей ржи.

Ветер, хотя б из участия
Ты, возвращаясь с Руси,
Запах полей, как причастие,
Сыну ее принеси.

НАМ ВСЕМ ХОТЕЛОСЬ ВЫЖИТЬ

Локтионова Анна Константиновна

г. Киров-2 Калужской области

Мне было 14 лет. В июле месяце 1942 года немцы под страхом партизанского движения выселили всю деревню Куява и погнали жителей пешком в сторону Брянска.

Через несколько недель нас доставили в лагерь п. Урицкий около Брянска. Разместили по баракам, их было там десять или двенадцать, и более тысячи человек в каждом бараке. Холод, голод, особенно среди детей, — все это приводило к большой смертности. До 500 человек в день умирало. Кормили какими-то отходами. В лагерь немцы привозили павших лошадей, и мясо их бросали в толпу. Когда люди бросались на это мясо, немецкие солдаты расстреливали пленников из пулеметов и автоматов. За все время оккупации мы потеряли многих своих близких, с 1941 до 1943 года мы видели самое страшное, что только можно видеть. И как только остались в живых, до сих пор не знаю. Вспоминать все это очень тяжело. Только в 1943 году мы вновь оказались дома — бо-
сые, грязные и голодные.

ДОЛГАЯ ДОРОГА В РАБСТВО

Лубяченко Эльвина Ивановна

1929 г.р., проживает в г. Воротынске Калужской области

С 1936 года мы жили в небольшом флигельке на окраине довольно большого города с пятьюстами тысячами населения. Отец занимал неплохую должность, а мама занималась домашними делами, а вечером ходила на репетицию в заводской клуб. У нее был очень неплохой голос. Ну, а я с меньшей сестрой оставалась дома. За год до войны родители решили уехать снова в шахтерский поселок за двадцать пять км от города. Это была Родина родителей и наша. Хотели родители построить там домик и основательно там осесть. Уже и место для постройки присмотрели, но... началась война.

Утро было солнечным и ласковым. Проснувшись, я быстро подхватилась, натянула на себя сарафанчик и выбежала на улицу. На улице кучками стояли люди и о чем-то говорили приглушенными голосами. Показалось, что люди были чем-то обеспокоены. Потом пошли ко двору, где на летней кухне прикреплен был радиопередатчик. Из радиопередатчика несло тревожное сообщение о том, что Гитлер нарушил мирный договор, который был заключен только год назад, и напал на Советский Союз. Не хотелось верить, что произошло что-то страшное. Люди многие плакали. Говорили, что бомбили Киев, Харьков и еще некоторые города. Харьков от нас был километров триста с лишним. Мы, дети, хоть нам и было по 12—13 лет, плохо отдавали себе отчет, что значит, если бомбили Харьков и другие города в течение ночи, по нашим соображениям, война от нас где-то близко.

Через несколько дней вечером подъехала машина, мы погрузили вещи и уехали снова в город, в наш флигелек.

Отца скоро взяли на фронт, а маму мобилизовали рыть противотанковые окопы.

Приближалась осень. Зачастили дожди. Мама простудилась. Она вся покрылась огромными фурункулами. Я ходила с нею на окопы, чтобы хоть немного ей помочь, но она все равно не выпускала лопату из рук. Мы, дети, вместе со взрослыми ходили в ночное дежурство на улицах, проверяли документы у прохожих. А беженцы все шли и ехали кто на чем. Особенно много было евреев. Мы сутками выстаивали в очередях под дождем, по колено в грязи, за мукой, за картошкой, за хлебом. Теперь мы уже понимали, что такое война.

Очень много солдат расквартировывали в каждом доме. В нашем маленьком флигеле и то каждую ночь по 10-12 человек ночевали. Все чаще стали бомбить город. Первой бомбой тяжело ранило мою тетю и убило ее соседа. Они шли на рынок, когда налетели самолеты и стали бомбить.

Прошла холодная и голодная зима. Наступил 1942 год, а 17 июля 1942 года вошли в город немцы. Вошли без боя. Город был окружен, а дальше за городом километрах в восемнадцать были сильные бои на переправе через реку Северский Донец.

Очевидцы потом говорили, что была очень страшная картина, очень много погибло наших солдат. На улицах происходило тоже что-то невообразимое. Люди чувствовали безвластие, тащили все, что попадалось под руки. Везли, несли, тащили волоком с мяскокомбината и с мелькомбината, даже с овощной базы катили пустые бочки.

Да, во все времена были люди-патриоты и люди-предатели. Одни наши соседи очень ждали прихода немцев. Они говорили, что это, мол, идут наши кормильцы, а «кормильцы» в первые же дни своего прихода увели у этих соседей корову и забрали в комод дорогие отрезы тканей.

Приближалась вторая военная осень. На улицах все чаще стали появляться люди с нашивками шестиконечных звезд. Это были евреи. Какая их ждала участь, никто точно не знал.

А однажды пришел к нам мамин брат. Он жил в другом конце города и не часто к нам заходил. И одно то, что он пришел, означало уже, что что-то случилось неладное. У него были широко открыты глаза и катились по щекам крупные слезы. Мы долго не могли добиться, что произошло, а он все плакал и не мог сказать ни слова.

Потом он рассказал, что вывозил какой-то мусор за город (он работал ездовым на лошади) и вдруг увидел ужасную картину. Он увидел, как нескончаемой вереницей шли люди. Их было очень много, тысячи. Их гнали за город к большим оврагам и потом расстреливали. Стоял жуткий крик, от которого волосы дыбом поднимались.

А время шло. Приближался 1943 год. На соседней улице напротив нашего огорода на квартире жила переводчица. Русская молодая женщина, она жила с итальянским офицером, врачом, а работала в немецкой комендатуре. На работу и с работы она ходила через наш двор. Во дворе она как-то столкнулась с мамой, они немного поговорили, и она иногда стала к нам заходить, когда ее итальянец был на дежурстве в госпитале.

Мама обычно болтала с нею вроде неохотно, но сама как-то часто поглядывала в окно. Однажды Анна (так называли переводчицу) не стала заходить, а вызвала маму в коридор. Там они немного поговорили, и она ушла. А мама зашла какая-то взволнованная и стала собирать документы и кое-какие вещи. Дождавшись вечера, мы ушли к тетке, которая жила в трех километрах от нас.

Дней через пять мама мне сказала: «Ты маленькая, худенькая, ты не привлекаешь к себе внимания. Сходи домой, посмотри, все ли там на месте». И я пошла. Я приблизилась к дому с другой улицы. Из-

дали увидела, что замок на двери висит на месте. Поэтому я не стала подходить к дверям, а стала заглядывать в окна, как будто чужой человек. И тут я увидела свежие следы немецких сапог. Я осмотрелась, но никого не увидела. Конечно, я догадывалась, что кто-то близко есть. Я не спеша направилась к воротам, но из-за угла дома вышел полицейский с повязкой на рукаве и в немецкой форме. Я хотя и чувствовала, что кто-то близко есть, но когда он появился, я вздрогнула и остановилась. Я стала быстро соображать, что мне делать. Полицейский громко спросил: «Что ты тут делаешь и где твоя мать?» Я сказала, что я была у бабушки и вот, мол, пришла, а дома никого нет. Я было собралась быстро убежать в ту сторону, откуда пришла, но вдруг меня кто-то больно схватил выше локтя, и рывкнул: «Шагай!» и толкнул меня в сторону ворот, то есть в сторону комендатуры. Я не поняла, откуда взялся второй полицейский.

Пока я шла от тетки, я придумывала все подходы и так вошла в роль маленькой дурочки, что мне почему-то не было очень страшно. Тем более я не знала истинной причины этого «спектакля». Конечно, этот «спектакль» мог для меня кончиться плачевно.

По-настоящему я испугалась уже когда в комендатуре у меня стали спрашивать, кто к нам приходил ночью. А я действительно никого не видела и почти спокойно сказала, что никто не приходил к нам ни ночью, ни днем. Тогда для первого раза мне вlepили такую затрепину, что сначала я не поняла, где я нахожусь, и очень заболела голова. Тогда начали спрашивать, где мать. Я им ответила то, что полицейским, мол, что понятия не имею, была у бабушки, а дома никого нет. Анна, переводчица, вела себя так, как будто она меня знать не знает и видит впервые. Я решила, что, значит, так надо, и старалась даже не смотреть в ее сторону. А еще страшней стало, когда я услышала где-то в соседнем помещении дикий мужской крик. Там, видно, кого-то пытали. Потом меня схватили за воротник, вывели во двор и втолкнули в

какой-то темный сарай. Когда глаза привыкли к темноте, я увидела человек двенадцать. Кто сидел, кто лежал. В сарае было ужасно холодно, и люди прижимались друг к другу, чтобы хоть чуть-чуть согреться. Вызывали меня еще раза три, били по щекам и по голове, но это казалось не так страшно, как холод в сарае. Приносили нам пару раз объедки с итальянской кухни. К холоду, наверное, привыкнуть невозможно, а мерзнуть еще приходилось.

Дней через пять трое дюжих полицаев нас, пять человек, вывели и повели, не сказал нам, куда. Потом оказалось, что нас ведут на вокзал. Когда мы шли по перекидному мосту, мы увидели эшелон товарный, и по обе стороны стояли немецкие солдаты с собаками. Народу на вокзале было видимо-невидимо. Полицаи растолкали людей, протолкнули нас к солдатам и нас сразу загнали в вагоны, и стало ясно, что нас повезут в Германию. Я была меньше всех, мне было четырнадцать с половиной лет.

Те девчата, которые находились в вагоне (нас было в вагоне 17), так вот, эти девчата были забраны по повесткам, поэтому у них были в сумках какие-то вещички и кое-какая еда. А у меня не было ничего и одета я была слабо. Я плакала днем и ночью.

Мне дали два платья и еще кое-какие тряпки, чтобы обмотала ноги. Все равно большие пальцы на ногах я обморозила. Двери пока не закрывали, и мы в надежде увидеть среди толпы кого-нибудь из своих близких, толкались, старались пробиться к проему дверей.

Теперь уже трудно поверить, но я как-то обратила внимание на одного странного мужчину, который, как мне показалось, смотрел именно на меня и помахивал мне рукой. У него была окладистая черная борода, одет он был в румынской шинели, и островерхой шапке, которые носили румынские солдаты. Уж очень этот мужчина чем-то похож был на отца.

Спустя годы, когда я вернулась уже из Германии, мать подтвердила, что это был действительно отец. Больше я его никогда не видела, он погиб в этом же

году. И по возвращении я узнала, что Анна-переводчица видела, как ночью приходил отец, и предупредила, чтобы ушли из дома и с ее помощью я попала в Германию, а не в «Бабий Яр».

Ехали мы в товарных вагонах, а зима была снежная и морозная. На второй день поезд остановили в степи. Немцы открыли двери и заставили нас наносить соломы в вагоны с недалеко стоящих скирд. Велико было желание убежать, но по такому снегу нечего было и думать о побеге — это было бы самоубийством. Сугробы были чуть не в человеческий рост.

С соломой было немного легче. Мы зарывались в солому, как поросята, прижимаясь друг к другу. Нам давали 200 г хлеба в сутки и грамм 100 чего-то наподобие кровяной колбасы. У нас были разные предположения насчет этой колбасы, но... голод не тетка. Нужду справляли прямо под двери.

Как-то остановился поезд и сказали, что дадут нам суп. Мы были рады и ждали этого момента, выглядывали в маленькие, затянутые колючей проволокой окошки, и поняли, что мы уже где-то в чужой стране. Но это была еще не Германия.

Два солдата водили по пять человек за супом. У меня не было никакой посуды и получилось, что я оказалась последней. Я так боялась, что мне не хватит, и когда я уже залезала в вагон, было так высоко, что я никак не могла залезть, и тогда меня подтолкнул солдат и я упала на банку с супом и суп мой разлился. Как же я плакала, сутки, наверное. Долгие годы я чувствовала запах этого супа и, казалось, нет ничего вкуснее овсяного супа.

Следующая остановка была уже в Польше. Мы там стояли четверо суток. Нам сказали, что ждем, пока освободятся бараки. На четвертый день нам дали почему-то чуть больше, чем обычно, хлеба, и мы поехали дальше. По какому-то «радио» мы узнали, что стояли мы в польском городе Люблине. А еще позже, когда уже возвращались домой на Родину, мы узнали, что в Люблине был крематорий, где сжигали людей.

Наконец-то привезли нас в концлагерь в городе Граево (это Польша, так нам сказали). Загнали эшелон на территорию концлагеря. Лагерь был огорожен в два ряда колючей проволокой, и вышки с автоматчиками. В бараках были двухъярусные нары из неструганных досок. Посреди барака была железная бочка-буржуйка, которую топили дровами. Потом пригнали еще два больших эшелона с молодежью из Белоруссии. Два парня из белорусов сошли с ума. Одного через пару дней не стало, а другой бегал по баракам и что-то непонятное кричал. Кормили баландой из брюквы и гнилой картошки. Не помню, сколько мы были там.

Подогнали вагоны, погрузили нас и повезли в Германию. Ехали не спеша и на каждой остановке отцепляли по два вагона. Наконец-то мы приехали в город Вертхайм на Майне. Нас повели на биржу и начали раздавать помещикам. Это процедура длилась почти до вечера. Я опять оказалась последней. Когда меня показали моей хозяйке, она чуть не упала в обморок. Ей нужен был работник, а я была ходячий скелет, но ей сказали, что рабочих уже не будут привозить. Она, скривясь, согласилась меня взять. И потекли мои дни рабства...

Боже, как же мне было тяжело и не под силу, ведь было мне всего 14 с половиной лет. Десять коров, свиней много, девять гектар земли, так что пахать коровами приходилось и пилить лес. Собирали больше стирки. А стирали тогда вручную. Я свои худые пальцы растирала до живого мяса и плакала от нестерпимой боли, а меня еще и лупили чем придется. Спустя время, я привыкла, конечно. Ну, наверное, еще потому, что подросла.

Освободили нас американцы 2 апреля 1945 года. Все освобожденные съезжались в лагерь - пересыльный пункт. Это был бывший военный аэродром. Там было море народа: французы, поляки, итальянцы, бельгийцы, русские, конечно. Первых отправили домой французов, бельгийцев, голландцев. Полякам

предложили ехать не то в Англию, не то во Францию. Итальянцам сказали, чтобы они добирались до-мой самостоятельно. Русских начали вывозить в конце июня. Сначала на машинах до Нюрнберга, а потом товарными вагонами аж до Одера. На Одере нас передали нашим. Неделю мы скитались в лесу, что находился недалеко от того места, где нас передали. В этом лесу уже побывало людей, которых со всей Германии передавали тут нашим, что лес уже не был похож на лес. Ни травиночки, и деревья, как после пожара. Потом нам сказали, что в городе Витенберге есть лагерь, где собираются русские, и потом оттуда отправляют на Родину.

До Витенберга добирались, как говорится, на подручных средствах. И пешком шли, и на попутных машинах, и на повозке лошадьми, не знаю, где мы ее выпросили. До лагеря добрались. Нам сказали, что перед нашим прибытием человек 500 отправили пешком. Это было страшно, ведь это был уже июль, а значит, по такой жаре идти много сотен километров. Мы не торопились, да и людей еще не собралось столько, чтобы отправлять. Потом прошел слух, что американцы узнали о том, что людей пешком гонят, приезжала какая-то делегация и пообещали дать машины студебекеры. Через несколько дней пригнали 18 машин, скомандовали «по машинам», и мы поехали. Конечно, лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Но мы ехали очень даже хорошо. Наш курс был на Ковель. Мы ехали через Польшу, и судьба сложилась так, что второй раз я попала в польский город Люблин. Мы проехали через город и на окраине остановились на ночлег. Нас везли военные. Я в этом эшелоне была самая молодая, и ко мне относились военные с уважением, как к малолетней девочке. Когда уже все расположились кто где, я увидела, что человек восемь офицеров группкой куда-то собрались идти. У одного я выпытала, куда они хотят идти, и стала просить, чтобы они меня взяли с собой. Они, конечно, категорически не разрешали, но я шла на рас-

стоянии следом. Они шли смотреть люблинский Майданек, тот самый, где был крематорий, где сжигали людей. И я все увидела. Я и теперь все помню до мелочей. Могу рассказать, могу точно нарисовать крематорий. Вход в него был с двух сторон. Как зайдешь (с той стороны, с которой людей вводили) стояли бочки с человеческими волосами, в углу тут же кости. По левую же сторону — газовая камера, когда туда набивали людей, в потолке открывался небольшой люк и оттуда сыпалась известь, превращаясь в газ. Дальше по этой же стороне стоял длинный стол, обитый жестью. На этом столе расчленяли тела и потом бросали в печи. Печей там было восемь. Четыре с одной стороны и четыре — с другой. Там стоял мощный вентилятор, чтобы создавать тягу в печах. Метрах в ста от крематория были выкопаны рвы, туда бросали недогоревшие тела. Я не помню, сколько времени прошло с того времени, когда крематорий делал свое дело, до времени, когда мы это смотрели, но еще сильно воняло мертвечиной. Мы все плотно закрывали носы носовыми платками. Невозможно было дышать.

Итак, мы приехали в Ковель. Нас тоже за городом выгрузили прямо в бурьян, и мы там были тоже с неделю, пока не прошли фильтрацию. Дальше по домам мы опять добирались кто на чем. Ехали на сцеплениях вагонов и на крышах поездов. В общем, кто как мог. Зато мы ехали на Родину, хоть и неласковую, но на свою, родную.

Прошло целых пятьдесят лет. И в 1995 году я встретила в своем поселке, где я теперь живу, немца-прораба, который строил городок для военных, прибывающих из Германии. Узнав от переводчицы обо мне, и что я во время войны работала в тридцати километрах от его города, он со своей подружкой, которая приезжала в нему из Германии, напросились ко мне в гости. Мы попили чайку, поговорили о том-о сем (я еще неплохо помню немецкий), они меня очень даже хорошо понимали. Потом они отыскивали деревню, в которой я работала и, поговорив с бургомистром, при-

слали мне приглашение в Германию. Конечно, возраст у меня уже преклонный, но я поехала. Поездка была очень интересной. Я все помню до мелочей. Я приехала сама, как будто я только месяц какой-то отсутствовала. Даже помещица моя оказалась еще жива (но в этот год, 1995-й, она потом умерла). Меня тоже многие помнят, даже называли, как раньше, по имени, без «фрау», и мне это было приятно.

Приезжал из газеты фотокорреспондент. Люди бросали свои дела и приходили посмотреть на меня и поговорить. А ведь мы были когда-то врагами. Вот и все, хотя я еще много кое-чего помню.

СУДЬБА МОЕЙ ТЕТИ

Лукашкова Апполинаруя Ивановна

1916 г.р., ур. пос. Сукремль Людиновского р-на Калужской области, проживает в г.Донецке

Прежде чем описывать судьбу моей тети Лукашковой Апполинаруи Ивановны и ее детей, немного коснусь истории семьи, где она родилась и воспитывалась.

В семье Ивана и Евдокии Лукашковых, проживавших в Сукремле, было пять детей: Николай — 1914 г.р., Апполинаруя (Паля) — 1916 г.р., Мария — 1919 г.р., Райса (моя мать) — 1921 г.р., Михаил — 1923 г.р.

Николай — участник финской и Великой Отечественной войн, умер в Сукремле еще в 70-е годы, так как был во время войны неоднократно ранен и контужен, с 50-х годов являлся инвалидом.

Михаил — участник Великой Отечественной войны, умер два года назад в г. Донецке, где жил с 1946 г. Сестры моей матери Паля и Мария живут в г. Донецке.

В начале тридцатых годов Паля поступила в педагогический техникум в Жиздре. После окончания техникума была направлена работать в д. Косичино учителем. Здесь же она и вышла замуж за Корнеева Г.Г. В 1936 г. родился у нее первый сын — Гена, в 1937 — дочь Валентина. Жизнь складывалась очень трудно. Григорий постоянно был в отъезде, так как работал наладчиком локомотивов на Людиновском заводе, а это, как известно, связано было с длительными командировками. Жили в одном доме со свекровью, у которой кроме Григория с его семьей было еще четверо детей. Свекровь отказалась нанять маленьких внуков, да и возможности, видимо, не было.

И вот в 1938 г., после смерти отца Пали, они переезжают в Сукремль в дом родителей на Пролетарской улице, где в то время жили мать Пали, две сестры и брат Миша. Николай к тому времени учился в Ленинграде в автодорожном техникуме, который так и не закончил (война с Финляндией и Отечественная война).

Паля перевелась работать в д. Романовку, так как это гораздо ближе к дому, и работала там до рождения третьего ребенка Юру. К тому же заболела мать, с детьми сидеть было некому. Вскоре мать умерла. Сестры почти одновременно вышли замуж и разъехались — Мария в г. Сталино (Донецк), а Раиса с мужем (мои родители) в Юхновский район.

Итак, в 1940 г. в доме родителей на Пролетарской улице остались жить Паля с мужем и тремя детьми и брат Михаил, который еще учился в 9-м классе. Из близких родственников в Сукремле остались только дедушка — Зайцев Иван Алексеевич (кстати, машинист 1-й статьи крейсера «Аврора», участник Цусимского боя в составе 2-й Тихоокеанской эскадры Российского флота) и тетя Ольга, которые жили в своем доме на другом конце Пролетарской улицы.

Григорий постоянно был в командировках и в редкие приезды домой старался уйти от домашних дел, так как стал увлекаться спиртным. Поэтому дети по-

чти не помнили своего отца, и даже старший Гена не знал, что фамилия его отца — Корнеев. Но об этом чуть позже.

И вот настало лето 1941 года. Война. Григория мобилизовали в числе первых. Через некоторое время взяли на фронт и брата Михаила, которому к тому времени не было еще и 18 лет. Паля осталась с детьми одна.

Однажды осенью 1941 г. Полина пошла на другую улицу достать кое-каких продуктов, оставив детей дома. Гена посадил маленьких на подоконник и все вместе стали смотреть в окно, поджидая маму. В это время прилетели самолеты и стали бомбить или Сукремльский завод, или дорогу на д. Курганье. Одна из бомб разорвалась прямо против дома, но на другой стороне улицы. Была она, видимо, крупного калибра, так как даже в середине 50-х годов воронка от нее составляла не менее 6-8 метров и глубиной около 2-х метров, и мы мальчишками часто в ней прятались, а осколки от этой бомбы были видны в наружной стене нашего дома до самого его сноса в 1974 г. В момент взрыва стекла в окнах разлетелись мелкими стекляшками и поранили лица детей. Гена подхватил маленьких брата и сестру и выбежал с ними во двор, где спрятался под навес. Когда их мать, несмотря на бомбежку, прибежала домой, то увидела такую картину: старший сын, которому самому-то было едва 5 лет, успокаивал маленьких, вытирая с их лиц кровь. Можно понять состояние их матери, но это было только начало военного лихолетья.

В один из зимних дней 1942 года партизаны на ул. Пролетарской разгромили немецкий обоз. Этот случай неоднократно описан очевидцами и бывшими партизанами. После этого нападения один из немецких солдат остался жив и убежал в Людиново. И вот уже ночью приехали каратели и стали выгонять людей из домов на Пролетарской улице, улице Толстого и Куйбышева. Стали поджигать дома, которые почти все сгорели. Кое-кого из граждан арестовали, но боль-

шинство населения этих улиц скрылось в лесу. Несколько дней жили в лесу — зимой под открытым небом.

Полина решила идти в Косичино к матери Григория. Ночью, чтобы не нарваться на немцев, пробралась в деревню. Там в это время немцев еще не было, не считая старосты Зинукова. Свекровь жила с младшим сыном и дочерьми Ниной и Таней. Так Паля с детьми и осталась жить в Косичине. В деревню все чаще стали наведываться немцы, охотясь за партизанами, расположившимися в окрестных лесах. И вот пришла первая большая беда: от рук фашистов погиб младший Корнеев (брат Григория). Немцы, чувствуя близкий конец, все больше зверели. В один из ясных дней Паля вместе с золовками и свекровью пошла в лес собрать ягод, чтобы были хоть какие-то витамины детям на зиму. В лесу неожиданно нарвались на карателей, которые охотились на партизан. Немцы открыли по ним огонь из автоматов, в результате чего свекровь была убита насмерть, а Нина Корнеева ранена в голову. Потом, уже ночью, отыскивали тело убитой матери в лесу, нашли лошадь и привезли в деревню. Тайком похоронили.

В конце августа 1943 г. нагрянувшие в Косичино немцы стали хватать людей и уводить куда-то. В числе этих людей оказалась и Паля с тремя своими детьми. Сначала привезли их в Брест, где была сортировка. Далее привезли в Эстонию — порт «Балтика», лагерь Пыллкюла. Здесь Пале случайно встретились знакомые земляки из Сукремля с ул. Куйбышева — Фомин С.П. со своей матерью. В этом лагере (Пыллкюла) Паля содержалась вместе со своими детьми.

Вот как она сама описывает последние дни в этом лагере: «Через некоторое время стали среди нас отбирать людей и куда-то увозить. Настала, видно, и моя очередь. Перед вечером меня вывели из барака, отобрали детей и ночью вывезли в Таллин. Это прощание с детьми вспоминаю с ужасом, хоть и прошло много лет. Дали подписать бумагу, где было слово

«неблагонадежная». Я не знала тогда значения этого слова и как быть ею, если у меня отняли детей и Родину».

Все это происходило в новогоднюю ночь 1944 г. — фашистский новогодний подарок матери троих детей.

Вот как описана дальнейшая судьба Лукашковой А.И. в одном из архивных документов Госархива Калужской области: «... С 1 января 1944 г. по 3 мая 1944 г. содержалась в тюрьме г. Таллина, 6 дней провела в карцере, дети — в детдоме при лагере.

В мае 1944 г. вывезена во Францию, где содержалась в концлагере г. Шербур по 26 июня 1944 г. работала рабочей. В июне 1944 г. вывезена в Германию г. Фейнин, концлагерь Визигрунт, работала уборщицей. Освобождена 20 апреля 1945 г. Филтрационную проверку проходила в СПП № 251 г. Лукснвальде и в г. Бресте...»

Всего десять строк архивных данных, но сколько в них спрессовано горя, слез и унижений, моральных и физических страданий, выпавших на одного человека — маленькую, хрупкую женщину, которой не было еще и 30 лет. Каждая минута, каждый день, месяц, годы последующей жизни так или иначе связаны с этими десятью строками архивной справки и не только самой Пали, но и ее семьи, родственников.

В концлагере г. Шербура снова неожиданно встретился Фомин С.П. Вот как описывает эту встречу А.И.Лукашкова в одном из писем: «...Привезли нас в громадный лагерь за высокой кирпичной стеной, в котором много 5-и 6-этажных домов. Здесь нас встретили русские мужчины, которых привезли раньше нас, и я увидела Сергея Фомина. Мы были рады этой встрече, так как горе у нас одно, его отняли от старой матери, а меня от маленьких детей.

Сергей дал мне 2 куска мыла, поговорить не удалось. После этой встречи я его уже никогда не видела в лагере, наверно, возили на работу на другой участок...»

И вот 20 апреля 1945 г. — конец мук в фашистских застенках. Подавляющее большинство заключенных рвутся домой, на Родину, но...

«...После освобождения нашего лагеря нас передавали одни войска другим, пока не дошли до русских. Здесь, уже в Бресте, было столпотворение. Люди ехали на родину, но Бреста не минуешь, а их тысячи и тысячи. Мы были в большом лагере, где нас выворачивали наизнанку и физически и морально около 2-х месяцев...»

Здесь же, в Бресте, Паля стала разыскивать детей через органы Красного Креста. Но на все запросы в Эстонию, Людиново, Сукремль, Брянск и т. д. результаты были неутешительные.

Дети пропали. Повторные и последующие обращения в Красный Крест результатов тоже не дали. И так до тех пор, пока отказали вообще заниматься розыском, так как в розыске будут сотни тысяч людей и, видимо, не хватало ни средств, ни информации, ни людей, занимавшихся этим делом.

После освобождения из фильтрационного лагеря Паля решила не возвращаться на родину без детей, тем более, что и из близких родственников в Сукремле, как ей сообщили в Красном Кресте, тоже никого не было, а сам поселок разбит и сожжен немцами при отступлении.

Поехала к сестре Марии в г. Сталино, которая жила там с семьей еще с довоенного времени. Некоторое время жила у нее, но в городе не прописывали, мотивируя тем, что была за границей, а это означает — ограничение в правах. Находясь в Сталине, неоднократно подавала заявления в Красный Крест на розыск детей, но все безрезультатно.

Узнала, что в некоторых шахтерских поселках вокруг Сталина свободная прописка и уехала в один из них. В школе работать не могла, так как малейшее напоминание о детях, как соль в ране, разрывало душу. С работой было нормально, если можно назвать нормальной работу на шахте под землей при восста-

новительных работах. В настоящее время женщин вообще под землю не берут работать, но в то время было всякое.

Так вот эта маленького роста, хрупкая молодая женщина работала в шахте водолазом! (Как гораздо позже выяснилось, Паля просто не очень-то хотела жить без детей.) Приведу несколько строк из ее письма родственникам от 1947 г.: *«...Сообщаю вам, что я жива и здорова, но о завтрашнем дне жизнь моя не гарантирована. Работаю я сейчас под землей в шахте, водолазом. Спускаясь в нее, не знаю, вернусь ли живой...»*

Снова и снова посылали запросы по розыску детей. Но пока все безрезультатно. Из письма родственникам от 1949 г.: *«...Здоровье мое хорошее, только плохо, что очень нервная. Малейшее воспоминание о детях, о каждой мелочи прошлой жизни с ними приводит к тому, что целыми днями хожу, опустив голову, и успокоить меня — напрасный труд. Мою настоящую жизнь теперь уже ничто и никто не развеселит. Память о детях день и ночь блуждает в уме...»*

Шли годы. О детях по-прежнему не было известий. Иногда Паля приезжала к сестре в Сталино погостить, но более одного дня у нее не задерживалась, так как спешила в поселок встречать почтальона — вдруг придет какая-то весть о детях.

Мне было лет 5-6, и я помню, как мы ждали от нее письма с новостями о розыске детей, но ничего нового не было. Часто в это время к нам приходила Нина Григорьевна Корнеева, сестра Григория, которая тоже ждала каких-нибудь новостей. В 1953 г. я пошел в школу, семилетнюю № 2. Там же преподавала и Нина Григорьевна.

К этому времени тетя Паля перестала отвечать на наши письма, на письма из г. Сталино от т. Марии. Так вот Нина Григорьевна чуть ли не каждый день спрашивала у меня и моей сестры о т. Пале. Она и сама, по-моему, ей писала, но тоже ничего от нее не

получала. Помню, что она очень ругала своего брата, что он женился на другой женщине сразу же после войны, что не поехал к жене и не ищет детей.

Так продолжалось до 1954 г. В декабре этого года мы — папа, мама и я поехали в г. Сталино погостить у т. Марии и д. Миши. Помню, что взрослые, когда собрались все за праздничным столом и вспомнили о т. Пале, решили на следующий же день ехать ее разыскивать, если она еще жива, и уговорить ее переехать в Сталино.

Поехала моя мама, т. Мария и жена д. Миши — т. Рая. Решили ехать в поселок, из которого было последнее письмо — Кураховку. По прежнему адресу ее не оказалось. Никто не знал, где она живет и живет ли теперь в этом поселке. Тогда пошли на шахту, где она работает, и там дали ее новый адрес. Не буду описывать эту встречу. Каждый может представить, что там было: и радость, и слезы. Слез, наверное, больше. Удалось уговорить т. Палю переехать жить в Сталино (Донецк), правда, не сразу.

И вот т. Паля живет в Сталине. Сначала у т. Марии, а потом на частной квартире снимала комнату. Работала завхозом детского сада металлургического завода. 1957 год. В одном из своих писем т. Паля пишет: *«...Моя жизнь проходит по-прежнему, то есть большую часть ее отдаю чужим детям, а своим... Бог только знает, живы они или нет и знают ли о том, что у них еще жива мать, у которой в груди незаживающая рана до конца жизни...»*

Надо заметить, что т. Паля все эти годы не переставая искала детей. Подключались к этим поискам и Красный Крест, и милиция, и другие органы по розыску лиц, пропавших без вести. Подавала в розыск и тетя детей — Нина Григорьевна Корнеева. Результатов не было.

И вот осенью 1957 г. (помню это как сейчас) моя мама пришла с работы домой и рассказала, что ее вызывали в кабинет участкового милиционера, кото-

рый располагался на проходных чугунолитейного завода. Какие-то люди в форме очень подробно расспрашивали о детях т. Пали (как их зовут, какая фамилия, сколько лет и т. д.). Спрашивали также про их мать, отца — фамилии, где живут и т. п. Мои родители да и все мы поняли, что в розысках т. Палиных детей лед тронулся.

Мама срочно написала письмо т. Пале, но оно не успело еще дойти до нее, как прислала телеграмму другая тетя — Мария. Эту телеграмму мы долго хранили, но сейчас она куда-то заделалась, но я ее содержание помню почти дословно: *«Нашелся Гена, служит в армии, Паля вылетела к нему в Минск...»* Это было какое-то ликование и не только в нашей семье, но и у всех родственников, знакомых, соседей. Многие в Сукремле знали т. Палю и ее историю с детьми, уходящую в уже далекие годы войны. Радовались все без исключения. К нам приходили и родственники, и знакомые, и совершенно незнакомые люди, поздравляли и спрашивали подробности, но мы пока и сами-то немного знали. И только спустя несколько лет, сопоставив многие факты при встречах, письма и т. п., можно было увидеть всю трагедию этой истории, и почему так долго не было известий о пропавших детях.

Итак, новогодняя ночь в лагере Пыллкюла — когда т. Палю немцы оттаскивали от детей и тащили ее в другой сектор лагеря, дети бежали за ней, плакали, цепляясь за одежду, падали, снова бежали. И так до самого забора из колючей проволоки, разделяющей секторы лагеря. На этом все закончилось. Т. Палю увезли в тюрьму, а дети еще некоторое время находились в лагере.

По документам Госархива Эстонии: *«Лукашков Геннадий, 1936 г. рождения, — значится в недатированном (1943-1944 г.) списке перемещенных лиц, содержащихся в детском доме карантинного лагеря Пыллкюла. С ним вместе были его сестра Валентина 1937 г.р. и брат Юрий 1941 г.р. Про родителей*

сведений не имелось. Направлены в начальную школу Хярма в волость Кыуэ».

Необходимо заметить, что в лагере, в немецком приюте (под вывеской начальной школы) в детском доме после освобождения Эстонии от фашистов везде дети записывались по фамилии матери, которая при замужестве оставила свою девичью фамилию — Лукашкова. Свою настоящую фамилию Корнеевых дети просто забыли. А ведь их разыскивали как Корнеевых. Скорее всего, это было причиной безрезультатных розысков.

Старший сын Гена после войны тоже подавал документы на розыск родителей, но и он писал неправильные данные матери и отца. Так, например, про отца он писал, что это Лукашков Григорий, который ушел на войну. Путало, видимо, органы, занимающиеся розыском, и то, что до войны Сукремль и Людиновский район в целом были то Орловской обл., то Смоленской и даже Брянской. Сразу же после войны Людиновский район стал Калужской области.

Сначала все трое детей были вместе в немецком приюте. После освобождения Эстонии от немцев этот приют был преобразован в детский дом. Потом, уже после войны, Гену и Юру отправили в детский дом в г. Валгу. Гена учился, а Юре еще было 6 лет. Однажды Гена уехал на какие-то соревнования. Когда вернулся в детдом, ему сказали друзья, что его брата Юру забрали эстонцы на какой-то хутор. Гена даже обрадовался за брата, что теперь будет сыт и одет, так как времена были очень тяжелые, а эстонцы жили хорошо, поесть было что.

Шли годы. Гена закончил 7 классов и его направили учиться в Таллин в профессиональное училище. После окончания училища работал на заводе до самого призыва в армию. Служил в Белорусском военном округе: сначала закончил школу в г. Борисове, а далее в Минске. Был оружейным мастером зенитного полка.

Однажды в разговоре с сослуживцами поведал о

том, что у него где-то есть мать, отец, что война их разлучила, что подавал неоднократно в розыски, но результатов никаких нет и, видимо, теперь не будет никогда. Но ему посоветовали написать запрос еще, так как незадолго до этого у одного солдата их полка нашлись родители, то есть была почти та же ситуация, что и у Гены.

И тогда он решился написать еще раз, вложил в это послание все, что сохранила память. *«...До войны мы жили или в г. Сукремль, или в Косичино. Там был большой завод. Против нашего дома находился большой стадион, куда мы ходили с мамой каждый день, где бегали и прыгали. Часто ходили купаться на озеро, и когда шли, всегда пели песню «Синее море, красный пароход». Возле озера был тоже завод. Когда началась война, отца — Лукашкова Григория забрали на фронт, а маму увезли немцы в тюрьму...»*

То ли к этому времени стал более известным Сукремльский чугунолитейный завод, то ли это заявление попало к более душевным людям, занимающимся розыском, но именно этот запрос решил все дело.

И вот т. Паля летит в Минск на встречу со старшим сыном после стольких лет разлуки. При подлете к Минску бортпроводница объявила: «Пассажир Лукашкова Апполинария Ивановна, в аэропорту Вас встречают». От волнения т. Паля никак не могла одеть пальто, пришлось помогать. Когда вышла из самолета, увидела человек 10-12 встречающих солдат. Дважды пройдя этот строй, была уверена, что ее сына в нем нет. Неужели ошибка? Первыми ее словами были: «А где же Гена?» Ее успокоили — Гена на службе, но к вечеру обязательно приедет в часть. В части была устроена торжественная встреча, опыт в этом деле у них был, так как аналогичных случаев до этого было уже несколько.

В части т. Паля пробыла 3 дня, после чего Гене дали отпуск и они вместе поехали в Эстонию разыскивать Юру и Валю. Из письма: *«...каким я Гену*

помнила, каким в последующем мысленно представляла, такой и сейчас лицом, только большой, высокий... И речь его и манеры культурного человека...», — хотя воспитывался в детском доме.

В Эстонии нашли детский дом, где воспитывался Гена и откуда исчез Юра. При обращении к администрации детдома о судьбе Юры заведующая-эстонка сказала (кстати, та же самая, что была и при Гене), что случая передачи детей эстонцам у них не было, и что Гена что-то путает. В подтверждение своих слов предъявила картотеку усыновленных детей, в которой никаких данных не было, на всех усыновленных детей должны были быть документы в картотеке. Казалось, что ниточка опять обрывается, но наводившая порядок и слышавшая этот разговор уборщица, кстати, тоже эстонка, вдруг сказала, обратившись к заведующей: «Что же Вы не говорите правду родной матери, пережившей столько горя от разлуки с детьми? Помните, в 1946 г. Вы отдали на хутор ребенка, не оформляя документы?»

Заведующая была вынуждена признаться, что действительно был такой случай и что это был именно Юра. Усыновили его бездетные эстонцы, которые хотели, чтобы никто не знал, что не их родной сын. Умоляла, чтобы т. Паля не обращалась с жалобой на нее в милицию, так как с этим делом там было очень строго. Далее она рассказала, что усыновил Юру лесник Юхан Придель с женой, назвала хутор и то, что сейчас они живут на кордоне в лесу и будут очень недовольны, если там появится родная мать Юры, названного ими Карлом, тем более русская.

Тетя Паля с Геной были очень рады, что заведующая детским домом рассказала им правду, благодарны ей и ни о какой жалобе на нее в милицию не было даже и мыслей. Решили, что сначала к Юре (Карлу) поедет Гена, а дальше дело покажет. Так и сделали. Мама осталась в детдоме, а Гена поехал на хутор. Дома был один Юра. Одет был в брюки на пуговках внизу, а сверху длинная рубаха с жилеткой, как и

подобаает эстонскому подростку-крестьянину. Разговаривали на эстонском языке. Гена сказал, что он его брат и что были вместе в детдоме, откуда он сюда и попал, что они русские и у них есть родная мать. Сначала все это вызвало у Юры какую-то настороженность и он стал говорить, что в детдоме никогда не был и никакого брата у меня не было, но если ты хочешь быть моим братом, я не против. Потом Юра стал, видимо, что-то вспоминать, смягчился, Гена почувствовал какую-то появляющуюся близость с его стороны и предложил съездить в город в кино (г. Валгу, где был детдом). Юра согласился, стал переодеваться, но пришла мать и увела его в другую комнату, что-то долго внушала, ругала. Когда Юра вернулся, Гена снова почувствовал отчужденность. Пришел приемный отец Юры. Снова разговаривали в другой комнате. Вернувшись, еще более натянуто стали разговаривать с Геной. Было поздно, и Гена остался ночевать. Спать предпочел на сеновале.

Когда в 1963 г. Юра приехал к нам, мы у него спрашивали, почему у него резко изменилось отношение к Гене после разговора с родителями. Он сказал, как внушали ему, что приехали какие-то русские и хотят забрать тебя — эстонца. И все, что они тебе говорят и будут говорить, неправда, хотя ты и похож на этого солдата.

Утром, по настоянию Гены, все вместе приехали в детдом. Видимо, были уверены, что администрация детдома не пойдет на то, чтобы открыть тайну.

Тетя Паля, увидев Юру, разрыдавшись, бросилась к нему, но он почти грубо отстранил ее. Зав. детдомом сказала ему, что это его родная мама и он ее должен успокоить. Но Юра сказал: «Моя мама вот сидит, а эта пусть не плачет — я не умер».

Разговаривали только на эстонском, мотивируя, что русского не знают. Но, как потом рассказывал Юра, в самом деле русский знал даже он, хотя и не совсем хорошо. Так и закончилась эта встреча второго сына и матери. Приемные родители ни в какие разговоры

не вступали. Сидели и наблюдали за действиями сына, одобрительно переглядываясь. Фотографироваться отказались, в том числе и Юра. Подарков никаких не взяли. С тем и уехали.

Таким образом, т. Паля получала очередную «пилюлю» судьбы, очередную душевную травму. Не меньшую травму получил и ее младший сын Юра. Но было бы иначе, не будь такими жестокими его приемные родители, не желающие породниться с русскими. Никто не собирался отбирать у них сына, но всю правду они должны были рассказать ему сами, чем и вызвали бы еще большую любовь сына, но увы...

Немного успокоившись после встречи с младшим сыном и его приемными родителями, т. Паля с Геней принялись разыскивать Валентину. Искали ее сравнительно недолго, так как она находилась недалеко, в доме инвалидов. Они ее видели, но взять ее оттуда не разрешили. Там она находилась с самого окончания войны, и состояние ее здоровья постоянно ухудшалось. (Вскоре после их посещения она умерла.)

На этом поиски детей закончились. Чего больше оказалось в результате этих поисков — счастья или горя? Все-таки счастья. Вот что пишет нам т. Паля после того, как приехала домой в Сталино: «...Спрашиваете, как я живу сейчас? Смогу ли я это описать?.. Сколько пережито горя, сколько пролито слез и как я еще осталась нормальным человеком. Все эти годы затаить свое горе, работать как волу, да еще в шахте 9 лет, всегда не промытой, полуголодной... Даже вспоминать тяжело, когда это все осталось позади... Я вообще и не хотела жить, только как-то получилось, что уцелела. Ну, а теперь представьте мою радость, когда я получаю письма, написанные самой дорогой в моей жизни рукой — рукой сына. Мне хочется жить, работать, хочется навсегда забыть горе, которое частично осталось в груди...»

Но не все так было гладко. Были какие-то сомнения, как воспринял Гена, что не вернулась после войны в Людиново, к отцу, хотя и знал, что отец женил-

ся на другой женщине уже в первый год после возвращения с фронта. Особенно было тяжело, когда Гена написал, что к нему в Минск приезжал отец, который рассказывал, какая у них плохая мать, что она их бросила, а у него новая жена — красавица Вера, и т. д.

Свои сомнения т. Паля высказала в одном из писем к отцу. Ответ Гены на это письмо т. Паля при одной из встреч передала своей сестре — моей маме. Это письмо приведу почти полностью: «...*Мама, немного о твоём письме. Мы же живём не прошедшим, ведь так? А если так, то позабудем прошедшее и будем жить настоящим и будущим. Я не виню никого — ни отца, а тем более тебя — всему виной война... Я тебе писал, что осталось у меня на душе после его (отца) отъезда. Почему это так, я и сам не могу разобраться. Я жил своей жизнью и вдруг... такая перемена, да ещё так сложившаяся жизнь твоя и отца. Вот это на меня и подействовало. Но знай, мама, что кроме тебя я никого не люблю и приеду только к тебе. Забыть отца я тоже, конечно, не смогу и приехать к нему мне надо, но это только тогда, когда я буду жить с тобой. О будущем я с отцом совсем не говорил и приехать к нему не обещал, но звать к себе — он звал. Но это ещё ни о чём не говорит. ...Я сопоставил мою встречу с тобой и отцом, в них большая разница. Мама, я запомнил ту ночь в детдоме, когда ты сидела надо мной, а вот с отцом у меня произошло противоположное. ...Я получил письмо от Светланы, кто она мне, не пишет, но на фото написано — «Брату от Светланы». Так, наверное, она двоюродная сестра мне? Да? Я ей пока не отвечал... Будь здорова и весела и, главное, не горюй обо мне. Ещё немного и мы будем вместе...»*

После окончания службы в армии Гена едет к матери в Сталино и остаётся жить у неё. Некоторое время жили у сестры Марии, а потом стали снимать комнату в частной квартире. Гена поступил работать на

машиностроительный завод слесарем-сборщиком, где проработал до последнего времени, пока завод не закрыли в 1994—1995 гг. Поступил в вечерний техникум, который впоследствии успешно закончил, хотя было очень трудно, а именно — тяжело давался украинский язык и литература, но тем не менее он его (украинский язык) осилил.

Отец после посещения Гены в Минске, больше не проявлял интереса ни к нему, ни к другим отыскавшимся детям. Так описывает т. Паля в одном из своих писем: *«...Я сейчас понимаю, как не хватает моему сыну отца. Он (Гена), конечно, ни одним словом не напоминает о нем, но я думаю, что в душе он переживает. Правда, отец не заслужил перед детьми, чтобы о нем вспоминали, даже и сейчас, когда найден сын, он не поинтересовался — как он устроился в жизни, где он живет? Все как прежде — бросит на несколько месяцев без денег и живет в свое удовольствие, а сейчас не хочет найти подход к сердцу сына. Разве это по-отцовски. Хоть и приезжал к нему в Минск, так только пропьянствовал три дня и не поговорил как надо...»*

Начались хлопоты с квартирой. Обещали дать к приезду сына из армии, но не вышло. Потом стали тянуть и тянуть время.

Тетя Паля обращалась во все городские и областные инстанции, объясняя ситуацию, но время шло, никто не отказывал, но и никто не принимал действенных мер. Тогда ей посоветовали написать Хрущеву Н.С. Через несколько дней получила ответ, что ее письмо поступило в приемную Хрущева и по этому письму будут приняты меры.

Через несколько дней т. Палю вызвали то ли в обком партии, то ли в облисполком и сказали, что так долго не давали жилье, потому что хотели дать хорошую, большую квартиру, но раз она пожаловалась, им дано указание из Москвы выделить жилье немедленно, и потому вынуждены дать комнату в коммунальной квартире, правда, большую.

В 1959 г., зимой, т. Паля с Геной приехали к нам в Людиново. Пробыли у нас около месяца. И не только у нас — были и в Косичине, в Куяве, у всех родственников и знакомых. Много встреч происходило и у нас в доме. Я уже не помню точно, кто к нам приходил, но встречи и слезы радости и горя были ежедневно. Помню, что несколько раз была у нас сестра отца Гены — Нина Григорьевна, дядя — Василий Григорьевич, отец — Григорий Григорьевич, С.П.Фомин и еще многие, многие другие знакомые и незнакомые люди.

Очень запомнилось отношение т. Пали и Гены друг к другу. До этого никогда не видел таких отношений. Они боготворили друг друга. Гена носил маму на руках в буквальном смысле. Занятно было видеть, как он выносил маму на руках умываться, к столу, как вечером нес ее и укладывал в кровать. Она отвечала такой же нежной материнской любовью к сыну. И это продолжалось многие годы, пока они жили вместе. Этому я сам свидетель, да и мои ближайшие родственники тоже, так как мы чуть не каждый год ездили к ним в Донецк в гости. Потом Гена женился, стал жить отдельно, но отношение к матери не менялось и не поменялось до сих пор.

Гена сейчас уже на пенсии. Как и все годы, почти ежедневно встречается с мамой, помогает ей во всем, а жизнь на Украине теперь, как известно, очень тяжелая. В последнем своем письме т. Паля, которой уже 81 год, сообщает, что согласилась переехать жить к Гене с женой (детей у них нет), раньше она никак не соглашалась.

Как же сложилась дальнейшая жизнь младшего сына т. Пали — Юры (Карла)? После встречи в 1957 г. с т. Палей и Геной в Эстонии у Юры (тогда еще 17-летнего парня, видимо, засела в душе какая-то заноза, которая заставляла его думать и вспоминать детские годы. Кое-что стал вспоминать, и постепенно закрадывалось сомнение в правдивости слов приемных родителей о том, что он их родной сын. Свои

мысли он скрывал от родителей. Чем старше он становился, тем меньше было сомнений, что те русские — женщина и солдат — его мать и брат. Поделиться своими мыслями, посоветоваться было не с кем. Но вот в конце 1962 г., прослужив почти 2 года в армии (служил в строительных войсках в г. Чехове), поделился пережитым с друзьями.

Друзья-солдаты тайком от Юры через Донецкую милицию узнали адрес т. Пали и Гены и написали им письмо, где сообщили, что их сын и брат служит в армии, дали точный адрес воинской части и т. д.

Сначала, после получения этого письма и адреса, к Юре в воинскую часть поехал Гена. Через некоторое время поехала и т. Паля. Вот ее письмо непосредственно из части: *«...Пишу вам, сидя за одним столом с Юриком. Сообщаю, что приехала к нему и уже второй день здесь. Мы о многом поговорили по душам. Он так хорошо меня принял, обрадовался встрече со мной. Говорит по-русски хорошо, но пишет плохо, да это и не так важно, даже наши люди не все пишут и говорят правильно на своем родном языке, а ему простительно... Я не могу сказать, какие у него будут чувства к нам с Геной после встречи. Это все решит время, а сейчас только одно — это терпение. Он сам еще пока не разобрался, что ему делать... Пусть он сам решит, что ему предпринять, а я не могу решать за него этот жизненно-сложный вопрос. Я не хочу обидеть его сейчас, когда он говорит, что у меня сейчас две мамы. Пусть будет так. Я не против. Они его вырастили достойным — он не забыл ни меня, ни их...»*

После этой встречи у них началась переписка. Узнав от мамы наш адрес, Юра стал писать и нам, хотя нас никогда не видел. До конца службы несколько раз приезжал к моей сестре в Калугу; которая там живет с 1962 г. В конце 1963 г., после окончания службы, захав в Калугу за моей сестрой Ларисой, приехал к нам в Людиново, как и обещал в письмах.

Погостил у нас две недели. Нас очень удивляло, что такой наш близкий родственник, а разговаривает, как иностранец, с большим акцентом, иногда даже мы его не могли понять. Несколько раз он заводил разговор о том, как поменять свое имя и фамилию на настоящее. Мы все звали и зовем его Юрой. Только на конвертах пишем — «Приделю Карлу Юхановичу».

Снова были встречи с родственниками, знакомыми мамы, с настоящим отцом и всеми Корнеевыми. Показали его настоящую родину.

После двухнедельного пребывания в Людинове (Сукремле) Юра со своей тетей Раей (моей мамой) поехал в Донецк к матери и брату, где пробыл около месяца. Как показало время, все для него, кроме близких ему — мамы, брата и других родственников, было чужим. И уклад жизни его не очень устраивал. Да к тому же приемные родители, зная его отношение к хозяйству, технике и вообще к собственности, к окончанию службы купили ему большой двухэтажный дом в г. Валге, мотоцикл с коляской и все остальное для ведения тамошнего хозяйства. Юра решил ехать жить все-таки в Эстонию на свою вторую родину.

Но все эти встречи с родиной, родными, родственниками наложили определенный отпечаток на его дальнейшую жизнь: стал постоянно переписываться с мамой и братом, многими родственниками, его стало все больше тянуть к общению с русскими людьми. Через некоторое время после возвращения из армии Юра поступил на сверхсрочную службу в воинскую часть, расположенную в Валге, где прослужил до конца 80-х годов. Уволился в звании прапорщика. Когда поступил на сверхсрочную службу, писал в Донецк маме с братом, что пошел на это ради того, чтобы быть в русской среде (часть была ракетная, в которой служили почти все русские), выучить лучше русский язык, а то даже стыдно — русский, а языка не знает.

Когда отец-эстонец вышел на пенсию, Юра забрал родителей жить в город к себе. В конце 60-х годов женился. Жена — Хельги, у которой отец русский, а

мать из псковских эстонцев. У них сын — Хыдрек, которому около 25 лет.

Отношения с приемными родителями у Юры складывались не совсем хорошо. После возвращения в Эстонию в 1963 г. и последующие годы велась интенсивная переписка с русскими родными и родственниками, что очень не нравилось приемным родителям Юры. Возникали конфликты. Когда после свадьбы в семью пришла Хельги — учитель по образованию, работник районного отдела культуры, то есть современная культурная женщина, то она полностью была на стороне Юры и сама давала отпор родителям. Ее возмущало, что они так ревностно относятся к родной матери и брату мужа.

Однажды конфликт все на той же почве перерос в скандал и Юра, забрав жену и ребенка, вынужден был уйти из дома. Через некоторое время получили квартиру от воинской части. Так жили отдельно от родителей несколько лет, почти с ними не общаясь. Потом умер отец. Все работы по дому опять легли на плечи Юры, хотя жили отдельно.

Начиная с 1963 г., Юра почти каждый год гостил у матери и брата в Донецке, иногда с женой и сыном. Бывал и в Людинове, правда, всего два раза — в 1963 г. и в 1988 г. Отношения с родными и родственниками очень хорошие. В Эстонии в гостях у Юры были многократно т. Паля, Гена, моя мама. До отделения Эстонии от России переписывались почти со всеми родственниками. Сейчас это стало затруднительно. Что касается т. Пали и Гены, то после 1959 года т. Паля больше в Людиново не приезжала. А Гена приезжал сюда часто, поддерживал очень хорошие отношения с родственниками по линии отца. Особенно близок был с Ниной Георгиевной. Приезжал с женой на ее похороны и похороны отца. Сейчас уже не работает — пенсионер.

Вот такая судьба моей тети Лукашковой Апполинарии Ивановны и ее детей, исковерканная войной, трудная, порой страшная, но заслуживающая уважения.

В описании этой истории мною использованы архивные документы, воспоминания моей мамы и других близких родственников; свои собственные воспоминания, формирующиеся еще с детства; письма, подчас слишком откровенные, но считаю, необходимые для понимания всей глубины данной семейной драмы с в общем-то счастливым концом.

Племянник Лукашковой А.И.

В ПОСТОЯННОМ СТРАХЕ

Лысый Иван Степанович

Род. в дер. Удалевке Гомельской области, проживает в г. Сухиничи.

Я родился в Гомельской области в деревне Удалевке. Семья наша была небольшая: отец, мать, я и младшая сестра. Наша деревня была большая и богатая. Началась война, отец ушел на фронт, мать осталась с нами. Когда немцы заняли нашу область и наш район, они в деревнях грабили, убивали скот, жгли дома. И это было в каждом населенном пункте, в каждом доме устраивали разбой. Если кто сопротивлялся, то немцы не щадили — убивали на месте. Были и среди наших предатели, которые служили полициями. Некоторые свирепствовали хуже, чем немцы. В каждом жителе деревни полицаи видели партизана, поэтому очень часто проводили карательные мероприятия. Мы жили постоянно в страхе.

В 1942 г., зимой, в район прибыл немецкий карательный отряд по уничтожению партизан, но у них ничего не вышло, так как партизаны ушли в другие леса, их вовремя предупредили. Немцы обозлились, выгнали жителей деревень из домов в сараи, подвалы, где мы стали жить. Я с сестренкой находился в

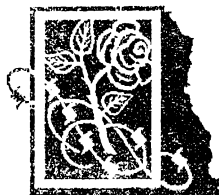
подполье, было холодно, страшно, и сестра все время плакала. Тогда нас достали из подполья и разрешили спать на печи.

Партизаны поймали бургомистра, у которого нашли список, кого надо было расстрелять. В этом списке и наша семья была. В июле 1943 г. нашу деревню немцы окружили, приказали все выносить из домов и выходить всем на улицу. Полицаи помогали немцам нас выгонять: палками, прикладами гнали людей. Нас всех согнали в соседнюю деревню, загнали в большой колхозный сарай. Собрали людей из трех деревень и не выпускали. Немцы охраняли с пулеметами и автоматами. Мы все ждали смерти. Было страшно. Дети плакали и кричали. Еле дождалась утра, а утром немцы сортировали людей: молодых и детей — в одну сторону, стариков — в другую сторону. Потом стариков отпустили, а нас построили в колонну и погнали в сторону г. Речица. Сорок километров нас гнали без пищи и воды, подгоняли резиновыми дубинками и нагайками. Пригнали нас на железнодорожную станцию, погрузили в товарные вагоны и повезли. Было душно, тесно, спали сидя, кормили нас какой-то баландой из брюквы.

Привезли нас в Германию в г. Дрезден, где распределили по хозяевам, а кого — работать на фабрику, завод. Маму и меня с сестрой забрал к себе хозяин. У него уже работала польская семья (шесть человек). Хозяйство было очень большое, работали по 12—14 часов и взрослые, и дети. Работали много, но не голодали. Когда стали приближаться наши войска, хозяин уехал за Эльбу к американцам, так как он очень боялся русских. Нашу семью он взял с собой. Долго мы ехали, но до Эльбы не доехали, нас освободили наши войска. Радости не было предела, мы смеялись и плакали. Нашего хозяина русские воины не тронули, и он решил поехать домой. Мы тоже поехали с ним, забрали кое-какие вещи, а потом стали пробираться домой.

В деревню мы приехали в июне месяце, но нашли только разрушенную печь, дом наш сожгли. Но мир не без добрых людей, нас приютили. Вскоре вернулся с фронта отец. Он был ранен. Мы стали строить дом.

В 1954 г. я поехал работать на шахту г. Узловая Тульской области. Потом по комсомольской путевке строил дорогу Абакан-Тайшет. Много пришлось поехать, строил даже Ташкентское метро. В 1992 г. приехал в Сухиничи на строительство автозавода, который, к сожалению, так и не построили. Здесь получил однокомнатную квартиру. Есть у меня дети и внуки, которые теперь живут отдельно от меня.

ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Майоров Иван Петрович

Проживает в г. Кирове, Калужской области. Председатель Кировского отделения Союза бывших малолетних узников фашизма.

Воспоминания о детстве остаются на всю жизнь. По моей жизни в раннем детстве черной чертой прошла страшная трагедия — довелось быть узником концлагеря. Мне трудно вспоминать то, что врезалось в память до самой смерти. Еще труднее рассказывать об этом кому-либо. Делаю это во имя тех, кто погиб за колючей проволокой от истощения, издевательств или был сожжен в печах крематория. И еще хочу, чтобы подобное никогда и нигде не повторилось.

В 1942 году нашу семью вместе с другими фашисты погнали в Рославльский лагерь Смоленской области. Это было лишь начало пути, закончившегося для многих смертью. Дальше шла дорога в Германию, и пролегла она через Белоруссию. Здесь в городе Кри-

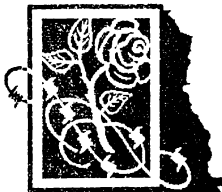
чев был расположен лагерь на реке Березина, затем были перевалочные лагеря в городах Бобруйск, Минск, Барановичи, ст. Слоним, лагерь Лесная деревня Яворь. Были в концлагерях под номерными знаками 307—317.

Что пришлось пережить в каждом лагере, названия которых навсегда врезались в память, и в пути? Как описать тот страх и ужас, который видел каждый день? Взрослых заставляли копать траншеи. Мы находились рядом. Охраняли нас с собаками. Помню, однажды появились в небе два самолета и хотели, наверное, нас отбить. Начали немчуру косить из пулеметов. Все стали прятаться в траншею. Рядом со мной сидела тетка Марья. Вдруг на нас, прямо тетке на голову, попадает немец. Тетка Марья, из-под немца просит его, задыхаясь, «Пан, а пан, милый, слезь с меня, ты меня задавил». Поднимаю голову посмотреть, что сейчас тетке Марье будет: то ли по голове удар, то ли освобождение. А немец-то мертвый. Вот это была радость! У нас словно сил у всех прибавилось. И надежды на то, что когда-нибудь наши нас обязательно освободят.

Страшно вспомнить санобработку. Раздели донага. Одежду — в газовую камеру, а нас обмазали вонючим раствором. Теснота, вода холодная льется со стен, с потолка, дети падают на бетонный пол. В этой «бане» держали нас три часа. Когда открыли дверь и выпустили из нее — на полу осталось 20 мертвых детей.

Нас не считали за людей. Даже со скотом так не обращаются, как обращались с нами. Около города Минска нас выгрузили в открытый лагерь, обтянутый проволокой. Охрана с собаками. Но чтобы исключить побег — подключили ток к проволоке. Дети в концлагере оставались детьми, хотелось все потрогать, и об осторожности не думали. В результате убило током несколько детей и матерей, которые пытались снять детей с проволоки. В баланду-суп добавляли отраву: многие умирали. Трупы закапывали в землю и жгли в печи.

Преступление против человечества, совершенное нацистами, должны помнить люди во имя жизни и во имя памяти безвинно загубленных жертв фашизма. 11 апреля — это день скорби и предупреждения: такое не должно повториться!

ПУТЬ В ГЕРМАНИЮ

Мацегори (Носорогова) Вера Архиповна

Род. в с. Полюдово Жиздринского района, прож. в пос. Середейск Сухиничского района.

Родилась я в Жиздринском районе, с. Полюдово. Когда началась война, мне было семь лет, но о войне я помню многое, что с нашей семьей произошло.

В 1942—1943 гг. в нашем селе немцы появлялись время от времени. Постоянно их не было. Появлялись, чтобы забрать у жителей села яйца, кур, свиней, и все, что можно было забрать. Мы жили недалеко от ст. Зикеево, которую бомбили и днем, и ночью.

В 1943 г. немцы выгнали нас из наших домов, построили в колонну и погнали. Куда, мы не знали. Вместе с нами гнали коров и лошадей. Сопровождали нас немцы с собаками и с резиновыми прутьями. Наши самолеты бросали листовки, чтобы мы отошли подальше от немцев. Немцы читали эти листовки и сделали так, чтобы ни один человек не смог уйти. Так и гнали нас до Брянска, в концлагерь, в котором мы содержались как узники три месяца. В лагере мы испытали все муки ада, нас унижали, называли «русские свиньи», морили голодом.

Из Брянска погнали нас в Литву, в лагерь г. Алитус, за колючую проволоку. В этом лагере было все так же, как и в Брянске. Еду давали один раз в день — гороховый суп, иногда давали картошку. Люди болели. Были

случаи заболевания сыпным тифом. Наша семья тоже болела. Семья была очень большая — две сестры со своими семьями и нас шесть человек: отец, мать и четверо детей.

Мы, шесть человек, попали в Германию. Там было очень плохо и тяжело жить. Лагерь был закрытый в г. Бохуме. В этом лагере были военнопленные и иностранцы. Гражданских туда не допускали. Охраняли пленных узников немцы.

В нашем лагере был военный завод. Все взрослые работали на этом заводе. За малейшую провинность и без нее людей жестоко избивали, издевались над ними, подавляли их волю, превращали в бессловесный рабочий скот. Как все узники в этом лагере, мы носили деревянные колодки-дощечки, которые закреплялись ремешками. В такой обуви ходить было тяжело. У каждого из нас на груди был лагерный номер, который выбивался на дощечке. Когда мы были в Литве, немцы отбирали детей с голубыми или серыми глазами и светлыми волосами. Заманивали их музыкой, шоколадом. Мы, дети, ничего не подозревали, для чего они это делают, и убегали от своих родителей. Немцы нас ловили как доноров. У многих детей взяли кровь. Но мы этому испытанию не подверглись, мы были все время с родителями.

Моя сестра 1927 г.р. работала на заводе. Ее часто били за то, что она не хотела работать крановщицей. Она часто портила детали для танков, за это ее и били. Отец тоже там работал. Все видел, как бьют дочь, но помочь не мог. Очень тяжелое время было для нашей семьи и всех узников, которые были в концлагерях.

В 1945 г. нас освободили американцы. Какое это было счастье! Мы свободны, мы больше не рабы! Домой мы приехали в августе 1945 г. Деревню нашу сожгли немцы в 1943 г. Но жизнь продолжалась, и потихоньку стали обживаться.

Война, фашистская неволя оставили глубокий след в наших душах. Мы не знали детства, приобрели болезни. Очень тяжело вспоминать, что нам и всему нашему народу пришлось пережить в военное лихолетье.

ВЕЧНЫЙ УЗНИК

Мельников Анатолий Иванович

1936 г.р., ур. д. Барановка Юхновского р-на Калужской области, проживает в д. Барановка

Встретился я с ним почти сорок лет тому назад. В самом начале весны 1962 г. Тогда бюро обкома комсомола только что рассмотрело итоги социалистического соревнования комсомольских организаций совхозов за четвертый квартал минувшего года и за весь год в целом. И победителем признало комсомольскую организацию Юхновского совхоза «Беляево».

В «Беляево» сразу же выехала бригада «молодежи» в составе самого редактора Владимира Амеличева, фотокорреспондента Льва Петрова, художника Михаила Рудакова и меня, в то время возглавлявшего отдел сельского хозяйства газеты. Совхоз оказался в глуши лесов и в почти замкнутой петле красавицы Угры.

Вернувшись из поездки в совхоз, мы с В.Амеличевым написали очерк на две газетные полосы «Когда зацветают сады». Фотокорреспондент Л.Петров иллюстрировал его своими фотографиями, а художник М.Рудаков — рисунками. Позже весь этот материал вошел в литературно-художественный и публицистический сборник «Земляки», выпущенный Калужским книжным издательством. Теперь это библиографическая редкость и наша история.

И вот теперь скажу о нем, моем герое очерка. Это Анатолий Мельников. А при чем здесь он? Да при том, что как раз и был вожаком беляевской молодежи. Боевой, напористый...

Весной 1996 г. получаю письмо от А.Мельникова. Но уже не из угорского Беляева, а пригородной юх-

новской деревеньки Барановка. И вот что он мне писал: *«Трофимыч! Пишу тебе в чистый четверг, дабы мысли были чистыми, накануне праздника Воскресения Христова, а поэтому прими мои самые искренние поздравления и пожелания. Христос Воскресе!*

А пишу тебе, чтобы не только поздравить с праздником и пожелать всех благ в этой нелегкой жизни, но и рассказать о ситуации, которая задела меня за сердце.

Мы, дети войны, не видевшие детства, сидевшие в концлагерях, в своих провинциях ощущаем все «прелести» нынешней жизни в стране. Как и во многих областях, многие мирные калужские жители были временно оккупированы немецкими фашистами и частично угнаны в Германию, а часть семей была помещена в концлагеря на территории Белоруссии, Смоленской и других областей. Были угнаны и многие семьи моего Юхновского района, а две деревни — Савенки и Харенки — вообще исчезли не только с карты, но и из архивов и истории Калужской области.

Нынешнее германское правительство пошло на то, чтобы выплатить компенсацию вышеуказанным жителям оккупированных регионов из расчета 30 марок в месяц. Об этом, кстати, было написано в твоей газете «Знамя» за 26 января заместителем председателя комитета по союзущите.

Но вот что, Трофимыч, главное, многие малолетние узники (их, кстати, остается все меньше — умирают), ранее оформившие документы, компенсацию получили, а те же, кто оформлял в конце 1995 г., в начале 1996 г. — не получили даже стартовой суммы, им отказали. У меня лично сестра получила, а мне — шиш, хотя были всюду вместе одной семьей». Читал я и перечитывал письмо Анатолия и диву давался. И горькие мысли роились в голове. Вот тебе и раз! Сколько лет знались, сколько раз виделись, а то, что он был узником фа-

шистских концлагерей... Он — Толька Мельников боевой комсомольский вожак... Он — Анатолий Мельников, впоследствии вожак белаяевских коммунистов... Волевой, веселый, гордый...

Да, как говорится, ни сном, ни духом не знал я тогда ту беду Анатолия Мельникова. Да в ту нашу счастливую пору рывков вперед к коммунизму и больших светлых надежд мы многого не знали. Как не знаем еще больше сейчас. Причем куда горшего. И, пожалуй, еще и поэтому «Знаменка» стала активно воевать с чиновниками власти за лучшую долю бывших узников фашистских концлагерей.

С большой военной беды, можно сказать, началась и продолжается беспокойная, крутая жизнь Мельникова. Родился он в 1936 г. в юхновской деревне Харенки, которой, по его словам, нынче и на свете нет. Лишь в памяти еще живых людей осталась. А уйдут из жизни они, уйдет и память о ней.

Когда в Харенку пришли немцы, отца, Ивана Кузьмича, уже с семьей не было. Под Старой Руссой с врагом воевал. Вернулся потом израненный. Но не в Харенку. Семьи тут уже не было. Ее немцы угнали. В марте, в самую непогоду. Было их шестеро. Мать, Прасковья Андреевна, бабушка Анастасия и четверо детей, мал мала меньше — Анатолий, два брата и сестра. В дороге оба брата умерли.

— Еще с нами тетка Нюша была. Тоже с четырьмя детьми, — рассказывал мне Мельников. — Первый концлагерь был недалеко, в Рославле. Второй — под Кричевом. Это уже Белоруссия. Освободили нас наши только в ноябре 1943 г. Считай, полтора года были в неволе.

— Домой вернулись?

— Да как тебе сказать? Куда было возвращаться-то? Все война разрушила. Все семьей завербовались на Сахалин. Оттуда и в армию ушел. Но вот вернулся уже на родную Юхновскую землю. Отец с матерью жили уже в Барановке. Отец работал лесником.

— А как же попал в Беляево?

— Когда я закончил Боровское СПТУ, работал в Юхновской МТС трактористом. По путевке комсомола был направлен в совхоз «Белыево». Там меня избрали секретарем комсомольской организации. У меня было свыше ста комсомольцев. Да еще несоюзной молодежи сколько было. Знамя ЦК комсомола держали. До сих пор еще удостоверение лежит. Как передовика. В Белыево добил 11 классов. Поступил в Тимирязевку. Поступил очно, а закончил (пошли хрущевские перемены) заочно. По специальности — общая агрономия. Тогда же в Костромской сельхозинститут махнул на курсы работников кадров.

А все же интересно вспоминать то наше время, те наши «великие» потрясения, выдвижения, передвижения, задвижения...

Особенно потянули из Мельникова жилы последние годы. В 1994 г. похоронил мать, Прасковью Андреевну. В 1997 г. схоронил отца, Ивана Кузьмича. Вернувшись со всех своих дальних работ жить в родную Барановку, Мельников был и общественным охотинспектором, и общественным инспектором рыбнадзора.

Тут еще напасть случилась. Жил он теперь в отчей Барановке, по его словам, между небом и землей. Сама Барановка под самым боком у Юхнова. На выезде к Зайцевой горе. И относится к Юхнову. Только вот что непонятно. Одна ее улица, Льнозаводская — городская, другая улица, Барановская — колхозная. И вот что от этого происходит.

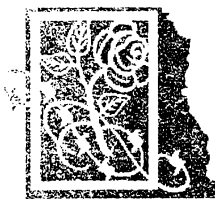
— Я живу на Барановской стороне, — говорит Мельников. — Но сам не колхозник. А раз улица колхозная, я и не городской. Когда оказался без работы, меня не ставили на учет по труду. Первое. И второе. Самое интересное. Раз я не колхозник, хотя всю жизнь проработал в сельском хозяйстве, то приусадебного участка в 15 соток не имею. Хотя дом, который купил отец с матерью, имел 25 соток.

— Куда делись?

— Самозахватчики. И я теперь в результате неразберихи имею всего 7 соток вместе с постройками. Все

эти годы хлопочу, ищу справедливость. Да разве ее нынче в России найдешь? Так что, Трофимыч, как был я узником в детстве, так и остался. Вечный узник я. Выходит, погибшим у нас вечная память, а нам, живым узникам — вечные муки... Выходит что так.

Записал Владимир Анпилов.

И ЭТО ДЛИЛОСЬ ЦЕЛЫЙ ГОД

Мирошкина (Крысина) Нина Семеновна

г. Белоусово Калужской области

С 1941—1942 гг. наша деревня переходила от русских к немцам и обратно. Деревню превратили в пепел. Много было убитых и наших, и немцев. Перешагивали через трупы, как через снопы соломы. И это длилось целый год.

В наш дом попала бомба. Дом загорелся, и в нем сгорел наш дедушка. То, что у нас творилось целый год, знаем только мы, жители деревень, которые находились вдоль дороги от Козельска до Ульянова. По реке плыли убитые люди, кони, коровы. Вода была красная. Была такая страсть, а в печати почти никакой информации про наш Ульяновский район. Калужская область была самая передовая. Все было заминировано. Деревни, которые находились на берегу реки Витебь до реки Жиздра: Дурнево, Долгое, Речица, Слободка, Жуково, Белый Камень, Перестраж, Дретово — были передовой линией фронта. Здесь проходили страшные бои. С 13 августа 1942 по июль 1943 мы только где не были, то у немцев, то у русских.

Потом в июне 1943 г. нас отправили в Эстонию в концлагерь Клоого. Из Клоого нас перегнали в концлагерь Пилькуль. В этом лагере много людей умерло.

Сидели голодные, холодные и больные. Рядом лежали трупы до разложения. Дети ходили побираться. Мы знали всех охранников. Кто хороший, а кто плохой. Когда дежурили хорошие надзиратели, они нас, детей, пропускали под проволоку. Кто что подавал. Кто кусочек хлеба, кто свеклу, кто даже накормит и с собой дадут. Люди с нами делились.

Я была ранена в ногу, и меня собаки покусали. А дело было так. Пошла я побираться. На меня набросились три собаки. Я стала кричать. Хорошо хозяйка услышала и отогнала собак. Она меня проводила до концлагеря.

В 1944 г. нас освободили советские войска. В 1945 г. мы вернулись на Родину в деревню, на пепелище. Кушать было нечего. Кто раньше вернулся и вырастил картофель, давали нам очистки, и мы из них делали ватрушки. Весной собирали на полях мерзлый картофель и пекли «тошнотики» — это такие блины. Из крапивы варили супы. 1945 г. был для нас не лучше концлагеря, но здесь было хотя вволю воды.

В 1956 г. я вышла замуж тоже за узника фашизма Мирошкина Александра Яковлевича и до сих пор живем вместе в г. Белоусово Калужской области.

НАМ ЭТОГО НЕ ЗАБЫТЬ

Митрохина (Овчинникова) Мария Семеновна

г. Киров-2 Калужской области

Давно отгремела Великая Отечественная война, а иногда, как будто вчера, встает перед глазами эта длинная-длинная колонна по большаку, которую немцы гнали в сторону Рославля. Я была еще ребенком, но некоторые моменты помню очень отчетливо.

У нас была большая семья, во главе которой был мой прадед, всего 8 человек: бабушка, тетя, которой было 17 лет, дядя — 15 лет, моя мама и трое детей. Я не помню, где это случилось, только это был мост через большую реку. У прадедушки отобрали лошадь, на которой мы ехали, и он запряг корову, но она никак не хотела идти в упряжке, а поэтому нам, детям, пришлось идти пешком.

Вот нас пригнали в г. Рославль, где начали сеять: молодых девчат и ребят в одну сторону, а стариков и малых детей в другую. Так наша семья уменьшилась на одного человека, от нас забрали мою тетю Коршунову Александру Федоровну 1926 г.р., нашу «Шурочку». Я хорошо помню, как моя бабушка Коршунова Федосья Васильевна нечеловеческим голосом кричала и не отпускала Шурочку и как немец отшвырнул ее в сторону, а тетю толкнул к колонне молодых. Это было в августе 1943 г.

Я была очень смелым ребенком, и мой прадед, отрезав ломоть хлеба, послал меня к колючей проволоке, где находились наши советские военнопленные. Я не дошла двух метров до проволоки, меня сбила овчарка. (Нас охраняли немцы с собаками около лагеря № 130, лагеря смерти.) После этого случая я не разговаривала целый месяц, мама боялась, что я останусь немой, но через месяц у меня появилась речь.

Мы, дети войны, потеряли много родных: у меня погиб отец Овчинников Семен Ефимович, погиб 5 января 1943 г., когда еще немцы занимали нашу деревню и наши дома, а 25 июня 1944 г. погиб мой дядя Коршунов Петр Федорович в д. Пиньковичи в Пинских болотах, а у нас война отобрала здоровье.

Я — инвалид 2-й группы, и иногда больно слышать, когда говорят злые люди, что мы нигде не были. Два года жить в голоде и страхе, так как два года нашу деревню занимали немцы, а потом этих два месяца в Рославльском лагере, и эта канонада, которая слышна в ушах до сих пор, и длинная дорога домой по трупам людей и животных, когда наша доблестная Советская Армия освобождала нас.

А придя домой, мы нашли сожженные дома, и имущество, которое оставалось. Нам помогли выжить наше детское мужество и наши дорогие любимые мамочки. Моя мать, Овчинникова Матрена Федоровна, оставшись вдовой в 32 года, так и умерла вдовой, всю себя она отдала нам, детям, которых вырастила достойными.

ТЯЖКИЙ ПУТЬ ИЗ ДОМА ДОМОЙ

Михайлов Евгений Николаевич

1931 г.р., ур. г. Витебск, проживает в г. Калуге

Когда началась война, мне шел десятый год. Я успел окончить два класса школы в г. Витебске (Белоруссия). Отец, Николай Михайлович, работал на железной дороге и перед войной был откомандирован в Западную Белоруссию. Мы с мамой, Еленой Иосифовной, оставались в Витебске. С начала войны мама, помимо основной работы, дежурила в эвакогоспитале на железнодорожном вокзале. Обычно она брала меня с собой (особенно когда начались бомбардировки) или оставляла у родственников рядом с вокзалом.

Возвращения отца мы так и не дождались. Когда стало понятно, что наши войска оставляют город, мама попыталась уехать с последним санитарным поездом, но с ребенком ее не взяли. Домой попасть не удалось, так как квартал был оцеплен и дома взрывали. Тогда в чем были, не сумев взять необходимых вещей, мы пошли пешком в сторону Смоленска. Витебск горел.

Далеко нам уйти не удалось. Немцы ворвались в город 9 июля 1941 г., и уже на следующий день настигли нас. В городе еще шел бой. Некоторое время мы прятались в овраге, а потом вернулись в Витебск. Нашего дома уже не было. Поселились в уцелевшем

пустующем деревянном доме (до войны там жили военные).

Началась кошмарная жизнь в оккупированном городе. Даже в деревнях люди голодали, а каково было в городе! В комнате, где мы поселились, оставалась кое-какая старая одежда, которую мы меняли на еду. Но очень скоро не осталось ничего.

Дальше — ужасный голод, цинга, опухшие ноги, болезни, отсутствие сил, холод и отчаяние, попытки добыть пропитание.

Изредка помогали знакомые, иногда удавалось немного заработать или просто найти что-нибудь в помойке. А еще страх: чуть ли не ежедневные бомбардировки, жесточайший режим, установленный оккупантами, облавы и т.п. Выбитые во время бомбардировки окна были забиты досками, одна стена отошла, а потом была подперта бревном. Топить печь было нечем.

Зимой 1942 г. случился пожар. Я, как обычно, лежал дома, укрывшись оставшимся тряпьем, а мама ушла добывать еду. Соседи случайно обнаружили и вытащили меня из горящего дома. Нас приютили довоенные знакомые, собрали кое-какую одежду.

А вскоре мама заболела сыпным тифом. Ее увезли, а потом сообщили мне, что она умерла. Я не мог больше оставаться у этих добрых, но тоже голодающих пожилых людей. Ушел и стал «бомжом», как теперь говорят. Вместе с несколькими такими же ребятами отчаянно боролся за выживание. Попал в облаву и был отправлен в приют. Здесь плохо, но кормили, и была крыша над головой. Однако нещадно секли за любую провинность. А еще учили белорусскому языку по букварю (был такой издан), в основу которого была положена латиница — польский алфавит.

После одной суровой порки сбежал. С трудом разыскал свою тетю, которая жила в деревне. Чуть легче стало. Потом дошел слух, что мама выжила и ищет меня. Вернулся в город, разыскал ее. Жили на крохотной кое-как утепленной веранде. Иногда удавалось

немного подработать, но в основном все тот же голод, холод, болезни и страх.

В конце 1943 г. вместе с другими людьми немцы вывезли нас в какую-то деревню, потом — в другую, а в начале 1944 г. мы оказались в концлагере в городе Гдыня (Польша). Пробыли там недолго. Помню сквозь проволоку из лагеря были видны вдалеке большие корабли, но моря я так и не увидел. Вообще, этот период вспоминается как в тумане: из-за пережитых невзгод, а также контузии, полученной еще в Витебске во время бомбежки, у меня были сильные головные боли, снять которые не удавалось. А обратиться за помощью было опасно, так как это грозило уничтожением.

Из Гдыни нас отправили в концлагерь в польский город Торунь. Лагерь большой, бараки были новые (доски чуть потемнели). Помню, как мы, дети, конопатили и заклеивали окна в бараке. Потом в барак был пущен газ для уничтожения насекомых, а мы провели какое-то время под открытым небом. Нас тоже «обработали».

Однажды вместе с несколькими узниками нас отправили работать на ферму. Но, вероятно, это было сделано незаконно, ибо недели через две приехала полиция, и после скандала с хозяином, нас водворили опять в тот же лагерь.

Я не описываю здесь условия жизни в лагерях, они везде были одинаковые: голодное существование с миской похлебки из брюквы, теснота на нарах и в бараках, болезни, тяжелый труд: жесткий режим и наказания.

Весной или в начале лета 1944 г. нас с большой группой отправили в Германию, город Вупперталь. Были ли строения в лагере — не помню, но нас поместили среди развалин домов. Кому-то повезло устроиться в подвалах разрушенных домов или под прикрытием остатков стен, мы же сами строили себе шалаши впритык один к другому из подручного материала, который удалось найти в развалинах. В это «жилище» можно было вползти и лежать. Помню,

шли дожди. Под настилом шалаша постоянно журчала вода, одежду просушить было негде. Работали на расчистке развалин.

Летом 1944 г. в составе большой партии узников нас привезли в город Веймар (Тюрингия) на распределительный пункт. Не знаю, как он назывался официально, но это был, в сущности, невольничий рынок. Расположен был в центральной части города во дворе между жилыми домами. В одном из домов на первом этаже было большое помещение с двухэтажными нарами и голыми досками. Туда нас загоняли только на ночь, а весь день мы проводили во дворе, так как в помещении было невыносимое количество блох. Здесь же нас, как лошадей, осматривали и отбирали многочисленные покупатели.

Мы попали к бауэру в деревню Ольберслебен, примерно километрах в 15—18 от Веймара.

Семья состояла из хозяина, его жены и двух сыновей (младший — моего возраста). Кроме нас было еще двое русских: пожилая женщина и военнопленный. Жили на чердаке сарая. Занимались полевыми и хозяйственными работами от темна до темна. В мои обязанности входило ухаживать за свиньями. Боялся я этих злых огромных зверей и... старшего хозяйского сына. Кормили так, что всегда не хватало. Но тут немного «выручали» свиньи: «делились» кое-чем из своего рациона.

Через некоторое время мы оба с матерью заболели. Хозяин отвел нас и ту женщину на распределительный пункт, на этот раз мы пробыли здесь довольно долго: никто не хотел таких хилых брать. Это для нас могло плохо кончиться (Бухенвальд рядом). Но нам повезло: «купцы» взяли большую партию «товара», в которой мы и затерялись.

Привезли нас в имение барона в деревню Денштедт, приблизительно в пяти километрах от Веймара. Здесь работало много людей разных национальностей из разных стран. Работать заставляли много, а кормили плохо. Из-за конфликта с управляющим несколькими человек (в том числе нас) увезли и помести-

ли на огороженную колючей проволокой площадку без строений, где было еще много невольников. Но уничтожить не успели, так как буквально через день, шел 1945 год, нас освободили американские войска.

Мы вернулись в Денштедт и еще пробыли там какое-то время. Мама болела. Когда в Веймаре был организован лагерь для репатриантов, в котором распоряжались советские офицеры, мы отправились туда. Здесь начали понемногу откармливать, проводили собеседования, проверку, а затем отправили на Родину. Ехали долго. В пути нас пересаживали из эшелона в эшелон, сортировали.

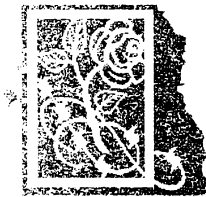
Наконец, 1 августа 1945 г. прибыли в Витебск. Здесь уже находился отец, вернувшийся из эвакуации, первые послевоенные годы в полностью разрушенном городе были трудности, но мы были счастливы: выжили и были дома.

В найденных архивных документах содержатся далеко не все данные о нашем пребывании в неволе. Я попытался лишь вкратце изложить то, что сохранилось в памяти. Многое могла бы дополнить и уточнить мама, но она умерла до того, как оказались востребованными воспоминания о том страшном времени. Не описываю здесь многие драматические события, очевидцем и участником которых был, иначе это вылилось бы в очень большой объем.

В дальнейшем, поскольку я работал на режимных предприятиях, часто приходилось писать и отвечать на вопросы о пребывании в неволе. Я никогда ни о чем не умалчивал. Правда, был «невыездным». Такое было время!

Послевоенная жизнь сложилась вполне благополучно. Окончил 7 классов, техникум, отслужил три года в армии, окончил институт, женился. У меня была очень интересная работа, прекрасная семья. В 1961—1978 гг. жил с семьей в Омске, с 1973 г. — в Калуге. В 1991 г. вышел на пенсию. Инвалид второй группы.

С 1992 г. принимаю активное участие в движении бывших малолетних узников фашистских концлагерей.

ОСКОЛОК В ПЕЧЕНИ НОСИЛА 42 ГОДА

Морякова (Архипова) Нина Николаевна
1938 г.р., ур. д. Мойлово Хвастовичского р-на Калужской обл., проживает в г. Обнинске

Воспоминания о днях плена со слов моей матери, Архиповой Прасковьи Никитичны 1913 года рождения, ушедшей из жизни 28 декабря 1990 года.

В октябре 1941 г. в наше село Мойлово Хвастовичского района Орловской области вошли немцы. Прорехали на технике, прошли село, сожгли несколько домов, расстреляли нескольких жителей...

Самое страшное было в январе 1942 г.: сплошь горело, убивали, сжигали заживо, бросали в колодцы на штыках детей. Вместе с соседями и родственниками мы находились в подвале. К нам ворвались немцы, дали команду всем выйти, осмотрели всех, а были здесь женщины, дети и один старик. Нас толкнули в подвал, все попадали, давя друг друга. В подвал спустился немец, отстегнул гранату и плотно за собой закрыл дверь. Результат взрыва: убито несколько человек и все оставшиеся в живых получили ранения и контузии.

Мою мать ранило в ногу, в возрасте трех лет и шести месяцев я получила осколочное ранение. Осколок в два сантиметра находился в области печени 42 года, который умелые руки хирургов извлекли в 1983 году.

Мы были разуты, раздеты, все наше хозяйство с домом сгорело. Нас в тяжелейшем состоянии, с наступлением темноты вынесли жители села в оставшуюся хату, где можно было только стоять, вот сколько было здесь людей.

Через несколько дней нас немец погнал из села, не знали мы, куда нас гонят, кто не мог идти — пристреливали. Часть нашей большой семьи оказалась в этой колонне: моя бабушка, Трусова Анна Даниловна 1891 г.р., моя тетя, Трусова (Горох) Александра Никитична 1930 г.р., моя мать Архипова (Трусова) Прасковья Никитична 1913 г.р., моя сестра Архипова Валентина Николаевна 1943 г.р.

Мою раненую мать и меня вывезла на санках бабушка. В эти страшные январские дни 1942 года наша семья была растеряна, и до 1944 года не знали две матери о потерянных детях: двух детях бабушки и сыне моей матери.

Под прицелом автоматов и под лай собак у нас, голодных, после тяжелых ранений, полуразутых и полураздетых, начался наш плен. Никто не знал, почему нас перегоняли из деревни в деревню по Хвастовичскому району, содержали в сараях, в холодных полуразбитых домах, на совсем открытых площадках, выгоняли на массовые казни партизан и их семей. Я назову одну фамилию партизанской семьи (они родом из Хвастовичей) — Короткины. Их казнили через повешение и расстрел, после страшных пыток.

Эти очень тяжелые дни мы пережили рядом вместе с жителями деревень Хвастовичского района: Берестна, Колядясцы, Меховая, Барановка, Воткино, Подбужье, Фролово. В одной из деревень умерла моя сестра Валентина (не могу точно назвать деревню). Из этой деревни были взяты молодые женщины и девушки для отправки в Германию. Двух моих родственниц, сестер моего отца, Марию и Софью Архиповых, загнали немцы с полицаями в крытую машину и вместе с другими жителями увезли.

Следующий этап: Березовский разъезд и станция Судимир, товарный вагон - нас везли в неизвестность. На первой остановке в щель можно было прочесть: «Станция Почеп», после которой вскоре нас высадили из вагона и заключили в лагерь, обнесенный колючей проволокой, где содержались, кроме населе-

ния, и военнопленные. Моя мать не могла назвать этот лагерь точно. Уже совсем немощная, тяжело больная, обездвиженная, но могла с трудом еще говорить в 1990 г., рассказала о зверствах в лагере. С нами была семья Беляевых. У Марии третий, младшенький, был на руках, ребенок плакал. Охранник вырвал ребенка и бросил, мать побежала взять сына, за это ее били розгами, ее платье было иссечено и прилипло, пропитанное кровью, к телу. (После возвращения из плена недолго жила тетя Маруся, умерла раньше всех своих сверстниц, умер и ее сын.)

Были мы в этом лагере недолго, 2-3 недели, потом опять в товарняк, и повезли нас в г. Лида, там нас содержали в разбитых бараках, на оставшейся штукатурке на стенах было много следов крови, надписей кровью, окровавленных тряпок, бумаг, бинтов... Потом опять товарный вагон — и в г. Белосток - следующую очередь дали воды и еду-баланду, несколько дней под кровом небесным нас охраняли.

Я помню (летом 1943 г. мне было 5 лет), это было в г. Белостоке. Огромную массу людей стали формировать в очередь по ходу высокой кирпичной стены, поросшей зеленью. За стеной высились трубы, выпускающие дым. Люди наслышаны были о сжигании заживо и решили, что эта очередь с тем же назначением. До сих пор у меня свежо и страшно это воспоминание: слезы, плач, прощальные объятия, несчастная очередь произносила одно слово «салотопка», «нас в салотопку». Больше нигде я это слово-синоним крематория, не слышала. Но «салотопка» оказалась санпропускником. На нас побрызгали из душевых установок холодной вонючей жидкостью, а взрослым еще обрабатывали подмышки и гениталии из спринцовок.

Потом опять вагон-товарняк. Несколько дней держали забитыми. Люди не знали, где мы, куда везут, но предполагали уничтожение или лагерь. На одной остановке открыли дверь и поставили ведро воды.

Измученные жаждой, начали обсуждать, как разделить на всех эту спасительную воду, но... дернул состав, ведро повалилось и стали мочить тряпки в разлившейся воде и обсасывать из тряпок воду.

Следующий этап — лагерь Алитус в Литве. Барак с нарами, соломенная труха на полу. Бабушку и мать вместе с другими пленными угоняли на работу, были случая, когда уже в барак не возвращались. Это было самой страшной мыслью.

Я помню: рано утром в туалетной яме обнаружили женское тело, не знали пленные узники, сама ли она от немоги упала или ее туда бросили. Весь барак со страхом обсуждал случившееся, при попытке достать тело узники были избиты и увезены в неизвестность.

Из узников отбирали детей и подростков светловолосых и светлоглазых для донорских целей. Наша односельчанка, Анна Беляева, работала в лагере на водокачке. Она прятала двух своих дочерей и мою тетю Шуру в заброшенном колодце, но свою дочь, Евгению 1927 г.р., не уберегла. Однажды немцы забрали ее, она свой путь узницы закончила в Германии, испытав все ужасы плена.

Из лагеря Алитус поздней осенью в числе других узников нас пешей колонной сначала, а потом на машинах доставили в рабочий лагерь, населенный пункт Козлишкис Рокишского уезда Литвы. Этот лагерь контролировался военно-полевой жандармерией, говорили, что из Рокишкис. С нами в лагере было несколько военнопленных мужчин, семья из трех человек из г. Жиздры, семья из Новгорода и несколько семей из моего родного села. В семье моих односельчан Лобочевых родилась девочка Лида, о ее судьбе я ничего не знаю, а ее родители и брат давно умерли.

Барак, в котором мы разместились, был летний, на чердаке этого барака совсем под одной кровлей тоже зимовали наши люди (наверное, спас от холода теплый прибалтийский климат). Под зорким глазом барина Казимира (говорили, что он был поляк) и его помощника Альберта все пленные работали с утра до

темноты на фермах, полях и по обслуживанию спирт-завода, на наружных работах. Мою тетю Шуру и Зою Реброву наш барин выменял на породистых индюков, и весной 1944 года отдал неизвестно куда и неизвестно, на сколько. Каждый день я видела слезы двух матерей о потерянных детях, но через полтора месяца Зоя и Шура пришли назад.

Я помню: лето, жаркий день, год 1944-й. Два немца взяли меня, посадили с собой рядом на лавку и заставили пить вино, мать была напротив на некотором расстоянии. Я боялась пить, они меня постучали пистолетом по голове, а на попытку мамы приблизиться с мольбой отдать единственного ребенка делали выстрел или угрожали ей, при этом не смеялись, а ржали, развлекаясь. Я, боясь, что убьют маму, сказала ей: «Мама, не плачь, я не умру, это не очень горько». Мама не один раз рассказывала, как они насильно в меня вливали вино и, когда я уже перестала глотать, они меня поставили на ноги, я упала, а они пошли и громко хохотали. Я была несколько часов без памяти, потом была рвота, бред, не надеялись, что выживу, понятно, что это была алкогольная кома в мои неполные шесть лет. Вот так играли с детьми немецкие солдаты. Зимой наши пленные были обуты в колодки (деревянная обувь), а мы, дети, всю зиму не выходили из барачных. Нам нечего было ни обути, ни одеть.

Среди узников были четверо мальчиков и я одна девочка, мы все почти одного возраста. По весне 1944 г. кто-то из мальчиков отломил цветущую веточку от яблони, барин эту веточку увидел. Утром барин прошел в барак и спящих мальчиков бил головой об пол. Меня спрятала родившая женщина под свою дочку. Все мальчики давно умерли. Вася Кирюшин перенес после травмы менингит, оглох, Алик из Жиздры тоже имел инвалидность по последствиям черепно-мозговой травмы.

Помню и не забыть радостный день освобождения (в конце июля 1944 г.) нас, узников, войсками Крас-

ной Армии. Шла колонна наших войск, на машинах, броне сидящие воины-освободители рукоплескали, кричали, приветствовали, соскакивали, подбегали к нам, обнимались, целовали и плакали от счастья, угощали нас чем могли. Садились, куда успевали вскочить, чтобы не отстать от колонны. И так, пока не прошли все, мы все стояли, радовались и все пытались в воинах-освободителях увидеть своих родных или земляков.

Барина Казимира и его семью наши войска забрали с собой. Местные литовцы (говорили, что это были репрессированные семьи) вслед барину и его семье звенели металлом по косе, которой траву косят.

С радостью освобождения не ушел страх быть казненными местными бандами, люди ночью совсем не ложились спать в ожидании расправы, но Господь всех нас сохранил.

Мы возвращались домой из плена несколько дней с множеством пересадок на открытых платформах в августе 1944 года. В моих детских глазах остались торчащие шпалы, поваленные вагоны, разрушенные мосты и город, если его можно было так назвать. Это горы кирпича, это был город Смоленск, о чем я, уже взрослая, спросила мою мать, вспоминая горы камня и земли.

На нашу станцию Зикеево мы приехали к вечеру. Были сумерки. Семья из Жиздры подалась в свою сторону, а нас Добрый Человек на полуторке подвез до первого когда-то населенного пункта. Везти дальше было опасно — можно было подорваться на mine. Мы еще одну ночь провели под кровом неба, уже мирного неба. На следующий день добрались до своего родного села, почти полностью разрушенного и в сплошных воронках от взрывов, поросших бурьяном.

Нас ожидала радость встречи, две младшие дочери моей бабушки и мой брат остались живы, их опекала родственница. До сей минуты без слез счастья от радости быть на своей земле, от встречи с родными говорить невозможно.

Нас ожидали трудности восстановления жизни ни на чем. Не вернулся в фронта мой отец, войной было все уничтожено, мы были истощены и ослаблены, но радость ощущения своей земли давали силы жить и выжить.

НИКТО НЕ ПЛАКАЛ

Никитичева Анна Георгиевна

1939 г.р., ур. д. Павловские расчистки Жиздринского р-на Калужской обл., проживает в п. Восход Жуковского р-на Калужской области

Примерно в 1942 году немцы жили в нашем доме. Мы большой семьей, кроме отца и старшего брата (они были в партизанах), без них шесть детей и мать, жили во дворе. Очень вкусно пахли железные банки из-под тушенки и коробки из-под сигарет. Некоторые немцы были добрые и старались брать меня на руки, угощали конфетами, но я билась руками, ногами и не давалась.

Дальше лес. В лесу стрельба, тут же партизаны, и тут же немцы, и мы все, выгнанные жители поселка Павловские расчистки Жиздринского района. Нас, маленьких, сажали в ямы, завязывали рты, чтобы не плакали. Дальше в товарных поездах дорога в Германию. Народу переполнен товарный вагон. Туалета нет, желудок постоянно расстроен, на ходу поезда открывали двери и взрослые держали за руки, из двери ходили в туалет, простите, но это не забывается, потому что постоянно позывы в туалет. Лето жаркое, понос, потому что доедали все, какие запасы давно испортившихся продуктов с червями. Бомбежки, ранения, суета, страх. Никто не плакал, но глаза были, как у загнанных зверьков, не забыть. Я, конечно,

закричала: «Ой, убили, убили», а сестру старшую тяжело ранили в коленный сустав и в шею, но она терпела, а потом и я замолкала. Думаю, чего я кричу, мне же не больно, но больно стало потом. Дальше помню большую баню, цементный пол мокрый, много голых людей не мылись, а шли нескончаемым потоком и подходили к людям в белых халатах, их тоже было много, все смотрели, что кому нужно. Одним командовали в одну сторону, другим в другую, а в конце этой бани брали отпечатки рук и у взрослых, и у детей. Это было в Полоцке перед Германией. Оказывается, это был санпропускник, чтобы в Германию попали только здоровые люди. То есть рабы.

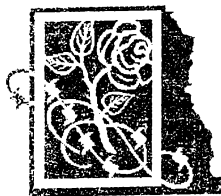
Далее лагерь в Гербиштате, за городом несколько барачков четырехэтажных. Жили в общем помещении много-много семей, без перегородок, спали на нарах. Взрослых каждое утро немец с резиновой палкой выгонял на улицу, там на тракторе с тележкой, как скот, возили в поля на работу. Нам, детям, днем давали один раз в день жидкую баланду, за которой нужно было идти по темному тоннелю без освещения. Только свет в конце, выход светился. Баланда из овса, которую я не могла есть до тошноты, и баланда из гнилой свеклы, от которой тошнило младшую сестру.

Однажды, в этом темном тоннеле, неся кипящую баланду мне навстречу, споткнувшись, одна девочка вылила ее мне на плечо. Лечить было нечем, а плечо разболелось так, что все молили мне смерти, чтобы я не мучилась. Не забывается, как мы с младшей сестрой тонули в отстойной яме, рядом с туалетами, все в этом же лагере. Копались в мусорных свалках в поисках чего-нибудь поесть. Потом, когда сильно бомбили Германию, город превратился в груды камней. Потом стало жить лучше, когда всех рабов забрали хозяева-немцы. Наша семья работала на ферме одного бауэра Гебрудер Дина. Собирали пищевые отходы со всего города, жили где-то в помещении среди немцев, две старушки немки почти недвижимые (сестра работала на них) и где-то рядом молодая немка и пять

милых детей. Нам с младшей сестрой хотелось поиграть с ними во дворе. Однажды мне показалось, что нас пригласили поиграть. Когда мои сестры спросили: «А как они сказали?», а я говорю: «Руссише швайне». Тогда взрослые объяснили значение этих слов. Но мама этих детей делилась с нами ихней одеждой, и здесь уже кормили лучше.

А в заключение, помню и никогда не забуду, когда ехали домой, от ближайшей станции Болотогово идти четыре километра, и как мы с замиранием души шли по своей узенькой тропинке, по лесу домой, по своей земле. Хотя мы были дети, но чувства, что мы идет по своей земле, не забыть. Это была такая радость, это были свои деревья, в которых не стреляли и не было бомбежки, а взрослые плакали, потому что узнали, что дедушка с бабушкой умерли, не дожив до Победы. Все жители поселка уже давно возвратились домой, мы вернулись последними. Это был август месяц, а первого сентября я пошла в школу в первый класс. Было мне в это время 5 лет и 7 месяцев.

Все скитания прошли без матери. Мать погибла в 1943 году в апреле месяце.

БЫЛО ЛИ У НАС ДЕТСТВО?

Николаева (Тимошина) Вера Васильевна

ур. г. Жиздры, зам. председателя совета БМУ Жиздринского района

Я часто задумываюсь, было ли детство у нашего поколения? И когда сравниваешь с детством, юностью наших детей, внуков, конечно, не было.

Мне в сентябре 1941 г. исполнилось пять лет. Старшей — 12 лет, средней — 9 лет, и я в основном все помню. Помню, как в г. Жиздру вошли немецкие

войска, как нас, как и других, выгнали на улицу, а в доме разместили немецкий штаб. Мы вынуждены были жить в сарае, а зимой — у соседей. И так с октября 1941 г. по август 1943 г. Мама наша работала в больнице санитаркой, а мы были с бабушкой. В 1942 г. бабушка простудилась и умерла, и мы остались на попечении старшей сестры, так как мама приходила домой только на ночь. Особенно было трудно и страшно, когда наши войска подходили к городу. Наша улица была крайней, недалеко от леса, где располагался аэродром, который бомбили каждый день по нескольку раз и днем, и ночью, да так, что летели стекла, рамы из окон. От страха мы бежали прятаться в бункер, в лес и деревни. Помню, мама со старшей сестрой пололи картошку и начался воздушный бой. Не успели они забежать во двор, как упала бомба на то место, где старшие работали. Понятно без слов, какое у нас было состояние. У нас не было игрушек и не было места, где мы могли бы играть.

Немецкие войска одни приходили, другие уходили. Особенно трудно было жить, когда пришли люди в черной форме со знаками «СС». Они шарили по домам, отбирали скот, птицу, хорошие вещи, иконы, драгоценности и отправляли в Германию, угоняли молодежь.

Помню, 2 августа 1943 г. (это мне было 7 лет) нас всех выгнали на улицу и скомандовали: «Вперед!» Мы даже не успели ничего с собой взять. В чем были, в том и пошли. Помню, мама дала мне икону и сказала: «Это твоя, дочь, ноша, не бросай ее, она нам поможет». Может быть, она нам действительно помогла выжить и вернуться на Родину.

Гнали нас пешком до села Улемль, там был лагерь. Родители наши решили вернуться в город, это километров 20, чтобы взять хоть что-нибудь поесть. Вернулись они утром и сказали нам, что города нет. Немцы при отступлении подожгли его, собор разрушили. Родители наши видели огонь, дым и голые кирпичные трубы. Город был сожжен дотла. А затем нас погнали

пешком на Бежицу, погрузили в товарные вагоны и отправили в Литву в лагерь Алитус. Держали нас там около месяца за колючей проволокой.

В один из дней нас вывели на площадь, комиссия отбирала людей в Германию. Нас раздевали догола, ощупывали, проверяли зубы. Отбирали, как скот на бойню. Затем погрузили опять в товарные вагоны и привезли нас в г. Магдебург. В пути нас почти не кормили, воды и то не было вдоволь. В Магдебурге нас продали фермеру-бауэру. Привезли нас в деревню Вакерслебен район Холдеслебен Магдебургской обл. Поселили нас в барак-казарму в два этажа, спали на соломе, отапливались зимой соломой. Кормили нас плохо, в основном брюквенные суп, свекла, и самым маленьким давали немного хлеба. Мама рассказывает, что я все время просила есть. В бараке нас было: одна русская семья, одна — украинская, около 30 человек молодежи старше 18 лет: поляки-ребята и девушки-румынки, болгарки. Они нас уважали и помогали выжить. Когда мы немного привыкли и научились общаться с немцами, в основном с женщинами, она нам рассказали, что они нас представляли не людьми, что у нас волчьи головы, так информировало их правительство. А когда увидели, что мы обыкновенные люди, помню, при разгрузке нас немецкие женщины говорили: «Шон медхен» (хорошие дети).

Когда наши войска стали наступать, они по приемуникам ловили Москву и приглашали нас послушать. Что было с нами, трудно сказать: услышать за два года родную речь.

Мама со старшей сестрой работала у бауэрши фрау Фазель, управляющий был Роланд, с женой жили на первом этаже, там же была кухня. Когда взрослые уходили в поле, я так хотела есть, что шарила по кухне. Помню, я нашла одну маленькую картошечку, потеряла на терке и почти на холодной плите пекла. Она была сырая и все равно было вкусно.

Километрах в двух от казармы находился аэродром, где шли страшные воздушные бои, особенно ночью.

Мы жили на втором этаже, и тогда мы спускались на первый и так просиживали на каменном полу до конца боя.

Помню, как сбили наш советский самолет. Летчики не погибли и прятались на поле в копнах соломы. Мы молили за них Бога, но один из поляков выследил их и донес в полицию. Их поймали. Нас всех выгнали на улицу, и мы смотрели, как над ними издевались, но мы не в силах были им помочь. Никогда этого не забуду.

Освободили нас сводные войска, и когда мы услышали по радио, что наступил долгожданный день Победы, я бегала по лужам босиком и кричала: «Гитлер капут!»

Мы возмущались, как вели себя освободители-американцы. Они насильовали румынок, болгарок. Помню, прибежала одна девушка и просила спрятать ее. Мама боялась, потому что нас предупредили, но мы ее спрятали в ящик с соломой, которой мы топили печь. Когда американец пришел с поляком, обыскали все, на наше счастье в солому не полезли. Поляк заметил, но не подал и виду. После он маме все высказал. Когда стали нас вывозить, уговаривали маму остаться, что дадут жилье, помогут материально, но мама отказалась. Только домой. А когда нас встречали советские войска на Эльбе, мама приветствовала наши войска, конечно, это было от радости встречи в родными людьми.

Вернулись в 1945 г. в сентябре на Родину, голые, голодные, крова нет. Жили в погребах даже зимой. Помогали выжить родственники, которые не попали с нами, а спрятались в лесу. Чтобы выжить, подрабатывали на хлеб. Копали картошку, пахали и перепаживали огороды. Летом вырочала крапива, лебеда, щавель. Конечно, обидно: два года прожили на чужбине. Выгнали нас 2 августа 1943 года, а 16 августа 1943 года город был освобожден.

Так было. Вот такое было у нас детство.

Я, Николаева (Тимошина) Вера Васильевна, 1936 года рождения, после войны долго и сильно болела,

поэтому в школу пошла с опозданием. Закончила 8 классов, сельхозтехникум. Три года работала агрономом в совхозе «Полюдовский», 8 лет работала учительницей биологии в Улемецкой школе, закончила 4 курса пединститута, из-за болезни закончить не смогла, поэтому имею незаконченное высшее образование. 20 лет работала в строительной организации (в одной МПМК) зам. по кадрам и все 20 лет была секретарем партийной организации. Член партии с 1966 года. До сих пор работаю зам. председателя совета БМУ по Жиздринскому району.

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Николашина (Тюнина) Вера Михайловна

1935 г.р., ур. г. Жиздра Калужской области, проживает в г. Обнинске

— Ты читала что-нибудь о фашистских концлагерях? — спросила я дочь, тринадцатилетнюю школьницу.

— Нет.

— А знаешь, что там творилось?

В ответ она неопределенно пожала плечами.

В мою собственную жизнь эта страшная тема вошла с книгой «Фабрика смерти», которую я, пользуясь симпатиями сотрудников «взрослой» библиотеки, случайно выбрала на стеллажах с военной литературой. Имени автора я не помню. Помню ошеломляющий удар по юному своему сознанию и слезы в подушку. Видения черных труб крематориев, покрывающих округу жирной копотью, газовых камер, груд детских башмаков и выданных золотых коронок преследовали долго, оставив горестный осадок где-то в закоулках души. Кажется, речь шла о крупнейших

«фабриках» уничтожения народов — Освенциме, Майданеке, Бухенвальде. За точность не ручаюсь, лет прошло много. Да это не главное.

Вере Михайловне Николашиной повезло: ее семья в эти концлагеря не попала. Но и ее крестный путь был невероятно тяжел, полон страдания и унижений.

Летом 43-го Тюниных вместе с сотнями других жителей сожженной Жиздры гитлеровцы отправили в концлагерь Алитус на территории Литвы. Родителям было уже за пятьдесят, Вере — 6 лет. Вале, сестре, на 2 года больше. В лагере мужчин сразу отделили. Матерей оставили с детьми. Здесь шла сортировка человеческого «материала». Рабов крепче оставляли для нужд «Великой Германии», больных и немощных уничтожали. Детей, в том числе и грудных, было много. Их свозили целыми детскими домами. В душных, стонущих по ночам бараках постоянно жили только два чувства — страх быть убитыми и голод. Матери ничем не могли им помочь, разве что прибереечь собственную порцию мутной баланды. Иногда к проволочному ограждению, рискуя, проходили сердобольные жители округи, пытались передать какие-то куски. Голод оказывался сильнее страха смерти, дети старались пробраться под «колючкой». По ним стреляли.

Уже глубокой осенью работоспособных узников (в их число попала и семья Тюниных) повезли эшелонам через Польшу в Германию. Долгий изнурительный путь в грохочущем, продуваемом товарняке прерывался короткими остановками в перевалочных лагерях. Вера Михайловна помнит себя в тот отрезок времени постоянно голой и лысой. Их отправляли в душевые, где, к счастью, шла действительно вода, а не газ. Потом мокрыми выгоняли прямо под открытое небо — сохнуть. И грязные вагоны везли узников дальше, в полную неопределенность.

Дорожные мытарства закончились в концлагере Бунслау по ту сторону Эльбы. Поначалу их здесь про-

сто держали, потом стали раздавать местным помещикам и бауэрам, которые сами отбирали себе обещанных фюрером рабов, как на рынке. Тюниных присмотрели для крупного помещика, владельца обширных угодьев под Шильдовом. В поместье уже работало немало военнопленных французов, итальянцев, сербов, угнанных поляков. Отца Тюнины не видели с самой Литвы. Здесь его снова поселили отдельно, в корпусе для военнопленных, определив на хозяйскую конюшню, в которой ему чаще всего и приходилось ночевать. Женщины и дети занимались огородами, собирали камни, чистили леса. Порядок в поместье был образцовый, благо дармовой рабочей силы хватало. Поляки, помнится Вере Михайловне, жили в более-менее нормальном доме, им же, русским, достался курятник. Он и стал их жильем до конца войны. И все же это не был концлагерь. Во-первых, им оставили жизнь, а во-вторых, кормили мелкой картошкой «в мундирах», сывороткой, давали немного муки. Запомнился скромный дар простого немца-труженика, на зимней дороге в поместье отдавшего русским детям свой бутерброд со «шмальцем», перетопленным свиным жиром. Вера Михайловна до сих пор любит это нехитрое лакомство.

С утра до вечера раздавался в поместье стук деревянных башмаков. Под холодным взглядом надзирателя с плетью и лай откормленных собак тянулась череда дней, недель, месяцев. Взрослые работали не разгибаясь. Детей, если вдруг не находилось дела для их слабых рук, запирали в курятнике, откуда они не могли выйти даже по нужде. Да и сами не стремились за пределы своего «жилища». На улице их безжалостно травили немецкие дети. Странное дело польских не трогали, а русским доставались и побои, и издевательства. А потому, пользуясь редкой передышкой, наши ребята просто забивались по углам, вздрагивая от любого резкого звука. Играть и в голову не приходил, да они игр-то и не помнили.

Мимо усадьбы иногда водили колонны военноплен-

ных. Ослабевших волокли на подворье и расстреливали на глазах у всех. Раб должен знать свое место.

Освободили их американцы. Накануне население деревни, а с ним военнопленные и польские работники, опасаясь, что первыми придут все же русские, ушли все до единого на запад. В опустевшей усадьбе наступила мертвая тишина. И Вера вдруг поняла, что она ребенок и что они, русские, не побеждены.

Внезапно осмелев, разыскала самокат, принадлежавший хозяйским детям. Ох и накаталась! Так и запечатлелся тот день в ее памяти радостью неожиданной осознанной свободы и усталостью не от работы, а от простой детской игры.

Не прошло и двух суток, как все население вернулось. Бояться было нечего, американцы явно успевали. Дома, имущество, хозяйство — все оказалось цело, русские пленники ничего не тронули. Еще через несколько дней в распахнувшуюся дверь курятника заглянул, пожевывая жвачку, солдат в незнакомой форме...

Их освободили, но отправлять к своим не собирались, потому, совершив единственную кражу — лошади с повозкой, собрав узелки, они тихо, ночью сами двинулись на восток. Неделю ждали у Эльбы, пока наведут понтонный мост, и поехали дальше. Добрались до Кенигсберга на советский фильтрационный пункт. Теперь уже свои присматривались к бывшим узникам, как к чужим, дотошно выясняя обстоятельства пленения. Дело продвигалось медленно. Они прожили в Кенигсберге все лето и осень. Дети были истощены до дистрофичности. Вере удалось дважды поесть за столом для малышей, не возбуждая никаких подозрений у обслуживающего персонала. С большим трудом начали осваивать азбуку.

Тюнины жили мечтой о возвращении в родную Жиздру, хотя знали, что их там никто и ничто не ждет. Семейное гнездо выгорело дотла.

Только в ноябре 45-го они добрались «домой». Ни крова, ни еды, ни одежды. Силы пожилых родителей подорваны, девочки слишком малы и ослаблены. Кое-

как устроились в землянке. Жиздринцы, вернувшиеся раньше, успели обустроиться немного лучше, но в целом в городке царила голодная бедность. Тюнины и вовсе оказались в нищете. Пришлось побираться.

Хотя в плену побывала большая часть жителей Жиздры, никаких разговоров на эту тему не велось. Время было такое. Сестру Валю и позже вызывали «в органы», все допытывались, почему не убежали, а стали предателями. Предатели... Двое пожилых людей с девочками шести и восьми лет на руках. Чей воспаленный мозг додумался до такого?

Клеймо подозрения искалечило судьбы миллионов страдальцев и даже их детей. А жизнь и без того подбрасывала им все новые испытания.

В 47-м скоропостижно скончался отец, успев построить хату-временку, крытую соломой. Ни радио, ни света, одна коптилка. В дожди вода лилась сверху ручьями. Мама, неграмотная, с детства жившая по людям в няньках, одна прокормить девочек не могла, им пришлось зарабатывать самим — мытьем полов, предпраздничными уборками, присмотром за детьми. Летом подрабатывали... на строительстве тротуаров и дорог да еще пололи чужие огороды. За прополку кормили и давали рубль. Причем в этом качестве сестры Тюнины пользовались особым спросом. Ловкие и добросовестные, девочки и в школе учились очень хорошо. Верочка и вовсе была отличницей. Удивительно: нищета не воспитала в них ни хитрости, ни корысти. Наоборот, развила чувство гордости. Никогда в жизни дочери ничего не выпрашивали и не вырывали из горла. Если предлагали помощь — принимали с достоинством. Так было, когда Вере исполнилось 18 и перестали платить даже мизерную пенсию за отца, а учиться предстояло еще 2 года. Они-то в школу пришли переростками. Решили уйти в вечернюю, чтобы днем работать. Школа теряла отличницу с математическими способностями. Уговорили, помогли дом подправить. Они входили в мирную жизнь с запозданием. С первого по седьмой класс

Вера никак не вырастала из сшитого мамой пальтеца. Сестры очень долго играли в куклы. Фантазия не увлекала их в сказочные страны. У кукол «были» простые, но крепкие и теплые дома, немудрящая, но сытная «еда». Лишенные необходимого, дети тосковали по обычной нормальной жизни.

В 1955 году Вера с медалью закончила школу. Мечталось об институте. Но, во-первых, престижные вузы оказались для интернированных закрыты, а во-вторых, просто не во что было одеться. В 56-м по первому призыву поехала на уборку целинного урожая в Казахстан. Там подзаработала на пальто, платье шевиотовое и туфли. Дальнейший выбор оказался простым как дважды два: до Калуги, где есть физмат, билет стоит 2 с полтиной, а до Брянска, где лесотехнический институт, можно доехать бесплатно. Сестра Валя осталась в Жиздре с мамой, позже закончила Московский пединститут заочно.

Они не метались и не комплексовали, принимали данное судьбой, добросовестно шагая по определенному ею пути. Вера легко осваивала лесное хозяйство. Жилось по-прежнему голодно, со стипендии надо было помогать маме. Общежития не попросила (вот она, гордость-то), спасибо профсоюзный комитет позаботился.

После института в Высокиничих работала лесничим, потом старшим лесничим. Под руководством Веры было человек 50. С деньгами стало полегче, работалось с интересом, да и молодость брала свое. И вдруг снова больно укололо прошлое — при вступлении в партию. Принимали в кандидаты — вопросов не возникло, хотя она во всех анкетах всегда честно писала: «интернированная». И вдруг при приеме в члены КПСС на парткомиссии кто-то с сомнением протянул: «Между прочим, в плену была...» Его резко осадили: «Да ты посмотри, сколько ей лет тогда было!» Справедливость восторжествовала, но по сердцу резануло.

В начале 60-х Вера Михайловна вышла замуж за

обнинца. Озеленяла территорию ИЭМа, потом ЦКБ. В то время между институтами целое соревнование по благоустройству развернулось. Вера Михайловна считает, что они даже знаменитую Кудрявцеву «переплюнули». Работа спорилась. В 75-м перешла в Обнинское управление строительства специалистом по озеленению и благоустройству. Наверное, этот тот случай, когда о человеке лучше всяких слов говорит само дело его рук и ума. Реконструкция парка, улиц Лейпунского, Жюлио-Кюри, микрорайонов 39, 40а, 38, почти полностью 51-го, благоустройство у шести школ. Разбивка газонов, посадки, укладка асфальта велись под ее руководством. А поскольку работой этой занимались военные строители, научилась командовать солдатами. По-своему, мягко, ненавязчиво, но строго. Работала по полторы смены. Был, безусловно, и материальный интерес, хотелось, чтобы дочь и сын ни в чем не нуждались, слишком хорошо знала цену неутоленным детским желаниям.

И снова война догнала свою жертву. На пенсию пришлось уйти в 53 года. Инвалид 2-й группы. «Застойные» годы оказались самыми счастливыми для нее. Детства, по сути, не было, старость подкошена: известно, как нынче живется на пенсию, если даже она и немного больше, чем у других. Однако, воспитанная в лишениях, Вера Михайловна не раскисла, не жалуется на судьбу. В 1988 г. усилиями энтузиастов в стране был создан Союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей. В 1992 г. появился указ Президента России о предоставлении им льгот наравне с участниками войны. Да только мало что получается на деле, у государства не хватает средств ни на строительство жилья, ни на путевки, ни на лекарства бесплатные. И все-таки разорван порочный круг несправедливого замалчивания подвига людей, на хрупкие плечи которых война взвалила беспримерно тяжкий груз унижений и физических страданий, сделав их своими бессильными, безответными заложниками.

Сегодня Вера Михайловна Николашина — заместитель председателя областного совета союза, член городского. У нас в Обнинске зарегистрировались пока 140 бывших малолетних узников Бухенвальда, Дахау, Майданека, других концлагерей (сколько же их было!).

11 апреля, в Международный день освобождения узников фашистских концлагерей, городской совет союза организовал торжественный вечер, на котором им вручали ветеранские медали, выпущенные к 50-летию Победы. Были представители горадминистрации, председатель городского Совета ветеранов, другие гости. Одна из них в конце с горечью заметила: «Какие-то вы все «забитые», слишком уж застенчивые». А они действительно принимали медали со слезами, поверив, что перестали быть людьми второго сорта.

Родина, о которой дети мечтали за колючей проволокой, в имениях «сверхчеловеков», на подземных заводах, много лет вела себя с ними как ворчливая мачеха: из дому не гонит, и пирожка не дает. Настало время отдать этим людям сполна хотя бы долг уважения. Они должны жить как можно дольше, потому как остаются на смену фронтовикам живыми свидетелями бесчеловечности второй мировой войны и противозаконности всех других войн, настоящих и будущих. Никакие цели не могут оправдать истязание детей.

Я обязательно найду дочери книги о «фабриках смерти». Она должна знать о войне все, не надо оберегать наших детей от ТАКОГО знания. Да, оно больно ранит, но такие раны во благо. Если в юном сердце останется эта боль, будут жить память и надежда на то, что майданеки и бунслау не повторятся.

Часовитина Е.

*(Статья «Детство, опаленное войной»
из газеты «Обнинский строитель» от 9 мая 1995 года).*

ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Никуленко Александра

г. Киров Калужской области

Война пришла на Белорусскую землю настолько быстро, что люди даже не успели сообразить, что происходит. В панике началась срочная эвакуация. Наша семья не успела уехать сразу, а когда нам дали подводы, запряженные лошадьми, было уже поздно, немцы окружили Кричев.

Доехав до Рудни, мы поняли, что дальше путь закрыт. Домой возвращались уже пешком. К тому времени фашисты обосновались в городе и хозяйничали повсю. На главных площадях были установлены виселицы. Вешали всех, кто хоть чем-то не приглянулся «новым хозяевам»: партизан, коммунистов, членов их семей, тех, кто осмелился высказать свое мнение. На территории Кричева было три лагеря, где содержались пленные. Один из них — лагерь смертников. Я находилась в лагере смертников четыре месяца. Мне было тогда 16 лет. Дважды меня вносили в список для угона в Германию. Оба раза знакомый полицай передавал матери это сообщение. Я сразу убегала из дома. Сначала пряталась у знакомых, но позже все стали бояться пускать меня в дом, поскольку за это могли казнить.

Моя мама работала на спиртовом заводе, в цехах стояли огромные чаны, и в одном из них она меня прятала. Мне было холодно, я промерзла и мне стало страшно. Задремав немного, я проснулась от того, что по мне ползали пиявки. Выскочив из чана, я помчалась куда глаза глядят. Больше я скрываться не могла. Вышло постановление, по которому за неявку в комендатуру одного из членов семьи всю семью при-

говаривали к смертной казни. Меня поймали, долго допрашивали, пытались что-то узнать о партизанах. Потом отправили в лагерь смертников.

Ежедневно там умирали не менее десяти человек. Люди предпочитали смерть, ибо условия содержания были невыносимые. Многие пытались бежать, но почти всегда их настигала вражеская пуля. И все же я решилась испытать судьбу. В апреле месяце фашисты отмечали какой-то свой праздник. В тот день немцы были все пьяные и охранники тоже. Я взялась вынести парашу. Когда я оказалась на улице, то бросилась бежать. Не помня себя, я мчалась по улице. Навстречу попался старичок с пустыми ведрами, я ему объяснила, что бегу из лагеря смертников. Откуда только у старика взялись силы. Он бросил ведра и вместе со мной побежал к дому. В тот день он спас мне жизнь.

Через некоторое время я опять попала в руки фашистов. Меня закрыли одну на втором этаже здания, ко мне никого не допускали. Лишь однажды родственница уговорила знакомого полицаю, чтобы хотя на несколько минут разрешили свидание с племянницей. Она принесла два пузырька: в одном капли, в другом мазь и объяснила, что этим надо закапать глаза и смазать тело. Оно покроется краснотой, а фашисты страшно боялись всякой заразы. Я смазала тело мазью, закапала в глаза. Всю эту ночь я не спала, мое тело покрылось волдырями, глаза слезились. К утру покраснение прошло, словно ничего и не было.

Через трое суток меня, измученную, голодную, со связанными руками посадили на мотоцикл и повезли. Я думала, что меня везут на виселицу, но потом поняла, что меня везут в сторону вокзала. Сидящий впереди немец пытался объяснить, что, мол, Германия — это прекрасно. Я не выдержала и сказала ему, что он дурак. Фашист разъярился, вытащил меня из мотоцикла, привязал за косу и поволок по дороге. Хорошо, что вокзал был уже близко, а то сегодня меня не было бы на этом свете.

Не доезжая Германии, всех пленных стали обливать какими-то смесями, посыпать порошком. Наконец наш вагон остановился в Гамбурге. Лагерь, куда меня поселили, состоял из четырех бараков. На ноги сразу одели деревянные колодки, выдали полосатый костюм и одно платье. Силенки у меня уже не было, кожу на руках содрала за несколько дней, осталось одно кровавое мясо. Кормили один раз в сутки. Давали миску похлебки, маленький кусочек хлеба, который состоял в основном из опилок, и чашку кипятка. Я со своей соседкой одну миску съедали вместе вечером, а вторую оставляли на утро. К утру это вариво начинало бродить, пенилось, но голод не тетка. О войне мы почти ничего не знали, немцы все нам врали, что скоро возьмут Москву, но однажды охранники проболтались, что им придется скоро уходить, русские наступают.

Нас освободили 7 мая 1945 года. Утром мы проснулись и удивились, стояла тишина, вышли на улицу — никого. Через некоторое время на дороге показались длинные красивые машины. Мы бросились к ним навстречу. Когда мы приблизились — обомлели от ужаса: это были чужие лица, чужая речь. Мы со всех ног бросились назад, добежали до самого лагеря. Ни одного выстрела, все замерли. Машины уже въезжали во двор. Это были англичане. Некоторое время они кормили наших пленных сухарями, давали подслащенный чай и даже бульон. Потом нас стали отправлять на распределительные пункты. Пленных было так много, что ждать очереди отправки на Родину было бы очень долго. Тогда я с другими девушками решила пойти работать в воинскую часть, меня приняли. Так вместе с 76-й гвардейской дивизией я приехала в г. Киров.

До пенсионного возраста работала на заводе стройфарфора. А сегодня занимаюсь дачей, помогаю сыну растить внуку, ему сейчас особенно тяжело, невестка сильно больна, немного стала двигаться, может, даст бог, будет все нормально. Я даже хожу на репе-

тиции хора ветеранов войны и труда, частый гость в школах города. Видели бы вы глаза ребятшек, когда я рассказываю им про концлагерь. В них столько ужаса и страха, что сердце сжимается. Только бы никогда это не повторилось.

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

Окружной Леонид Иванович

1925 г.р., ур. д. Варварово Витебской обл. (Белоруссия). Первый председатель Калужского городского совета БМУ.

В деревню Варварово война пришла 12 июля 1941 г. вместе с немецкими оккупационными войсками. Страшное было время. Немцы забирали все, что было в доме. Люди целыми семьями уходили в леса. Мне, 16-летнему Леньке, уходить было некуда: отец на фронте (он погиб в 1944 г.), на руках матери еще трое малышей, самому маленькому едва исполнился месяц — не выживем в лесу. И я остался, взвалив на себя нелегкую ношу старшего в семье: кормильца, защитника.

В сентябре 1943 г. меня отправили на работы в Германию. Нас погрузили в вагоны-телятники и трое суток без воды и пищи везли на Запад в Белосток, в лагерь перемещенных лиц. Там «покупатель», представитель фирмы «Чугун и металл», отобрал 110 самых крепких парней и повез дальше, в глубь Европы, в Австрию. Два месяца обучали слесарному ремеслу, а затем отправили на завод. Эрзац-кофе, баланда из брюквы, 150 граммов хлеба — таким был паек при 12-часовом, выматывающем все силы рабочем дне на конвейере.

23 февраля 1944 г., в День Красной Армии, десять человек, самых отчаянных, решили совершить побег

с фашистской каторги. Бежать решили в Югославию (до нее 60 км) и там присоединиться к партизанам. Мне было поручено обеспечить группу хлебными карточками, попросту украсть их в магазине. Прямо в магазине меня и взяли, остальных поодиночке отловили в городе. К условленному месту в лесу никто не добрался (потом нам стало известно, что весь этот побег был спровоцирован гестапо, чтобы выявить смутьянов).

Несколько недель меня держали в тюрьме в Зальцбурге, а потом переправили в концлагерь Дахау. Это была страшная «фабрика смерти», созданная фашистами для изоляции политических противников, евреев, священников и прочих «нежелательных элементов». Теперь среди них оказался и заключенный № 65468, категория «Арест», с условным знаком «Освобождению не подлежит» — я, Окружной Леонид. Я считал, что мне повезло. Будь у меня в документах обозначен «Побег», мой путь в крематорий был бы прямым и очень коротким. А так оставалась надежда...

Система умерщвления в лагере была отлажена с немецкой педантичностью. В бараке, рассчитанном на 120 человек, одновременно находилось больше тысячи заключенных. Холод. Непосильная работа, которая тоже была убийцей... Утром и вечером, в любую погоду все арестанты должны становиться в строй на Аппельплаце. При зачитании номера узника он обязан выкрикнуть «гир» — здесь! И выйти четким шагом из строя, если покачнется — удар кнутом. За малейшую провинность — виселица. Если кому-то из арестантов удавалось бежать, следующий «штрафной аппель» длился для всех оставшихся почти сутки.

На специальном стрельбище СС расстреливали каждый день. В нескольких «научных» лабораториях лагеря проводились опыты над арестантами: изучалось воздействие на человеческий организм сверхнизкого давления, сверхнизких температур, искусственного заражения малярией, биохимических препара-

тов. Каждое утро по лагерю проезжала телега и специальная «зондеркоманда» собирала на нее умерших за ночь. Четыре крематория работали круглосуточно. Возле каждого стоял столб с металлическим крюком — если оказывалось, что на телеге кто-то еще жив, его за гортань подвешивали на этот крюк — «гуманно», считала охрана.

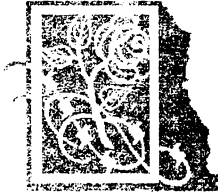
Но шел 1945 год. После открытия второго фронта начались налеты американской авиации: небо становилось черным от самолетов, земля дрожала и словно взрывалась изнутри. Налеты были настолько массивными, настолько ошеломляющими, что некоторые узники от одного воя сирен лагерной тревоги сходили с ума.

Во время одного из таких налетов двое русских узников решились на побег. Но их поймали, страшно избили и на глазах всего лагеря повесили. «Прощайте, товарищи! — успел крикнуть один из них. — Умираем за Родину!»

25 апреля неожиданно подняли по тревоге и этапом повели в глубь Австрии, согласно распоряжению Гитлера об уничтожении оставшихся заключенных. Трое суток без еды шли узники. Утром 27 апреля во время привала в небольшом лесу, где нам впервые за время страшного перехода дали несколько картофелин, среди охраны вдруг началась паника и, побросав оружие, она разбежалась — это на опушке оказались бронетранспортеры с американскими солдатами.

Полуживых от истощения людей в полосатых робах приютили у себя жители ближайших деревень, неделю выхаживали, откармливали, отмывали, ставили на ноги. Выживших, среди которых был и я, вывезли на территорию, контролируруемую советскими войсками.

А потом была мирная жизнь. Жизнь, которую подарила мне Победа. Старший внук мой, офицер, служит сейчас в Югославии, чтобы там защитить от войны и смерти чью-то жизнь.

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!

Павлова Клавдия Михайловна

Проживает в г. Самаре

Она никак не могла поверить, что вот так круто изменится ее жизнь. Что станет вопрос о том, чтобы бросить с такой любовью и трудом выстроенный дом, в котором ее с мужем руками обласкан каждый уголок, каждая половичка. Ведь как они — Клавдия с Леонидом и двое их сыновей - 11-летний Гена и Валька, которому не исполнилось и шести лет, радовались, что у них появилась собственная крыша над головой. И вдруг — война, неожиданная и страшная. Да не где-то за тысячу километров, а вот тут, рядом с их селом Никольское, что раскинулось в живописных местах неподалеку от Ленинграда и очень скоро оказалось в кольце огня.

Павлова-старшего вместе с пороховым заводом, на котором он работал, вскоре отправили в эвакуацию в глубь страны, в Куйбышев. Семье уехать бы с ним — такую возможность предоставляли, но не хотелось верить, что вся эта беда надолго. Уж как-нибудь обойдется, думалось Клавдии. А чужой город — он и есть чужой. И где там жить, да и каждую ложку с собой нехватишь. А сколько одежды-обуви нужно на всех...

Но душа рвалась, а как же Леонид будет без них? И как ей с мальчишками оставаться без него — поддержки и опоры. Она то собирала узлы, то опять их распаковывала, да так и не решилась уехать.

А наши войска отступали. И пришло утро, когда в Никольское пришли немцы. Клавдия с детьми спряталась в выкопанном заранее окопе, а мимо ехали и ехали чужие машины, мотоциклы с чужими людьми. Они входили в село как господа. Как победители.

Год и десять месяцев село жило «под немцем», фактически на прифронтовой полосе. Бомбежки шли нескончаемой чередой, причем во встречных направлениях. Так что приходилось бояться и вражеских снарядов, и своих. Наступил день, когда все село согнали в одну колонну и погнали к железной дороге. Погрузили в телячьи вагоны, наглухо закрыли двери и повезли в неизвестность.

Наверное, им повезло. Их миновала участь тех, кто попал в Бухенвальд, Освенцим или Дахау, из которых мало кто вышел живым. Больше того, у Клавдии не отняли детей, как это произошло с тысячами и тысячами матерей — русских, евреек, полек, украинок. Но страх, что это может произойти, не отпускал ее никогда. Она в ужасе прижимала к себе своих мальчишек, когда вагон открывался и в проеме показывались лица немцев-охранников. Потому что она никогда не знала, что может произойти дальше.

Первым этапом был пересыльный пункт в Литве, им повезло: после месяца жизни в промозгом бараке, где постелью были клоки перепревшей и вонючей соломы, брошенной на земляной пол, их забрал к себе хозяин, которому нужны были рабочие руки. Долгие десять километров до его хутора сыновья ехали на подводе, а Клавдия с хозяином под пронизывающим ветром шли по дюнам, в песке которых тонули ноги.

Полгода длилось батрачество, но по большому счету Клавдия Михайловна даже благодарна тем людям. Да, работали все, даже маленькому Вальке находилось дело. Хозяйство было не шибко большим — четыре коровы, две лошади да свиньи. Так что времени у нее хватало на подработку. Клавдия неплохо шила, и у нее очень скоро нашлись заказчики. Но все, что она зарабатывала иглой и ниткой, добровольно отдавала хозяевам — за питание, за крышу над головой. За те месяцы, что прожили на хуторе, она даже успокоилась: место тихое, о бомбежке слыхом не слыхивали, и война порой казалась чем-то нереальным. Но в апреле 1944 г. их вновь ожидали телячьи вагоны. Теперь их везли в Германию.

Клавдии опять в определенном смысле повезло — детей не отобрали, в концлагерь не отправили. Но робы с нашивками, свидетельствующими, что они русские пленные, на них надели. И за колючую проволоку поместили. Они попали в имение немецкого барона. Правда, хозяин здесь практически не появлялся. Несмотря на свою голубую кровь, он был горький пьяница, жил в Берлине, а усадьбу сдавал в наем. Да так, что супруге баронессе с детьми осталась только пара небольших комнаток под крышей. А всем имением распоряжался арендатор, лютый, как его овчарки. Бесплатных работников, как Клавдия с детьми, у него было более двадцати. Они обрабатывали необъятные поля, засаженные овощами, пасли скот. Работы было много, кормили — лишь бы с ног не падали. Оттого праздником было, если удавалось припрятать в поле хоть немного картошки. Они знали, что им за это может грозить; однажды их гоняли в соседнее имение, чтобы они посмотрели на мужчину, повешенного за горсть гороха. «То же самое будет с вами, если станете красть», — предупредил хозяин.

И все-таки куда страшнее было другое. Клавдия не находила покоя, как только старшему исполнилось 14 лет. Таких подростков немцы увозили на кастрацию, превращали в рабов без страстей и желаний.

Клавдия и в мирной жизни была удивительной матерью — заботливой, самоотверженной. А война обострила материнские чувства. За своих детей она могла броситься под пули и каждую минуту она думала не о себе, а о своих мальчишках, которых муж доверил ей. И любила их за себя и за Леонида, и защищала за двоих.

Сколько раз она отстаивала их, когда они попадали хозяину над горячую руку. Вид у нее был такой, что немец отступал. И, что удивительно, ее поступки не имели последствий. И это при том, что к Павловым у него была особая ненависть. Бывший оберлейтенант именно в их селе получил ранение, а Павловы

были живым напоминанием об ужасе фронтовой бойни. Он был настолько озлоблен, что за любую провинность сдавал своих работников в комендатуру, где тех на несколько дней бросали в каземат. Имение превратил в настоящий лагерь с колючей проволокой, овчарками. И вообще, Клавдия и ее дети были представителями презираемого им народа, который он иначе как русшиш швайне (русские свиньи) не именывал.

Но время работало на них — людей, которых в этом имении считали быдлом, над которыми издевались и физически, и морально. Потому, что каждый новый день, пусть тяжелый и унижительный, приближал мир к маю сорок пятого года. И наступил день, когда ни слова не говоря, хозяин начал торопливо нагружать подводы. Ему было не до пленных — лишь бы побольше добра увезти куда-нибудь в немецкую глубинку, где его никто не найдет.

Танки с красными звездами первый увидел Геннадий: «Мама, наши идут!» Вечером в имении был пир. Украинцы угощались поросенком, Клавдия пожарила гуся, напекла печенья. И заботило ее только одно, чтобы, дорвавшись до всей этой вкуснятины, не объелись. Хотя и не были они в полном смысле дистрофиками.

В имении свое подсобное хозяйство организовал истребительный танковый батальон. Его задачей была поставка провианта госпиталям. Именно с этим батальоном Клавдия со своими мальчишками и пошла домой. Пешком, гоня впереди себя стадо из 600 коров и 600 овец. Стадо поднимало такую пыль, что ничего не было видно, а дышать приходилось через сложенные в несколько слоев тряпки. Животные хотели есть и пить, но обочины были заминированы, водоемы — отравлены. Перед стадом на нескольких машинах ехали саперы. И только там, где они оставляли таблички «Мин нет!» можно было сделать привал, дать измученным животным пощипать травы. А за всеми буренками уследить невозможно, и на каж-

дой стоянке несколько углубившихся в заминированную зону животных взрывалось.

Пока шли по Польше, Западной Украине, нередко были стычки и с бандеровцами. Геннадий, которому было уже 15 лет, подносил на передовую боеприпасы. Они дошли до самого Западного Буга — официальной границы СССР, где бывшие пленные должны были пройти фильтрацию. И надо же было такому случиться — одна из коров вдруг метнулась в воду. И Геннадию, прикомандированному к пастухам, был дан приказ догнать и вернуть ее в родное стадо. Он и бросился ей в вдогонку, причем в костюме Адама, чтобы не попортить одежды. Совсем было выполнил приказ, а тут: «Стой, руки вверх!» Выловили — и на наблюдательный пункт, а потом и на заставу как нарушителя границы. Сколько раз его допрашивали, он и со счета сбился. Неизвестно, чем бы закончилось дело, если бы не привели его однажды к новому следователю, младшему лейтенанту. «А вот если ты действительно из деревни Никольское, то скажи, кто у вас заведовал до войны клубом?» — сказал он. «Волхонский», — не задумываясь, ответил подросток. «Вот теперь вижу, что не врешь. Мы ведь земляки с тобой. Свободен. Кстати, ваши Западный Буг уже перешли, иди ищи их».

А Клавдия эти несколько дней не могла прийти в себя. В войну, в тяжелейшие дни голода сберегла сына. А сейчас, по дороге домой, его потеряла. Она не скрывала слез, и, глядя на мать, ревел и Валька. И вдруг: «Мама, не плачь, вон Генка, от машины идет».

Конечной точкой их долгой дороги стал городок Изяслав. Отсюда Клавдия послала письмо на Волгу, в незнакомое ей местечко под названием Петра Дубрава, где который год трудился на пороховом заводе Леонид Павлов, ее муж и отец ее детей. И вскоре он, уже нечаявший когда-нибудь увидеть родные лица, приехал за ними.

Город Куйбышев с его немереными расстояниями даже немного их испугал. От железнодорожного вок-

зала до поселка добирались больше часа. Зато в поселке почувствовали себя спокойнее — почти их деревня. Клавдия вновь стала женой и мамой, центром семьи, ее сердцем и душой.

Война их здорово подвела. 15-летний Геннадий пошел в 4-й класс, 10-летний Валька — в первый. Геннадий после семилетки поступил в авиационный техникум, откуда получил направление на закрытый завод, «в систему» знаменитого конструктора авиационных двигателей Н.Кузнецова. Без отрыва от производства окончил институт. Трудовой стаж 46 лет.

Не остался без высшего образования и младший Павлов, но пошел по строительству, точнее, гидростроительству. Покорял реки, возводил плотины. Последним детищем стала Саяно-Шушенская ГЭС. Клавдия Михайловна гордится, что ее сын имеет самое прямое отношение к этому колоссальному сооружению с перепадом воды в 230 метров! До самой пенсии Валентин работал начальником отдела по безопасности плотины. Вот такие у Клавдии Михайловны сыновья. Как ни было трудно, вывела она их в люди и сегодня гордиться ими. Как гордится всякая мать, которая всю жизнь посвятила детям.

Очерк Т.Харитоновой о семье Павловых.

МНЕ БЫЛО ТОЛЬКО 10 ЛЕТ

Петрова Людмила Ивановна

1931 г.р. Член совета обнинской организации Союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей, проживает в г. Обнинске

В концлагерь я попала в Белоруссии, в июне 41-го, когда вместе с родителями и двумя младшими братьями приехала к бабушке. Мне в это время было 10

лет. Отец сразу же ушел на фронт, а мы не успели эвакуироваться, так что сразу же оказались на оккупированной территории, где пришлось испытать на себе все ужасы войны: бомбежку, голод, холод и концлагеря...

На витебщине в 1942 году немцы проводили карательные операции: прочесывали леса с собаками, уничтожали все живое и неживое. В ходе одной из них погиб мой дядя — его расстреляли, а жену повесили. Нам тогда удалось спастись чудом, просто спрятались на поле рядом с дорогой, по которой ехали фашисты. Над нами свистели пули, мы же с мамой закрыли ребятам рты, чтобы не был слышен их плач.

Когда танки с мотоциклистами проехали, мы долго еще лежали в канаве, поскольку в лесу слышался лай собак и раздавалась стрельба. В деревню мы вернулись уже под утро, осталось в ней всего лишь восемь домов... Бабушку нашли мертвой, деда забрали немцы. Дети просили есть, только дать им было нечего.

В ноябре 1942-го столкнулись между собой немцы и партизаны. Последние после боя ушли из деревни, а нас согнали в один двор и рассортировали: стариков и детей до десяти лет — в одну сторону, а молодых женщин и ребят постарше — в другую. Творилось что-то страшное. Дети рвались к матерям, цеплялись за подол. Фашисты же отбрасывали их в сторону, а женщин били прикладами. Маму с детьми отправили к старикам, а меня — в другую группу.

Нашу группу погнали за немецкими повозками. На одной из них лежал раненый партизан, раздетый до гола, а на улице стоял сильный мороз; умер он на полпути до станции Бычика. Там полицаи сняли с нас все что могли, с меня — бабушкины валенки, а вместо них дали деревянные башмаки без пяток. Женщины, видя это, обмотали мне ноги тряпками. После обыска нас погрузили в товарные вагоны и повезли. Сколько было слез, сколько горя... Привезли нас в Витебск и поместили в грязные вшивые бараки. То и был концлагерь, отгороженный в два ряда ко-

лучей проволокой с вышками, прожекторами и овчарками. В бараках стояли трехъярусные нары... Помню, было много крыс. Ночью они прыгали на нас и почему-то непременно лезли именно к лицу. Я плакала, было очень страшно, особенно ночью.

Кормили нас раз в сутки баландой из гнилой картошки, очисток и всяких несъедобных отходов. На всю жизнь запомнилось синее скользкое мясо дохлых лошадей и копыта, выбрасываемые из котлов во время раздачи баланды. Хлеба давали по 100 граммов, а состоял он из опилок или овса.

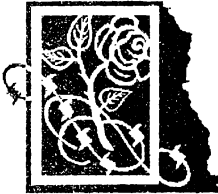
Каждый день — работа. В половине седьмого — подъем, поьем воды, а час спустя под конвоем автоматчиков с собаками отправлялись на работу. Наравне со взрослыми чистили снег на железнодорожном полотне, мыли казармы, пилили дрова и копали рвы для покойников. Кожа на лице и руках от постоянного холода и непосильных нагрузок дубела и синела.

Пробыла там до зимы 43-го. А в конце декабря вместе с другими попала в Полоцк, где был пересылочный концлагерь, откуда увозили в Германию. Пришлось пройти через допросы, и если узнавали, что кто-то из партизанской семьи, то сразу же куда-то уводили. Что скрывать, было и предательство...

Меня в Полоцке забраковали из-за обмороженных ног, рук и чесотки. Кроме того, я была в болячках. А поскольку немцам все же нужна была рабочая сила, то они чесоточных заставляли лечиться. Полицаи приносили ведра с черной мазью, загоняли в отдельные блоки, заставляли раздеваться и натираться ею. За непослушание били плетками. У меня от этого осталась покалеченной левая рука. Всех забракованных отправляли в товарных вагонах на станцию Лесная Барановичской области (это 337-й концлагерь военнопленных). Там-то я и встретила свою маму.

Здесь наблюдалась все та же картина: колючая проволока, автоматчики с овчарками, прожектора, бараки. Там умер родной брат и двоюродные брат и сестра.

Освободила нас Советская Армия в июле 1944 г. Таким образом, в концлагерях на территории Белоруссии я пробыла два года — с ноября 42-го по июль 44-го. Это время стало жутким потрясением и для меня, и для моих родных.

ВОЙНА — ЭТО НЕХОРОШО!

Петухов Иван Ильич

ур. с. Милеево Хвастовичского р-на Калужской обл.

Шел 1941 год. Сдав экзамены, мы, семиклассники, пошли в школу за аттестатами. Получив аттестаты, идем домой. Видим, бегут дети младших классов и наперебой кричат: «Война началась, на нас напали немцы, мы сами слышали по радио в сельсовете».

Это безумство, думали мы, такая маленькая страна и посмела напасть на нас. Все село Милеево было настроено патриотически, а мой покойный дядя Антон Васильевич, услышав об этом, возбужденно говорил: «Мы этого Гитлера из Берлина в мешке приведем».

Время шло быстро, в Милеево появились беженцы из Минска, добирались кто на чем и рассказывали страшные истории о бомбежках дорог и стрельбе из пулеметов по беженцам. Вскоре появились слухи о том, что немцы уже в Брянске, никто не мог поверить в это, что в столь короткое время немцы добрались до Брянска. Но вот мы стали слышать отчетливо взрывы бомб и артиллерийские выстрелы, а потом пулеметные и автоматные. Бои проходили совсем близко. Это сражалась 50-я армия, находящаяся в окружении и билась насмерть с фашистскими захватчиками. Сутками шли колонны красноармейцев со стороны Хвастовичей на Белев. Раненые красноармей-

цы лежали на повозках, здоровые шли пешком. Взрослые недоумевали, как могло случиться, что немцы в короткое время дошли до нас? Под вечер мы заметили: в стороне Хвастовичей поднялся огромный столб дыма, это горели Хвастовичи, подоженные немцами. А когда я гнал гусей с луга домой, вижу едут два всадника на больших конях с короткими хвостами. Таких мне не приходилось видеть в жизни. Это оказались немцы. Спешившись и лопоча между собой что-то, вынули пистолеты и начали расстреливать моих гусей. Били в упор, летел пух по полю, а гуси не падали, разбегались. Но потом я заметил несколько убитых гусей. Немцы забрали 8 штук, привязали к седлам и поехали.

Дома тоже ждали меня неприятности. Покойная мать набросилась на меня с упреком: «Как ты мог позволить немцам взять столько гусей!» А что я мог противопоставить этим бандитам?

Вскоре весной угнали молодых парней и девочек в Германию. После их угона на дорожные работы стали выгонять и нас, малолеток. Ремонтировали дорогу Милеево-Хвастовичи. Старики возили на лошадях бревна с сараев, а нас заставляли засыпать бревна землей. Через некоторое время нам объявили, чтобы мы пришли утром к дому старосты. Нас переписали и сказали, чтобы мы взяли продуктов питания, одежду для отправки в Германию. Утром большая колонна в сопровождении полицаев двинулась на станцию Терebenь. В Терebenи нас до подхода поезда загнали в сарай и начали перекличку. Я с ребятами расположился в углу и вовремя не услышал, что выкликали меня. Какое-то время была тишина, пока я пробирался через толпу, а когда я подошел, то неожиданно получил удар по голове.

Приучали к новому порядку. Погрузили нас в тележки и повезли на Брянск. В Брянске нам дали по кирпичику эрзац-хлеба и сказали, что это на 5 дней. До Германии везли очень долго, пропуская немецкие эшелоны, загоняя нас в тупик. Четыре дня

мы совершенно ничего не ели. Правда, была вода. Довезли нас до Белостока и там нам устроили баню. Мужчинам, имеющим волосяной покров, смазали эти места какой-то мазью, нас этой чести не удостоили. Баня представляла собой высокий потолок, вверху которого имелись душевые приспособления. Большими каплями шла вода и никто из нас не отважился встать под холодную воду. Была команда подойти к душу и производить помывку, так как на улице стоит новая партия. Мы продолжали стоять у стен бани, худые, кожа да кости, особенно плохо выглядели старики, ведь ели хлеб из картошки с примесью липовых листьев. Внезапно банщик схватил шланг и упругая струя ударила по голым телам несчастных.

Я почувствовал боль и страшный холод, бросился со всеми в центр бани и начал мыться. Мыла не было почти у всех. После белостокской бани часть людей осталась в Белостоке, а нас, перенесших этот душ, повезли в Германию.

В Германии выгрузили из телятников, построили в колонну несколько тысяч и стали отбирать людей немецкие бауэры. Нас, оставшихся несколько тысяч, погнали через чистенький ухоженный лес к Берлину. Наша колонна представляла собой пеструю толпу, двигавшуюся по улицам Берлина несколько часов. Большинство из нас обуты были в лапти, обмотанные веревками, кое-кто был в резиновых галошах. Несмотря на теплую погоду у большинства из нас были шапки, изредка кепки.

Я, деревенский мальчик, как и все идущие рядом со мной такие же дети, был очарован красотой золотых и серебряных реклам на стенах и окнах магазинов, театров, ателье, гостиниц, офисов. Когда надоело смотреть на эту берлинскую пестроту, то обратил внимание на то, как справа и слева, заполнив тротуары, стояли немцы и показывали на нас пальцами. Очевидно, нашли что-то в нашей колонне интересное. В то время я не придал этому большого значения, а спустя десятки лет я понял, что немцы прота-

щили нас по многолюдным улицам Берлина для того, чтобы показать своему народу русских как низшую расу.

Как-то я смотрел советскую кинохронику, где показывали колонну немецких захватчиков, шагавших по улицам Москвы и вспомнилось, что творили немцы с нами.

Пришли мы в лагерь Зеенштрассе, разместили в щитовые бараки на двухъярусных нарах-кроватях. Вместо матрацев на кроватях лежало три квадратика, обшитых тканью из бумаги, древесные стружки и старенькое одеяло. Подушек не было, из посуды — ложка, кружка и миска. Жили мы в интернациональном лагере, но нас, русских, отгородили от иностранцев дополнительной решеткой. Между бараками были какие-то подвалы. Мы думали, что это для хранения картофеля, а оказалось, как позже узнали, это бомбоубежище.

Несколько дней по приезде мы не работали, как нам объяснили, был карантин. Кормили так: кружка чая с сахарином и хлеба батон 800 грамм на 4 человека. В обед только суп из шпината, подобие нашей капусты. Спать ложились без ужина. Обед в период карантина раздавал поляк маленького росточка, которого звали Гоголь. Гоголь очень плохо говорил по-русски, но хорошо матерился. Но мы кое-что понимали... У него была такая привычка. Раздав баланду по ковшику в первый день кормежки, он весело крикнул: «Кому добавки?» Мы, попив баланду, тут же на плацу из котелков, не видя подвоха, сбивая друг друга, бросились за добавкой в очередь. Но когда увидели, что счастливого первого обладателя баланды Гоголь огрел по спине ковшом, то очередь за добавкой так же быстро разбежалась. Остались в очереди наиболее выносливые. Удивительно то, что когда Гоголь объявлял добавку, подходили те, которые испытали на своей спине удар ковша.

Во время карантина один лагерник сбежал из лагеря. Мы были в бараках и о побеге ничего не знали.

Однажды раздался свисток полицейского. Это был сигнал к построению. Мы выстроились у своих барачков, потом всех нас скучили поближе, и я увидел лагерфюрере Рольфа с русской переводчицей Наташей (слышал, что она эмигрировала в Германию, когда назревала в России революция).

Я смотрел на эту пару и не обратил вначале внимания на двух полицейских с дубинками, около которых стоял молодой мужчина в форме красноармейца. Нестриженный, гимнастерка расстегнута, совершенно разутый, даже подвязки штанов не подвязаны. Наташа начала переводить то, что говорил Рольф: «Здесь стоит человек, который совершил побег из лагеря. За этот побег он будет строго наказан!» Стоящий рядом полицейский начал избивать несчастного резиновой дубинкой.

Дальнейшая судьба его нам осталась неизвестной. После карантина нас отправили на фабрику, на работу, как мы думали. Оказалось впоследствии, что это школа, подобие нашей ФЗО. Прибывших на фабрику распределили по местам. Это длинные верстаки-столы с тисками и набором слесарных инструментов. Нам, малолеткам, которые не смогли дотянуться до тисков, дали подмости. Получил эти подмости и я. Наш цех был разделен на две половины ученическими передвижными досками на ножках. Мы слышали возгласы детей на той стороне. Как-то, немножко освоившись, я с товарищами воспользовался тем, что мастер-немец был занят проверкой наших работ, нагнулся под доски и увидел таких же детей, только из-под фартуков просматривалась желтая форма гитлерюгенд. Каждый день в обед нам давали обеды, что оставались от них.

Месяца через 3-4 нас всех перевели работать на другую фабрику. Распределили каждому немцу по одному русскому. Я попал к Косину, это фамилия немца. Разговаривали с ним редко. Я начал понимать его, он, я думаю, меня. Как-то в разговоре он сказал: «Война — это нехорошо». А когда я сказал,

почему Германия пошла на нас войной, он бросил работу и с жаром начал объяснять, как я понял его, что Сталин напал на Германию. Оказывается, я его не понял. Он хотел сказать, что если бы Германия не начала войну, войну начал бы Сталин. С тех пор на эту тему у нас не возникало разговора. В обеденный перерыв немцы вскрывали шути (это хлеб, переложенный маслом, колбасой и сыром). Мы уходили в туалет и коротали время среди других иностранцев.

В 1943 г. мы впервые увидели, как американская авиация бомбила Берлин. Весь Берлин был освещен ракетами на спускающихся парашютах, было светло как днем. Летели англо-американцы без прикрытия истребителей. В результате немецкие истребители нагоняли тяжело груженные бомбардировщики и расстреливали их. В эту ночь было сбито немцами много бомбардировщиков. Видели мы и спускающихся парашютистов. Полицейские на этот раз не загоняли нас в бомбоубежище.

Были случаи, чтобы не работать, вредили своему здоровью.

Вот характерный случай. Людиновский узник, Фомин Иван, как-то, ложась спать, просил товарищей дать ему по капельке маргарина, чтобы обварить себе руку. Он взял свою пайку маргарина и то, что дали товарищи, разогрел в баночке на буржуйке и вылил себе на руку с тыльной стороны кисти. Взвывая от страшной боли, он начал метаться по бараку, натываясь на стулья и другие предметы, а потом выскочил на улицу. Недели три он лечился. После этого его на фабрику не гоняли, работал в лагере.

По утрам нас постоянно будили полицейские. Однажды мы встали, слышу одиночные смешки, а потом смеялся почти весь барак. Оказалось, у моего друга от недоедания и переохлаждения перекошилось все лицо до неузнаваемости. Один глаз был полузакрит, рот перекошен. Это случилось у Трефильцева Акима. Несчастный, не видя себя и ничего не подозревая, смеялся вместе со всеми, и чем сильнее он сме-

ялся, глядя на других, тем сильнее вызывал смех товарищей. Услышав шум, влетел в барак полицейский и закричал «Руэ», а когда понял в чем дело, начал сам раскатисто смеяться.

Через некоторое время лагерникам выдали простенькую одежду и ботинки на деревянной подошве. Эта обувь приводила к тому, что мы начали болеть от плоскостопия. Не избежал этой болезни и я. Совершенно не мог двигаться. Положили меня в лагерный лазарет, установили диагноз, выписали бумажку и сказали, чтобы я сходил по такому-то адресу, в такой-то дом. Со страшной болью я дошел до указанного места. Немец молча обернул мои ноги бинтом, смоченным в каком-то густом растворе, через несколько минут, когда бинт высох, он снял с ног бинт, по форме напоминающий маленькие туфельки.

Через два дня мне дали стельки, в которые были вмонтированы дюралевые подставки. Через два дня я стал свободно передвигаться, не ощущая боли.

Приближался крах немецкой империи. Немцы стали не такими высокомерными и агрессивными, какими были. Красная Армия медленно, но упорно продвигалась с тяжелыми боями в глубь Германии. Подобревший немец, с которым я работал, однажды сказал: «Я видел русских солдат». Я ему не поверил, потому что иностранцы в туалете говорили, что русские в Кюстрине.

В Берлине наблюдался переполох. С утра до вечера улицы были заполнены беженцами. На тележках, детских колясках они везли и несли самое необходимое. Покидали Берлин, уходя на Запад. К систематическим бомбежкам Берлина мы за три года привыкли. Но теперь к бомбежкам присоединились взрывы артиллерийских снарядов. Фабрику, где мы работали, разбомбили. Берлин лежал в страшных руинах, наполненных дымом и гарью. Местными были устроены баррикады-завалы, чтобы не могли пройти русские танки. На перекрестках дорог были врыты танки, виднелись одни башни. Кругом все горело. Бер-

лин находился в состоянии агонии. 19 апреля прозвучала последняя воздушная тревога, и не было отбоя до прихода Красной Армии и взятия Берлина.

В ночь на 22 апреля, как я потом узнал, в день рождения Владимира Ильича Ленина, к нам ночью пришла русская разведка — пять человек. Это были красноармейцы, в которых трудно было узнать русских. Одеты были во все трофейное, кожаные куртки, хромовые сапоги, и с автоматами. На головах были красноармейские пилотки с красной звездочкой. Мы боялись провокаций власовцев, но, слава Богу, это были наши.

Они спросили об артиллерии, которая где-то недалеко. Наши ребята видели в Шиллерпарке артиллерию, ее обслуживали гитлерюгендовцы в непомерно длинных шинелях и с ними старики фольксштурмовцы с панцерфаустами. Наши ребята показали это место, и артиллерийская обслуга была уничтожена. Начало светать. Вдруг на большой скорости промчался советский танк, что удивительно, шла перестрелка, а офицер в орденах и медалях, держащий в руках красное знамя, на всей скорости проехал около лагеря. Через какое-то мгновение по танку ударил фольксштурмовец из фаустпатрона. Танк проскочил, а снаряд взорвался в нашем лагере. Убитых не было. Были раненые. Гоголь, находившийся недалеко, которого нельзя было назвать добрым, весь в слезах вместе с ребятами начал перевязывать раненых.

Через некоторое время в лагерь пришли пехотинцы. Солдаты разных национальностей, измотанные боями, с красными глазами от недосыпания были настроены по-боевому и веселы. Мы высказывали им свои опасения в отношении немцев и власовцев. Они заверили — никто вас не тронет. Мы можем погибнуть, но отсюда не уйдем. Тут подошла новая волна солдат и наши спасители побежали вместе добивать врага, перед этим они указали дорогу на сборный пункт.

Утром мы пошли по указанному маршруту до сбор-

ного пункта. Встречные солдаты и офицеры удивились, что мы идем совершенно пустые, ничего не имеем при себе. Они посоветовали нам зайти в дома немцев и взять себе все, что нужно — обувь, белье, одежду: «Ведь вы скоро поедете домой». В деревнях, когда-то чистеньких и ухоженных, царил хаос. Летел со всех сторон пух от перин, на которых отдыхали солдаты, бродил голодный скот и птица, жителей не было видно. Мы набрали в мешки, что нужно, и пошли на сборный пункт. На сборном пункте стариков, старух и девушек отправили домой, а нас построили и отправили пешком за несколько километров в поле, на котором вдалеке видны были большие палатки. Не доходя до палаток несколько сот метров, мы остановились, нам сказали, чтобы мы поставили свои вещи на землю. Затем была команда: «30 шагов вперед марш!» Когда выполнили команду, из строя прозвучали робкие голоса: «А что с нашими вещами?» В ответ командир ответил: «Уберут без вас». И правда, подъехала трофейная команда на машинах и в считанные минуты вещи были загружены. В течение дня мы помылись в палатках, прошли медицинский осмотр и переоделись в военную форму.

Вспоминается и такой случай в лагерной жизни. В конце 1944 г. в наш лагерь пригнали итальянских солдат, которые под руководством Бадوليو повернули оружие против немцев. Они, узнав, что мы русские, установили с нами добрые отношения. Мы плохо понимали друг друга, но понимали, как произносили бадольевцы, так мы называли их тогда. Они тихо говорили: «Шталин гут, гитла капут». Мы в свою очередь им отвечали: «Бадوليو гут, гитла капут». Через несколько месяцев в связи с приближением наших войск их куда-то угнали.

В лагере мы слышали о существовании в Германии власовской армии. И однажды нас, русских, строем погнали в иностранный барак. Это было помещение — подобие клуба с небольшой сценой, стульев и скамеек не было. Выступал мужчина средних лет в

гражданском костюме. Что мне бросилось в глаза, на лацкане костюма был прикреплен малиновый значок флажка или знамени. Никто из узников не знал, что это за значок. Спустя десятилетия, я однажды на вокзале увидел гражданина с таким значком. Оказалось, это депутатский значок, депутата Верховного Совета.

Все его выступление свелось к тому, чтобы мы записались во власовскую армию, для того чтобы освободить от сталинской тирании и ненавистной антинародной коммунистической идеологии. Помню, вопросов к лектору не было. Лекция была неубедительной. Вернувшись в бараки, все мы возмущались наглости лектора, который искал среди нас дураков, которые испытывают на себе прелести фашистского рабства. В лагере позже интересовались мы, были ли добровольцы. Ходили наши ребята по баракам, несколько раз приходили и спрашивали у нас. Ничего не было слышно.

После того, как нас переодели в солдатскую форму и распределили по взводам и отделениям, ротам, познакомили нас с командирами, нам дали номер полевой почты, чтобы написали домой письма и узнали о судьбе своих родных и близких.

Наша часть, входившая в состав 153-го армейского запасного стрелкового полка, часто меняла место дислокации и почта не находила нашу часть вовремя. В результате в один день я получил шесть писем с Родины. Это была великая радость. Но вместе с временной радостью меня постигло огромное горе. Мать сообщила мне, что после эвакуации умерли от голода и холода маленькие брат и сестра, одна сестра была ранена. Брата моего дедушки расстреляли немцы. Отец, непригодный к строевой службе, находился в армии в стройбате. Мы, солдаты, вместе с боевой и политической подготовкой занимались демонтажом двух заводов для отправки в Советский Союз в счет репарации за причиненный ущерб фашистскими захватчиками. Это сахарный завод в Тангермюнде и завод по производству сырой резины.

Служба в армии после трехлетнего пребывания в немецком концлагере была ежедневным праздником для нас. Трехразовое питание, забота о нас наших замечательных командиров, которые сами испытали трудности войны, заставляла нас отвечать им тем же. Но мучила тоска по Родине. За отличные успехи в боевой и политической подготовке приказом от 22.07.1948 г. был награжден медалью «30 лет Советской армии и флота». «На основании Постановления Совета Министров СССР от 28.01.1950 г. уволен в запас со следующей отметкой в военном билете: наименование военноучетной специальности и должности квалификации — специалист штабной работы. Категория учета 1, группа учета СА, состав — сержанты».

Через неделю меня приняли на работу в Хвостовичский детский дом, который был расположен в деревне Мокрые Дворы.

ЧТОБЫ ЭТОГО НЕ ВИДЕЛИ

Пешаханова Лидия Александровна

г. Киров

Когда в нашу деревню Петровское пришли немцы, мне не было еще 7 лет. Я помню только, что они нас грабили и все увозили в Германию. Забивали свиней, кур гоняли под амбары и убивали палками, потом вытаскивали и, крича: «Курка!», уносили. Было очень страшно и жалко смотреть на их деяния. Как с животными, так и с людьми.

Мы жили бедно. Я помню только, что у нас в хате стоял большой деревянный сундук и на нем висел большой замок. В том сундуке были вещи мамы: одеяло теплое атласное, платье мамино, такое оранжевого цвета с голубыми цветочками, большой деревенс-

кий парчовый платок, он весь переливался разноцветными цветами, уж сильно был красивый. Мне мама говорила, что этот платок ей папа купил в честь моего рождения и она его хранила для меня. Мой папа, Панкратов Александр, умер, когда мне было только три месяца, и мне очень хотелось сохранить эту память об отце.

Однажды к нам пришли немцы и хотели отобрать все то, что лежало в этом сундуке. Но так как там висел очень большой замок, а ключа от него не было (наверное, мама взяла его с собой, потому что она все это время, когда приходили немцы, куда-то пряталась). Они стали искать топор, чтобы сбить замок. Но мне было жалко этих вещей, я села на сундук и стала с ними оговариваться, что я, мол, не дам им сломать замок. Тогда один из них подошел ко мне, взял меня за ручки и кинул под порог, я вскочила и с плачем села опять на сундук и кричала им, что все равно не отдам. Они еще раз швырнули меня в угол. Я не знаю, что мной в то время владело, то ли детская жадность, то ли ненависть к врагу, но я еще раз попыталась вскочить и сесть на сундук, закрыв своими ручками замок, когда они хотели его сбить топором. Тогда один из них схватил меня за волосы, а волосы у меня были длинные, кинул под порог, вытащил наган и хотел застрелить, но почему-то другой немец отвел этот наган из его рук в сторону и, побормотав что-то на своем языке, они ушли, сказав, что они завтра придут и чтобы matka оставила мне ключ. Но завтра рано утром я убежала во двор, где целый день пряталась и боялась, что они опять придут, но еще раз почему-то не пришли.

Через несколько дней нас выгнали из своих хат и погнали куда-то по дороге, крича на нас: «Шнель, шнель». Я ничего не понимала, держалась за маму, которая брела молча, ничего не слыша и не замечая. Потом нас пригнали в какие-то длинные сараи или конюшни, там было много народа, дети плакали. Я помню, мне так хотелось пить, но почему-то мне мама

не давала. Я очень сильно заболела, у меня был большой жар и я долгое время была без сознания. Когда я очнулась, надо мной сидела моя мама и почему-то плакала, а еще стояли какие-то тети. Там мы были, пока нас не освободили наши войска. Мама мне говорила, что нас держали в лагере и хотели отправить в Германию, но не успели.

Когда мы возвратились в нашу деревню, нашего дома не было, деревню немцы сожгли. Жить нам было негде. Это был октябрь и ноябрь месяцы, было уже холодно. Тогда мама решила идти со мной пешком в Киров, где жили бабушка и дедушка.

Когда мы пришли к бабушке, то увидели, что их дом тоже был разбит и мы все жили на огороде в окопе на Люксембургской улице. Потом дедушка отремонтировал дом, и мы перешли в теплое помещение. В школу я пошла учиться уже переростком в 11 лет в первый класс. Закончила 7 классов вечерней школы и пошла работать, когда мне не было еще 16 лет.

Вот так прошли наши детские годы во время Великой Отечественной войны, ничего хорошего мы не видели. Но все равно мы всегда были веселыми, добрыми, хотя наше здоровье подорвано. Сейчас я нахожусь на пенсии, у меня есть внуки, правнук. Я желаю моим внукам и другим только счастья, здоровья, чтобы их поколение не знало столько бед и войны.

ЛАГЕРНЫЕ МЫТАРСТВА

Пигарев Николай Николаевич

*1927 г.р., ур. д. Верхнее Ашково Жиздринского р-на
Калужской области, проживает в г. Бресте*

В зимнее наступление наших войск (январь-февраль 1943 г.) жители нескольких деревень Жиздрин-

ского района, в том числе и наша семья, — мать, четверо малолетних детей и я, подросток, спрятались в большом лесу за Дынским поселком.

Через несколько дней лес, где мы спрятались, был окружен немцами и полицаями. Всех мужчин и подростков арестовали и под конвоем угнали в Жиздринскую тюрьму. Через несколько дней из тюрьмы меня перегнали в Жиздринское гетто. Из гетто нас погрузили вместе с военнопленными в вагоны и отправили в огромный Брянский концлагерь для военнопленных в поселок «Урицкого». Через некоторое время из концлагеря «Урицкого» нас, группу подростков с военнопленными, перегнали в другой лагерь г. Брянска, который находился на ул. Красноармейской. Это была школа и техникум. Из концлагеря нас гоняли на работу в лес на лесоповал, погрузку и вывозку его.

В апреле 1943 г. мы, трое подростков, бежали с тем, чтобы перейти линию фронта к своим или попасть к партизанам. Около пяти суток по Брянскому лесу мы шли к линии фронта, то есть по направлению к Жиздре. На пути нам попался первый за пять суток жилой поселок. Мы зашли вдвоем в этот поселок попросить еды, где нас схватили полицаи. Через день, как нас схватили, полицаи передали нас как партизан немцам. Немцы нас посадили в холодный сарай и держали голодными около недели, а потом под конвоем поездом отправили в Брянскую тюрьму.

В летнее наступление наших войск 1943 г. из брянской тюрьмы меня забрали эсэсовцы и увезли в крытой машине под автоматами. Привезли на какую-то ж. д. станцию, загнали в вагон, который был набитый, полный людьми. Везли нас по железной дороге в закрытых вагонах и под конвоем, голодными. Выгрузили нас в концлагерь на границе Польши и Германии. Названия лагеря не помню. Из этого лагеря после комиссионной проверки меня отправили в Германию, в концлагерь города Эссен. Из женского концлагеря меня направили на работу к бауэру, где зас-

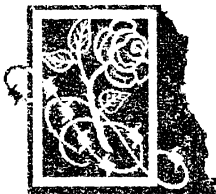
тавляли работать по 14 часов в сутки и без выходных. Северный Рейн-Вестфалия, Гамбург, Район Мерс, Лохай до, Мюллейштрассе, 18 Хейнриг Бергс. Жена его Мария Бергс, трое детей: дочь Гертруда, сын Гайнц, дочь Луиза, сестра хозяина Ахнес и его отец. От бауэра меня забирали эсэсовцы и угоняли на самые тяжелые земляные и строительные работы, на разборку руин, а содержали нас в концлагерях, где я потерял свое здоровье.

В апреле 1945 г. нас освободила американская армия, которая также нас держала в военных лагерях. В сентябре месяце 1945 г. американцы нас передали советским войскам. В восточной части Германии советскими органами мне на руки был выдан документ. С этим документом и списком у старшего по вагону я и приехал на Родину.

На основании этого документа я стал на военный учет в Жиздринском райвоенкомате, где мне выдали приписное удостоверение, а документ остался в райвоенкомате, содержания этого документа я не помню.

Прошу Вас, вышлите мне справку о том, что я несовершеннолетним был угнан в Германию на каторжные работы и прошел все ужасы фашистских концлагерей, потеряв здоровье. Справка требуется для оформления пенсии. По состоянию здоровья сам приехать не могу. И еще прошу Вас, сообщите нам о моем отце, Пигареве Николае Павловиче, 1900 г. рождения. Как бригадир и депутат сельского совета, он по доносу был в 1942 г. арестован полевой жандармерией, угнан в направлении Ослинского поселка. У жандармов к велосипедам были привязаны штыковые лопаты. Его детям и внукам до сих пор неизвестно, где он был расстрелян.

Мать, Пигарева Мария Тимофеевна, 1904 г. рождения, мать-героиня, воспитала шестерых детей. Немцами была угнана из Большого леса в Белоруссию, где жила до последних дней. Ушла из жизни в январе 1992 года.

МАЛОЛЕТНИЙ МСТИТЕЛЬ ИЗ Д. КОЛОДЯССЫ

Писарев Павел Иванович

1936 г.р., ур. д. Колодяссы

Война к нам в Колодяссы пришла в 1941 г. в сентябре месяце. Мне было 5 лет. В семье у нас была мать — Писарева Елена Никитична, бабушка — Степанида Ивановна, брат — Писарев Юрий Иванович 1938 г.р. (ныне покойный), сестра — Александра Ивановна с 1942 г.

Когда пришли немцы, они нас выселили из нашего дома и мы скитались по чужим углам. Дом наш использовали под полицейскую комендатуру. Два года у нас в деревне хозяйничали немцы. Скот весь немцы отобрали. Отдали полицая Тимошкину Григорию Федотовичу (1910 г.). Когда забирали скотину, мы еще им сказали: «Зачем забираете?» Он ответил: «Мне дала немецкая власть».

Бабушка Степанида Ивановна была связной с партизанами. Выполняя задание переводчика (а он был от партизан), ходили в соседнюю деревню по специальным пропускам, которые доставал переводчик. Бабушка все время брала меня с собой. У нее там, в д. Рессета, жила сестра, и мы под предлогом проводить ходили к ней. Однажды нас не пустили в Ресету и предупредили через переводчика, что там будут сжигать народ. Писарева Екатерина не послушалась переводчика и пошла на задание с сыном Колей. Задание партизан она выполнила, и по пути домой ее немцы расстреляли вместе с сыном. Когда переводчик узнал, дал разрешение на захоронение в своей деревне Колодяссы. Деревню Ресету всю уничтожили. Сожгли вместе с жителями деревни.

После этого случая я стал не в себе. Я помню, как хоронили т. Катю, Колю. Я решил мстить немцам, хотя мне было всего 6 лет.

В один прекрасный день, когда они отступали, мы были в другом конце деревни, там жил полицай — И.Фирсов. И когда немцы отступали, я решил подетски отомстить немцам. Взял камень, подошел к дороге и бросил камень в мотоцикл в колесо. В это время немец бросает мотоцикл, берет меня и подводит к мотоциклу. Когда он отремонтировал мотоцикл, в этот момент выходит полицай И.Фирсов и давай меня бить. Били то немец, то полицай. Когда немец бил, я не плакал, а когда свой бил — я заплакал. Тело у меня все было черное, как чугунное.

Он заставил меня бежать рядом с мотоциклом. Он хотел меня расстрелять прямо в деревне, а И.Фирсов сказал ему, чтобы расстрелял за деревней. Проезжая мимо комендатуры, а я бежал рядом с мотоциклом, увидел переводчика. Я бросился к нему. Он переговорил с немцем, и немец уехал. Так я был спасен переводчиком.

В 1943 г. нас угнали в Бежицу в распределительный лагерь. Через какое-то время нас погнали в сторону Бреста в Белоруссию. Расселили по селам.

Нас освободили наши войска. Я болел свинкой. Меня лечил военный немецкий врач. Он не давал ни наших, ни немцев расстреливать. Он говорил: «Я врач, и мое дело лечить людей, независимо от их национальной принадлежности».

Возвращались мы домой кто как мог. В основном пешком. Приехали домой, а наш дом наполовину был разбит. Дом отремонтировали, и в нашем доме сделали школу. Дом был большой, пятистенный. Года два у нас была в доме школа, а потом она переехала в другое место. Мы ходили в школу. Жизнь продолжалась.

МЫ РАБОТАЛИ НА ХОЗЯЕВ

Попова (Герасимова) Зинаида Федоровна
1929 г.р.

Родилась я в 1929 году. Когда началась война, отца забрали на фронт. Нас, детей, у матери осталось шестеро. Один брат подорвался на гранате. Его немцы заставляли возить снаряды на передовую. Брат собрал вокруг себя немцев и хотел их подорвать вместе с собой. Граната разорвалась у него в руках, он погиб, а немцы остались живы.

Другой братик маленький умер в концлагере от голода. Он не мог есть баланду из чечевицы и брюквы. Все просил есть, а что мы могли ему дать. Немцы сначала выгнали нас из деревни Кондрыкино. У которых было много детей, отправили в Людиново, а рабочую силу оставили в деревне, чтобы они копали немцам окопы.

В Людинове нас поселили в один дом пять семей: Ляликовы, Дроздовы, Козловы, Труновы и мы — Поповы. Жили мы там месяца 3—4. Затем нас вернули домой, в Кондрыкино. Стало слышно, как снаряды долетали до нашей деревни. Наши солдаты уже были в Букани и Кашовичах.

Немцы решили собрать всех жителей деревни и эвакуировали нас. Убежать было нельзя, везде стояли патрули. Погнали нас сначала на Жиздру, потом в Улемль, затем в Брянск, а потом на Бежицу. В Бежице нас погрузили в товарные вагоны. На станции Бежица налетели наши самолеты. Хотели бомбить, думали, что это немцы. Старики и женщины выскочили из вагонов и стали махать платками, руками. Летчики увидели, что это беженцы, и не стали бомбить.

Везли нас до самой Литвы. Останавливались на станциях на малое время. Кушали мы свое, что у кого было. Довезли до города Алитус. Там уже был лагерь. До нас там были пленные солдаты. Все стенки были исписаны фамилиями. Так мы поняли, что здесь были наши солдаты в плену. Три женщины нашли по фамилиям своих мужей.

Сначала нас посадили в деревянные бараки без пола, были одни нары. На нас напали вши, и все дети заболели чесоткой. Изолятор был кирпичный, и больных людей изолировали от здоровых. Потом нас всех вывели на площадь и начали отбирать рабочую силу. Эту рабочую силу отправляли в Германию и Австрию. С маленькими детьми не брали. Мы остались в лагере, больше всех были покрыты чесоткой. Потом нас вывели опять на площадь и продали как рабочую силу литовцам.

Литовцы ходили по площади и выбирали себе работников. Нашу семью, четверо детей и мать, нас никто не хотел брать. Родственников наших забрали. Нас осталось совсем мало на площади. К нам подошёл один литовец, с виду бедный человек. Мама заплакала. У нее не было рабочей силы. Дети мал мала меньше. Он велел ей сажать детей на телегу и повез нас в деревню Буцкунь.

Привел нас в дом, а у самого ничего нет, только одна русская печь. Сделал нам нары, где спать. Звали хозяина Антос Матачунос. Его литовцы не любили. Мать его была полячка. У него даже прозвище было «Коммунист». Он в церковь не ходил, был очень бедный. Брат его, который жил через коридор, был богатым. С братом жила мать-полячка. Звали его Юзеф Маточунос. Они не дружили между собой.

Наша мама ходила на заработки по хозяевам, чтобы нас прокормить. Наши родственники проживали в том же районе, где и мы. Мама ходила отмечаться в город Жосли и там увидела своих родственников. Они жили в соседних деревнях.

Весной 1944 г. литовцы начали нанимать себе пас-

тухов. Меня наняли в деревню Пабярна. Хозяева взяли меня к себе жить. Брата взяли в деревню Шеланк стеречь коров. Он был с 1931 г. Двое младших детей с матерью ходили работать по хозяевам. Слышна стала канонада. Стали поговаривать, что скоро наши придут. Однажды пришли разведчики и узнали, что я русская, и все у меня расспросили, откуда я и сказали, что нас скоро освободят, что мы уедем на Родину и что я никогда не буду пастухом. Через две недели мы были освобождены и уехали на Родину.

КОТЛЫ БЫЛИ БОЛЬШЕ НАС

Пукина (Борисова) Анна Николаевна
г. Жиздра.

Я, Пукина Анна Николаевна (Борисова), 12-летней девочкой в августе 1943 г. вместе с родителями была угнана из Жиздры. Сначала нас пригнали в село Улемль, там был лагерь, куда сгоняли народ со всего Жиздринского района. Два дня мы побыли в Улемле, а затем нас погнали на Брянск. В брянском лагере мы пробыли два дня или три, а затем загнали в товарные вагоны и повезли не зная куда. Когда состав останавливался на какой-то станции, нас выпускали из вагонов и к вагонам никого не подпускали. Так нас довели до Белостока. В Белосток мы приехали вечером. Нас высадили из вагонов и повели не зная куда. Идем по городу, темно, огней не видно. Подвели к зданию и загнали в него. Там нас разделили: мужчин и подростков в одну дверь, женщин и детей в другую дверь. Все стали прощаться друг с другом. Думали, что привели в баню и газом отравят. Заставили раздеться, повесишь белье на крюки и идти

мыться. Прошли санобработку, одежду продезинфицировали.

Вот так всю ночь мыли весь состав. Мы оделись и вышли на улицу. Мужчины тоже. Сколько было радости, что мы остались живы. До станции повели стро-ем, и опять в эти вагоны. И только тогда нам сказа-ли, что нас везут в Германию.

Во Франкфурт-на-Майне нас привезли ночью. Это был распределительный лагерь. Там мы пробыли два дня. В лагерь приезжали хозяева и разбирали по хо-зяйствам, а нас посадили в машины и привезли на завод. На территории завода были три барака. День мы пробыли здесь, и нас снова посадили на машины и повезли в лагерь.

Поселили в барак шесть семей. В основном были орловские с области и г. Орла. На следующий день родителей погнали на работу на завод. В лагере были русские, французы, поляки. В лагере была столовая. Давали есть каштановую баланду, кольраби и 100 граммов хлеба. На кухне работали две кухарки из Хорватии и немки. Мы, дети, бегали по лагерю, а в основном возле кухни. Там нет-нет, да что-то дадут поесть эти хорватки. А еще они чистили картошку для себя как на терке, а отходы выбрасывали, и мы расхватывали эти отходы, приносили в барак и на буржуйке пекли. В то время все было сладко.

Однажды нас позвали хорватки на кухню и велели мыть котлы, а котлы были больше нас. Мы мыли эти котлы и, правда, они нас полюбили и давали нам есть что сами ели. И еще давали с собой в барак и хлеба, и картошки для родителей.

Когда наши стали подходить к Берлину, а город Финов, где был наш лагерь, недалеко от Берлина, нас стали выгонять из лагеря. Куда нас погнали, мы не знали. Догнали до леса, а там немцев полно. Нас там и бросили. Стали подходить ближе наши войска, немцы стали выходить с белыми флагами. Стрельба прекратилась.

Помаленьку мы стали выбираться из этого леса, а

идти не знаем куда. Сколько было радости, когда встретили своих, а 9 мая, как сейчас помню, день был солнечным, теплым и наши солдаты сказали, что война окончилась. В августе 1945 г. мы вернулись на Родину.

«СЛАДКАЯ» ЖИЗНЬ В НЕВОЛЕ

Пчелкин Александр Андреевич

г. Киров Калужской области

Мне было 11 лет, когда 4-го октября 1941 г. наше село Гнездилово Спас-Деменского района было оккупировано немцами. Гнездилово расположено на большаке Ельня — Вихоры — Вязьма. В период ожесточенных боев летом 1941 г. под Ельней через наше село день и ночь шли пехотные части. Под руководством Г.К. Жукова немцы были выбиты из Ельни 6-го сентября 1941 г. Однако удержать инициативу нашим войскам не удалось.

Немецкая комендатура сразу стала наводить «порядок» в селе. Расклеенные приказы заканчивались, как правило, угрозой расстрела. Мальчишки нашего села шныряли в окрестных лесах, оказывали помощь нашим бойцам-окруженцам, как правило, хлебом, картошкой, показом нужного направления движения к своим войскам. В лесах было много различного оружия, боеприпасов. Все это мы собирали, прятали в лесах. Трудно это было делать, немцы нас неоднократно обстреливали. Просто чудом обходилось без потерь. Немцы хорошо видели, по ком вели стрельбу. В лес мы ходили с ведром, корзиной.

Когда в феврале 1942 г. наша местность стала партизанской зоной, мы, подростки, были в большом почете у партизан. Каждый день мы выходили в лес,

и по нашей указке партизаны раскапывали снег и добывали оружие. Немцы предпринимали попытки ликвидировать партизан, но до середины лета 1942 г. партизанская зона жила. Все это в дальнейшем, видно, сыграло роль в угоне жителей в Рославль.

В один из холодных дней начала марта 1943 года фашисты стали собирать селян на «собрание». Мы, не подозревая ничего плохого, собирались в центре села. Ждали, что сейчас сделают объявление и распустят по домам. Но с этой минуты начался наш путь в Германию. Молча, под угрозы фашистов и их окрики, понукания, 25 километров к деревне Ново-Александровской шли женщины с детьми, многие были на руках у старших, подростки. Здесь всех прибывших с округи закрыли в сараях на ночь. Холод, страх не давали сомкнуть глаз. Дети плакали, прижимались к матерям.

Рославльский лагерь, который располагался в поле на западной части города, встретил нарами-полуземлянками. Наша часть лагеря отделялась от военнопленных полосой метров в пять и двумя рядами колючей проволоки. Люди как-то приспособивались вести разговор с другого лагеря. Получали сведения, кто еще жив остался, кто погиб в боях в партизанской зоне. В основном здесь была молодежь, патриоты своей Родины.

Как правило, за день собранная информация выливалась в слезы. Женщины оплакивали своих мужей, сынов, близких родных. К погибшим в боях прибавлялись умершие здесь, в Рославле. Кормили нас плохо, а военнопленных и того хуже. Мать, на руках у которой была еще и моя пятилетняя сестра, как могла оберегала нас. Кормили коричневой баландой из брюквы, от которой болели животы. Очень редко давали что-то наподобие хлеба.

Месяца через два нас в пешем порядке колонной человек 300 погнали на Бобруйск. Помню, ночевали в Кричеве. Прибыли под вечер. Холод, голод заставили нас с другом Ивановым Николаем идти и со слеза-

ми просить разрешения у конвоира что-то выпросить на ужин у местных жителей. Мы, мол, никуда не уйдем, наши мамы остаются под охраной. Разрешили. Этот городок мне запал в память по двум причинам: нам дали квашеной капусты и вареной картошки, вдоволь мы наелись и накормили своих мам. Уж очень вкусная еда была. Люди делились последним. Вторая менее радостная. Мы обратились с вопросом к полицейскому, в какой дом повернее зайти в поисках еды, но начали мы свой вопрос со слов «товарищ полицейский...», эти слова привели блюстителя порядка в ярость. Был он с большой собакой. Поливая нас бранью, он начал нас травить псом. Собака бросилась на нас с лаем, но не кусала. Естественно, мы от страха кричали. Мы даже не поняли, кто нас защитил. Этот случай и сейчас вызывает чувство гнева. Мы с другом встретили двуногого зверя в обличье человека. Возраст этого изверга был, видно, за сорок, то есть не молодой.

Вот так, делая ежедневные переходы, трудно достоверно сказать, по сколько километров в день, мы шли к Бобруйску. Дальнейший путь по железной дороге в г. Гамбург. Как дети, мы не понимали трагичной судьбы своей. Мы радовались, что поехали в вагоне, и вагон, к нашему удивлению, не падает на шпалы. У взрослых снова слезы. В общем, мы огорчили их. Ехали долго, часто стояли, в вагонах духота. Один раз наш эшелон подорвали партизаны. Состав остановился. Охрана с криками «Партизанен» куда-то бежала. С началом обстрела вопли, плач детей остановили стрельбу. Видно, партизаны определились, что за эшелон остановился в лесу. Вагоны закрыты, по какой местности везут, мы не знали.

Прибыли в Гамбург ночью. Крики, ругань, и все почему-то надо делать бегом, иначе пинок сапогом. По всему эшелону только и слышно: «Шнель, шнель, лос, лос», и в дальнейшем эти слова-команды сопровождали нас всегда. Гамбург, видимо, громадный город. Частые бомбардировки города, разрывы бомб

давали представление, что он велик. Странное дело, бомбежки обитатели лагеря воспринимали с большой радостью. Хотя, надо понимать, что это было совсем не безопасно для узников.

В отдельные налеты на город бомбы рвались совсем рядом. За все налеты не было случая, чтобы они упали на наш лагерь.

В Гамбурге, видимо, лагерь, в котором мы находились, был пересыльный. Обитатели бараков постоянно были в движении. Сперва людей загоняли в карантинные блоки, затем в санитарные, где проходили санобработку, и только после этого направлялись в эвакуационную зону, откуда людей направляли в различные ведомства на работу.

Нашу семью распределили в область Оснабрюк, это западная часть Германии. Прибыли мы в двух вагонах человек семьдесят. Выгрузились мы где-то у высокого забора, подальше от людей. Видно, вид у нас был пугающий. И всегда почему-то окрики, ругань, ничем не прикрытая злость наших конвоиров. Главное для нас было — не попадать под горячую руку. Вспоминая это тяжелое время, я не могу обосновать такого поведения немцев, их жестокость. Может, так предписывали действовать служебные инструкции?

Долго стоять нам не пришлось. Подошли человек двадцать прилично одетых господ разных возрастов. Внимательно оглядывая «товар», прошлись вдоль нашего построения и, отойдя в сторонку, стали изучать наши бумаги, изредка, коверкая наши фамилии, что-то уточняли. Забрав свою рабочую группу, хозяева спешили — была первая декада августа 1943 года, время уборочных работ.

Спешили и мы за гер Енькбедингом, владельцем сельхозугодий в округе Берзенбрюк, куда нам предстояло ехать поездом с пересадкой на гужевой транспорт, благодаря которому мы к позднему обеду въезжали на ферму. За всю дорогу нам никто не предложил что-то из еды. Вкус полугнилого яблока в хозяйском саду показался мне слаще сахара.

Режим на фазенде был строгий: в 6 утра начало работы, в 6 вечера — окончание, иногда задерживались. Вела хозяйство молодая хозяйка, муж ее служил в Смоленске большим чином при каком-то штабе, ежегодно приезжал в отпуск. Все работники-рабы имели свои рабочие места, то есть кроме общих полевых работ у каждого был ряд обязанностей.

Я работал, как взрослый, на всех сельхозработах, кроме этого, моя ежедневная обязанность — подать корма на всю имеющуюся скотину. Сено, солома подавались вентиляторами из соседнего здания. Работа посильная, но к концу рабочего дня пыли под одеждой собиралось изрядно, однако смыть пот, грязь негде было, приспособлялись на ваннах для охлаждения молока. В хозяйстве было примерно 50 коров, около сотни свиней, 5 лошадей, небольшой двор. Работали русские, поляки, голландцы. Жили дружно, помогали в чем могли друг другу. Жили на втором этаже скотного двора.

Наша семья имела жилое помещение над свиньями, а голландец, поляк, русские — над стойлом лошадей. Молодая хозяйка была горяча на расправу, часто била рабочих, прислугу девочку-немку Эрику Гросман. Была она прислана из города Эссен проходить практику после школы. Затрещины давались без особых оснований, что вызывало обиду, слезы. Помню, мою мать избивала, что не так стала поить родившегося теленка. Мне удавалось спастись от ударов, больше того, я вступил в брань и вел ее на русском языке, хотя через год я сносно освоил немецкий.

Судьба мне здесь улыбнулась, меня в середине лета 1944 года перевели на работу на другую ферму. Ночевать приходил «домой к матери». Видно, плохо стало с поступлением рабочих из восточных областей. Мои новые хозяева — старики, сын на фронте.

Три коровы, другой скот обслуживала жена сына Елизабет. С моим приходом большая часть тяжелых работ перешла в мое исполнение. Вывозка навоза, вывоз молока на дорогу, чтобы оно ушло на молоко-

завод, подвоз кормов разгрузили молодую женщину. Где принималось решение об оказании помощи этой немецкой семье, мне неизвестно. В этой семье я был в большом почете, сидел за столом вместе с хозяевами. Питание стало значительно лучше. Мать была рада за меня. Конечно, я старался работать. Другой день так уставал, что еле доходил до ночлега.

Выполнив свою работу, я стал помогать доить коров хозяйке, получалось это у меня неплохо. Другие дойки выполнял один. Научили меня доить всеми пальцами руки, то есть кулаком. Только зачищать вымя надо двумя пальцами. Эти требования я выполнял. Однако беда пришла, откуда мы ее не ждали. Ежедневно я утром вывозил молоко на трассу, а после обеда с коляской шел забрать обрат молочный.

Был июнь 1944 года. Шли ожесточенные бои на Курской дуге. Немецкие войска терпели поражение. Видно, это и послужило в принятии решения группой подростков моего возраста уничтожить русского. Ранее хозяйский сынок Гюнтер не раз мне бросал: «Вы не человеки, вас с приближением фронта повесят». Вот таких жестоких юношей воспитывал «Гитлерюнис». Я поздно понял намерение юнцов, выскокших из придорожного леса. Было их человек 15—17. В считанные секунды я был окружен, опасность за жизнь придала мне ловкость, силу, я сумел уйти от ударов. Спасло меня и мое бегство через лесок. Только потом, услышав отдельные реплики из объяснений Гюнтера, я осознал, что мне грозило. Сынок вел себя нагло, вел разговор со своими родными вызывающе, можно сказать, как истинный немецкий «патриот». Интересно, как сложилась его судьба, какие понятия о человеке, о гуманности стали его нормой поведения.

Как клеймо, каждый из нас носил бирку. Русские — нашивку на груди «Ост». Да и ходили мы, громко цокая деревянными колодками, как животные ко-

пытами. За два года, что мы были в неволе, мы не знали другой обуви, кроме колодок. Это выдолбленные из липы, ольхи полуботинки, окаймленные кожаны́м ремешком на подъеме, чтобы не стирать ногу. Далеко было слышно нашего брата, если шел он, по цоканью колодок. Сейчас даже не верится, что все это было с тобой. Конечно, климат там мягче нашего, но выпадает снег и держится он неделями, а у нас на ногах только колодки, ноги голые. Вот и последствия многих болезней при нашей старости.

Наша ферма располагалась у крупного военного аэродрома, который частенько бомбила авиация союзников. Шли самолеты сотнями, бомбы сыпались на военные объекты и много страдали мирные жители городка Квакенбрюк. В один из налетов серия тяжелых бомб упала на здание костела. От красивого храма осталась высоченная куча кирпича, правда, к большой радости людей сама башня устояла. Помнят ли послевоенные жители городка все это?

Освободили нас англичане 14 апреля 1945 года. Мне было 15 лет, а за плечами четыре класса. После войны окончил ремесленное училище в г. Людиново, вечернюю школу, затем Ленинградский автотранспортный институт. Работал начальником автохозяйств в г. Олонце (Карелия), в г. Кирове. 24 года отдал работе в автошколе в г. Кирове и до последних лет, когда началась перестройка, я старался не упоминать о том, что работал в неволе. В нашей стране было позором работать на немцев. Государство нас не смогло защитить во время войны, и мы же еще оказались виноваты. Идеология фашистского плена была сильна и портила людям биографию, угнетала морально. Большое достижение демократического строя — признание факта невинности малолетних узников, восстановление справедливости по отношению к нам. Мы получили ряд льгот. Та добавка, что дается нам к пенсии, тоже хорошее подспорье в бюджете пенсионера.

МАТЬ ЕЁ РЫЛА ОКОПЫ

Ратникова Александра Андреевна

1935 г.р., ур. дер. Мамоновка Дзержинского района

Родилась в 1935 г. в деревне Мамоновка Дзержинского района Калужской области. В семье была младшим ребенком. Когда началась война, ей не было и 6 лет. Отца сразу же забрали на фронт, а мать и четверо детей остались в деревне, захваченной немцами. Жители были выселены из своих домов. В деревне начался голод, многие умирали от недоедания. Три года жили немцы в их деревне. Александра Андреевна назвала их «хорошими немцами», так как они не издевались над людьми, а наоборот, кормили маленьких детей. Но в 1943 г. пришел приказ отступать и гнать всех пленных к Смоленску. Немцы стали злыми и жестокими. Несколько месяцев немцы гнали русских. На ночь их загоняли во рвы, траншеи, кормили плохо. Тех, кто не мог идти, убивали. Пленные не знали сами, куда их гонят.

В августе 1943 г. среди насильственно угнанных жителей деревни Мамоновка была семья Семянцовой Прасковьи Сергеевны с ее дочерью Александрой Андреевной. Их пригнали в концлагерь, находящийся в г. Рославле, в Смоленской обл. В то время в концлагере находились пленные разных возрастов. Жили пленники в грязных бараках, питались испорченными продуктами. Александре Андреевне было только 9 лет, поэтому работать ее не заставляли.

Мать ее рыла окопы с утра до ночи. Пробыла Александра Андреевна в концлагере один месяц. В сентябре 1943 года русская армия освободила всех узников.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Родина Ада Викторовна

Проживает в г. Саратове.

День угасал, и ночь в права вступала,
Земля моя готовилась ко сну,
Пел соловей, кукушка куковала,
Заря зажгла полночную звезду.

Спала земля, спала моя Россия,
Детишкам снились радостные сны,
Бродила ночь в накидке темно-синей
Последней предвоенной тишины.

Вставай, земля, война уже в дороге,
Незванные сто тысячей чертей,
Вставай, земля, беда уж на пороге,
И подымай на битву сыновей.

Шли рядом в бой и мальчики, и деды,
Шли девочки дорогами войны,
И сколько не дожили до Победы,
Не услышали мирной тишины.

И каждый год, Победу отмечая,
Мы волю нашей памяти даем,
И со свечой минутою молчанья
Всем павшим реквием поем.

* * *

Чтоб снова на земной планете
Не повторилось той чумы,
Нам нужно, чтобы наши дети
Об этом помнили, как мы!

И не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война.
Ведь эта память — наша совесть.
Она как сила нам нужна.
Вы думали, история — забвеньё?
Архив — куда грехи свои сдадут?
Она — тот высший суд, где нет прощенья,
Где срока давности не признают.
Земля, дай разум всем живущим людям,
Дай силу тем, кто сможет защитить.
Добро тому, кто добр со слабым будет.
Дай память всем, чтобы о прошлом не забыть!

ЖУТКАЯ ЖАТВА

Руденков Станислав Иванович

1937 г.р.

Война собирала свою жуткую невосполнимую жатву — рушилась наша семья. Цепь воспоминаний возвращает меня к довоенным годам. Остались в памяти прогулки на лошадях, запряженных в сани. Из-под копыт коня-зверя (так воспринимало мое детское воображение) вылетали заряды снега, которые летели нам навстречу, и я пугался и всхлипывал, а отец (по словам матери) меня успокаивал и заставлял подпевать: «Капитан, капитан улыбнитесь, ведь улыбка — это флаг корабля». По воспоминаниям матери, отец был очень доволен рождением сына, одаривал улыбкою, подарками, заботою.

Начало войны запомнилось бомбежкой и поспешной эвакуацией с территории Польши. Кшева (где мы жили), Ломжа, Белосток, направление на Волковыск. На обочине дорог трупы убитых лошадей, разбитая техника, вечернее зарево пожаров на горизонте, но-

чевки на полу в деревянных избах, иногда под открытым небом, бесконечная дорога проходила через разрушенный Минск, Гомель, Осиповичи и конечная остановка деревня Крынки, в которой располагался детский туберкулезный санаторий, из которого родители не успели забрать детей. Мама устроилась работать в прачечную. Запомнились груды постиранных шинелей, вероятно, снятые с убитых. Мама работала сутками в этой прачечной, а мы бегали ватагами с мальчиками. У сестренки, которой было 8 лет, были свои подружки, а у меня и младшего брата Толика — свои друзья-мальчики.

Однажды некоторых моих маленьких друзей стали сажать на подводы якобы на прогулку, а мне стало обидно, что без меня, и я попросился на одну из подвод. Ездовой внимательно посмотрел и отослал на следующую подводу, где еще были места, и я, вероятно, отправился бы в это последнее путешествие, если бы не воспитательница, которая сняла меня с подводы буквально при выезде из ворот. Старшие шли колонной. Потом воспитательница рассказала маме об этом, приведя ее в ужас, так как все пассажиры этих подвод, дети еврейской национальности были ликвидированы нацистами.

К сожалению, нашей маме Асе вскоре пришлось испытать еще один ужас. Когда она пришла домой из своей злополучной прачечной ей рассказали, что ее приемную дочь Людочку увезли два немецких офицера в черных мундирах, затолкав ее в какой-то черный лимузин. Мама по характеру не относилась к тем женщинам, которые громко навзрыд могли выразить свои эмоции и потому, окаменев лицом, почти беззвучно сказала: «Что же я скажу Ване? Почему не уберегла дочь?»

Переживание передалось нам, детям, — война собираала свою жуткую невосполнимую жатву — рушилась наша семья.

А дальше партизаны совершили акт возмездия. Мы все проснулись ночью. Полыхала огнем водокачка. Жильцы деревянных построек, в которых мы жили,

были выведены с пожитками во двор. Партизаны в последний раз осмотрели все помещения, чтобы там не осталось ни одной живой души, корпуса были подожжены, а нас и немногочисленный персонал санатория вывезли в деревню, расположенную вблизи леса, название не помню, где-то возле Дороганово и Осиповичей.

Нас поселили в доме пожилого крестьянина, который увлекался рыбалкой на протекающей вблизи речушки, которая впадала в реку Птичь.

Однажды я решил перебраться к нему на место рыбалки, стал переходить по связям взорванного моста, подскользнулся и полетел в воду. Поплыл, как бревно, по воле волн, пуская пузыри. По рассказам очевидцев, рыбак увидел тонущего ребенка, стал кричать проходящим партизанам и один из них вытащил меня на берег, разомкнул зубы, слил воду из желудка, а затем позвали маму, которая в это время собирала чернику, и она в очередной раз испытала стресс из-за своего непутевого ребенка.

Увы, законы военного времени безжалостны к судьбе отдельных личностей, правы или неправы они в своих делах. Так хозяин того дома, у которого мы жили и который спас меня от утопления, вскоре был расстрелян партизанами за доноительство в полицейское управление. Его забрали ночью и приговорили на сельском кладбище. Нас забрали партизаны к себе в отряд. Мы жили в землянке три месяца, затем поселили в том же селе к хозяйке, которую звали Серафима. У нее не все было в порядке с головой: то хвалилась, что ее сын уехал добровольно в Германию, то плакала, что у нее насильно отобрали дите, дочку заставляла мазать лицо сажей, чтобы не привлекать внимания немцев. Была болтлива, и, когда на базаре рассказала, что у нее живет семья офицера, партизаны учинили ей разнос, едва не зарубив ее шашкой. Нас увезли в другой конец деревни, где приняли как родных, и мы прожили там до осени 1943 г., до того времени, когда на окраинах села появился немецкий карательный отряд, который организовал несколько

засад на партизан, а затем выстроил все население деревни и пешим порядком отправил в концлагерь г. Осиповичи. Концлагерь был разделен на две половины — для военнопленных и для гражданских лиц, в основном женщин, детей и стариков. Мне к этому времени исполнилось шесть лет, брату Толику пять лет, и это спасло нас от отправки по этапу в Германию, так как у мамы было двое малолетних детей. Остальных женщин отправили в Германию, и в том числе хозяйку, у которой мы жили. На прощанье она просила взять заботу о доме на себя, если нас освободят.

По иронии судьбы бараки с нарами в три яруса являлись конюшнями войсковой части, в которой когда-то служил наш отец до войны. Кормили нас баландой из каких-то овощей. Нас здорово поддерживала бабушка, она приносила кое-какую еду и перекладывала через проволоку, что спасло нас от голодной смерти. Немцы к этому времени относились более либерально, приближался фронт, слышна была канонада орудий, бомбежек — это их деморализовало до такой степени, что однажды повар-немец подозвал меня, погладил по голове и угостил сладким чаем. Вероятно, в определенных обстоятельствах гуманность проявляется даже у зверей, а быть может, в эти минуты он подумал и о своих детях, которые вполне могли бы оказаться в подобных условиях, когда фронт стремительно передвигался на запад.

Весной 1944 г. советские войска освободили Осиповичи. Немцы отошли без боя. Убедившись, что нет охраны, мы вышли за ворота концлагеря, еще не веря в освобождение. Внешне мы напоминали дистрофиков, у которых легко можно было пересчитать ребра без рентгена. Остаться в Осиповичах можно было только непродолжительное время, так как родственники сами кое-как перебивались и голодали. Мама решила вернуться к родному очагу на Кавказ. Мы правдами и неправдами, где на паровозе, где в товарных вагонах, на открытой платформе с воинскими составами стали двигаться на Кавказ и, наконец, осенью 1944 г. мы сошли на перроне г. Ессентуки.

Город нас встретил теплом еще не остывшей земли, обилием неувядающей зелени, хотя была уже поздняя осень. Ласкали взор плодоносные сады, перезревшие яблоки, груши, сливы, грецкий орех — ощущался какой-то рай, но, увы, нас никто не встречал, и мы подошли к отчужденному дому робкими, жалкими, напоминающими нищих цыган, впрочем, за них и приняла нас отворившая дверь на мамин стук бабушка, мамина мама Маргарита и тут же стала прогонять. Не знаю, чем бы все это кончилось, не вмешайся в это событие сестра мамы Феня. Она произнесла: «Мама, кого ты гонишь. Это же твоя дочь». И только после этого обезумевшие от счастья женщины разрыдались, впустили нас в дом. Впрочем, считать то помещение, в котором они жили, домом можно считать с натяжкой. Ибо были сенцы 2 м² и комната 12 м² с печным отоплением. И в это помещение нужно было вместить шесть человек, что напоминало камерное содержание. Почти год нас не прописывали, так как город был на особом режиме.

Все санаторные корпуса были превращены в госпитали, и только в конце 1945 г. начали открываться санатории, вернее, началась подготовка к их открытию, и мама устроилась в санаторий официанткой, после чего нас прописали, а в сентябре я пошел в первый класс. Толик и Белла поступили в школу на следующий год, бабушка устроилась в театр билетером, тетя Феня работала в госпитале, и только тогда нам на всех выдали хлебные карточки. Мы постепенно стали приходить к нормам мирной жизни, хотя по-прежнему процветала нищета.

День Победы, как и большинство жителей нашей страны, встретили со слезами на глазах. Надеялись, что вот-вот придет известие об отце, о нашей сестренке Людочке, но, увы, время шло, надежды таяли, на запрос пришел ответ, что старший политрук Руденков Иван Григорьевич не числится в списках живых и погибших. Затем сообщили, что пропал без вести в августе 1941 г.

В 1945 г. пришло письмо от тети Маруси из Гомеля, в котором она сообщала, что освобождена Люда и что она у них, и будем ли мы ее забирать. Люда пошла учиться в школу. Ей было 12 лет. Вероятно, это повлияло на мамин прагматизм, она посчитала, что дочь уже достаточно взрослая и как-нибудь с помощью бабушки и родных отца выбьется в люди, тем более в таком большом городе, как Гомель. Люда ушла в детский дом.

В Ессентуках мама оказалась на положении кукушки, которую подкинули в чужое гнездо вместе с чадами на временных условиях, и потому все происходило по законам естественного отбора. Помню свои детские желания того времени, хотелось скорее опериться и быстрее выбраться из этого кукушкина гнезда. И потому, когда мне исполнилось в 1952 г. году 15 лет, я выехал на учебу в индустриальный техникум в г. Владикавказ. Дали комнату в общежитии на 20 человек, и все же я спал на отдельной койке с белоснежными простынями, наволочками и подушкой. В комнате было тепло и чисто и, хотя стипендии едва хватало на питание, мама иногда присылала посылки.

В техникуме я впервые получил письмо от сестры Люды с вложенной и подписанной фотографией от 10. 02. 1953 г. с подписью еще девичьей фамилией Руденкова Люда (сейчас она носит фамилию Ермолюк). С карточки на меня смотрела красивая девушка, с внешностью и прической популярной в то время американской кинодивы Дины Дурбин. Глаза несли доброту, природа творила чудо, сравнимое разве с тем, как на месте выжженной земли вырастает зеленая трава и яркий, подобно аленькому, цветочек. И теперь, по прошествии многих лет, я вновь всматриваюсь в юные черты и понимаю, насколько взволновало меня тогда, 16-летнего юношу очаровательное послание моей милой сестры, с которой мы разлучены были еще в детском возрасте. И только спустя девятнадцать лет мы встретились с ней.

ПОМНЮ СО СЛОВ МАМЫ

Савина Анна Борисовна

*1937 г.р., ур. г. Москвы, проживает в г. Жиздра,
Калужской обл.*

Расскажу, что я помню со слов покойной мамы о войне. В день начала войны, мы с семьей — это папа Савин Борис Иванович 1911 г.р., мама Савина Татьяна Архиповна 1912 г.р., сестра Ольга 1934 года рождения и я, приехали в Жиздринский район Полянский с/с поселок Плотавец погостить к папиным родителям из Москвы, так и застряли. Папа ушел на фронт 27 июня 1941 года и вернулся в 1945 году в ноябре.

Немцы пришли в поселок в начале октября 1941г. Поселок был 30 дворов, стоял в лесу, поэтому они долго не стояли. Назначили старосту, появились полицаи. С поселка шесть мужчин ушли на фронт, и вот на эти-то семьи и обрушились все беды и несчастья. Хотя в семье было двое малолетних детей и трое стариков, у нас у первых отобрали корову. Потом среди зимы приехали полицаи и отобрали одежду, обувь (валенки) и продукты. Когда грабили, маму раздетую вывели на двор и продержали два часа зимой на морозе и все грозили, что расстреляют. Также было и с другими семьями красноармейцев. Свои полицаи тоже издевались.

В начале августа 1943 года пригнали жителей деревни Белый колодец и нас вместе с ними выгнали из домов и обозом погнали в сторону Брянска. Ехали с остановками, и сколько это заняло времени, не помню. В Брянске загнали за колючую проволоку, разделяя рабочие семьи и нерабочие. У нас семья собралась из 12 человек (трое рабочих, пять стариков, чет-

веро детей). Пробыли там около недели, а потом погрузили в товарный эшелон и повезли. Как везли, описывать не буду, это все (кто интересуется) знают. Выгрузили на какой-то станции и погнали опять своим ходом. Остановили в деревне Солоное. Здесь прожили до октября 1943г. Маму гоняли на окопы. Потом вместе с белорусами снова выгнали из домов и погнали в г. Жлобин. Там свирепствовал тиф. В жилые дома нас не пускали. Мы заняли пустующий дом без окон и дверей. Кое-как его утеплили и стали жить. Из продуктов уже ничего не осталось. Мама находила в снегу брошенные шкуры от убитого скота, резали на куски, опаливали и варили холодец. Ходили просить милостыню. Здесь все переболели тифом, умерла сестренка.

Из г. Жлобина вместе с местными жителями опять выгнали и снова погрузили в товарный эшелон. С останковками везли несколько дней, куда везли, никто не знал. Когда остановились совсем, все приникли к щелям и увидели горы вещей и решили, что привезли на расстрел. Но нет, всех загнали за колючую проволоку на ночлег. Жилья никакого не было, то есть под открытым небом. Утром, только стало светать, стали выгонять на дорогу. Дедушка еще не поправился после тифа да провел ночь на мерзлой земле, совсем ослаб и идти не мог, и его пристрелили. Так мы его и оставили, даже не захоронив. Так гнали нас колонной до позднего вечера. Ни шагу в сторону — расстрел, остановился — прикладом куда попало. Мама из-за нас останавливалась и каждый раз ее били. На ночь опять загоняли за колючку, и с утра снова в путь. Обессиленных пристреливали. Матери от бессилия бросали детей. Я помню брошенного младенца и мальчика 3-4 лет. Иногда задерживали на 3-4 дня в лагере.

И однажды на 16 тысяч человек (так говорили) привезли машину конины и стали издеваться: то в очередь построят, то разгонят. От этих всех издевательств несколько человек задавили. Никаких продуктов не давали, воду брали из окопов, где лежали трупы.

В конце марта или в начале апреля 1944 года в лагерь проникла русская разведка. Красноармейцы сказали, что скоро нас освободят, и чтоб никто никуда не уходил, так как кругом все заминировано. Через сутки нас освободили, кого пешком, а детей на машинах доставили на станцию Речица. Здесь нас регистрировали, проводили санитарную обработку, а потом карантин. Отсюда отправляли по месту жительства.

В конце апреля 1944 года вернулись на Родину. А здесь ни кола, ни двора, одна печная труба на месте дома. Из вещей одно детское одеяло да консервная банка из-под американской тушенки, заменяющая кружку. С этого и началась новая жизнь. Сейчас я инвалид второй группы. Бывшая медсестра анестезист. Одинока. Жизнь прожита.

БУДЬ ПРОКЛЯТА ЭТА ВОЙНА!

Сагаровский Александр Михайлович

*1924 г.р., ур. д. Берестовая (Украина), проживает
в г. Обнинске*

В 1943 г. всех жителей нашей деревни Берестовая немцы построили в колонны и погнали на Близнацы. В Близнацах нас загнали в вагоны-телятники и повезли в большой лагерь Лозовой, где подвергли са-нообработке, постригли, нарисовали на груди знаки, кого куда и в какую отрасль на работу.

Из Лозовой нас отправили в Польшу, недалеко от города Люблин в концлагерь уничтожения Майданек. Там мы прошли карантин. Кормили один раз в сут-ки. Вскоре нас снова погрузили в вагоны, более моло-дых и здоровых, и повезли в г. Обергаузен. На вокза-ле нас встретили коричневорубашечники, полицаи с

собаками и погнали в концлагерь. Лагерь был окружен забором. По углам возвышались добротные вышки с пулеметами. Нас переодели в новую форму со знаками «ОСТ» на груди, что означало: восточный рабочий, обули в штрайгольц (деревянные колодки) и распределили по шахтам.

Каждое утро подъем в 6 часов. Получали кусочек хлеба наполовину с древесными опилками и гнали на работу в сопровождении солдат. Обращались с нами хуже, чем со скотиной. Когда колонна двигалась по улицам, немцы выходили и смотрели на «русьише швайне» — это означало «русские свиньи». Так нас немцы называли. Дети бросали в нас камнями. Курящие подбирали окурки, если повезет найти. За это получал 5 плеток.

И так изо дня в день нас гоняли на работы в шахты без выходных, на самые тяжелые работы, где температура в лаве доходила до 40 градусов по Цельсию. Лавы были 40—45 высотой. В лавах работали голыми, как мать родила. Многие погибли от агрессии немцев. Избивали нас нещадно. Тела бросали в вагонетки, сверху досыпали углем и отправляли на гора, где вагонетки опрокидывали в большие вагоны и трупы увозились в неизвестном направлении с углем.

Мы встречали в шахтах и поляков, и французов, и итальянцев, сербов, хорватов. Их кормили лучше, чем нас. Когда после них оставалась пища, тогда ее отдавали нам, русским. Так проходила моя юность в застенках лагеря до появления второго фронта.

После открытия второго фронта нас погрузили в вагоны и повезли ближе к итальянской границе. Там мы копали окопы, блиндажи, ходы сообщения. Здесь был очень строгий порядок. Вся охрана была в коричневой форме и в офицерской должности. Когда гнали после работы в лагерь, а кругом поля и на полях растет брюква, шпинат и морковь, невозможно было удержаться от соблазна что-нибудь сорвать. Голод постоянно преследовал тебя. Кто вырвет корнеплод, тому 10 шомполов в лагере принародно, чтобы неповадно было другим.

При наступлении американцев нас обратно увезли в лагерь Оберхаузена, на 8-ю шахту, где мы раньше работали. Когда американцы подошли к каналу, нас срочно стали угонять дальше. Мне один полицай сказал, что нас скоро угонят еще дальше, и я решил сбежать. Прятался в железнодорожном туннеле. Ел траву и все, что можно было разжевать. В одну прекрасную ночь, как говорится, Бог помог. По перилам моста разбитого я перебрался через канал к американцам, где меня и задержали. Солдаты меня отправили в комендатуру, где мне учинили допрос. После допроса отправили в лагерь, где помыли и накормили.

Когда окончилась война, нас, бродячего люда, оказалось очень много. Нас погрузили в вагоны и повезли через речку Эльбу и передали советским войскам. Город Гамбург. Там сформировали колонны и брасовым маршем, пешком по 60 км, погнали до Брестлитовска. Ноги не идут, болячки на ногах страшные, а идти надо.

Под Брестлитовском в лесу был лагерь. По ходу движения нас обучали военным премудростям. Вскоре нас погрузили в вагоны и отправили в Японию. Не доезжая Челябинска мы узнали, что Япония капитулировала. Всех репатриированных отправили в Магнитогорск. Нас поселили в лагерь заключенных. Вот здесь и начался допрос особого отдела. Где, когда и что знаешь о своих соотечественниках. Тут же меня оформили землекопом на металлургический комбинат на шахты. Все время кувалда и клин. Так намахаешься за день, что и жизни не рад. А сколько вымотали нервов эти допросы бесконечные. Это унижение, что даже спустя столько лет при воспоминании бросает в дрожь, а слезы сами катятся из глаз. Доработал до отпуска и уехал на свою маленькую Родину, где не осталось ни двора, ни кола, ни хаты. Дедушка не дожил до освобождения. Его постоянно таскали за сына, который находился в партизанах. Умер он еще во время войны. Помыкался я на Украине и поехал в Россию. Жизнь, оказалось, ставила такие препоны за

мое прошлое, что, куда ни пойду устраиваться на работу, как только узнают, что был в концлагерях, сразу заявляют, что нет мест или опоздал, уже занято место.

Очень многое пережито за все послевоенное время, не хочу и не могу лишний раз вспоминать о пережитом. Будь проклята эта война!

НАС УГОНЯЛИ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Самарина (Волкова) Валентина Дмитриевна

1943 г.р., ур. г. Жиздры Калужской области

Я, Волкова Валентина Дмитриевна, по мужу Самарина, родилась в 1934 году в г. Жиздра Калужской области. Родители мои: отец — Волков Дмитрий Дмитриевич и мама — Волкова Татьяна Алексеевна. 1934 год — год трудный и голодный. И, как вспоминала мама, ей в трудных условиях удалось растить меня.

И вот 1941 год. Началась Великая Отечественная война. Отец с первых дней войны был призван в армию для защиты Отечества, а мама со мной, младшим братом и семидесятилетней бабушкой остались в городе.

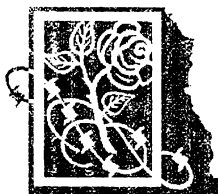
Как тяжело осознавать, в июне началась война, а в сентябре немецкие захватчики уже разгуливали по улицам нашего города. И сразу же начались страдания. Нас выселили из своего дома. Жили у соседей. В доме разместился немецкий штаб. Мама, чтобы прокормить семью, вынуждена была работать на кухне рабочей. Постоянный страх за нас жил каждый день. Так продолжалось до осени 1943 года, когда советская армия стала освобождать города от захватчиков. Немцы были жестокие. Они полностью сжигают и уничтожают наш город, а нас изгоняют из города.

Под градом пуль, бомб и снарядов нас угоняли в неизвестность. В глубокую холодную осень и начало зимы нас догнали до Польши. Нас высадили в городе Люблин и заточили в кошмарный лагерь Майданек. Полуголодное существование, избиение — вот что ожидало нас каждый день. Люди гибли, а тела их сжигались в крематориях. Над городом стоял постоянный смрад от сожженных человеческих тел. Маму и тетю Марусю, как трудоспособных, гоняли работать на сахарный завод. Но советская армия настигала врага.

Где-то в феврале 1945 года нам, чудом оставшимся в живых, удалось выбраться из лагеря и поселиться в польском городе Скаржиско-Каменно, а затем в деревне Милиции.

Весной 1945 года советская армия освобождает Польшу. Нас и других русских собирают в городе Кракове на сборном пункте. Измученных страданиями, голодом и горем, нас поместили в товарные вагоны и отправили на Родину. День окончания войны 9 мая застал нас в пути. Мы были в Орле. В город свой вернулись на развалины. Отца не было, он вернулся к нам только осенью 1945 года. И опять голодные дни и страдания с родными.

Вот такое тяжелое детство. Потеряно здоровье. Отрадилось все и сегодня. Вот такое тяжелое детство и юность. Не дай, Бог чтобы такое повторилось и выпало на долю молодого поколения.

РАЗЛУЧАЛИ С МАМОЙ

Сафонова Раиса Федоровна

1939 г.р., ур. д. Желябово Ульяновского р-на Калужской обл., проживает в Белоусово Калужской области

Наша семья до войны жили в д. Желябово Ульяновского района Калужской области Вязовенского

сельского совета. Мама — Анастасия Никаноровна, папа — Федор Васильевич Королевы и мы, дети — Анна Федоровна с 1922 г. рождения, Мария Федоровна 1932 г., Вера Федоровна 1937 г., Иван Федорович с 1924 г., Алексей Федорович 1926 г., Раиса Федоровна 1939 г., брат Анатолий Федорович 1941 г. рождения.

Папа, брат Иван и брат Алексей с первых дней войны были на фронте. Папа погиб в 1943 году 24 августа, похоронен в Сумской области. Брат Иван был танкист, дошел до Берлина, вернулся живым. Брат Алексей был моряков, отдал свой долг Родине 7 лет, вернулся живым.

Нас с мамой в 1942 году в августе немцы вывезли в Хвастовичский район Калужской области. У старшей сестры Анны Федоровны было двое детей, они умерли от голода.

Затем в 1943 г. угнали в Германию в г. Ноюрпин. Были там до конца войны. Освободили нас советские войска.

Мама и две старшие сестры Анна и Мария работали на хозяина, а мы, дети, были в бараке за колючей проволокой, немецкие дети приходили к нашему бараку с собаками и травили на нас. Брата Анатолия, он был маленький, укусила собака.

Мама не любила рассказывать обо всем пережитом. Она постоянно повторяла: «Как же я вас не потеряла?» Когда гнали нас в Германию, постоянно нас с мамой разлучали, нас, детей, грузили в одну машину, а взрослых в другую. Находясь в Германии, все переболели тифом. Мама не думала, что выживем. Постоянный голод. Мне было 3 года, по своей натуре я несмелая и медлительная, и когда мама давала нам еду, я не успевала взять что-то покушать и начала опухать от голода. Когда мама поняла, в чем дело, стала строго делить на всех, и я стала оживать.

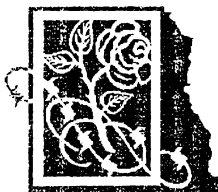
Жили в бараке, было много нас, семей, кто откуда. Спали на нарах, нары были двухэтажные.

Мама наша умерла. Не дожила она до этого време-

ни, что мы пользуемся льготами, да еще и марки получили. Она бы, наверное, не поверила всему этому. Какое было на нас гоненье после войны. Сестра Мария тоже умерла, не дожив до этого времени. Когда освобождали нас, я даже помню. Были страшные бои, нас выгнали в какое-то поле. Это было светопреставление. Мы, конечно, были дети и мы забыли тот страх, а каково было взрослым? Они постоянно ходили под смертью. Кормили нас, приезжала кухня, и выстраивались в очередь за тем, что плеснут тебе в миску.

После войны приехали в свою деревню. Хата наша сгорела, поселились у родственников. И вручили маме похоронку на папу. Она у меня и сейчас хранится, ее бы в музей поместить. Я часто смотрю на нее, столько было пережито. Детства у нас и не было. Я сейчас рассказываю своему внучку, как мы жили, как в школу ходили. Я в четвертый класс ходила в лаптях. И постоянно хотели есть, а есть было нечего. Внучок спрашивает: «А ты знала, что такое колбаса?» Мы не знали. Мы с мамой жили очень и очень бедно. Старшие, сестра и братья, уехали в Москву, а мы, я и брат младший, были с мамой в деревне.

Сейчас я с семьей живу в г. Белоусове Жуковского района. Пенсионерка, работала в ателье швей. Здоровье никудышное: с детства подорвали. Спасибо тем людям, которые добились для нас льгот, что нас признали. Низкий поклон им от моей семьи.

РУХНУЛИ МЕЧТЫ О ШКОЛЕ

Сиденкова Ольга Михайловна

г. Жиздра.

24 июля 1941 г. мне исполнилось 7 лет. Очень ждала я 1 сентября. Все принадлежности для школы

для ученицы 1-го класса были приготовлены. Я каждый день рассматривала учебники и представляла, как пойду в школу и обязательно сяду за первую парту. В нашей семье было трое студентов сельхозинститута, это два брата и сестра, младший брат перешел в шестой класс.

Так как я была самая младшая, все со мной занимались, хотели, чтобы была подготовлена к школе. Я знала алфавит, счет до ста. Мои родные мечтали меня видеть в будущем медиком почему-то, особенно старший брат Василий, который в 1942 г. погиб на фронте, видно, не судьба!

22 июня 1941 г. Германия объявила войну, все мои мечты рухнули, в школу я не пошла. Двух братьев и сестру отправили рыть противотанковые окопы под г. Бежица Брянской области. Мама, я и младший брат остались дома. Мама тяжело болела. У нее болело сердце.

В 1,5 км от нашего дома располагался военный аэродром. Первая бомбежка этого аэродрома была днем, это был какой-то кошмар, сплошной дым, гарь, гул самолетов, грохот от взрывов бомб, не видно неба. Мама, я и брат лежали на земле в огороде. Мы не верили себе, что остались живыми, ведь это было впервые, потом такие бомбежки повторялись. А в октябре 1941 г. со стороны Людиново немецкая разведка на мотоциклах проехала через весь город, а через несколько дней немцы оккупировали город. В оккупации прожили с октября 1941 до августа 1943 г. В оккупации жили в ужасном кошмаре. Сразу пошли аресты, расстрелы, повешения, насильственное мирного населения, молодежь угоняли в Германию в рабство. Нас зимой выгнали из дома. Хорошо, что соседка пустила к себе в дом, и так было не раз. На крыльце застрелили нашу собаку, во дворе побили кур, сварили и пожарили. У брата с ног сняли валенки, пришлось ходить зимой в 40 градусов в ботинках.

Ночью город бомбили русские самолеты, днем со стороны д. Букань летели снаряды, поэтому большую часть времени были дома, в общем, жили всегда в

страхе. Мне так надоели ночные бомбежки, эти бессонные ночи. Как-то раз я маме сказала: «Я согласна не есть, но только выспаться». Мама на меня посмотрела и заплакала.

В августе 1943 г. немцы начали выгонять все население из города. Что можно было взять с собой, когда шли пешком? Я была одета в зимнее пальто, на ногах какие-то ботинки, которыми я в кровь потеряла ноги. Стало жарко. С меня сняли пальто, ботинки, шла босиком и так уморилась, что ноги уже не поднимались, цеплялись за все, что лежало на дороге. Мама меня тащила за руку, я шла и плакала.

Погнали нас до Дятькова, там погрузили в товарные вагоны, в которых были лошади по одну сторону, по другую — мы. В этом вагоне было человек 25. На ночь вагоны закрывали. Ночью железнодорожную станцию бомбили русские самолеты. Так нас вместе с лошадьми везли до Белоруссии недели две. Привезли в Бобруйск, выгнали из вагонов и загнали в какой-то двор, обнесенный колючей проволокой. Там были какие-то бараки, похожие на бани. Окна очень низкие, ходили по двору женщины в полосатых платьях, как в психических больницах. Продержали нас на этом дворе под открытым небом несколько дней. Затем немцы и полицаи погнали нас куда-то и под вечер пригнали в какой-то поселок, это был торфозавод, где добывали торф. Поселили в бараки. Наш барак был очень старый, полы все в дырках, было очень много крыс. Я их очень боялась, они были большие, серые, даже днем бегали по бараку.

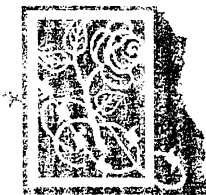
Утром на второй день братьев и сестру погнали на болото, на карьеры, где добывали торф. Это очень тяжелый физический труд. Плиты сырого торфа весили 42 кг, их надо было с конвейера снимать и стелить на землю. Зимой возили сухой торф на вагонетках и складывали в штабеля. Еще торф весною переращивали, он был вросшим в траву. Рукавицы не давали, все пальцы были в крови. С болота приходили усталые, что еле сидели на скамейках. Однажды немец застрелил мальчика лет 16 по имени Фома, который укладывал торф.

Кормили какой-то баландой, хлеб не давали. За две недели до эвакуации населения в июне 1944 г. прошел слух, что немцы отбирают детей до 10 лет для донорской крови. В Бобруйске стоял эшелон с детьми, говорили, что он был отправлен в Минск. Я очень боялась, что меня тоже отберут у мамы. Меня прятали в каком-то шкафу, мне в нем было очень страшно. Может, это бы случилось, но немцы, видимо, отступали. Поэтому нас стали выгонять. В июне 1944 г. всех выгнали и погнали в неизвестном направлении. Слух прошел, что гонят в Германию или Польшу. Отогнали километров 20. Впереди опушка леса, небольшой ручеек протекал, дальше болото. Вдруг из кустов крик-команда на русском языке: «Ложись!» Мы все легли на землю.

Началась перестрелка, пулеметные очереди над нами срезали кустарник. Немцев, которые нас гнали, сразу расстреляли. Это были партизаны, и со стороны опушки леса — Красная Армия, танки, машины, солдаты. Так нас освободили. От радости смеялись, плакали. Нам давали конфеты, печенье, галеты. Назад мы шли за нашими солдатами. Они так нам сказали, чтобы мы от них не отставали, а то нас могут немцы убить, которые были еще в лесу.

На второй день мы вернулись на торфозавод, в бараки. 20 сентября вернулись в Жиздру. Мне уже было 10 лет. Я пошла учиться во второй класс.

Город был настолько разрушен, сплошь одни руины. Жили в землянках, учились в подвале, вместо ламп были коптилки, сделанные из гильз. Они очень коптели и часто гасли на уроках. Чернила делали из сока красной свеклы, из сажи. Писали на газетах. Тетради давали только на контрольные работы. Два раза в неделю давали учебники на 6—7 человек. Несмотря ни на что учились старательно, хорошо. В 1953 г. окончила 10 классов Жиздринской средней школы № 1 и поступила в Московский гидрометеорологический техникум. Работала техником-метеорологом на метеостанции.

НЕ ЗАБЫТЬ МНЕ ЭТИ ГОДЫ

Сомкина Ольга Федоровна

ур. с. Колодяссы Хвастовичского р-на Калужской обл., проживает в Ставропольском крае

Когда началась война, мне было 29 лет и я работала в Милеевской школе старшей пионервожатой. 8 октября 1941 года школа закрылась, и я вернулась домой в Колодяссы. У нас пока не было немцев, но мы помогали партизанам, среди которых был и мой отчим, Агей Васильевич Кузьмичев. Мне он был как родной отец. Я и моя тетя Мария Михайловна Кузьмичева и Корней Иванович Воронин (их уже нет в живых) повезли на лошадях оружие и продукты для партизан в Еленский.

Не могу забыть те чувства, которые я испытала, увидев первый раз немцев. Это произошло во время нашего возвращения домой из Еленского. Мы уже подъехали к Милееву и едва успели свернуть с дороги и спрятаться в лесу, как совсем рядом, буквально в двух шагах, по большаку в направлении Ресеты проехал большой обоз немцев. Чужая речь больно резанула слух.

Так, прячась, мы поздней ночью добрались до дома. В Колодяссах было уже полно немцев и стоял карательный отряд. Меня, маму, бабушку и тетю схватили немцы и допрашивали три дня. Спрашивали про отца и про то, где мы были: «Вы, говорят, продукты и оружие возили партизанам...» Но мы ни в чем не признавались. Позже, тоже по заданию партизан, я не раз ходила в разведку в с. Хвастовичи. На дороге без конца встречались патрули. Я брала пропуск в больницу, чтобы навестить деда (он действительно там

лежал), в узелке несла молоко, яички, а сама все примечала и запоминала. В один из таких дней я стала свидетельницей казни долинских председателя сельсовета и председателя колхоза. Близко я не подходила. Виселица была чуть левее того места, где сейчас братская могила. Было очень много людей, которых полицаи и немцы специально сгоняли для устрашения. Люди плакали, и я сама без слез не могла смотреть на все это.

2 сентября 1942 года погиб мой отчим — его расстреляли полицаи: он попал под облаву, когда ждал в лесу ночи, чтобы выполнить задание командира отряда. Его наградили посмертно медалью «За боевые заслуги». Эту новость мы узнали уже после войны, так как нас с мамой в июле 1942г. угнали а Германию, вернее, увезли, как скотину, в товарных вагонах. После карантина за колючей проволокой разбросали нас по хозяйствам. Мать была от меня за 6 км, встретились за три года всего один раз.

Работали с темна до темна, без всякой оплаты — известно, как быть рабами. Но голодной я не была, питалась картошкой, которую каждый день варила пороссятам. Но моей хозяйке мало было того, что я работала, она решила «напиться» моей крови: договорилась с врачами и привела меня к ним. Крови взяли очень много. Встав с кушетки, я сделала только шаг и упала: не то что идти, стоять не могла. Хозяйка, заполучив «кровные» марки, меня дожидаться не стала, из больницы меня вели под руки две медсестры.

Конечно, все не опишешь, что я и многие другие за три года натерпелись. В 1945 году нас освободили англичане, но в Германии мы пробыли еще до сентября, и только в 1946 году вернулась я домой. Сколько уже лет прошло, а не могу забыть я эти страшные военные годы.

КЛАДКА ДРОВ, КЛАДКА ЛЮДЕЙ

Сутягин Алексей Федотович

1939 г.р., д. Кудрявец Калужской области, проживает в г. Балабаново.

В октябре 1941 г. немцы пришли в нашу деревню Кудрявец. Наш новый дом, построенный перед войной, стоял на краю деревни. Из окон хорошо просматривалась возвышенность. Под натиском фашистов наши штабные военнослужащие, которые находились в нашем доме, стали уезжать. На возвышенности еще шел бой, слышалась пулеметная очередь. Из четырех пулеметчиков двое погибли. Похоронил мой отец их между деревней Кудрявец и селом Слобода. Третий был ранен, ушел на хутор Тужикова, где был заколот немецкими штыками. Четвертый ушел живым.

Когда деревню заняли немцы, в нашем доме расположился немецкий штаб, а наша семья переселилась в погреб. Они прожили в доме зиму, а весной по неизвестной причине сгорел дом. Немцы сразу арестовали отца. Спас его и нашу семью русский немец, который жил до войны на станции Ботогово в 10 километрах от нашего села. Он хорошо знал нашу семью еще до войны. Немцы выгнали всю деревню и погнали в сторону Брянска. Детей и кое-какое имущество мы погрузили на телегу, запряженную коровой. Около деревни Корягино сломалось колесо. Отцу велели устранить поломку и догнать колонну. Когда он сделал телегу, обоз ушел далеко (отец решил по совету жителей села уйти в лес). Там мы вырыли землянку и стали жить в лесу.

22 мая 1942 г. родилась сестра Полина. Итак, нас стало четверо детей; брат Иван, сестры Аксинья, Полина и я. В землянке было сыро и холодно. Тело сест-

ры покрылось нарывами и водянками. Голову, лицо и глаза закрыли водянки. Она ничего не видела. Мать, верующая в Бога, побоялась, что дочь умрет некрещеная и на праздник Петров день с сестрой Тишкиной Натальей и племянницей Василисой пошли в деревню к попу. Окрестили Полину и ушли в лес. В этот же день пришли немцы с собаками в наш лесной лагерь, выгнали всех в поле возле деревни Осороково. Начальник полиции провел фильтрацию. Местных погнали в Бежицу Брянской обл., а неместных расстреляли там же в поле как партизан. Мамина сестра Никишина Ольга пыталась нас выкупить. Ничего не получилось. В г. Бежица вторая сестра матери Черкасова Татьяна пыталась тоже выкупить, но тоже не получилось. Из г. Бежица нас отправили в телятниках в Эстонию. Везли трое суток. Вагоны не открывали. Привезли в лагерь Полдиски. Там нас пропустили через санпропускник. Я помню зеленый вагон-душ. В тамбуре сидел немец с винтовкой между ног. Людей загоняли голых: мужчин, женщин, детей, стариков — всех вместе, как скот. Из окон вагона было видно море. Люди обмывались под душем. В этом лагере я видел много трупов. Дед Кузя на белой лошади вывозил трупы и они почему-то были все голые. Кормили нас баландой — вода размешана отрубями — и давали хлеб-эрзац (хлеб с опилками). После войны я узнал, что дядя Кузя был из деревни Сукремль Жиздринского района. Он приходил к нам после войны, и мама сказала, что он был с нами в лагере.

В лагерях Эстонии томилось 57 тысяч человек, осталось в живых 6,5 тысяч. Это данные из газеты «Судьба».

Рядом был лагерь Клоого. Мама рассказывала что там сжигали людей, в основном евреев. Кладка дров — кладка людей. Дрова они несли на себе, а русских выгоняли из бараков глядеть на это страшное преступление фашизма.

Затем нас вывезли в лагерь Кохило. Там старших гоняли на работу. Мать работала на хуторе у хозяйки, отец на другом хуторе, брат Иван пас коров. Помню такой случай. С нами жила одна бабушка с вну-

ком Ваней. Среди беженцев ее звали кулачихой. Однажды внук Ваня сорвал в огороде хозяйки огурец. Заметил это хозяйский сын Эрик. Он спустил овчарку на него и хотел ударить финским ножом. Бабушка увидела, схватилась голой рукой за лезвие ножа и вырвала нож у Эрика. Появилась хозяйка и остановила драку.

Сестра Полина продолжала болеть. Водянки не проходили. Тело приобрело красный цвет. Как мясо. Немец дал мазь. Мама смазывала ее тело, а над глазами мама прорезала водянки куриным пером.

При подходе советских войск нас из лагеря Кохило выгнали к морю и хотели отправить в Германию. Погрузили на баржи людей. Барж было пять. Мы на эти баржи не попали. Когда баржи отошли от берега, их потопила авиация. Больше баржи не пришли, и нас отправили в лагерь. Это было 14 сентября 1944 г. В декабре 1944 г. нас освободила Красная Армия.

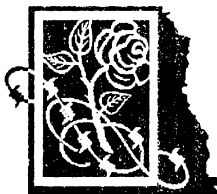
Когда выпустили людей из лагеря, они на берегу доставали рыбу, селедку, упакованную в емкости. Брат Иван принес бачок с рыбой килограммов на 20. В это время сильно увеличилась смертность среди узников, и наши вынуждены были загнать всех вновь в лагерь и кормить по норме. В январе 1945 г. нас вывезли во Владимирскую область, Вязниковский район, п/о Лосеве. Отец и мать работали на фабрике им. К.Маркса. Мать — чесальщицей, отец — шорником. Жили в бараках без отопления. Таким, как мы, варить пищу негде было. Варить на улице на кострах запрещал замдиректора фабрики. Он ходил со своей командой, и сапогами они сбивали котелки, в которых варилась пища. Обзывал людей «немецкими холуями, подстилками» и т.д. Там были беженцы из Брянска, Ленинграда и других городов. Написали письмо в Верховный совет СССР. Приезжал М.И.Калинин и лично разбирался. Он расспрашивал беженцев о порядках на фабрике и сказал: «Война не бывает без плена, а что мирные люди попали в плен, это не они виноваты, а мы, что не могли их защитить». Дал указание срочно разобраться и выдать документы для выезда на Родину. В 12 часов уехал М.И.Калинин, а в 14

часов арестовали директора и увезли за его подлость. Наверное, сейчас его дети и внуки говорят, что отец и дед пострадал от И.В.Сталина.

После этого в бараках сделали печи. Стало тепло и было где варить пищу. В мае 1945 г. мы вернулись в родную деревню. Деревня была полностью сожжена до тла. Кто раньше вернулся из леса или ближних лагерей, построили себе домики. Мы поселились в чужой землянке. Родственники мамы помогли построить деревянный домик. Ее брат Матвей Федяев, муж сестры Андрей Никишин и два племянника, Степан и Тихон, из деревни Скурынск сделали все, чтобы мы вселились в дом.

Путь к Победе для нашего народа был тяжел. Он стоил миллионы жизней. И сегодня все честные люди мира, оглядываясь на прошлые страшные дни второй мировой войны, обязаны с глубоким уважением вспоминать тех, кто боролся с нацизмом и отдал свою жизнь за освобождение от фашистского рабства своей Родины, за судьбу всего человечества.

Боже! Дай ума нашим политикам восстановить могущество нашей Родины!

ПАРТИЗАНЫ ВЫВЕЛИ

Тихонов Владимир Ильич

1935 г.р., ур. с. Хотяково Ефремовского р-на Тульской обл. Председатель Союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей Малоярославецкого района. Проживает в г. Малоярославце Калужской области

Где-то в конце октября 1941г, 27 или 28 числа, на повороте Симферопольского шоссе в сторону Воронежа нас подобрала немецкая автомашина. Мы, это наша мама Ольга Васильевна Тихонова 1903 года рождения, я, Владимир Ильич Тихонов 1935 года рожде-

ния, и сестренка Валентина Ильинична Тихонова, в то время грудной ребенок, 1941 года рождения.

Мы возвращались из-под города Щекино Тульской области к своему постоянному месту жительства в Ефремовский район той же области, село Хотяково Мечнянского сельсовета, возле Щекино. Мы находились временно у нашего дедушки. Он довез нас на подводе до поворота и там мы все вместе ждали попутную машину, чтобы доехать до Ефремовского района. Со стороны Орла подъехала крытая автомашина и остановилась. Сидевшие в ней немцы жестами показали, что они едут аккуратно в сторону Ефремова и разрешили нам ехать с ними. Дедушка посадил нас в ту машину, а сам поехал обратно на подводе. Но немецкая автомашина пошла не в сторону Ефремова, в сторону Орла. Никакие наши просьбы и объяснения немцы принимать не стали.

Так привезли нас в город Мценск, где на ночь загнули в какой-то сарай, а утром посадили на другую автомашину и повезли дальше. Привезли нас в Белоруссию, в город Гомель. Прибыли мы в Гомель 28 или 29 октября, поздно вечером. Поместили нас в какие-то бараки, наподобие деревянных складских помещений. Помню, рядом стояли какие-то сельскохозяйственные машины, как я теперь понимаю, молотилки, веялки, косилки. Вместе с другими в этом месте мы пробыли под немецкой охраной числа до 20 ноября 1942 года. До сих пор не могу взять в толк, для чего немцы нас, большую группу женщин, детей, пожилых мужчин держали там под охраной. В смысле пропитания все это время нас предоставили самим себе. Иной раз откуда-то появлялся мерзлый буряк кормовой свеклы — и вся наша пища. Люди болели, дети начали умирать. Наверное, такая же участь ждала и нас с сестренкой. Но вышло иначе.

В одну из ночей в последних числах ноября двери нашего барака вдруг открылись и кто-то громко приказал, чтобы все мы выходили. Сначала мы испугались, но потом обрадовались. Говорили с нами на род-

ном русском языке и требовали, чтобы мы быстрее покинули барак и следовали за этими людьми. Это были белорусские партизаны, которые пришли нас освободить. За эту ночь мы отошли от Гомеля километров на 15-20, все по лесу. Помню, во время короткой остановки партизаны нас покормили сухим пайком, хлебом, угостили чаем, дали сумочку картошки, другой пищи. И мы тут же пошли дальше. Правда, мы с мамой ехали в основном на повозке. Лишь когда на пути попалась топь, нас высаживали и бережно передавали из рук в руки, пока не кончились заболоченные места.

Той же ночью нас передали в какой-то другой партизанский отряд, который мама наша, вспоминая о тех событиях, называла бригадой. В том отряде мы пробыли около двух дней. А потом ночью нас передали какой-то другой партизанской бригаде. И так нас потом партизаны вели по лесам и передавали из рук в руки довольно долгое время. Впрочем, некоторые, кто крепче физически и без детей, ушли сами и стали добираться самостоятельно. А нас партизаны вывели в место, которое как сейчас помню и как рассказывала мама, они называли неоккупированной зоной. Дальше нам нарисовали план, как добраться до родных своих мест, дали с собой кое-какие продукты, и мы стали добираться самостоятельно.

Дома мы объявились только к Новому году, числа 28—29 декабря 1942 года. Как раз на Новый год были дома. В родное свое село пришли со стороны Тамбовской области. Много можно рассказать о том, как шли мы тогда домой. Добирались на попутных повозках, на санях. Иногда удавалось проехать на автомашине, но машин после произошедшего с нами случая боялись. Чаще шли пешком. Все это было очень утомительно.

Наступила суровая морозная зима. Выпал глубокий снег. Поэтому мы порой на день-два задерживались в какой-нибудь деревне, отдыхали.

Как правило, местные жители относились к нам с большим сочувствием, пускали обогреться и отдохнуть в свои дома, делились последней пищей, которая у них была, старались устроить на какую-нибудь попутную повозку. Очень благодарны мы всем тем людям и никогда не забудем их доброе дело.

А вдвойне благодарны мы свои освободителям-партизанам. Лет прошло уже много, наверное, и в живых-то из них мало кто остался. Но пусть по ушедшим останется самая добрая память, а живым мы приносим свою искреннюю благодарность и молим Господа Бога за их здоровье и благополучие.

Если говорить конкретно, я лично, к великому сожалению, не запомнил ни одной фамилии, ни одного имени. А вот мама моя, когда была жива, как-то смотрела вместе с нами по телевизору передачу, посвященную воинам-партизанам Великой Отечественной войны. И вдруг показала нам: вот он, с усами, небольшого роста, коренастый — это и есть командир, который нас освобождал из барака. Но этого всего, конечно, мало. Нужно рассказать что-то поконкретнее.

Только с какой стороны — не помню. Эти самые складские помещения, где нас содержали, находились на самой окраине Гомеля. Помню, близко подходил лес — и из него и пришли партизаны, чтобы нас освободить. Мама говорила, что нас в этих бараках держали, чтобы потом куда-то отправить, использовать для каких-то нужд фашистской Германии. Оно и похоже на то — иначе чего держать нас под конвоем, как военнопленных. Значит, вполне возможно, что место, о котором я говорю, где-то в архивных документах зафиксировано как пункт сбора русских для дальнейшей отправки в Германию или еще куда. Очень хотелось бы обо всем этом узнать поточнее и получить информацию. Не могли не знать о таких пунктах сбора и местные жители Гомеля. Поэтому, если это возможно, прошу откликнуться. Может быть, кто-то что-то знает. А может быть, сохранились и какие-то архивные документы.

ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

Туманова (Выходцева) Нелли Михайловна
ур. ст. Занозная Баятинского района Калужской области

Детская память мало что хранит о войне и ее ужасах, но рассказы родных и родственников в памяти до сих пор. Хочу сразу оговориться: после войны рассказы о том, что были угнаны в лагеря, считались запретными, хотя нахлебались слез и от тех, кто занимался расспросами: где были, чем занимались... от своих же, рядом живущих.

Когда началась война, отца, М.А.Выходцева, 23 июня 1941 г. забрали на фронт, мама — Т.А.Выходцева, я, моя сестра Валентина и брат Виктор остались одни. Мама работала билетным кассиром на железнодорожном вокзале. Вскоре к нам приехали родители мамы и ее сестра, которые бежали от войны из Витебска (Белоруссия), они думали, что до Москвы немцы не дойдут, их остановят. Но уже в октябре 1941 г. немцы вступили на Баятинскую землю. В нашей семье было девять человек. Наверное, поэтому нас из дому не выгнали. Первый месяц немцы не особенно злобствовали, но к началу суровой зимы 1942 г. стали отнимать у населения теплые вещи, натягивали их на себя — боялись русских морозов. Часто бомбили станцию, ведь здесь проходила линия фронта — Ельня, Зайцева гора и железнодорожный узел. Горели составы с зерном, и население по ночам ходило, разгребало это сторовшее зерно. Запах «сгоревшей каши» до сих пор преследует меня. Трупы немцев свозили к железной дороге, укладывали штабелями, и я помню, как ходили и смотрели на замерзшие трупы, а немцы разгоняли нас.

В ноябре 1941 г. умер мой братик Виктор, ему было два года, от менингита. Перед новым 1942 г. всю молодежь станции и близлежащих деревень угоняют в Спас-Деменск, а затем в Германию. Я тогда не понимала, почему так плакали все, а бабушка упала в обморок, ведь забирали трех ее дочерей — мою маму, Нину, Лидию. Меня крепко прижала к себе мама и никуда не отпускала от себя. Ее бил фашист, наконец, не выдержав, оттолкнул маму вместе со мной в сторону. Нина и Лида прошли «филтрацию» в Спас-Деменске, у Нины обнаружили экзему на руках и вернули, а Лидию угнали в Германию, где она пробыла до апреля 1945 г.

Дальше постигает нас еще одна беда — мою сестру Валу убило осколком снаряда. 15—20 апреля 1942 г. все население станции угоняли, как скот. Оказалось, гонят нас в лагерь Рославля. Мама рассказывала, что по дороге немцы убили семью из семи человек. Женщина не могла идти, у нее грудной ребенок болел. Она села на дороге, и их всех расстреляли.

В Рославле поместили в лагерь за колкочей проволокой. Мама впервые увидела наших военнопленных. Их было много, и она подумала, что, вероятно, это конец. Часто там раздавались выстрелы из автоматов, военных грузили на крытую машину и увозили. Были потери и у нас, у гражданских. Подростки собирались убежать к партизанам, их вылавливали и расстреливали на месте.

Примерно в 1980 г. я оказалась в поезде с попутчиком из г. Рославля, разговорились, и вот тогда он сказал, что в 500—600 метрах от лагеря был вырыт ров, куда свозили все трупы. Сейчас на этом месте стоит стелла в память о погибших.

В лагере на первых порах нас выручало «обгоревшее» зерно. Когда угоняли со станции, у всех за плечами были привязаны эти «каши», так их называли. Но все равно болезни преследовали от недоедания, от холода, от антисанитарии. Я и моя тетя Нина заболели брюшным тифом. Правда, немцы давали какие-то

таблетки, но близко к тифозным не подходили. Все мои удивлялись, как я осталась жива, ведь была настолько истощена, что меня заново учили ходить. Когда нас снова стали выгонять из лагеря, опять в неизвестность, маме советовали оставить меня, но она сказала: «Никогда». Несли меня на руках попеременно. Так мы оказались в лагере города Бобруйска. И вновь за колючей проволокой, за высоким забором. Взрослых гоняли на вырубку леса, из которого немцы мостили дороги, хворост разрешали уносить в лагерь, чем и обогревались. Не помню, что мы ели, но помню, что из замерзшей картошки делали «черную тюрю».

Все мое тело было покрыто болячками (нарушение обмена веществ), и еще долго, примерно до 10 лет, я страдала этим заболеванием.

Неожиданно нас стали часто бомбить. Мы радовались, значит, наступают наши, может быть, скоро конец всему. Но до избавления было еще далеко. Фашисты и полицаи выгоняли всех из лагеря по направлению к Минску. Примерно в 60-ти километрах от Минска был немецкий аэродром, его бомбили. Вот так и застала нас эта бомбежка. Немцы разбежались. Нас приютила женщина-татарка, не помню как ее звали, но именно она помогла нам выжить, это был конец марта 1944 г. Летом на товарном поезде мы смогли поехать на свою Родину. Вместо станции Занозная было пустое место, ни единого уцелевшего дома, только две землянки, где жили пожилые женщины. Мама решила ехать в Сухиничи, где жили родители моего отца. По приезде стало известно, что бабушка и мой дядя погибли при бомбежке, дедушка умер, а в доме живут две сестры моего отца, они нас и приютили. От отца получили одно письмо в 1943 г., жив или нет — неизвестно.

Жизнь не стоит на месте, уже нет в живых почти всех родителей, родственников, но память хранит все периоды, особенно детское лихолетье. Ничего не проходит бесследно, все отпечаталось, особенно на здо-

ровьи. В 37 лет я стала инвалидом, и именно брюшной тиф и дистрофия явились главными причинами заболевания. Я обращаюсь ко всем, кто не изведал этого ужаса войны: берегите свою Родину, свой дом, своих близких, дорожите миром и покоем на нашей земле.

ВНУКАМ И ПРАВНУКАМ

Ухабова Анна Никитична
Ухабов Анатолий Валентинович
пос. Товарково Калужской области

Мы в поселке Товарково живем с 1991 г., когда Анатолий Валентинович уволился в запас в чине полковника и ему был предоставлен выбор места-жительства. Родом мы из Спас-Деменского района Смоленской области. Я жила в деревне Новоказанка, а Анатолий Валентинович в деревне, которая находилась недалеко от нашей. Наш район был оккупирован немцами в июле 1941 г. О днях оккупации и о последующих днях пребывания в концлагере мы оба знаем только по рассказам наших матерей, так как нам в то время не было еще и года.

Моя мама часто рассказывала мне и моим сестрам (а нас было семеро сестер), что во время оккупации всех жителей выгнали из домов. Жили кто где — в сарае, в погребе, в хлеву. Нечего было есть, одежды также почти не было. Немцы менялись и деревне часто: одни уходили, другие приходили. Через некоторое время всех жителей собрали и погнали на запад в Рословский лагерь для военнопленных. Добирались кто на чем: кто на коровах, кто на лошадях, кто пешком. Молодежь (в основном здоровых и сильных) уго-

няли на работы в Германию. Отец наш был на фронте и поэтому маме нашей пришлось хлебнуть с нами много горя.

Позже уже, когда познакомились, мы узнали, что были в одной колонне с Анатолием Валентиновичем и его мамой. Во время пути мы часто попадали под обстрел, и мама Анатолия Валентиновича рассказала, как однажды в одеяло маленького Анатолия попал осколок снаряда и он чудом остался жив.

Лагерь был обнесен колючей проволокой. Взрослых заставляли работать, а за нами, маленькими, присматривали те ребята, которые постарше. Кормили только черным хлебом из отрубей. Да и тот был с каким-то странным запахом. Видимо, что-то добавляли из химических веществ, так как много народа умирало. Когда началось контрнаступление наших войск, немцы не успели расстрелять пленников или угнать их подальше. После освобождения люди по проселочным дорогам стали возвращаться домой.

Вернулись в деревню и наши семьи в 1945 г., а там ничего нет, одно пепелище. Все кругом сожжено. Поэтому первое время пришлось жить в землянках. А тут еще страшный голод: ели прошлогоднюю картошку, которую выкапывали на полях. Но жизнь есть жизнь. Постепенно начали строить дома, и уже в 1948 г. пошли в школу. Учились с Анатолием Валентиновичем вместе. Видно, судьба нас свела.

Я закончила училище по специальности библиотекарь, а работать пришлось в секретной службе по производству артиллерийского оружия.

Анатолий Валентинович служил в армии, был в разных местах: в Белоруссии, Прибалтике, на Украине, в Казахстане, в Запорожье. Участвовал он и в возведении Берлинской стены, которая в 1991 г. была разрушена. Женаты мы с 1968 года.

Каждый год 9 мая мы собираемся вместе с другими бывшими узниками поселка и делимся своими радостями, горестями и мечтаем только об одном, чтобы такое больше не повторилось и чтобы жизнь

наших детей, внуков была более счастливой и радостной. И пусть наши воспоминания, передаваемые из поколения к поколению, служат напоминанием для всех: такое не должно повториться!

МЫ, ДЕТИ ВОЙНЫ, РАНО ПОВЗРОСЛЕЛИ

Филатова (Акифьева) Валентина Николаевна

1943 г.р., ур. д. Горки Калужской обл., проживает в г. Калуге

Родилась я, Акифьева Валентина, в 1943 году 7 января в самый разгар войны. Отец мой, Акифьев Николай Кузьмич, сразу как только началась война, попал в плен. Находился в плену в концлагере под Брянском. Бежал. Был схвачен и переведен в другой лагерь более усиленного режима, откуда также бежал, но более успешно. Отец очень не любил рассказывать о периоде войны, его угнетало, что он попал в начале войны в плен, и мы, его дети, как бы несли какую-то ответственность за его неудачно сложившуюся жизнь. Отец был замечательным человеком, вырастил семерых детей, я самая старшая в семье, остальные дети моложе. Честный, порядочный и перед семьей и перед всеми, кто его окружал. Несмотря на то, что жизнь его была очень тяжелой, он никогда не ругал Советскую власть и нам, детям, говорил, что Советская власть дала народу много. При царе было намного хуже простому люду. Я дословно повторяю его слова. Отец после второго побега скрывался в брянских лесах, где и встретил мою мать, с которой прожил всю оставшуюся жизнь.

В августе 1943 года мне было 7 месяцев от роду, нас: мать, отца, бабушку, дедушку и тетю по мате-

ринской линии, угнали в Германию вместе с другими жителями этого района. Пригнали нас в город Дюссельдорф, концлагерь Эллер. Со слов родителей. Лагерь находился за колючей проволокой, охранялся круглосуточно. Жили в бараках, работать военнопленных возили за пределы лагеря. Где работали мои родители, не знаю, так как они никогда не рассказывали. В семье это была запретная тема. Из воспоминаний мамы знаю, что я едва не умерла, так как заболела эпидемическим паротитом, в простонародье «свинка». На шее был большой абсцесс, и уже мама меня похоронила, ждала со дня на день, когда все кончится, настолько я была слаба, но судьба есть у каждого человека, я начала поправляться. Абсцесс вскрылся, и вот я жива, на память остался шрам. Родителей своих я уже похоронила, папу в 1995 году, маму — в 1999.

В концлагере у мамы родилась еще одна девочка 18 ноября 1944 года. Назвали девочку Александра, они тоже жила, проживает в Брянске. В мае 1945 года, со слов родителей, нас освободили американские войска. Бомбили со всех сторон ежедневно, стоял гул от самолетов, дрожала земля.

Из рассказа мамы: во время бомбежки она схватила младшую Шуру, а меня — бабушка и побежали в бомбоубежище, когда грохот от разрыва бомб немного утих, мама обнаружила, что ребенка она держит ногами вверх, головой вниз. Еще из рассказов мамы: бомбили так, казалось, земля с минуты на минуту расколется. Они с отцом попали в самое пекло бомбежки, легли на землю ничком, и мама в этот момент увидела на небе в красном зареве лик Богородицы, как ей показалось. Когда все немного утихло, они с отцом обнаружили, что вокруг них все изрыто осколками, не было живого места, а они остались целы, вот, поди ж ты, после этого не поверь в судьбу.

Из воспоминаний отца: перед тем как их угнали в Германию, отец сорвал спину и ходил совсем согнувшись с полгода, а то и больше, и таким был угнан в

Германию. Немец выстроил всех в шеренгу, подошел к отцу и велел выпрямиться, отец ему показывает, что не может, ему приставили к виску пистолет, и он резко выпрямился. В позвоночнике что-то щелкнуло, с тех пор он ходил уже выпрямившись. Это ли не судьба — немец вылечил.

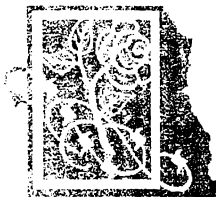
Из моих собственных воспоминаний: мне было три года, шел четвертый. Мы с бабушкой лежали в саду в деревне, мы уже вернулись из Германии, отца забрали в армию, мама поехала в Москву что-либо раздобыть из еды, иначе бы мы умерли с голоду. Я очень хочу есть, плачу и прошу у бабушки хлеба. Она посылает меня к соседям и говорит: «Сходи, может они сжалятся и дадут кусок хлеба». Но мне в этом доме не дали, я это отлично помню. Бабушка посылает меня в другой дом, мне там тоже отказывают, и, наконец, в третьем доме мне дают ломоть хлеба, который и хлебом-то назвать страшно, он черный, клейкий, липнет к зубам. С какой радостью я бежала к бабушке и кричала: «Бабушка, мне дали, дали». А хлеб был очень вкусный, и съела я его очень быстро. Этот момент в своей жизни я хорошо запомнила, хотя и была ребенком. Мы, дети войны, рано стали взрослыми, и после войны люди жили очень тяжело, и все-таки благодаря Советской власти мы выучились и стали чувствовать себя людьми, хотя и тогда не все жили одинаково. Несмотря на то, что родители не любили вспоминать свои тяжелые годы, они никогда не скрывали, что были в плену, об этом знали и в школе, и на работе. Сейчас вроде все сочувствуют нам, вывезенным с родной земли, и я отлично помню негативное отношение к себе учителей и некоторых взрослых. А, кажется, чем виноват человек, которого угнали? Что можно было сделать против силы? Возвращаюсь к отцу. Он прожил долгую жизнь, не дожил до девяноста годов 2,5 месяца, но умер он неудовлетворенным. Незадолго до своей смерти у меня с ним состоялся разговор. Он приезжал в Калугу на операцию по поводу глаз, и мы долго беседовали. Он рас-

сказывал про свою молодость, как раскулачили его отца, хотя все было нажито своим трудом, не воровали, не убивали, но, повторяю, это был просто рассказ без злобы на кого бы то ни было. Он переехал в город Калинин, ныне Тверь, откуда и был призван воевать, но он не был признан бойцом Советской Армии из-за плена, и это его очень угнетало. Он говорил: разве я виновен в том, что после побега из лагеря он нашел партизан и просился к ним, рассказал им всю свою историю, просил помочь перейти линию фронта, а ему отказали — такова судьба.

Такие воспоминания есть у каждого из нас, и пишу я их лишь потому, что наша председатель БМУ Ермолюк Людмила Ивановна, большой души человек, хочет, чтобы мы оставили для своих потомков воспоминания, чтобы наши дети, внуки и правнуки могли сравнить свою жизнь и нашу жизнь. Я хочу, чтобы никогда не было войны, чтобы люди не испытывали всего того кошмара, что испытали наши родители, а также и мы. Ведь многим из нас было по 8-10-12 и т. д. лет, такие малолетние узники могут сами уже рассказать многое о тех годах жизни. Забыть это просто невозможно. Если учесть, что взрослые люди уже после войны (1953 год) (из моих воспоминаний) при виде самолетов в небе приказывали детям ложиться. Это же о чем-то говорит?

А было это так: летом 1953 года мне было 10 лет, мы с мамой и другой женщиной и несколькими детьми пошли в лес за ягодами. Вдруг на небе услышали гул и увидели три летящих самолет. Наша мама побледнела как мел, схватила нас и заставила лечь на землю ничком вниз, когда я спросила у нее, зачем она это сделала (самолеты уже улетели и мы поднялись с земли), мама смущенно сказала: «А вдруг опять бомбить будут?» Отлично помню, что мы засмеялись, а сейчас, вспоминая этот эпизод, хочется плакать.

Все, заканчиваю. С уважением ко всем людям, пережившим эту страшную войну, Филатова Валентина Николаевна, г. Калуга, ул. Московская, 120, кв. 25.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

Четверикова (Соколова) Елена Петровна

1938 г.р. ур. г. Жиздра, прож. в Калуге

Я, Четверикова (Соколова) Елена Петровна, родилась в г. Жиздра 16 февраля 1938 г. В семье была шестым ребенком. Когда началась война, в семье осталось четыре человека: мама Александра Григорьевна 1892 г.р., брат Евгений 1924 г.р., сестра Людмила 1927 г.р. и я. Отец был репрессированным по оговору в 1937 г.

Из маминых записей: «5 ноября 1941 г. Жиздра была оккупирована немцами. 2 августа 1943 г. забирают молодежь 14 лет, угоняют на рытье окопов в Петровку. Оттуда сын Евгений старается перебраться к своим, но был пойман, избит и закрыт в сарай под стражу. Их было трое. Но из сарая они подрыли землю и ушли. Трое суток, голодные и измученные, добивались до своих. 6 августа 1943 г. немцы начали жечь город. Нас, жителей города, карательный жандармский отряд погнал до Улемля, где были лагеря под открытым небом за проволочным заграждением. Там мы пробыли до 14 августа».

Из этого отрезка времени я помню картину широкой дороги, по которой идут люди, а по бокам немцы с автоматами. Я выронила узелок, который мне дала нести мама, и немец отбросил его в сторону. Я попыталась его поднять, немец замахнулся на меня, мама схватила меня, я очень испугалась, плакала от страха, а больше, наверное, от того, что в узле была моя кукла. Потом на стоянке мама сделала мне куклу из цветка мальвы.

Снова из маминых записей: *«14 августа нас сно-*

ва погнали через Дятьково, Бежицу. Всех погрузили на открытые платформы и повезли через Ковно — Вильно — Алита в лагерь для заключенных, где мы находились. Кормили нас мучной затиркой один раз в день».

Из этого периода запомнила, как нас, детей, на этих открытых платформах старались посадить пониже между узлами, так как было очень холодно, а когда налетали самолеты, поезд останавливался и все бежали в поле, ложились на землю и мама закрывала меня шалью. Шаль до сих пор у меня, как память о маме.

Еще помню из жизни лагеря. В барак приходила немка. Говорили, что она выбирала детей. Меня в этот момент прятали под нары. Я запомнила огромные (как мне казалось) сапоги, которые шли по проходу. Мама тяжело заболела тифом, и нас отселили в другой барак. Мама бредила, кричала, а я от страха забивалась под нары. Было жутко. Сестру гоняли на работу на поле, и она иногда приносила мне какой-нибудь овощ (свеклу, морковку). Это был праздник.

И снова из маминых записей: *«8 июля 1944 г. нас освободили наша Красная Армия. 15 июля мы тронулись обратно в путь на Родину. 27 июля приехали и... нет ничего, все сожжено. И меня известили, что Женя погиб в январе 1944 г.»* 25 августа мы перебрались в Калугу. Нас приютила мамина сестра. Мама умерла в 1955 году.

ФАШИЗМ — ЭТО СТРАШНО

Шилова Мария Елифановна

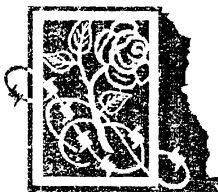
г. Киров Калужской области

В 1943 году в июле месяце меня забрали в возрасте 18 лет в ГФП по заявлению полиции на ст. Гусина, где продержали несколько дней, а потом вывезли в

Смоленскую тюрьму. В конце сентября месяца весь Смоленск был в огне, и меня и других только женщин привезли на станцию, погрузили в товарные вагоны и доставили в Минск. В Минске отобрали всех евреев, а остальных отправили в Польшу.

Это страшно вспоминать — голод, холод, болезни, нечистоты и прочие неудобства. В Польше разместили в концлагерь под названием Майданек, где работали, перебирали овощи, но уже вынести даже одну картофелину было невозможно. Просто расстреливали тех, кто на это шел. Итак, в этом концлагере мы прожили до января 1944 года, а потом нас всех женщин переправили в Германию в концлагерь Равенсбрюк, где нас держали взаперти целый месяц, а потом вывезли в город Лейпциг. Там находился военный завод, где мы и работали по уборке и вывозке металлической стружки.

Когда открыли второй фронт, начались сильные бомбежки, где очень много погибло народу. Тогда нас выгнали из города и направили этапом в сторону Эльбы. Мы шли в колонне по четыре человека, а по бокам шла действующая немецкая армия и уже нас не бомбили. На одной из развилок армия была отделена от нашей колонны. Очень долго шли, а потом загнали всех в сарай под замок, но, к счастью, 26 апреля 1945 года советские войска нас освободили.

БУДТО ПО СВОЕЙ ВОЛЕ

Юпланова Клавдия Ивановна

ур. Хвастовичского р-на Калужской обл., проживает в г. Тарусе Калужской обл.

Мне за 80 лет. Всю жизнь прожила в Хвастовичском районе, а в 1998 году я оказалась в Тарусском доме-интернате по состоянию здоровья.

Война оставила неизгладимый след в моей судьбе. Силой вывезли меня в Германию. По дороге состав не раз бомбили. Перепуганных и голодных выстроили нас на площади. «Почтенные» бауэры со своими женами неторопливо и тщательно осматривали русских рабов, ощупывая своими толстыми пальцами руки и ноги молодых женщин. До сих пор жжет у меня сердце при воспоминании того дня, когда я испытывала чувство стыда и отчаяния.

Относились немцы к дармовой рабочей силе хуже, чем к скотине, работать заставляли без продыху. Кормили один раз в день, вечером. Принесут 300 граммов хлеба суррогатного и баланды из гороха с викой пополам, горькой и противной.

Немного помогал нам Петя, сын двоюродной сестры. Хозяйка приставила его к кроликам, и он потихоньку их грабил — где морковку, где капустный лист припрячет.

После освобождения страна встретила нас отнюдь не с распростертыми объятиями. Что там говорить: и допрашивали, и попрекали не раз, «германками» называли, как будто по своей воле были мы там.

В ПЛЕНУ ВОСПОМИНАНИЙ

Яшкова Анна Григорьевна

*1927 г.р., ур. с. Запорожское Днепропетровской обл.,
проживает в пос. Товарково*

Более 57 лет прошло со времени окончания Великой Отечественной войны, искалечившей и унесшей миллионы человеческих жизней. Сожженные жилища, голод, гибель близких, смертный ужас фашистских концлагерей сохранились в памяти тех, кто уцелел. Недаром многие из нас считают день освобождения

ния своим вторым днем рождения. Ежегодно 11 апреля отмечаем Международный день бывших узников фашистских концлагерей. Не так уж много их осталось в живых. Люди, прошедшие в детстве через Освенцим, Бухенвальд, Майданек, Дахау и другие лагеря смерти, подвергавшиеся истязаниям, бесчеловечным экспериментам, выдержавшие каторжный труд в фашистской неволе, лишившиеся здоровья, но чудом уцелевшие, нуждаются теперь в материальной помощи и особой чуткости, взаимной поддержке и внимании общества.

Пусть же на деле никто не будет забыт и ничто не будет забыто во имя будущего, мира и спокойствия в обществе. А их воспоминания еще и еще раз заставят нас всех задуматься. А люди ли они, фашисты, были? Как земля держала их, этих нелюдей с человеческим сердцем и лицом? С содроганием в сердце читала я о злодеяниях фашистов в одном из фашистских лагерей смерти: «На основании опроса и медицинского освидетельствования 2189 спасенных узников Освенцимского лагеря, изучения обнаруженных немецких документов, остатков взорванных немцами при отступлении крематориев и газовых камер, найденных на территории лагерей трупов, вещей и документов истребленных немцами людей из различных стран Европы, сохранившихся в складах и бараках, установлено:

1. Путем расстрелов, голода, отравлений и чудовищных истязаний немцами было истреблено свыше четырех миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Бельгии, Чехословакии, Югославии и других стран.

2. Немецкие профессора и врачи производили в лагере так называемые «медицинские» эксперименты над живыми людьми: мужчинами, женщинами и детьми.

3. По степени продуманности, технической оснащенности, по массовости и жестокости истребления людей лагерь в Освенциме оставляет за собой далеко

позади все известные немецкие лагеря смерти. С 1943 г. немцы с целью промышленного использования негоревших костей стали дробить их и продавать фирме «Штрём» для переработки в суперфосфат. В лагере найдены документы на отправку в адрес фирмы 112 тонн 600 кг костной крошки от человеческих трупов. Для промышленных целей немцы также использовали волосы, срезанные у женщин, предназначенных для уничтожения. В Освенцимском лагере ежедневно умертвляли от 10 до 12 тысяч людей.

В газовые камеры загоняли по 1500—1700 человек, а затем через люки эсэсовцы в противогазах забрасывали «Циклон». Газирование продолжалось от 10 до 15 минут, после чего трупы выгружались и на вагонетках вывозились в ров, где сжигались...»

Об этих же ужасах в фашистских концлагерях свидетельствуют и оставшиеся в живых узники, которым посчастливилось уцелеть в гитлеровском аду.

Яшкова Анна Григорьевна, ныне жительница п. Товарково (ул. Строителей, 3/77), бывшая малолетняя невольница Германии во время Великой Отечественной войны.

Жила она на Украине: Днепропетровская область, село Запорожское. Ей было 14 лет, она училась в 5 классе, когда в 1942 г. в начале марта в их село зашли немцы. Все случилось моментально, большую часть жителей погрузили на поезд, в вагоны товарника и куда-то повезли. Только будучи в дороге, которая вела к смерти, она пришла в себя и поняла, что их увозят с родной земли, а впереди неизвестность. Знали по слухам о фашистских «фабриках смерти», но не представляли в полной мере всего того ужаса, который их ожидал.

Привезли их в Германию, высадили на станции Опостолово в городе Магдебург. Так они оказались в рабстве на немецкой земле. Работала она на каком-то военном заводе. Непосильный труд для детей был очень тяжел. Многие из их работы забраковывали немцы, и за брак их стали отправлять в концлагерь.

Анна Григорьевна тоже попала в эту группу. Полиция с собаками собрала на станции детей для отправки. Будущее в туманной дымке, долгая ужасная дорога — вот что ожидало их впереди.

По вагону в дороге пошли слухи, что их везут в концлагерь, но точно они ничего не знали. Какие-то большие пекарни с длинными трубами, где идет опять работа — так смутно представлялась эта фабрика смерти. А впереди была Польша. Аушвиц находился недалеко от города Кракова.

На территорию Аушвица ввели строем. Первое, что бросилось в глаза, это трубы, из которых валил черный дым. Ужасный запах был на всей территории и за ее пределами. На улице лежали большие кучи трупов. Привезенных детей обрили наголо, на ноги одели колодки. На левую руку, чуть выше запястья, поставили всем номер. После этой процедуры рука болела еще дня три. Лагерный номер Анны Григорьевны был 75307.

Баракы, крыша над головой сразу, без потолка, трехэтажные цементированные нары, на них матрасы, набитые соломой и опилками. В таких условиях существовали дети-узники Аушвица. Литр так называемой баланды и хлеба триста грамм — это пищевая норма ребенка.

Работа была очень тяжелой. Но больше всего, что запало в детскую память, — это большие кучи трупов. Дети носили их до крематориев. В лагере все сильно боялись заболеть, потому что больные были обречены, их сжигали в адских печах. Если кто-нибудь заболел, то их забирали в Ривер — так называемую больницу. И оттуда уже не возвращались.

Часто были дни, когда просыпались утром, а ребенок с соседних нар был уже мертв. Анна Григорьевна тоже чуть не попала в Ривер. Она была тяжело больна, и во время построения немец отобрал и ее для уничтожения. Но помог Бог. Слухи уже ходили, что русские уже недалеко, и во время этого отбора советские самолеты появились в небе. Всполошившиеся

немцы быстро погрузили детей, больных и здоровых, в эшелон. Они опять везли их в германский город Магдебург. Работали на оборонном предприятии. Однажды какой-то немец сказал, что узники концлагерей подлежат немедленному истреблению.

На заводе среди фашистов появилась какая-то суе-та. Русские были совсем близко.

Однажды все рабочие завода устроили побег. Несколько дней скрывались в лесу, пока не пришли в город русские. Да, еще нельзя забыть про зверства, которые учиняли фашисты над детьми. У девушек вырезали внутренние половые органы, во влагилице сыпали какой-то порошок для того, чтобы не продолжалась менструация. Чрезмерными дозами брали кровь.

Яшкова Анна Григорьевна с 1927 года рождения. Невозможно передать на бумаге все те переживания, волнения, слезы, которые испытывала снова эта женщина, рассказывая мне свою историю. Многое из памяти за долгую жизнь уже стерлось, но эти ужасные годы жизни, проведенные в немецком заточении, остались незаживающим рубцом в ее памяти.

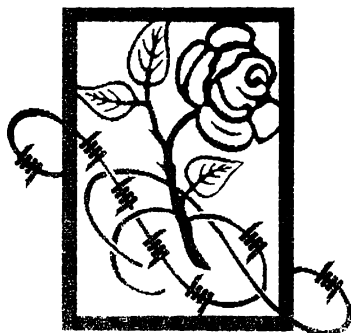
После беседы с А.Г.Яшковой случайно мне попала книга В.Кузьмина «Сроку давности не подлежит», где я встретила название «Аушвиц». Прочитав, я узнала вот что: Аушвиц — один из крупных лагерей Освенцима. Он имел свыше 620 жилых бар-ков и служебных помещений. В лагере содержались граждане разных стран: американцы, англичане, ав-стрийцы, югославы, русские, бельгийцы, французы, немцы, поляки, венгры, евреи и другие.

Лагерь был обведен глубоким рвом и оцеплен гус-той сетью колючей проволоки, через которую про-пускался ток высокого напряжения. Эта проволока расползалась на многие километры, захватывая ежед-невно все новые и новые жертвы. В 1941 г. в лагере был выстроен для сжигания трупов крематорий с тре-мя печами и так называемой «баней особого назначе-ния», а по существу газовой камерой для удушения

людей. Летом 1942 г. было построено еще три крематория. За месяц в печах сжигали 279 тысяч людей.

По мере нарастания ударов, наносимых советскими войсками по гитлеровской машине, фашисты все больше начали понимать, что их деятельность подходит к концу. И они старались любой ценой уничтожить следы своих преступлений. Уже в сентябре 1944 г. началась эвакуация Аушвица. Вначале заключенных вывозили железнодорожным транспортом в другие концлагеря. Потом тех, кого не успели эвакуировать по железной дороге, гнали пешком на запад. Несколько десятков тысяч измученных, едва державшихся на ногах людей в январе 1945 г. покинули лагерь. Это был настоящий марш смерти. Слабых, утративших способность идти с достаточной скоростью, пристреливали.

В лагере остались только больные. Все они подлежали уничтожению. В это время гитлеровцы уже жгли все. Горели огромные костры документов администрации лагеря, поджигались склады, уничтожалось лагерное оборудование и бараки. 20 января 1945 г. были взорваны железобетонные крематории № 2 и № 3. В ночь на 27 января мощный взрыв уничтожил последний крематорий. Концлагерь Аушвиц перестал существовать.

Послесловие

С первых дней выхода Положения об условиях выплаты компенсаций лицам, подвергшимся нацистским преследованиям, в августе 1994 г. наряду с областным отделением Детского фонда Калужская областная организация Красного Креста активно включилась в работу по оказанию различного рода помощи бывшим малолетним узникам концлагерей: организован прием по вопросу восстановления документов, подтверждающих нахождение в концлагерях и на принудительных работах с последующими запросами в Центр розыска и информации ЦК Российского Общества Красного Креста, Международную Службу розыска г.А-рользен (Германия), в Управление ФСБ, архивы и т. д. Уже в 1995 г. в центр розыска и информации ЦК РОКК (г.Москва) обратилось 7754 бывших малолетних узника концлагерей, многие из которых были угнаны с калужской земли. Нами оказывается помощь бывшим узникам, проживающим в ближнем зарубежье — нашим землякам.

За эти годы благодаря Красному Кресту были найдены документы, подтверждающие нахождение в концлагерях и принудительных работах, многим калужанам. Наше отделение занимается не только поисковой работой. Через службы милосердия Красного Креста в Калуге оказывается медико-социальная помощь жертвам войны.

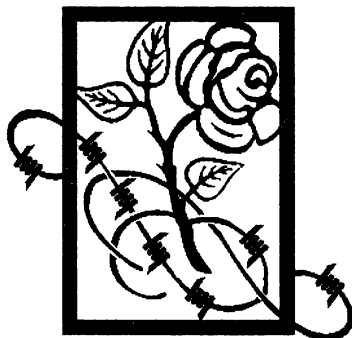
Калужский музей Красного Креста, истории благотворительности и медицины ведет активный сбор и хранение материалов, связанных с последствиями 2-й мировой войны по Калужской области. Надеемся, что наши материалы пополнят это уникальное издание воспоминаний фотоматериалами и документами.

Приветствуем создание книги об узниках концлагерей — наших земляках, как вечную память о жертвах войны.

*Председатель Калужской областной
организации Красного Креста С.А.Ожегова*

*Руководитель службы милосердия
областной организации Красного Креста,
директор Калужского музея Красного Креста,
истории благотворительности и медицины Л.И.Харченко*

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СПИСОК РАЙОНОВ, СОСТАВИВШИХ КАЛУЖСКУЮ ОБЛАСТЬ, С УКАЗАНИЕМ ВРЕМЕНИ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Бабынинский р-н Тульской обл.

8 октября 1941 г. — 19 января 1942 г.

Барятинский р-н Смоленской обл.

4 октября 1941 г. — 13 августа 1943 г.

Боровский р-н Московской обл.

14 октября 1941 г. — 12 января 1942 г.

Высокинический р-н Московской обл.

приблизительно с окт. 1941 г. — дек. 1941 г.

Детчинский р-н Тульской обл.

12 октября 1941 г. — 12 января 1942 г.

Дзержинский р-н Смоленской обл.

9 октября 1941 г. — 19 января 1942 г.

Дугненский р-н Тульской обл.

12 октября 1941 г. — 25 декабря 1941 г.

Думиничский р-н Смоленской обл.

октябрь 1941 г. — часть р-на освобождена в
апреле 1942 г., часть — в августе 1943 г.

Жиздринский р-н Орловской обл.

5 октября 1941 г. — 16 августа 1943 г.

Износковский р-н Смоленской обл.

10 октября 1941 г. — 13 января 1942 г.

Калужский р-н Тульской обл.

8 октября 1941 г. — 17 января 1942 г.

Кировский р-н Смоленской обл.

время оккупации не установлено; г. Киров был
окупирован с 4 октября 1941 г. по 20 апреля
1942 г.; ст. Фаянсовая — с 4 октября 1941 г.
по 10 сентября 1943 г.

Козельский р-н Смоленской обл.
8 октября 1941 г. — 27 декабря 1941 г.

Куйбышевский р-н Смоленской обл.
2 октября 1941 г. — 10 сентября 1943 г.

Людиновский р-н Орловской обл.
4 октября 1941 г. — 9 сентября 1943 г.

Малоярославецкий р-н Московской обл.
18 октября 1941 г. — 1 января 1942 г.

Медынский р-н Смоленской обл.
12 октября 1941 г. — 14 января 1942 г.

Мешовский р-н Смоленской обл.
3 октября 1941 г. — 7 января 1942 г.

Мосальский р-н Смоленской обл.
октябрь 1941 г. — 2/3 р-на освобождены в
январе 1942 г., 1/3 р-на — в марте 1943 г.

Перемышльский р-н Тульской обл.
3 октября 1941 г. — 28 декабря 1941 г.

Спас-Деменский р-н Смоленской обл.
4 октября 1941 г. — 13 августа 1943 г.

Сухиничский р-н Смоленской обл.
7 октября 1941 г. — 29 января 1942 г.

Тарусский р-н Тульской обл.
21 октября 1941 г. — 24 декабря 1941 г.

Угодскозаводский р-н Московской обл.
октябрь 1941 г. — январь 1942 г.

Ульяновский р-н Орловской обл.
9 октября 1941 г. — 15 января 1942 г. и
11 августа 1942 г. — 12 июля 1943 г.

Хвастовичский р-н Орловской обл.
7 октября 1941 г. — 15 августа 1943 г.

Юхновский р-н Смоленской обл.
5 октября 1941 г. — 5 марта 1942 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СПИСОК СОЖЖЕННЫХ ДЕРЕВЕНЬ*

Барятинский р-н

д. Скориново сожжена в январе 1942 г.

Думиничский р-н

д. Дебрик в декабре 1941 г.

д. Речица в январе 1942 г.

Жиздринский р-н

д. Горки в августе 1943 г.

с. Калинино в 1943 г.

п. Лукавец в 1942 г.

д. Младенск в августе 1943 г.

с. Мужитино в августе 1943 г.

Износковский р-н

д. Ореховня не позднее января 1942 г.

д. Паново не позднее января 1942 г.

д. Поляны не позднее января 1942 г.

д. Тихачево не позднее января 1942 г.

Куйбышевский р-н

с. Нижние Барсуки не позднее сентября 1943 г.

д. Новоалександровка в августе 1942 г.

Людиновский р-н

д. Крутое в 1942 г.

д. Сельцы в феврале 1942 г.

Мосальский р-н

д. Азарово в 1942 г.

д. Дубровня в марте 1942 г.

д. Круглик в 1942 г.

с. Ново-Калугово не позднее марта 1943 г.

д. Филино в марте 1942 г.

* Составлен сотрудником отдела спецфондов Госархива Калужской области Т.А.Реутовой.

Спас-Деменский р-н

д. Старые Стребки в марте 1943 г.

Ульяновский р-н

д. Дудино в августе 1942 г.

д. Поздняково в 1942 г.

Хвастовичский р-н

д. Долина 25 января 1942 г.

с. Мойлово в феврале 1942 г.

д. Рессета в январе 1942 г.

Юхновский р-н

д. Ново-Успенск в январе 1942 г.

д. Савонино в январе 1942 г.

д. Шуклеево в феврале 1942 г.

Таблица I* стр. 378

Список мирных жителей деревни Липовка, зверски уничтоженных гитлеровскими захватчиками 22 января 1942 года

Таблица 2 стр. 379

Список мирных жителей поселка Дмитровский, уничтоженных гитлеровскими захватчиками 22 января 1942 года

* Таблицы составлены в школе № 6 г. Кирова Калужской области

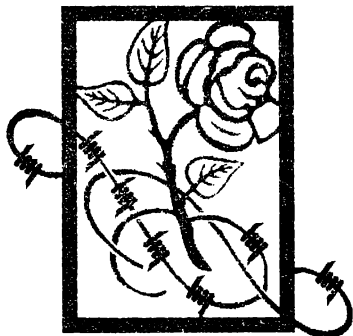
Таблица I

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Год рождения
1.	Сошнева Татьяна Кузьминична	1910
2.	Логинава Прасковья Кузьминична	1919
3.	Сошнева Мария Алексеевна	1912
4.	Митрофанов Ефим	1860
5.	Сошнев Захар Васильевич	1860
6.	Сошнев Петр Васильевич	1864
7.	Сошнева Ирина Егоровна	1896
8.	Сошнева Мария К.	1910
9.	Воронцова Мария Дмитриевна	1912
10.	Воронцов Яков Арсентьевич	1895
11.	Воронцова Вера Яковлевна	1923
12.	Воронцова Александра Яковлевна	1927
13.	Воронцова Александра	1856
14.	Бодрова Анна Егоровна	1923
15.	Стрелова Полина Петровна	1925
16.	Маричева Татьяна Ивановна	1921
17.	Федоткин Илья Михайлович	1925
18.	Фетисова Ольга	1898
19.	Теплугина Ирина Павловна	1910
20.	Федоткина Александра Николаевна	1923
21.	Федоткин Степан Николаевич	1925
22.	Скотникова Марфа Егоровна	1923
23.	Мишонков Петр Григорьевич	1926
24.	Мишонкова Александра Константиновна	1927
25.	Федоткина Анастасия	1903
26.	Якунин Тимофей Егорович	1888
27.	Якунин Алексей Акимович	1929
28.	Команина Матрена Ивановна	1914
29.	Маренская Федосья Ивановна	1891
30.	Федоткин Самсон	1861
31.	Крычева Наталья	1892
32.	Ермилова Полина	1888
33.	Ермилова Надежда Алексеевна	1932
34.	Ермилова Мария Алексеевна	1934
35.	Ермилов Петр Алексеевич	1937

Таблица 2

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Год рождения
1.	Лунева Анна Васильевна	1900
2.	Бодров Иван Сергеевич	1882
3.	Бодров Андрей Иванович	1927
4.	Попова Екатерина Андреевна	1882
5.	Рябов Дмитрий Сергеевич	1927
6.	Козакова Екатерина Дмитриевна	1894
7.	Козаков Дмитрий Карпович	1880
8.	Козакова Анастасия Дмитриевна	1914
9.	Козакова Анастасия Васильевна	1914
10.	Козакова Прасковья Дмитриевна	1940
11.	Юдина Мария Матвеевна	1927
12.	Дырова Александра Васильевна	1920
13.	Сидоров Иван Сергеевич	1930
14.	Сидорова Надежда Сергеевна	1932
15.	Панкрушов Василий Дмитриевич	1882
16.	Панкрушова Надежда Васильевна	1930
17.	Панкрушова Елизавета Васильевна	1927
18.	Данилкина Дарья Матвеевна	1879
19.	Данилкина Прасковья Захаровна	1914
20.	Данилкина Степанида Захаровна	1916
21.	Киселева Анна Васильевна	1883
22.	Брылев Сергей Иванович	1927
23.	Юдин Яков Григорьевич	1879
24.	Паршикова Анисья Егоровна	1915
25.	Якунин Василий Евдокимович	1926
26.	Якунина Анна Евдокимовна	1928
27.	Якунина Вера Евдокимовна	1930
28.	Стрелова Елизавета Борисовна	1928
29.	Стрелова Мария Николаевна	1875
30.	Антипов Григорий Семенович	1880
31.	Антипова Вера Андреевна	1878
32.	Антипова Мария Яковлевна	1926
33.	Дырова Варвара Николаевна	1862

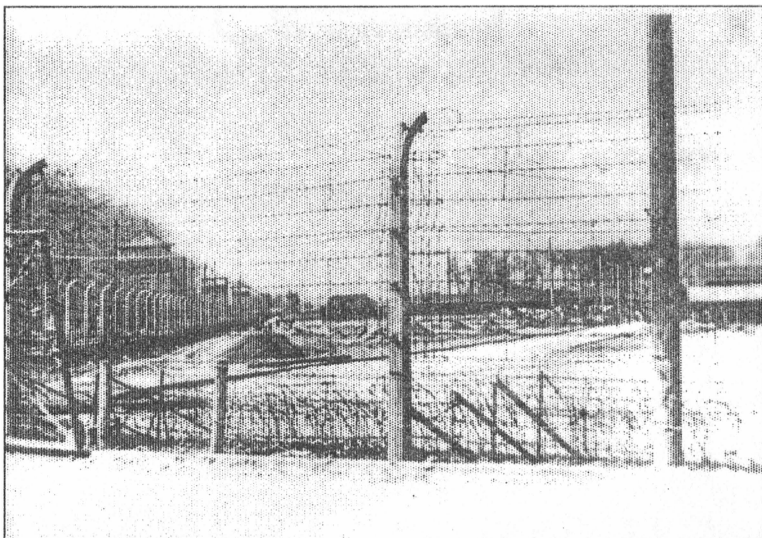
ФОТО- ДОКУМЕНТЫ

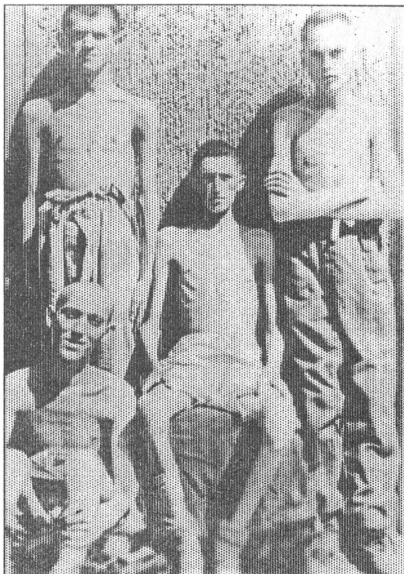

**Снимки, сделанные на территории концлагеря
Бухенвальд американским фотокорреспондентом
при освобождении лагеря в 1945 г.**

Хранились у калужанина И.Е.Харченко.

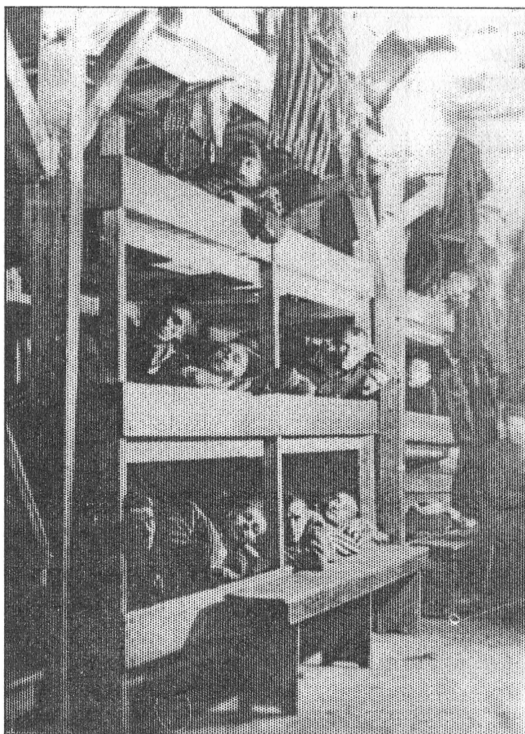

Русские узники
Бухенвальда,
освобожденные
американской
армией. 1945 г.

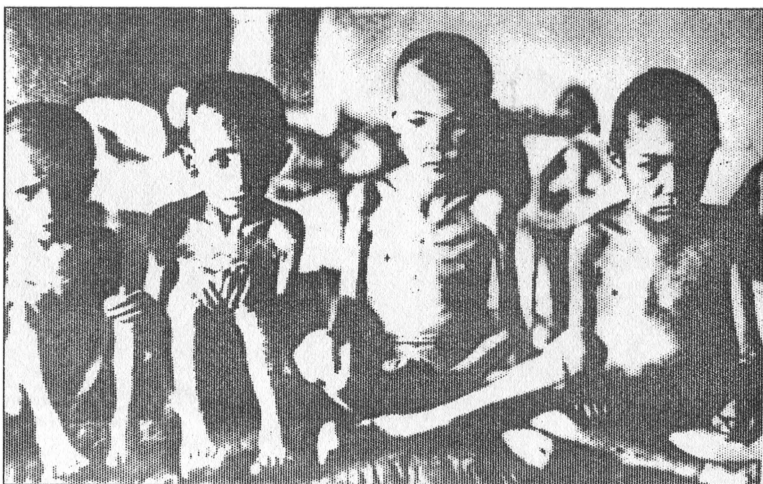
Умершие голодной смертью русские военнопленные
перед отправкой в крематорий.

Немецкие узники в «Дойч»-бараке. На верхней полке американский солдат, участвовавший в освобождении узников.

Узники концлагеря «Бухенвальд».

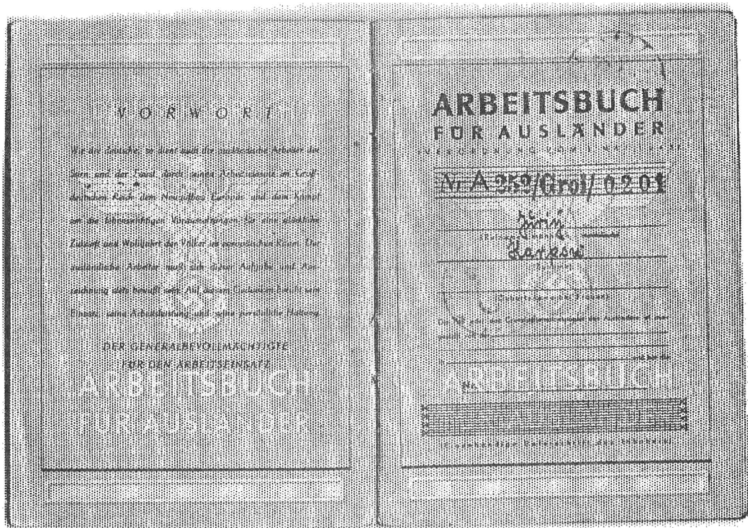

Малолетние узники на разгрузке вагонов.
На заднем плане В.А.Федоров. 1940-е г.

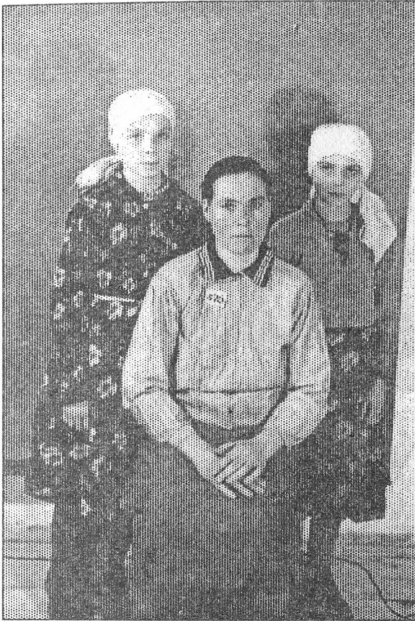

Карточка
восточного рабочего
Зенина
Ивана Петровича,
1928 г.р.
Жиздринского р-на.
10 ноября 1943 г.

Паспорт и рабочая карточка Карпова Юрия Егоровича, 5 июля 1930 г.р. Жиздринского р-на.

Семья Ероховых
с номерами
на груди.

Воскресенье 22 июля
1941 г. подвиги Вояки
Ближняя гора Жазур дна
и Куряковская Немецкая.
1943 года Зависла. Подсудимых
Зависла. Подсудимых М.и.и.
утоплены на А.К.В.А. = Петровская
рыбуха И.И. В.В.В.В.В.В.В.В.В.В.
са. Передрались к своим. На
Гли. И.И.И.И.И.И.И.И.И.И.И.И.И.
в.В.В.В.В.В.В.В.В.В.В.В.В.В.
И.И.И.И.И.И.И.И.И.И.И.И.И.
и уйти на З.С.С.С.С.С.С.С.С.С.С.
Измерение. Задралась доска
и 1947 1944 года. С.В.В.В.В.В.В.
И.И.И.И.И.И.И.И.И.И.И.И.И.

Записи
А.Г.Соколовой.
1941 г.

**Зинченко Галина Фотеевна —
узница концлагеря Аушвиц.**

**Свертилов
Вениамин
Алексеевич,
восточный
рабочий
№ 899.**

**Герасимова Стася Афанасьевна.
5 ноября 1942 г. Германия.**

**Ларичкина Е.Г. и Ларичкин Н.
в Германии со значками
восточных рабочих.**

Рабочая карточка Васенковой Аграфены Николаевны, 1919 г.р., д.Акимовка Жиздринского р-на, сын г.р. 1943. 31 января 1944 г.

A 21000

Arbeitskarte — Befreiungsschein

Gültig bis auf weiteres. Widerruf vorbehalten

Familienname: Wasienkova

Vor(Nach)-name: Irina

Geburtsname bei Frauen: Schorachowa

Geboren am: 17.6.1919 in Akimowka

~~unverh.~~ ~~verh.~~ ~~wid.~~ ~~verh.~~ ~~wid.~~ ~~wid.~~

Staatsangehörigkeit: ungehört (Ostarbeiterin)

Volksangehörigkeit: besetzte Gebiete

Herkunftsland (eingetragte Ausl.): besetzte Gebiete

Heimatort: Akimowka

Ort: Ort

Arbeitsort: Ort

Beschäftigt als: Metallhilfsarbeiterin/23A5

Arbeitskarte Nr.: A 281/6/607

Arbeitsstelle: "ROBOT" Barmine & Co
Grossschmied (R, 2, 1944)

Trag-Nr.: 6037

Issued on: 31.1.1944

Applied on: 5.2.1944

Arbeitsamt: 21722

* Diese Karte ist nur für Arbeiter im besetzten Gebiet gültig.

**Дулеев С.С. (в центре) с группой советских детей,
угнанных на принудительные работы.**

**Семья Казаковых
после возвращения
из концлагеря.
Кузнецова (Казакова)
Зинаида Павловна
справа в первом
ряду.
1946 г.**

**Люда Ермолюк (Руденкова)
с воинами-освободителями
795 артиллерийского
полка 82-й Ярцевской
дивизии. 1945 г.**

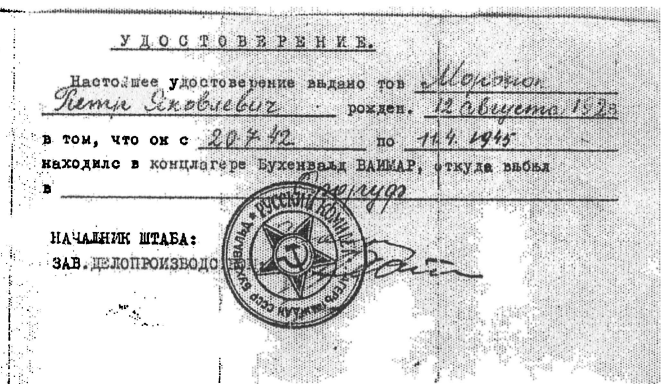
**Люда Ермолюк
(Руденкова) с подаренным
велосипедом
от артиллеристов
795 артполка
82-й Ярцевской дивизии.
1945 г.**

Встреча Л.И.Ермолук с Н.Е.Цейтлиным (освобождал Ретцовский детдом в Германии в 1945 г., розыскал четверых детей спустя 39 лет). 9 мая 1984 г. Москва.

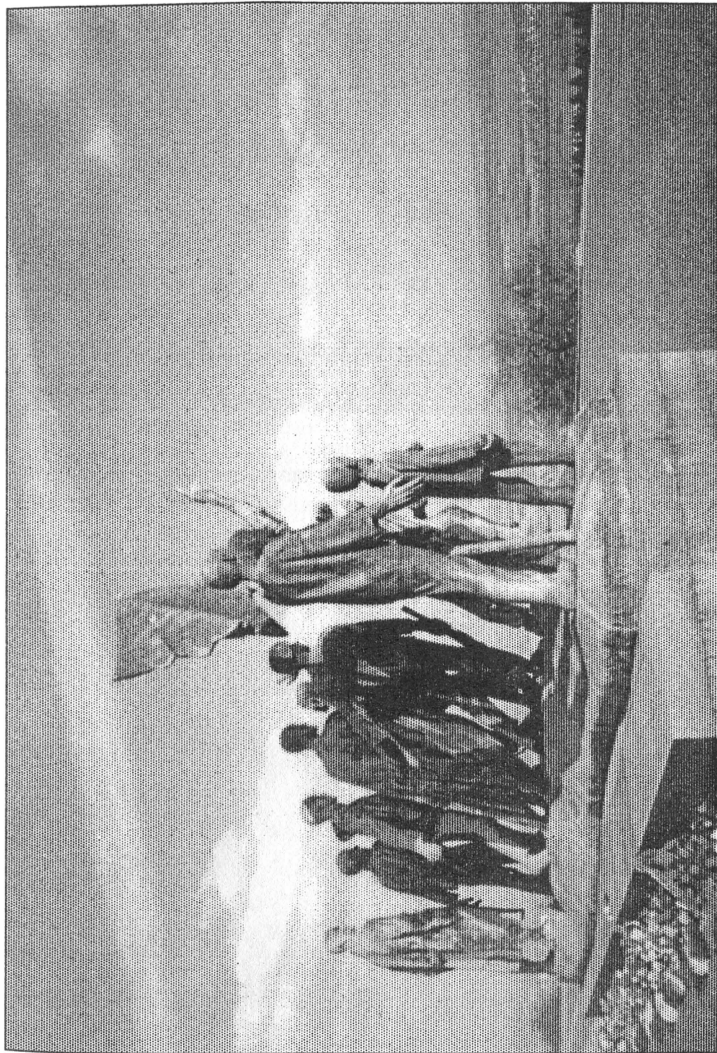
Спустя 39 лет встретились бывшие солагерники Э.Шустер, Р.Изотова и Л.Ермолук.
9 мая 1985 г. г. Москва.

Удостоверение П.Я.Морозюка, выданное Русским комитетом концлагеря Бухенвальд. 1945 г.

Доска памяти советским жертвам фашизма в лагере Бухенвальд. На снимке узник концлагеря № 8097 П.Я.Морозюк.

Памятник жертвам фашизма в Бухенвальде.

Первый Всесоюзный слет бывших малолетних узников концлагерей в Киеве, организованная Советским детским фондом 22 июня 1988 г.

Встреча бывших малолетних узников Калужского городского отделения. 1990 г. г. Калуга.

Юбилейная областная встреча в 1999 г. г. Калуга.

**Встреча бывших малолетних узников в г.Обнинске
в Международный день узника. 11 апреля 1995 г.**

**Международная встреча бывших малолетних узников
в Брянске. 1999 г.**

Закладка камня под памятник узникам фашистских концлагерей в г. Калуге. 11 апреля 2001 г.

Калужский областной Совет бывших малолетних узников фашистских концлагерей. 2003 г.

Памятник узникам фашистских концлагерей в г. Калуге.
Открыт 22 июня 2001 г.

Памятник узникам фашистских концлагерей в г. Жиздре.
Открыт в августе 2001 г.

Открытие памятника узникам фашистских концлагерей
в г. Кирове. 9 мая 2002 г.

**На открытии памятника в г. Обнинске:
мэр города И.М.Миронов, В.Ф.Дроздов, Л.И.Ермолюк,
скульптор В.М.Белов, А.Д.Рябов и др.**

**Памятник узникам фашистских концлагерей
в г. Обнинске. Открыт в 2002 г.**

**Бывшие узники фашизма у памятника.
Обнинск. 11 апреля 2003 г.**

Калужское городское отделение СБМУ. 11 апреля 2003 г.

Содержание

УЗНИЦА ОСВЕНЦИМА № 61827	
<i>Адамова Надежда Антоновна</i>	10
ВСПОМИНАЮТ СЕСТРЫ	
<i>Андрюхина Прасковья Игнатьевна</i>	
<i>Павлючкова Мария Игнатьевна</i>	15
СПАСЕННЫЕ СЕМЕРО ДЕТЕЙ	
<i>Андрюшкова Галина Яковлевна</i>	16
ПОМНИ ИМЯ СВОЕ	
<i>Аулова Анна Андреевна</i>	18
ВЫЖИЛИ, ПОДДЕРЖИВАЯ ДРУГ ДРУГА	
<i>Балабаев Иван</i>	20
ВОЙНА. КАК ЭТО СТРАШНО	
<i>Басалаева Татьяна Алексеевна</i>	23
С ПЕРВЫХ ДНЕЙ ВОЙНЫ	
<i>Безобразова Александра Павловна</i>	25
С ТОГО ДНЯ ПОЛИЛИСЬ ЛЮДСКИЕ СЛЕЗЫ	
<i>Беляев Василий Иванович</i>	30
УХОДЯ НЕМЦЫ СОЖГЛИ ВСЕ	
<i>Богомолова Зинаида Николаевна</i>	33
ЗАБРАЛИ ПОСЛЕДНЕЕ ОДЕЯЛО	
<i>Богомолова Нина Владимировна</i>	34
УДОСТОВЕРЕНИЕ Я СОХРАНИЛ	
<i>Борзенков Геннадий Афанасьевич</i>	36
ТРЕХЛЕТНИЙ УЗНИК КОНЦЛАГЕРЯ	
<i>Борисов Дмитрий Сергеевич</i>	37
ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ	
<i>Бугакова Маргарита Алексеевна</i>	42
ХОТЕЛОСЬ БЫ ЗАБЫТЬ, НО НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ	
<i>Бурлакова Нина Ивановна</i>	43
ЧТОБЫ ТАКОЕ НЕ ПОВТОРИЛОСЬ	
<i>Васенкова Мария Алексеевна</i>	48
ОМРАЧЕННОЕ ДЕТСТВО	
<i>Васёшенков Сергей Ильич</i>	49
ТРУДНАЯ СУДЬБА	
<i>Внученкова Евдокия Дмитриевна</i>	54
ТАК ЭТО БЫЛО	
<i>Гарнизова Прасковья Федоровна</i>	56
ВОСПОМИНАНИЯ О МОЛОДОСТИ	
<i>Герасимова Стася Афанасьевна</i>	58
ГОДЫ ТЯЖЕЛОЙ ДОЛИ	
<i>Герасина Анна Васильевна</i>	65
ВРЕМЯ НЕ ВЛАСТНО	
<i>Голодяевская Людмила Михайловна</i>	67

СЛЕЗЫ РАДОСТИ И ГОРЯ <i>Горбачев Иван Порфирьевич</i>	75
ЭТО ЗАБЫТЬ ТРУДНО <i>Гуркина Екатерина Егоровна</i>	80
ВПЕРЕДИ БЫЛИ ЕЩЕ БОЛЕЕ ТРУДНЫЕ ГОДЫ <i>Демьянова Валентина Яковлевна</i>	85
МЫ ВЕРНУЛИСЬ ЖИВЫМИ ДОМОЙ <i>Дулев Степан Степанович</i>	92
БУДЬ ПРОКЛЯТА ЭТА ВОЙНА! <i>Евстифеев Анатолий Георгиевич</i>	93
300 КИЛОМЕТРОВ ПРОШЛИ ПЕШКОМ <i>Егорова Анна Ивановна</i> <i>Павлючков Михаил Иванович</i>	98
ДЕВОЧКА С ТОГО ПРОСЕЛКА <i>Ермолюк Людмила Ивановна</i>	99
ОНИ ПОЯВЛЯЮТСЯ ВО СНЕ <i>Ерохин Михаил Васильевич</i>	118
ЛЮДСКИЕ СУДЬБЫ <i>Ерохин Сергей Данилович</i>	122
ДОРОГА МОЕГО ДЕТСТВА <i>Ерохина Любовь Ивановна</i>	125
НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ ИЗ УКРАДЕННОГО ДЕТСТВА <i>Желудков Дмитрий Дмитриевич</i>	131
И ЭТОТ ДЕНЬ НАСТАЛ <i>Жогличев Юрий Викторович</i>	141
ДЕТСКИЙ КРИК <i>Заверняева Ольга Борисовна</i>	142
ИХ В ЛЕСУ СЖИГАЛИ В ЯМАХ <i>Зинченко Галина Фотеевна</i>	145
ЛАГЕРЯ МОЕГО ДЕТСТВА <i>Ивлев Дмитрий Сергеевич</i>	155
МНЕ НЕ БЫЛО И ДВЕНАДЦАТИ <i>Ивченко Галина Яковлевна</i>	157
МОЙ ЛАГЕРНЫЙ НОМЕР 45411 <i>Илюхина Наталья Петровна</i>	171
МЫ НОСИЛИ ЗНАК «ОСТ» <i>Исаева Александра Карповна</i>	175
ДЕТСТВО ВОЕННЫХ И ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ <i>Ищенко Любовь Александровна</i>	176
МОЯ СУДЬБА <i>Капусткина Анна Ивановна</i>	179
ТАКОЕ У МЕНЯ БЫЛО ДЕТСТВО <i>Козлова Александра Дмитриевна</i>	181
Я СТАНОВЛЮСЬ СТАРШИМ <i>Косачев Иван Григорьевич</i>	184
О ПРОШЛОМ — РАДИ БУДУЩЕГО <i>Крылов Сергей Васильевич</i>	188
ТРУДНО ПРЕДСТАВИТЬ <i>Кузнецова Галина Ивановна</i>	192

СО СЛОВ МАМЫ	
<i>Кузнецова Зинаида Павловна</i>	194
ВЫХОДНОЙ БЫЛ ДНЕМ ЭКЗЕКУЦИИ	
<i>Кухар Петр Михайлович</i>	198
СУДЬБА ШЕСТИ	
<i>Лавринович Мария Ефимовна</i>	205
О НЕЛЕГКОЙ ЖИЗНИ В ГЕРМАНИИ	
<i>Ларичкина Екатерина Герасимовна</i>	207
ДОЧЬ РОССИИ	
<i>Лесина Наталья Матвеевна</i>	210
НАМ ВСЕМ ХОТЕЛОСЬ ВЫЖИТЬ	
<i>Локтионова Анна Константиновна</i>	215
ДОЛГАЯ ДОРОГА В РАБСТВО	
<i>Лубяченко Эльвина Ивановна</i>	216
СУДЬБА МОЕЙ ТЕТИ	
<i>Лукашкова Апполинария Ивановна</i>	225
В ПОСТОЯННОМ СТРАХЕ	
<i>Лысый Иван Степанович</i>	245
ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ	
<i>Майоров Иван Петрович</i>	247
ПУТЬ В ГЕРМАНИЮ	
<i>Мацегори Вера Архиповна</i>	249
ВЕЧНЫЙ УЗНИК	
<i>Мельников Анатолий Иванович</i>	251
И ЭТО ДЛИЛОСЬ ЦЕЛЫЙ ГОД	
<i>Мирошкина Нина Семеновна</i>	255
НАМ ЭТОГО НЕ ЗАБЫТЬ	
<i>Митрохина Мария Семеновна</i>	256
ТЯЖКИЙ ПУТЬ ИЗ ДОМА ДОМОЙ	
<i>Михайлов Евгений Николаевич</i>	258
ОСКОЛОК В ПЕЧЕНИ НОСИЛА 42 ГОДА	
<i>Морякова Нина Николаевна</i>	263
НИКТО НЕ ПЛАКАЛ	
<i>Никитичева Анна Георгиевна</i>	269
БЫЛО ЛИ У НАС ДЕТСТВО?	
<i>Николаева Вера Васильевна</i>	271
ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ	
<i>Николашина Вера Михайловна</i>	275
ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ	
<i>Никуленко Александра</i>	283
ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО	
<i>Окружной Леонид Иванович</i>	286
ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!	
<i>Павлова Клавдия Михайловна</i>	289
МНЕ БЫЛО ТОЛЬКО 10 ЛЕТ	
<i>Петрова Людмила Ивановна</i>	294
ВОЙНА — ЭТО НЕХОРОШО!	
<i>Петухов Иван Ильич</i>	297
ЧТОБЫ ЭТОГО НЕ ВИДЕЛИ	
<i>Пешаханова Лидия Александровна</i>	307

ЛАГЕРНЫЕ МЫТАРСТВА	
<i>Пигарев Николай Николаевич</i>	309
МАЛОЛЕТНИЙ МСТИТЕЛЬ ИЗ Д. КОЛОДЯССЫ	
<i>Писарев Павел Иванович</i>	312
ТЫ НЕ БУДЕШЬ ПАСТУХОМ НА РОДИНЕ	
<i>Попова Зинаида Федоровна</i>	314
КОТЛЫ БЫЛИ БОЛЬШЕ НАС	
<i>Пукина Анна Николаевна</i>	316
«СЛАДКАЯ» ЖИЗНЬ В НЕВОЛЕ	
<i>Пчелкин Александр Андреевич</i>	318
МАТЬ ЕЕ РЫЛА ОКОПЫ	
<i>Ратникова Александра Андреевна</i>	325
СТИХОТВОРЕНИЯ	
<i>Родина Ада Викторовна</i>	326
ЖУТКАЯ ЖАТВА	
<i>Руденков Станислав Иванович</i>	327
ПОМНЮ СО СЛОВ МАМЫ	
<i>Савина Анна Борисовна</i>	333
БУДЬ ПРОКЛЯТА ЭТА ВОЙНА	
<i>Сагаровский Александр Михайлович</i>	335
НАС УГОНЯЛИ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ	
<i>Самарина Валентина Дмитриевна</i>	338
РАЗЛУЧАЛИ С МАМОЙ	
<i>Сафонова Раиса Федоровна</i>	339
РУХНУЛИ МЕЧТЫ О ШКОЛЕ	
<i>Сиденкова Ольга Михайловна</i>	341
НЕ ЗАБЫТЬ МНЕ ЭТИ ГОДЫ	
<i>Сожкина Ольга Федоровна</i>	345
КЛАДКА ДРОВ, КЛАДКА ЛЮДЕЙ	
<i>Сутягин Алексей Федотович</i>	347
ПАРТИЗАНЫ ВЫВЕЛИ	
<i>Тихонов Владимир Ильич</i>	350
ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ ВОЙНЫ	
<i>Туманова Нелли Михайловна</i>	354
ВНУКАМ И ПРАВНУКАМ	
<i>Ухабова Анна Никитична</i>	
<i>Ухабов Анатолий Валентинович</i>	357
МЫ, ДЕТИ ВОЙНЫ, РАНО СТАЛИ ВЗРОСЛЫМИ	
<i>Филатова Валентина Николаевна</i>	359
ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ	
<i>Четверикова Елена Петровна</i>	363
ФАШИЗМ — ЭТО СТРАШНО	
<i>Шилова Мария Епифановна</i>	364
БУДТО ПО СВОЕЙ ВОЛЕ	
<i>Юпланова Клавдия Ивановна</i>	365
В ПЛЕНУ ВОСПОМИНАНИЙ	
<i>Яшкова Анна Григорьевна</i>	366

СЕДЫЕ ДЕТИ ВОЙНЫ

**Воспоминания узников
фашистских концлагерей**

**Составитель
Ермолюк
Людмила Ивановна**

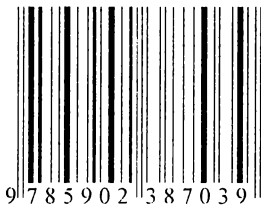
**Редактор
Н.В.Зиновкина
Компьютерная верстка
Е.И.Фридгельм
Корректор
С.М.Писаренко**

**Издательство «Фридгельм»
Калуга, т.(0842) 72-86-54
e-mail:fridgelm@mail.ru
Свид. №8258**

**Подписано к печати с готовых калек 19.05.2003 г.
Формат 84x108 1/32. Объем 12,75 п.л. Гарнитура SchoolDL.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Зак. № 116.**

**Отпечатано в типографии ГУП «Облиздат»
248640 г. Калуга, пл. Старый торг, 5**

ISBN 5-902387-03-5

9 785902 387039

